

Олеся Шалюкова

ПУСТЫНЯ СМЕРТИ

В моей жизни есть только песок. Бескрайняя пустыня Аррахата, освещённая ярко-рыжим светом Меды. В моей жизни есть змеи — ведь я змеиный проводник, один из лучших на Раяре. Я могу сотворить невозможное — добыть яйцо песчаного муравья, найти тело давно умершего человека, вмешаться в интригу императора и даже переиграть её на свой лад. Единственное, чего я не могу — это любить, потому что я человек, лишённый милости богов. И если об этом кто-то узнает, меня убьют. Или я сойду с ума, или не смогу справляться со своими эмоциями. Или не вернусь однажды из пустыни. А ещё потому, что я девушка, живущая под личиной мужчины...

Мой мир — это жара, бескрайняя жара, от которой плавится песок, а миражи — обычное дело. Объяснить закономерность их возникновения не могут ни шаманы, ни жрецы наших богов. Говорят, могли маги городов, но о них известно только то, что они когда-то были.

Те, кого продают в эти города, никогда не возвращаются в наши песчаные аулы. А у нас детей и подростков продают часто. Аул Песчаных крыс считается одним из самых крупных в пустыне Аррахат. И ещё около десятка маленьких аулов поставляют Песчаным крысам живую дань. Людей.

Самые красивые девочки воспитывались в качестве будущих наложниц: несколько лет подряд их учили танцевать, поддерживать беседу на любую тему, а ещё ублажать своего господина.

Самых выносливых и гибких мальчиков учили на охранников, разведчиков, убийц и телохранителей.

Далеко за пределами нашей пустыни, нашего Аррахата, славился аул Песчаных крыс. Никто больше не мог за несколько лет создать такое идеальное произведение военного или гаремного искусства из живого, порой совершенно безграмотного товара.

Для того чтобы в свой гарем добавить настоящую жемчужину или получить верного пса в человеческом облике, влиятельные господа ехали к нам из самых крупных городов Раяра.

Ну, если быть точнее, не совсем «к нам». Я как раз была не более чем живым товаром, за который мой родной аул получил доступ к воде на десять лет. Достойная цена за упрямого, несговорчивого и диковского ребёнка без защитников.

Отца я никогда не знала. В ауле поговаривали, что он был северянином, беглым каторжником, бывшим наложником и даже жителем какого-то города. Сказки. Какой городской житель согласится променять хрустальные купола, искрящиеся реки и прохладные дома на зной пустыни? Вот-вот, никто в здравом уме на это не согласится. А про Север вообще уже давно никто ничего не слышал.

Мало найдётся в Раяре идиотов, которые решатся на такую глупость, как пересечение скалистого кряжа — пика Гроз. Единственного места, где не было песка, забивающегося в глаза, нос и уши. Но никто даже думать не решался об этом месте, лишённом милости богов пустыни. Там не было солнца, там царили только скалы и в некоторых местах высокие деревья, смеющие своими макушками попирать тучи. Там грохотали грозы, и постоянно шли проливные дожди.

Не знаю, о чём думала моя мать, когда встретилась с отцом. Может, совсем и не думала. Но через восемь месяцев, гораздо раньше срока, на свет появилась я, змеиный выкормыш.

У меня было настолько слабое здоровье, что шаман нашего аула велел матери выпаивать меня ядом змеи, смешанным с козьим молоком. Мать была удачливой охотницей на гигантов — огромных рептилий, водившихся в нашей пустыне. Для неё не составило труда бы добыть яд. Выпаивать ядом грудного ребёнка казалось безумием всем, кто знал об этом, а мать решила послушаться совета шамана. Меня выкармливали змеиным ядом почти полтора года. И я не умерла, осталась жива, даже здоровье стало таким крепким, что потом меня не брала ни одна зараза.

Но зачем я осталась жить? Почему я не умерла? Почему?

Я до сих пор задаюсь этим вопросом, но все так же не нахожу на него ответа. Видимо боги Раяра не смотрят на меня, предпочитая своим взглядом одарять более достойных для этого людей.

Я не в обиде. Кто я и кто они? Всесильные боги и беспамятная девчонка, сирота, для всех остальных остающаяся везде и всегда «змеиным выкормышем».

В любом случае, я знаю о себе лишь то, что мне сказали добрые люди. До трёх лет я жила в семье и даже, наверное, в счастье.

Я не знаю, может быть, это и правда. Мои воспоминания из детства остались там, в прошлом, вместе с матерью. У меня нет ни запахов, ни звуков, ни образов. Ничего, что я могла бы вспомнить, утешая себя в тяжёлые времена. Мои воспоминания начинаются где-то в три с лишним годика. Не размытые, а чёткие. Врезавшиеся в память.

Тот год бы не очень удачным. Змей почти не было, бараны от аула ушли в сторону. И охотники не возвращались очень долго. Когда же они приходили домой, бледные, похожие на высушенных мумий, их лечил шаман.

Нас было только двое, некому было помочь. Из-за меня, маленького ребёнка, мать во время охоты не уходила далеко от аула. Приносила когда барашка, когда ящерицу под полметра ростом, когда пару сверкающих рыбин. Рыбалка была опасным занятием. В мутной реке, протекавшей у нашего аула, обитали не только беззащитные рыбы, но и те, кто этими рыбами питался.

Но, однажды, мать ушла на охоту и не вернулась.

Прошёл день, второй, третий. Забеспокоились в ауле, но некому было идти её искать. Да и куда? Шаман молчал.

А спустя пару недель охотники нашли огромную змею, ещё до конца кого-то не переваривавшую. Уползти от них змея не смогла. Не могла она, обожравшаяся, и атаковать. Из желудка этой твари достали мамин браслет — из белого, никому не известного металла, покрытого вязью угловатых значков.

Браслет отдали мне.

Понимая, что змея съела именно мою мать, старейшина аула вынес решение — оплату за змею делить на четверых. И на эту четвертую часть кормить меня.

Год был голодный не только в нашем ауле. А змея была большой и ценной, её хватило на год, почти полтора. За это время меня никто не обижал. Не считать же за обиду кличку «змеиный выкормыш». Но при этом меня ничему не учили. Никто не хотел брать меня в свою семью, никто не хотел мной заниматься и растить подмастерье для себя. У мастеров были свои дети, которым они собирались передавать семейное искусство, а к охотникам я не годилась по возрасту.

А один голодный год сменился вторым, не менее голодным. Шаман сказал, боги гnevаются. Нужна жертва.

Вот тогда-то меня и решили принести в жертву богам пустыни. Шаман возражал, но кто его будет слушать? Оголодавшие люди озверели, шамана не убили, но временно заперли. А я...

Жители аула всё сделали как положено. Меня натёрли маслами, разрисовали алой краской на основе крови жертвенной козы, завернули в её же шкуру и распяли на алтаре.

Три дня и три ночи я пролежала на холодном камне, разглядывая огромные звезды над головой. Незнакомые созвездия, яркие драгоценные камни на иссиня-чёрном полотне. Мне было холодно, страшно. Хотелось есть, пить. Особенно пить.

На исходе первой ночи губы начали кровоточить, и горько-солёные капли крови были единственной влагой в этом засушливом аду.

Но боги отказались принимать жертву. Не угодил им змеиный выкормыш. Жертвоприношение оказалось неудачным. И милость богов от нашего аула отвернулась окончательно.

Как бы далеко охотники не уходили, они возвращались ни с чем. Купить еду было негде, в ауле начался голод. Умирали дети и старики — хранители знаний. Жили на воде, да запасах вяленых корнеплодов, выращивавшихся для охотников.

А затем случилась настоящая трагедия — пересох колодец.

Брать воду в реке было нельзя, там она была грязной и не подходила для питья. Её даже для стирки не использовали. Нужен был другой выход.

Старейшине аула пришлось идти на поклон к главе аула Песчаных крыс. Доступ к своему колодцу крысы дали на десять лет, взяв живую дань. Аул отдал пять подростков. Четырёх мальчиков и девочку, а ещё неприкаянного ребёнка. Вот этим ребёнком и была я.

Пустынникам я приглянулась за свою внешность.

Дети аула ходили с церемониальными причёсками. А я бегала по песчаным насыпным дорожкам с распущенными волосами ниже пояса. Никто меня не выбрал, я никому не была нужна. И я — как глина в умелых руках, могла стать кем угодно. А ещё я очень сильно отличалась от других детей.

Мои все сверстники были крепко сбитые, с кожей ярко-алого цвета. Их глаза были широко поставлены, нос выделялся на лице толстой картошкой. А их брови и ресницы давно уже были опалены на торжественном огне.

Естественно я никогда не подходила к этому огню и близко. Кто бы подпустил выкормыша к камню богов? Обычные дети приходили к нему, когда входили в пору зрелости. Второй раз брови и ресницы опалялись после свадьбы.

Я была в ауле отчасти изгоем, поэтому меня никогда не брали на обряды и проведение ритуалов. Кажется, шаман меня жалел, но только его мнение ничего не меняло.

И мои яркие янтарные ресницы, и брови такого же цвета вразлёт, и волна янтарной гривы — все это показалось продавцу достойным товаром. В родном ауле от меня избавились даже с удовольствием, подумав о том, что источник проклятья переходит в другой аул.

К сожалению, это было ложное мнение. Мой родной аул перешёл дорогу крупному соседскому аулу, и его сравнивали с песком через пару месяцев после того как меня купили.

В ауле Песчаных крыс старейшина долго не думал над моей судьбой. Ему было достаточно одного взгляда на живую дань, и наша участь была решена. Девочку в домашние рабы. Двух мальчиков в убийцы, двоих — в телохранители. А я стала воспитанницей сухопарой Альзин.

Я оказалась в эпицентре торговой жизни, я стала будущим товаром.

Моя личная мучительница десять лет пыталась сделать из меня наложницу, достойную гарема влиятельного горожанина. Я не поддавалась обучению. Я не хотела становиться чьей-то постельной игрушкой и упиралась руками и ногами.

И на меня махнули рукой. Нет, меня не оставили в покое, не отправили в другое место. Меня все так же готовили к продаже. Внешний вид был дорогим товаром, даже без совокупных достоинств в виде положенного обучения.

Таких наложниц в ауле называли смертницами и продавали втридорога.

Да, я знала, что меня продадут именно в этом качестве. И ничего не могла с этим поделать. Я не думала о побеге — сбежать было невозможно. Мучительная смерть раз в цикл очередной мечтательницы была достаточным уроком для остальных.

Но даже так я не собиралась сдаваться и мириться с участью слабовольной ублажательницы. Нет уж. Я хотела подороже продать свою жизнь. И пусть потом умру, но добровольно никому не сдамся!

К тому же умершему в мучениях, как обычно умирали проданные из аула смертницы, боги Раяра даровали счастливое перерождение. В новой жизни я надеялась открыть глаза женщиной.

Меня манил бескрайний мир воинского искусства! Я мечтала о мече с той же страстью, с которой девочки-воспитанницы Альзин мечтали о хорошем господине. Именно поэтому я делала все, чтобы попасть под наказание. Провинившихся приковывали на весь день у позорного столба.

Других там нещадно пороли, а вот девочки-наложницы оставались там в духоте и жару. А ещё там же тренировались под присмотром мастеров военного дела мальчишки. И они не могли устоять. Бранные слова и насмешки дождём сыпались на девочек. Хватало одного-двух наказаний, и девочки старались изо всех сил, чтобы под них не попасть.

Мне было все равно. Я не слышала слов, да и первое время моя красота была настолько экзотичной, что мальчишки молча любовались. А потом они ко мне привыкли.

Я же, забыв обо всем, смотрела за уроками воинского искусства. Я смотрела жадно на мастеров, впитывая каждое их слово. А когда на ночь меня бросали в змеиный карцер, я учила увиденные движения до ломоты в костях, до боли в мышцах, до сорванных ногтей. До упора, пока знание не становилось моим.

Однажды, мне повезло. Я висела на позорном столбе, когда приезжий мастер принимал зачёт по воинскому мастерству у наших мальчиков. Как он их швырял! Никто, даже самый сильный из нового набора не выстоял против него даже минуты!

А я знала, что мне на это хватило бы умений! Знала, что могла бы выстоять там, против него. Я бы могла с лёгкостью увернуться. Мне даже не составило бы это особого труда. У меня было прекрасное тело. Танцы подарили мне гибкость, а ночные тренировки помогли мне развить координацию. Возможно, я заблуждалась, но выяснить это мне так и не удалось.

Оглядевшись вокруг, мастеру внезапно увидел меня. Видимо ему захотелось унижить учеников, поставить их на место, в последнее время мальчики много о себе возомнили. И приезжий мастер приказал меня расковать. Ключ от кандалов был у Альзин, и её вызвали с уроков. Наставница, в злобе подпрыгивала, махала руками и кричала, что никто, ни за что, никогда не посмеет портить шкуру её девочек.

Мастер потребовал — тогда покажи сама. И Альзин замолчала, словно её огрели по голове мешком, или она потеряла сознание.

Несколько минут наставница молчала, потом злобно взглянула на мастера. Мне даже показалось, что она сейчас ударит мужчину.

А потом Альзин кивнула.

Забыв обо всем, я смотрела на наставницу и не верила своим глазам. Она взяла ленту! Обычную ленту, с которой нас заставляли танцевать десятки, сотни раз! Легонько качнула головой, отчего бусины в ушах и на шее зазвенели, заблестели под солнцем. И вышла на площадь.

Я не сразу смогла понять, как она это делает. Потом я осознала, что происходит. Альзин

танцевала. Мастер атаковал на высокой скорости своей чудовищной оглоблей — двуручным мечом. А она не применяла никаких приёмов, но полторы минуты ускользала от атак мастера безо всякого труда.

Это было красиво и поучительно. И танцы добавились в список тех наук, которые я никогда не пропускала и почти никогда не срывала.

Нет. Не могу сказать, что я вспылала к наставнице любовью, слишком уж Альзин была неприятным человеком. Но я поняла главное — у неё можно многому научиться. И именно это я и делала. Училась. Тому, как можно двигаться, тому, как маскироваться, тому, как управлять людьми.

По идее, последнее было не совсем по её профилю деятельности, но вы попробуйте управиться с толпой девчонок, в голове которых ветер. Без практики не получится ни у кого и никак. А у неё — получалось. Возможно, не всегда самым лучшим образом, но девочки у нашей наставницы вели себя как шёлковые. А ещё у неё почти никогда не было крупных проблем. У других наставниц случались несчастные случаи, а у нас нет. Альзин нас не любила, но мы были дорогим товаром, и на свой лад о нас она заботилась.

В конечном итоге, единственным предметом, на который я забивала змеиный крюк, была наука ублажения мужчин. Не желала я этому учиться и все тут.

Заставлять меня пробовали. Но наказания не помогали. Да, раз за разом я оказывалась у позорного столба, в змеином карцере — но это было бесполезно.

Дважды меня оставляли в пустыне, но боги меня не видели, не замечали. И меня живой возвращали в лагерь наложниц. И снова пытались сломать.

Я сопротивлялась изо всех сил, демонстрировала послушное прилежание на остальных уроках, и меня ненадолго оставляли в покое, в надежде, что чуть позже я буду более мягкой, и меня удастся подчинить.

Если бы не Альзин, меня могли продать, как есть. Но она утверждала, что меня можно продать гораздо выгоднее, если дождаться, когда я войду в возраст.

Она не ошибалась. Все чаще и чаще покупатели смотрели на меня жадно. Я была для них желанна. Сальные, похотливые взгляды были клеймом, то и дело загоравшимся на моей коже. Заявки на предварительную продажу сыпались дождём, поднимая стартовую цену, вынуждая нервничать старейшину Песчаных крыс.

До возраста продажи, мне исполнялось восемнадцать лет, оставался всего месяц, когда случилось то, что навсегда перевернуло мою жизнь.

От меня снова отвернулись боги. Все началось четырнадцатого дня месяца змеиной свадьбы. Последний месяц до продажи в лагере занимались внешним видом наложниц. Вода была драгоценна. Но в ауле Песчаных крыс был свой оазис. Там, в небольшой заводи, купали наложниц.

Масла, натирания, ванны, притирки и снова масла.

И так по кругу. Раз за разом. Даже, несмотря на то, что я была смертницей, в этот косметический ад запихнули и меня.

Было жарко. Мелкие белые песчинки раздирали горло. Хотелось, как песчаным псам, вывесить язык на бок и завалиться, тяжело дыша.

Да вот только, кто бы нам позволил такое некрасивое, неаппетитное и неправильное поведение? У нас не было ни права выбор, ни права голоса. А в скором времени некоторые языки должны были отрезать. Нет, не всем. Только тем, кого купят любители тишины.

Для прочих в течение пары месяцев перед этим косметическим адом девочки учились

стонать. За первые дни, в начале уроков я нарушила, кажется, все правила Альзин. Тогда же от неё я и услышала: «Какая жалость, что ты не парень. Отдали бы тебя мастерам, там бы из тебя, если не человека сделали, так помогли бы умереть. Впрочем, не хочешь учиться, иди к Гаю. Он тебе найдёт задание, а я не буду на тебя тратить время. Уже поздно переучивать, ты неисправима».

Гай — старейшина Песчаных крыс, задание мне нашёл. Два месяца по утрам я сидела в его шатре и занималась счётным делом. Жена старейшины была на сносях и полностью занималась домом.

Два долгих замечательных месяца я общалась с цифрами. И была счастлива, если можно так охарактеризовать моё состояние.

Если бы я была чуть менее экзотична, если бы сумма моей продажи не выросла бы уже в три раза по сравнению с самой красивой из трёх остальных девочек-смертниц... Возможно, Гай взял бы меня второй женой для своего старшего сына. И я бы осталась в ауле. Но я слишком дорого стоила.

Даже как, нет, пожалуй, особенно как смертница.

Но все было мнимо. Все планы, надежды, мечты — мои и других девочек, все они были тщетны. И день продажи для нас так никогда и не наступил.

Ночь с тринадцатого на четырнадцатое месяца принесла скандал. Кто-то изуродовал продажные шаохе девушек-смертниц. Альзин подумала на меня.

Поскольку я никогда не оправдывалась, да и можно подумать, мне такую возможность кто-нибудь дал, моя вина была доказана мгновенно.

И наставница заперла меня в змеином карцере. Среди ночи, даже без подношения змею-охранителю. Бросила в сердцах, надеясь, что меня сожрут, и ушла.

Дело было привычным. И уже давно в самом тёмном углу, куда не доставал свет факелов, я сделала себе небольшое убежище. Вместо кровати пара пучков жёсткой болотной травы, какая-то дерюга, шаохе, оставшееся от прошлых смертниц. Я знала, что никто и никогда не осмелился бы потревожить меня в этом углу.

Чуть выше выходила нора гигантской змеи. Аул Песчаных крыс охранял щитомордник. Я не знаю причину, по которой в ту ночь он меня не тронул. Может быть, змей спал. А может для него я невкусно пахла. Я не знаю.

Я забилась в свой угол, накрылась тряпками и уснула.

А утро не наступило.

Все произошло гораздо страшнее, чем можно было бы предположить. Я проснулась от того, что мне трудно дышать. На груди был дискомфорт. И первая мысль, пришедшая мне в голову, ударила набатом — опоили! Продали и теперь...

Потом пришло понимание. Тяжесть на мне какая-то уж больно односторонняя. И не шевелится, и вообще холодная. Поэтому вторая мысль была куда более разумной: «Может, змея?»

Но нечто было холодным и неудобным и напомнило алтарный камень, врезавшийся мне с детства в память. Или труп. Последние редкостью для меня не были, в карцере я не раз их встречала. Поэтому хоть и пришедшая в голову мысль была кошунственной, она меня не испугала. Мёртвые куда безопаснее живых.

Я откинула в сторону дерюгу, спихнула что-то мне мешающее и поднялась из своего угла. Та картина, которую я увидела, отпечаталась в моих глазах навсегда.

Неглубокое подземелье было просто завалено телами.

Мужчины, женщины, подростки, дети...

Я узнала Гая с изуродованной левой половиной лица. Рядом с ним была его жена, в стороне их дочь. В другой стороне была убитая девочка-смертница, с которой я была хорошо знакома. Её прекрасное лицо было искажено в немом крике.

Сверху, там, где карцер открывался, тянуло дымом, доносились невнятные голоса. И услышав все это, я сделала самое умное из того, что могла сделать. Я не покинула своего спасительного прибежища.

В страшной компании мертвецов и гигантским змеем я провела весь день, а потом и наступившую ночь. Я видела щитомордника-охранителя, видела его вживую впервые в своей жизни. Огромное создание, ползущее вдоль стен и выбирающее себе еду, подавляло. Змей был страшным, но прекрасным. Чешуйки на его теле складывались в какой-то узор, голова была слегка закруглена. Серое брюшко было покрыто мелким чешуйками, а в отблесках факелов я хорошо видела коричневые бока с узорами из округлых пятен.

Змей меня не тронул, прополз мимо.

Я не сошла с места, меня трясло. Ощущение того, что это огромное величественное создание проползло мимо, выбило из колеи. Но, даже понимая, что я могу в любой момент стать добычей щитомордника, я не хотела наверх. И когда слышались человеческие голоса, я спряталась. Люди, которые видели во мне товар, которые собирались меня продать, обречь на смерть, сами после своей смерти стали моей защитой.

Вниз спустились люди в шаосе. Когда один повернулся, мне из моего тёмного угла был хорошо виден герб Песчаных волков на его спине. Герб несуществующего аула. Затаившись, как змея, я слушала шаги, вслушивалась в голоса чужаков. И боялась, что они меня найдут.

Но этого не случилось. Они обыскиали всё, что могли, кроме моего угла, где из норы показались глаза змея, и ушли. Хотя скорее, убежали, поджав хвост.

А потом сверху раздался влажный чпок, и выход на поверхность исчез.

Это не было удивительным и невероятным происшествием. Змеи-охранники иногда сходили с ума. А змеиные лекари жили далеко. И для безопасности жителей аулов во всех карцерах была встроена система, закрывающая выход наверх.

Но у меня больше не было причины туда стремиться. Мне не надо было видеть, чтобы понимать, что аула больше нет.

Возможно разбойники, возможно люди из другого аула, возжелали получить партию наложниц, телохранителей, убийц и домашних рабов бесплатно. Это не было редкостью.

Песчаные крысы тоже так зарабатывали на жизнь, нападая на чужие поселения и забирая оттуда людей. Это было знакомо, но от этого не становилось менее чудовищным.

Ясным мне было только одно, боги снова отказались взять мою жизнь.

Я не знала, почему это произошло, мне некого было об этом спросить. Но почему-то моя жизнь была угодна богам, почему-то они не хотели меня забирать. И даже оставаясь здесь, в каменном мешке, я знала, что не умру.

Из карцера был ещё один выход, более естественный, хотя, конечно, тоже рукотворный, только не человеческими руками. Это был выход, сделанный змеей. Я не знаю, решилась бы я в других условиях шагнуть в эту нору. Если бы не угроза страшной смерти от трупного яда, решилась бы я войти на территорию змеи. Я не знаю этого сейчас, я не знала этого тогда, но я шагнула в нору.

Змея появилась сразу же. Будто я по незнанию пересекла какие-то сигнальные метки. Мне было нечего ей противопоставить. Я не могла быстро бежать. В темноте это было

чревато травмами. У меня не было оружия, и если бы змей напал, я бы не смогла отбиться.

Но щитомордник не напал. Охранник карцера двигался за мной до выхода из своей норы. Он то отпускал меня подальше, то его раздвоенный язык щупал воздух у моей шеи.

Вначале было безумно страшно, а вдруг нападёт, укусит, пожрёт заживо?

Но минуты текли. Змеиная чешуя шуршала по песчинкам, усыпавшим коридор под землёй. Тихий звук сопровождал меня неотступно. Несмолкающий, он то немного затихал, то снова нарастал.

И в какой-то момент я поняла, что страх исчез.

Мне стало все равно, что со мной станет.

Всё, что я могла — это переставлять ноги.

Шажок за отца, которого я никогда не видела.

Шажок за мать, которую я уже давно не помнила.

Потом за Альзин, наставница была бы очень недовольна, что я осталась жива даже в таких условиях.

Шажок за Гая, замечательного старейшину аула. И за его жену, которая даже не успела насладиться своим материнством. За их старшего сына, из уст которого я никогда не слышала «Змеиный выкормыш».

Шажок за их чудесную младшую дочь, которая учила меня плетению из бисера.

Шажок за мастеров воинских искусств, которые, даже не зная этого, многому меня научили.

За девчонок, с которыми вместе я училась.

Я не знаю, сколько прошла, прежде чем передо мной распахнула свои объятия пустыня. Только помню коридор, серую тьму, шелест чешуи, и внезапно бескрайний простор белого кварцевого песка.

Прекрасная картина свободы, освещаемая лучами поднимающейся над Раяром Меды. Огромный круглый глаз с двумя спутниками расправлял лучи палящего зноя над Аррахатом.

В лицо мне ударила чудовищная жара. Волосы, брови, ресницы опалило, словно чужое божественное дыхание прокатилось по моему лицу. Ноги подогнулись. Я больше не могла идти. Я не могла себя заставить сделать даже шаг. Нельзя сказать, что это пришла апатия на смену страху. Совсем нет.

Меня объяла пустота. Совершенно неожиданно я оказалась совсем одна в центре чуждого и мне совсем незнакомого мира. Меня готовили к смерти, а я совершенно неожиданно осталась жива. Погибли другие. Те, кому бы ещё жить и жить.

Конечно, я совсем не считала, что их смерть на моей совести, кому нужно змеиное отродье?

Я не знала другого. Я не знала, как мне относиться к тому, что я выжила. Я не знала, что мне делать дальше. Ведь я осталась одна!

Я даже не знала, в какую сторону мне теперь идти, чтобы выйти к какому-нибудь жилью, к людям. Мне пойти налево? Направо? Прямо? Должна ли я вернуться назад к аулу и пройти куда-то оттуда? Что я должна делать? Как мне теперь жить? Попад к людям, не окажусь ли я снова живым товаром? Или бессловесной рабыней?!

В моей голове роились вопросы без ответа, причиняя мне боль.

Вокруг был жар. Накаляющаяся Меда поднималась все выше и выше и в результате загнала меня обратно в нору змеи. И там, от усталости, бессилия, обезвоживания, я потеряла сознание.

То, что случилось, я посчитала сном, бредом усталого воспалённого сознания.

Я увидела змея. Щитомордник возник надо мной, и его раздвоенный язык то и дело мелькал в воздухе над моим лицом:

— Змеиное дитя, чудесный ребёнок, только сбившийся с пути. Чего ты хочешь, дитя?

— Переродиться, — выпалила я, даже не задумавшись.

— Твой срок ещё не подошёл, дитя. Тебя ждёт долгая жизнь. И никто не сможет её у тебя отобрать.

— Почему?

— Ты змеиное дитя, — сказал змей, словно это должно было ответить на все мои вопросы. Затем качнулся на хвосте, бережно обхватил меня в свои чудовищные кольца. — Спи, дитя. Немного побудь здесь, а после я доставлю тебя туда, где ты найдёшь ответы на свои вопросы. От этого двуногого пахнет так же, как и от тебя.

— Пахнет?

— Да, нашим молоком и нашим ядом.

— Разве у змей есть молоко? — изумилась я.

Щитомордник зашипел. И в этом не единожды слышанном обыденном звуке, я неожиданно уловила насмешку.

— Тебя вскормили змеиным молоком и змеиным ядом. Когда ты первый раз поменяешь шкуру, ты узнаешь смысл этих слов.

— Эй, эй! Что значит, поменяю шкуру?! Я же не змея!

Накатившая на меня растерянность пополам с истерикой, была настолько сильной, что мои глаза распахнулись сами собой. И вот здесь меня поджидал крупный такой сюрприз. Я не спала. Совсем. А ещё я была в сознании.

Конечно, поручиться за то, что у меня нет температуры, и это не бред, я не смогла. Но факт оставался неизменным.

Чтобы я не замёрзла в ледяном ходе, меня кольцами обнимал змей. И я с ним разговаривала!

Истерику отрезало, словно её никогда и не было. Ну, змей, говорящий. Мелочь!

Проблема была в том, что по-змеиному шипела я. Я! Сама!

Как настоящая змея.

Вот теперь на меня накатило. Нет, это была не истерика, это было сродни неверию.

Рассудок цеплялся за реальность, а некий ехидный червячок самолюбия подталкивал за эту черту, нашёптывая: «Поверь, ну же! Просто ты не такая как все. Ты всегда это знала. Вот почему тебя не тронули боги пустыни, вот почему тебя не обижали змеи. Вот почему мы сможем все и даже немного больше! Перед нами будущее. И нам совсем не надо становиться чьей-то наложницей. И даже умирать не надо. И становиться охотниками. Мы можем свою жизнь построить так, как мы того пожелаем!»

И на этом самолюбие заткнулось, оставив меня растерянной, разбитой, ничего не понимающей.

Змеиный раздвоенный язык коснулся моей щеки.

«Спи, дитя», — прошипел змей. — «Набирайся сил. Человеческой еды больше не осталось, но в моей норе есть немного воды. Ночью мы тронемся в путь».

Это могла быть ловушка. Это мог быть бред моего воспалённого сознания, но я доверилась змею, закрыла глаза и ввергла себя в милость богов Раяра. Им виднее.

...А он был совершенно слепым, тот старик, что встретил меня на пороге у огромного шатра. Попробовав языком воздух, Змей обвился вокруг меня, пожелал удачи и растаял обратно в пустыне. А я осталась стоять.

Белые, пугающе пустые глаза старика смотрели на меня. На его лице не было никакого выражения. И я стояла под этим пустым взглядом, переминаясь с ноги на ногу, и не знала что сказать.

«Мир вашему аулу?»

Так вокруг никакого аула-то нет. И он точно не старейшина.

«Я заблудилась?»

«Я пришла сюда, чтобы найти ответы на вопросы?»

«Не посчитайте меня блаженной, но меня только что сюда привёз змей, но я даже не знаю зачем? Просто он сказал, что от нас пахнет одинаково?»

Пауза затягивалась.

Молчание становилось невыносимым.

И тогда я сказала то, что не собиралась никогда никому говорить.

— Помогите мне, пожалуйста, — попросила я тихо. — Мой аул уничтожили, я осталась совсем одна и не знаю, куда мне идти, и что теперь делать.

Слепой не сказал мне ни слова.

Он просто молча показал рукой на свой шатёр.

Он не сказал ни слова, пока наливал мне воды в крутой рог песчаного барана.

Он не сказал ни слова, просто молча выдал мне пару лепёшек.

Первые слова, которые я от него услышала, были слова: «Оазис там, одежду и полотенце я тебе дам. Как тебя называть?»

Ответить на этот вопрос оказалось очень сложно. Своё имя я не помнила. Наверное, когда-то мне его давали и даже называли этим именем. Но это было очень давно.

Называть саму себя вырождением не хотелось, выкормышем тоже.

А затем в памяти всплыл коридор, щитомордник и его тихое шипение. И я решилась принять то, данное мне имя.

— Змеиное дитя. Я Змеиное дитя.

— Хорошо. Я буду называть тебя Змеёнок. И ты станешь лучшим проводником по пустыням, которого когда-либо видел Раяр.

— Я девушка, — заметила я осторожно.

Губы старца раздвинулись не то в улыбке, не то в усмешке.

— Уже нет. Ты змеиное дитя, воспитанник пустыни. И только от тебя зависит, как далеко над Раяром разлетится твоя слава.

Я ему не поверила, этому слепому старцу. Да и кто бы смог?

Я ждала вопросов, думала, что на них отвечать. Но старец ни о чём меня в тот вечер не спросил.

А на следующий день началось моё обучение.

Слепой учил меня всему: как найти воду в пустыне, как предсказывать погоду и определять зыбучие пески, как укрываться от непогоды и водить караваны. Как искать песчаных баранов, как их убивать и свежевать.

Несмотря на то, что старец был слеп, он учил меня стрелять из лука, метать кинжалы и драться. Я не знала и половины тех приёмов, которые он мне показывал. И вряд ли их знали мастера из аула Песчаных крыс.

Очень быстро мои руки перестали быть нежными и ухоженными, стали обветренными и в мозолях.

На смену гибкости танцовщицы пришла воинская выправка.

И под мужским шаосе меня невозможно было отличить от парня, если, конечно, не ощупывать.

Хозяин шатра сказал называть его дед Ассан, и он постоянно обращался ко мне как к парню. И мало-помалу я привыкла говорить о себе в мужском роде.

За месяцем последовал второй, третий, сменились сезоны, прошёл один год, пошёл второй. И на исходе трёхгодичного цикла, дед Ассан представил меня своим друзьям в пустынном ауле Странников.

— Мой наследник, Зеон, — отрекомендовал он, хлопнув меня по плечу. — Прошу учесть, лучший проводник по пустыне из возможных. Даже лучше меня будет, главное дать ему набраться опыта.

— За этим дело не станет, — пообещали собравшиеся в таверне пустыnnики.

И сдержали своё слово.

Так появилась на свет легенда нашей пустыни. Так родился Зеон, Змеиное Дитя, а я, несостоявшаяся наложница-смертница, умерла.

I. Королева песчаных муравьёв

Хорошо просыпаться поутру, когда за тканевым пологом звучит хорошо знакомая песня грядущего шторма. Несмотря на то, что сегодня с утра не небе не было ни одного облачка, я знала точно — близится буря.

Я считывала это предсказание в напеве пересыпающегося песка. Как нетерпеливый человек переминается с ноги на ногу, желая отправиться в путешествие, так и здесь, песок шелестел, шумел, перекатывался гигантскими волнами, ожидая в нетерпении тот миг, когда ладони урагана подхватят его и вознесут высоко-высоко в небо. Небо к этому моменту нальётся тревожным свинцом и будет злобно огрызаться громом на никуда неспешащий ветер.

— Дед! — ещё не выползая из кровати, я взяла дивный гребень из дерева, чтобы расчесать волосы. — Буря грядёт!

— Она всегда грядёт в этот сезон, ты же знаешь.

Я звонко засмеялась. Дед бурчал. Снова я услышала шёпот предвестников быстрее, чем он. Несколько циклов назад он брал в дом мальчишку бестолкового, а, оказалось, приручил настоящего змеёнка. И ведь действительно же приручил.

Дед дал мне то ощущение семьи, которого у меня никогда не было, обучил тому, что в жизни не два цвета: чёрный и белый, а гораздо больше.

Только благодаря ему я полюбила пустыню искренне всей душой, а не так, лишь говоря вслух о своей любви. Я полюбила змей и больше не пугалась до истерики, когда они со мной заговаривали.

Дед говорил, что человек легко привыкает ко всему новому, но я не только привыкла к змеям. Я узнала их поближе и нашла к ним подход. А после этого приручила и приманила к аулу трёх разноцветных красавиц. И теперь, даже если я уходила с караваном одна, я точно знала, что дед не останется без защиты.

А с каждым разом, с каждым новым заказом дела становились тяжелее, и из дома я уходила все дальше и дальше. Не к пику Грёз, конечно, туда даже я караваны не водила, но не раз и не два вершины, окутанные тучами, появлялись по пути нашего следования, то справа, то слева, то за спиной.

И все чаще и чаще я поглядывала в сторону дальнего перевала, с интересом гадая, удастся ли мне там побывать.

— Змеёнок.

— Да?

Мой старик, пройдя в шатёр, опустился на мягкие подушки. Посмотрел в ту сторону, где сидела я сама.

— Змеёнок, откажись от работы, с которой сегодня к нам придут.

— Сегодня? — насторожилась я, — но ведь песчаный шторм скоро начнётся! Кто решится в такую погоду-погибель двинуться в путь?

— Тот, кому выбирать не приходится.

— Дед, ты точно что-то знаешь!

— Боги никогда не говорят мне про тебя, змеёнок. Но в этот раз, я сердцем чувствую, что нельзя тебе за эту работу браться.

— Но почему?!

— Послушай меня. Не нужна нам такая работа. Что бы ни предложили, какие бы горы ни посулили — не берись за заказ.

На деда я смотрела с непониманием. В груди ворочалось глухое изумление. О чём он сейчас говорит? Он мне не доверяет? Он считает, что я с чем-то не смогу справиться? Что это за работа такая, которую я брать не должна? Что это ещё за судьба, от которой и сбежать невозможно?

Ладно. Дед в своих предсказаниях не ошибается, а значит, гостя надо ждать. И мне очень интересно взглянуть, кто же именно к нам пожалует, презрев опасность песчаного шторма.

Текли минуты, словно чешуйки в часовом механизме. Осыпались с тихим шелестом на дно хрустальной чаши. По полотну шатра ударили первые песчинки, а потом бесчисленными потоками хлынули по тканевому пологу.

Дед ошибся. Впервые за те циклы, что я с ним живу и работаю проводником. Шторм шумел за стенами шатра, бушевал, пытаясь подхватить нас и унести высоко-высоко, но наш шатёр и укреплён был, и в местечке стоял особенном, и змеиной шкурой был прикрыт.

Ни к нам забраться песок не мог, ни ветер нас потревожить был не в силах.

Если бы я жила в городе, наверное, я бы дни и ночи напролёт проводила у края хрустального купола, наблюдая, как кружит за стеной песчаная круговерть, вычерчивая на мутном покрове удивительные узоры.

Более ничего интересного в городах не было. Ни изумрудных полей, ни рек, ни водопадов. От наших аулов отличались они лишь материалами постройки, да тем, что ютились рядом куда больше домов.

Если честно, города стали первым разочарованием моей новой жизни, жизни Зеона. Это был, наверное, второй наш общий с дедом заказ. Надо было встретить караван у одного из пустынных аулов Странников и сопроводить его к другому городу через пятую часть всей нашей пустыни Аррахат.

Караван был небольшим, ящеры везли грузовые сани, поэтому двигались мы медленно. Дед на практике вдабливал мне хитрости ведения грузовых караванов, что надо делать, а чего делать не стоит.

На исходе седьмого дня, когда я готова была сбежать и от деда, и из каравана тоже — впереди появился город, куда мы направлялись.

Под обжигающе рыжими лучами Меды, по серо-серебристой поверхности скользили искристые зайчики. И очарованная внешней стороной чуда, я двинулась с дедом к городу. Хрустальный купол надвигался неотвратно. Отполированный песком, он сверкал так, что вблизи на него было больно смотреть. Но чем ближе мы подходили — тем лучше были видны царапины и сколы, и лепящиеся друг к другу домишки по ту сторону преграды.

Когда мы вошли внутрь, в лицо ударила духота. От спёртого воздуха закружилась голова. В одно мгновение я осознала, что жить здесь не захочу никогда. Защита от песка была совершенно не равнозначна духоте, грязи, вони около маленьких домов и воды, продаваемой за полновесные золотые монеты. У воды был зелёный оттенок и гнилостный вкус.

Другой караван от города мы не вели. От города дед меня вёз на песочном ящере. А я мечтала или умереть, или чтобы этот кошмар, скручивающий мои внутренности и раздирающий меня на куски, закончился.

Грязные города я так и не полюбила. Они так и остались наклепленными домиками,

сборищем мерзких людей и бандитов.

Впрочем, такими были не все города Раяра. Среди хрустальных куполов были заповедные города владельцев территорий. Вот они были похожи на описанную мне в детстве «сказку». Но в такие города меня не пускал дед.

Вначале по той причине, что «Зеон» из меня был неубедительный. Потом уже, став чуть умнее, я не хотела туда сама.

Было одно-единственное исключение. Город, в который я мечтала попасть. Меня туда тянуло, влекло, словно неким зовом. Но вот возможности у меня не было.

Город Тысячи сердец, столица всего Раяра, город, в котором постоянно жил Император, не пускал под свои своды кого попало. Свободный допуск туда имели только аристократы, остальным нужен был особый пропуск, подписанный или приближенными императора, или им самим.

Но даже отдалённо я не представляла, какой подвиг надо совершить, чтобы получить этот пропуск.

От города и мыслей о подвиге размышления ушли в свободное скольжение по песку. Механически делая дырки в краевых чешуйках куска змеиного выползка — мой плащ совсем обносился, я думала о своём.

Отшумел шторм, за занавесом кряхтел дед, ругающийся, что опять надо очищать воду. За пологом успокоено дремали песчинки. И шипела на незваного гостя ночная змея-охранница. Э. Что?! Змея? Шипит на гостя?

Накинув на себя шаосе, я выскочила на улицу. Не спасать гостя и не встречать его, спасать от расправы свою змею! Нежданный и незванный гость был опасен.

Но даже, несмотря на всю спешку, я чуть не опоздала. Выскочила на улицу в тот самый момент, когда невежливый гость собирался вонзить в мою коралловую красавицу своё пугающее оружие. Коралл была моей самой первой змеей, и я не могла позволить кому-то её обижать!

Содрав хлыст, и даже не разворачивая его полностью, я сразу же атаковала. Кнутовище захлестнуло кончик трёхгранного лезвия шпаги.

«Лорд?» — озадачилась я, поняв, каким именно оружием чуть не убили мою змею, а потом рванула кнутовище на себя.

— Что ты себе позволяешь? — вопрос появившийся мужчина закончил. Только ответа на него не получил.

Пройдя мимо него широким размашистым шагом, я опустилась около своей змеи. Мне было неважно, сколько правил этикета я только что нарушила. Коралловый ха-аспид, моя Коралл, была сейчас важнее кого бы то ни было! Пробежавшись пальцами по шкуре, ощупывая гематомы, я перевела дыхание. Ничего страшного не случилось.

Сейчас моя змея полежит пару минут, придёт в себя. А завтра я её в лечебной грязи искупаю, и всё будет хорошо.

Так, а вот теперь можно заняться и гостем. Только нужно ли?

Вернув шпагу мужчине, я молча поманила его за собой. Кажется, дед говорил именно об этом человеке. И я прислушаюсь к его мудрым словам — откажусь от того дела, который принёс с собой этот франт. Этот человек мне не просто не нравится — он меня пугает.

Впрочем, ощущение того, что я могу свободно выбрать дальнейший путь — было мнимым. Я ещё не знала о том, что выбора мне не оставили. Мне об этом только предстояло узнать.

Мы зашли одновременно. По традиции, сложившейся у нас с дедом, я отошла в сторону. А деду, как хозяину дома, предстояло разговаривать с прибывшим заказчиком. Только он не сказал ни слова.

Заговорил заказчик. Тихо, но очень чётко он сказал всего одну фразу: «белая голубка просила кланяться».

Я видела деда разным, за прошедшие циклы он был и сердитым, и весёлым, и довольным, и недовольным. Но ещё ни разу не я видела, чтобы его лицо было таким испуганно-серым.

Я не могла его позвать. Я не могла спросить, что случилось, не могла как-то проявить свою встревоженность. Он запретил мне давать даже повод, чтобы кто-то подумал, какие отношения нас с ним связывают.

— Чего ты хочешь? — хрипло спросил дед.

— Я знаю, что когда начинается сезон ураганов, у песчаных муравьёв появляются детёныши. Я хочу одного.

Я ожидала, что дед скажет «нет», что это невозможно, опасно, бессмысленно!

Но дед молчал.

И тогда я поняла, что случится дальше. Он скажет, что согласен. Он скажет и пойдёт туда сам. Мой дед!

В сердце пустыни, откуда никто практически не возвращался.

Надо было быть или очень удачливым человеком, чтобы оттуда вернуться. Или полным дураком, чтобы вообще туда пойти.

Я не была удачливой, я не считала себя дурой. Но я действительно любила деда. И он был единственным, кто у меня был. Больше никого и ничего. Единственный близкий мне человек.

— Оплата тройная, — тяжело сказал Ассан, — караван рабов с вас. И я возьмусь за эту работу.

— Хорошо, вы поведё...

— Я поведу, — опередила я заказчика, глядя на него спокойно.

— Ты? — в голосе гостя зазвучала насмешка. — Ты хоть знаешь о чём речь, юный проводник?

— Зеон лучший, — на словах деда неверия в глазах заказчика только прибавилось, и тогда он добавил, — если вы хотите выжить и вернуться обратно, вам придётся довериться ему. Я слишком стар, вы опоздали со своим сообщением на пару десятков лет. И если туда вас провести я могу, то гарантировать, что вы вернётесь — уже нет.

— Зеон?

— Змеиное дитя, — пояснила я. — Этим именем меня называют чаще.

— То самое змеиное дитя? — вот теперь, пожалуй, в голосе гостя помимо льда появилось что-то сродни интересу.

Я кивнула, опасаясь даже взглянуть в сторону наставника и родича. Я нарушила его просьбу, и теперь меня пугала расплата. И теперь я могла только надеяться на то, что он не перестанет со мной разговаривать, как уже было однажды перед долгой работой. Ещё раз такого я не перенесу.

— Я вернусь через два дня, — улыбнулся гость. Приятная улыбка, на мгновение мелькнуло в моей голове, а он уже продолжал. — Я приду на рассвете со всем необходимым, и вам, змеиное дитя, лучше быть к этому моменту готовым к долгому и опасному

приключению.

Посмотрев на говорливого, умного и опасного заказчика (не к добру!) я кивнула. И гость нас покинул.

За тканевым пологом прошуршал песок, и всё стихло.

Выйдя на улицу следом, я огляделась по сторонам, но куда заказчик пропал, так и не поняла. Песок молчал, храня свои тайны. Дышать после бури было тяжело, пустыня вокруг перекатывалась волнами, барханами, но ничего мне не говорила.

А я бы не отказалась от информации, вот что все это значило.

Поясните кто-нибудь что ли? Это вот сейчас вообще кто был? И что случилось с моим дедом?

Хотя, пожалуй, второй вопрос меня интересовал гораздо больше, чем первый. Без немедленных знаний о заказчике я обойдусь, а вот дед у меня только один, и давать его в обиду всяким проходимцам я не собиралась. В конце концов, это же мой дед!

За спиной, вырывая меня из мыслей, зашуршал песок под ногами идущего человека.

— Дед?

— Дивишься, Змеёнок?

— Дивлюсь, — честно призналась я.

Старик хмыкнул.

— Это долгая история.

— Разве мы куда-нибудь спешим?

— Пожалуй, что и нет. Пойдём, Змеёнок, я расскажу тебе историю о глупом парне, влюбившемся в дочь лорда, а она ответила ему взаимностью.

«Так не бывает», — думала я, послушно двинувшись вслед за дедом в шатёр.

Ночь нашёптывала свои сказки. Тихо плели свои чары ночные Мердиа и Сорзент. Змеи кружили вокруг шатра, охраняя наш покой, а дед рассказывал то, во что мне было даже сложно поверить.

Такие сказки рассказывали друг другу девчонки в моей прошлой жизни. И я даже мысли не допускала, что с кем-то это могло случиться в реальности. Но дед рассказывал, и мне оставалось молча его слушать.

— Когда-то давно я жил в городе. Не самом большом, но и не очень маленьком. Это просто был город. Лорд города, поговаривали злые языки, свой пост получил нечестным образом. То ли заплатил, то убил кого-то — слухи разнились. Да и люди, слишком громко об этом говорящие, порой в тёмную ночь куда-то исчезали. Злословить об этом человеке боялись, а потом пришлось признать, что лорд из него получился неплохой. В городе всегда была вода, еда, можно было найти работу, чтобы получить полновесную монету.

Но пуще всех сокровищ города, лорд берег свою дочь. О ней никто ничего не знал толком. Она не появлялась на общих собраниях, не гуляла по городу, не помогала отцу. Была загадкой, не меньшей чем та, почему император ничего не предпринял, когда ему сообщили о лорде и его воцарении на посту. Я в те времена был неопытным охотником на песчаных баранов. Змеиные охотники получали больше, но пресмыкающихся убивать я не мог. Мешала собственная душа.

Примерно в тот же цикл, когда из меня начало получаться что-то толковое, я познакомился на улице с совершенно несчастной девочкой. У неё не было ничего. Она не говорила ни о своей семье, ни о друзьях, ни о том, что она делает. Она скрывала все, но была несчастна. Для меня она стала белой голубкой. Нежной, манящей, любимой.

Только через полтора месяца после знакомства, я увидел её улыбку. А чтобы услышать её смех, мне понадобилось полтора года. И, однажды, я не знаю, что случилось в её доме, но она сбежала из города. Покинула хрустальный купол, где была в безопасности. Она не добралась до меня, да и не ко мне совсем шла. Она бежала в противоположную сторону — к храму песчаной Акабры — покровительницы любви, путешествий и торговли.

Её отсутствие заметили быстро. Лорд воззвал к богине — покровительнице города и их рода. Он говорил ей о том, что я украл их дочь, насильно соблазнил её. И тогда, разгневанная богиня меня ослепила. За любовь, которой не должно было быть.

Я с трудом сдержалась от вскрика. Ослепила? Так значит, дед родился видящим, как и все?

— Моя голубка, — продолжил он тем временем. — Добралась до храма, но было уже поздно. Богиня сказала, где искать девушку, и её там ждали. Все, что на ней было в тот момент из драгоценностей — хрустальное сердце из розового алмаза, она бросила в ящик для подношений и взмолилась богине. Весь день, пока её везли домой, всю ночь, пока она ждала, когда её спешно выдадут замуж, она молилась. И Акабра откликнулась на её жаркий призыв.

Богиня не могла помочь нам быть вместе, было уже слишком поздно. Но в её силах было исправить сотворённую несправедливость паучьей богиней Лаот. Так я получил новое зрение, зрение как у истинных обитателей пустыни, змей. И так я стал проводником.

Эта фраза, которую сказал наш заказчик, была нашей тайной. Она была условным знаком, которую всегда говорил посыльный перед тем, как передать записочку с местом и временем нашей следующей встречи. Вот такая история, Змеёнок, впечатлён?

Слов у меня не было, поэтому я молча и мрачно кивнула.

Значит, мужчина, которого мы видели...

— Родственник моей голубки, — не стали мои мысли тайной для деда. — Может быть, он младший сын, может, старший внук.

— Зачем ему, лорду, нужен муравей?

— Кто знает? У богатых свои причуды. И кое-что ещё, змеёнок. Богатые лорды любят играть чужими жизнями, а ещё им по наследству очень часто достаются проклятья. Дитя, такое как ты — настоящий дар, от которого, естественно, никто не захочет отказаться. В этот раз, ты должен быть особо осторожен. Если выдашь свои особенности — тебя убьют. Если выдашь свои способности — лорд задумается о том, нельзя ли тебя использовать к своей выгоде.

— И что делать?

— Сосредоточься на том, чтобы довести туда рабов, а оттуда привести живым лорда. Остальные даже если погибнут, ничего страшного. Но ты сам должен вернуться живым и здоровым. И, естественно, вытащить живым заказчика.

Немного нервно поёжившись, я спросила:

— А такое сочетание задач вообще возможно?

— Да. И тебе предстоит выполнить из него все пункты. Договорились?

— Я попробую, — буркнула я и двинулась в свою половину шатра. Эта ночь мне была нужна, чтобы подготовиться к путешествию. Завтра буду готовиться не душой — телом. Доспехи, оружие, свитки с одноразовыми ключами — мне нужно всё для долгого и не самого простого путешествия.

Если честно, я сомневалась в том, что мне удастся вернуться живой. Я боялась, что это

задание станет первым, которое я провалю. Но пути назад уже не было. Я должна была выполнить работу. Я должна была защитить деда, пусть даже то, от чего я собралась его защищать — было его же прошлым.

Я не хотела потерять деда, и не хотела оказаться ни на плахе, ни в чужом гареме, ни в чужой свите. Поэтому я приложу все усилия, чтобы не выдать себя. И буду ещё тщательнее, чем обычно контролировать и своё поведение, и свои слова.

А завтрашний день начну все же с другого. Я прогуляюсь в аул Странников и узнаю, кто мой заказчик. Понять бы ещё, зачем ему нужен песчаный муравьишка, но это уже из области невозможного.

Главное, чтобы этот заказ был именно тем, чем казался. Просто прихотью взбесившегося аристократа. Если это только видимый слой, то мне грозит беда.

Время урагана непростое время, когда бушуют песчаные бури люди пропадают в никуда. И мне не хотелось бы стать одной из тех, кто уже попал в этот перечень.

Впрочем, есть ещё кое-что.

Заказчик.

Я все никак не могла понять, куда он пропал сразу после того, как вышел из нашего шатра — раз. И два — как он так легко справился с моей змеей?

Я, конечно, знала, что в запасе у лордов есть какие-то хитрости. Но подозревала и о том, что никто мне о них не скажет.

А ещё было что-то в моём заказчике странное. На первый взгляд он легко стреножил мою змею, и я мчалась к ней, ощущая опасность для неё. Но мужчина не ощутил моего приближения? Или позволил мне так думать? Он действительно не удержал в руках шпагу? Или позволил мне её забрать?

Да. Он двигался не как воин, в его движениях не было ни скупой экономности, ни опасной грации. Но что-то в его глазах, что-то в его поведении до сих пор не отпускало меня, заставляя мучиться сомнениями и размышлениями.

Да, у меня в этот раз был очень интересный заказчик, необычная залётная птица.

Поэтому я очень хотела знать, как далеко эта птичка свила своё гнездо, и как высоко она может взлететь...

...Дни пролетели незаметно, и уже очень скоро караван тронулся от аула Странников. Грузенные тюками грузовые ящеры, несколько повозок с рабами. Воины и мы — верхом на быстрых лёгких ящерах. Они не могли перенести песчаный шторм, не могли подменить тягловых ящеров. Зато быстро и легко бегали и могли унести воина в кожаных или змеиных доспехах.

Песок перекатывался, перешёптывался за нашей спиной, спеша оповестить хозяев территории о появлении чужаков. В другое время я приманила бы местную змею, чтобы она проводила нас по территории. Но в этот раз сделать этого я не могла.

Хотя да, хотелось. Я привыкла к тому, что могу не смотреть за свою спину, зная, что она надёжно защищена теми, кто меня не предаст. А теперь мне приходилось смотреть сразу на все четыре стороны и надеяться, что змея, уже кружащая рядом — не нападёт. Я не могла с ней договориться, чтобы не выдать себя. Но ещё больше мне не хотелось, чтобы эта красавица пострадала от рук тех воинов, что были в караване.

Конечно, ещё их военные качества я не проверяла, но... что-то не показалось мне, что заказчик взял с собой лучших из лучших.

Песок шуршал, змея тем временем то подбиралась поближе, то снова отползала, то ныряла в свою нору, то снова показывалась на поверхности.

Нападение было неизбежно, но затягивалось. Змея чего-то ждала? Или опасалась нападать по какой-то причине? Не находя ответов и вынужденная оставаться настороже, с каждым часом я нервничала все больше и больше. И должен был наступить тот момент, когда заказчик заметит мою нервозность.

Он и наступил, мужчина заметил моё состояние, но с вопросом: «Что же такое происходит?» немного опоздал.

Змея напала.

Она вырвалась из-под земли стремительным броском. Гибкое чешуйчатое тело зависло над нами вопросительным знаком. Хозяйка местного участка выбирала себе добычу. А затем жёлто-серый силуэт песчаной ха-змеи смазался, мелькнул в середине стада песчаных баранов, в воздухе прокатилось жалобное «ме-е-е-е», и всё стихло.

Тишина возникла такая, что заложило уши. Все чего-то ждали. Кто-то хруста, когда змея начнёт откусывать свою жертву. Кто-то повторного нападения, кто-то объяснения, а я — знака.

— Всё, — тронув с места своего ящера, я двинулась вперёд, прикрикнув на погонщиков. — Вперёд, вперёд же! Не медлите, если не хотите стать второй добычей местной змеи!

Караван тронулся в путь. Разноцветная лента растелилась вдоль барханов.

Ящеры змей не боялись зачастую, а вот людям было страшно.

Заказчик, лорд из Хрустального предела, догнал меня сразу после того, как я заняла своё место в начале каравана.

— Что это было? — сердито потребовал он ответа.

— Змея, — пожалала я плечами, не став добавлять сакраментальное: «А что, для кого-то это было непонятно?»

— Я сам видел, что это змея! Почему она напала?

— Потому что мы на территории её охотничьих угодий. Она поохотилась, унесла свою добычу в нору и легла спать.

— А могла не уползти?

— Если бы мы зашли на ту территорию, где располагается её нора — то да. Змея успокоилась бы лишь после того, как уничтожила весь караван.

— Весь? — не поверил мне лорд.

— Всех людей, — подтвердила я. — Ящеры остались бы дополнительным живым запасом еды, но змеи сразу бы их не тронули.

— Что за мерзкое место! — бросив на окружающее презрительный взгляд, мужчина тряхнул поводьями и вернулся на своё место в центре каравана.

Я пожалала плечами. Хороший мир вокруг. Может, и не самый безопасный, но уж точно не мерзкий. Я так, по крайней мере, считала и считать буду.

Главное, вглядываться в окружающий мир, не отворачиваться от него испуганно, и тогда он неспешно, заманчиво откроет свои красоты.

Песок вокруг постепенно менял свою окраску. А один из недавних ураганов принёс сюда песчинки с других территорий. Поэтому на фоне светло-песочного полотна были тонкие узоры из белого кварца, рыжего, ржавого, крупного и опасного песка с территории запретных земель.

Если присмотреться, можно было увидеть и полосы серого песка, принесённого с отрогов пика Гроз. С какой стороны не посмотри, а картина была чудесна.

Даже я, впервые попав на малый муравьиный путь, была им очарована. А он тут бросается словами!

Жаль нельзя ответить тем же. Мерзким мой заказчик не был.

Слабым на вид — возможно, чуть усталым, безусловно, но и красивым.

Когда я рассмотрела его при свете дня, мне стало зябко.

У лорда Хрустального предела были чуть раскосые ярко-зелёные глаза. Волосы длинные, длинные. Сплетённые вместе девятихвостые косички спускались до пояса. Темно-каштановый цвет их был завораживающим. Я даже немного позавидовала.

У лорда коса была ухоженная. Каждый волосок лежал к волосу, так аккуратно.

А у меня волосы давно стали ломкими и распушёнными. Хвост вечно был взъерошенным. Под шаосе, который я носила, этого видно не было, конечно. Но каждый раз, глядя в отражении водного зеркала оазиса, я не видела больше там наложницы-смертницы, от меня прежней ничего не осталось. И пусть я не поменяла шкуру, как говорила моя первая чудесная змея, но вошла в чужую, и она пришлась мне по нраву.

— Зеон? — мои раздумья в очередной раз прервал лорд.

Вот не сидится ему спокойно. Натура беспокойная, да деятельная. Надо же, как быстро информация нашла подтверждение.

Вообще, информации на этого мужчину мне нашли много, целый ворох. Отражены в ней были надлежащим образом и его натура, и его личные качества, в числе которых значилось умение находить неприятности на ровном месте, занудность и ему самому мешающее стремление докопаться до истоков любых вопросов.

Характер обещали неласковый, презрительный и высокомерный, ещё мужчину считали авантюристом, и почти никто не мог ответить, где он проводит больше половины своего времени.

В общем, заказчик в этот раз был у меня ещё тот.

И судя по всему, меня ждал вопрос из серии «почему».

Я не ошиблась. Лорд, тряхнув косой, взглянул на меня свысока и спросил:

— Я слышу поступь песчаного урагана. Почему мы не готовимся к его встрече? Я знаю, что если наш караван попадёт под него — никто почти не выживет.

Слышит поступь урагана? Что, правда? Нет, он прав, я тоже слышу приближение непогоды. Отдалённый шорох, перекаты гигантских песчаных волн, осыпающиеся ветряные чешуйки. Но вот среди всей информации, что мне дали, о таком умении не было ни слова.

Впрочем, вначале отвечу, потом буду думать на тему того, что всё это значит.

— Укрыться в скатках здесь невозможно. На территории муравьиного пути прятаться приходится в змеиных норах.

— В змеиных?

— Естественно, те, что брошены своими змеями.

— Значит, там никто не живёт?

— Этого я не говорила. Норы ха-змей представляют собой разветвлённые лабиринты, обязательно есть вода и широкие естественные пещеры. Поэтому брошенные норы ценят другие жители пустыни. Поэтому мы идём сейчас к норе проверенной, в которой проводники ранее уже бывали.

— Значит, мы идём в безопасное место?

— Нет. Безопасных мест на муравьином пути практически не бывает. Путь может стать относительно безопасным, если караван ведёт опытный и хороший проводник.

— Ты хороший?

— Я один из лучших, — без ложного стеснения подтвердила я. — Моё имя вам назовут в тройке лучших проводников Аррахата, а всего найдётся несколько человек, кто лучше меня.

— Я не сразу пришёл к вам, обращался к другим. Но почему-то никто не захотел вести меня к песчаным муравьям. Из-за чего, неужели это так опасно?

— Причины три. Первая — ураганы, их очень сложно пережить здесь на склонах. А находить безопасные норы искусство, в постижении которого половина возможных проводников лишилась своих жизней.

— Это так сложно? — не поверил мне лорд.

Отвечать на это я не стала, что за детский вопрос? Продолжила говорить, словно лорд меня и не перебивал.

— Вторая причина змеи. Шаманы утверждают, что змеи и муравьи живут в симбиозе. Шаманам виднее, но, несмотря на ограниченность охотничьих территорий, на этом пути змеи нападают в пять-десять раз чаще. И, наконец, главное — конечная цель этих путешествий. Муравьи. Вы знаете, как размножаются песчаные муравьи?

— Яйца.

— Почти верно. Действительно, яйца, но есть и кое-что ещё. Чтобы защитить маленьких муравьишек от перепадов тепло-холод-тепло, которые столь часты в пустыне, у яиц очень прочная скорлупа. И сами муравьишки пробить её изнутри не могут. Поэтому естественно предположить, что им помогают взрослые. Среди всех яиц они по запаху находят свою кладку, но...

Лордик, замороженный моим нехитрым рассказом, быстро-быстро закивал.

— Но к этому моменту, — продолжила я послушно, — дело доходит до того, что часть взрослых погибает. Общая свалка, разворачивающаяся за бесхозные яйца, просто чудовищна. В этот момент, если кто-то живой появится в Долине костей, от него останется только белый высохший костяк.

— Но... как же тогда мы выживем?

— Секрет. Считайте это частью моей работы, который выдать я не могу. И, в общем-то, этого знать вам не надо. Это знание вам не пригодится в любом случае. Подумайте только вот о чем, лорд. Вы можете не вернуться живым. В любой момент времени все может пойти не так как планировалось. И никто не сможет вам помочь. Ваше дело стоит такого риска?

— Да.

И немного подумав, мужчина добавил:

— Хан.

Изумлённо взглянув из-под капюшона на лорда, я не поверила себе и своим ушам.

Это он сейчас что, имя своё мне назвал?

Оригинальный подход. Вот только ответной любезности он от меня не дожждётся.

Кивнув, я огляделась по сторонам.

— Мы почти приехали, лорд. Вернитесь под охрану воинов, пожалуйста. Сейчас мы будем спускаться в нору, и будет лучше, если вы будете в окружении тех, кто умеет держать оружие за правильный конец.

— Разве ты не умеешь?

— Умею, лорд. Но моего тела для вашего окружения не хватит.

Хан кивнул и придержал своего ящера, а затем и вернулся обратно.

Я же спешила и сосредоточилась на норе, которая вильнула в сторону от основного хода и теперь была у нас под ногами.

Брошена она была сравнительно недавно. А ту, в которую мы с самого начала направлялись, и где был постоянный удобный сход, кто-то успел поселиться. Кто-то, с кем знакомить мне воинов и лорда — не хотелось.

Вопрос был в том, кто же выгнал змею из норы? Почему она решилась сбежать? От другой змеи? Но я не ощущала никого из змеиной породы рядом. Люди? Но что они здесь забыли, на территории Песчаных Голландцев?

Ответов, естественно, я найти в окружающем меня песке не могла, а тот шумел все требовательнее, все жёстче, оповещая о том, что вот-вот обрушится буря. Выбирать не приходилось.

Для начала, мне нужно было обрушить верх свода норы.

Не самая простая задача, да и если честно могла быть отчасти опасной.

Не для меня — опасной для окружающих.

Для того чтобы выполнить любую задачу, которая была не под силу человеку — использовались ключи шаманов. Это были свитки на бумаге или на коже, составленные с учётом всех требований божественной службы и наполненные как раз-таки их силой. С помощью этих ключей можно было создать из ничего гору, превратить гору в яму, вызвать колодец или дождь, превратить человека в кого-то другого или убить его. Вариантов было много, разница была в силе свитков. Сколько вложено — столько и можно использовать.

Шаманы с недостаточной силой или верой в богов — могли вызывать только маленькие чудеса. Шаманы мощные умели создавать свитки, которые могли уничтожить и города, если на то были желания богов.

Естественно, в такие заказы, как этот — с песчаным муравьём, я всегда с собой брала ключи. На такой случай я их всегда таскала с большим запасом, как тот самый, вышеупомянутый муравей. Те тоже вечно на себе таскают полезный груз, общим весом выше, чем их собственный. Я, конечно, не муравей, тяжести тем более не таскаю. Но с собой у меня было всегда все, что я могла вообразить в качестве экстренной необходимости.

Четыре ключа пробоя я установила по углам того прямоугольника, которому предстояло обрушиться. Следом ещё четыре ключа, они закроют проявившийся провал после того, как мы спустимся вниз.

Это все произойдёт очень быстро. До начала урагана мы успеем не только спуститься вниз, но ещё и разместиться там на привал с удобствами.

Ветер пел песни и утихать не планировал, только крепчал. Песчинки шептались о долгом полете, а значит, буря обещала затянуться. Нам же предстояло из-за этого некоторое время идти по норе, пока она будет расположена в нужном нам направлении.

Если повезёт, мы не потеряем драгоценное время и эту часть пути пройдем почти с комфортом. Если не повезёт, столкнёмся с теми, кто выгнал змею из нор. Насколько я могла распознать, нора разветвлялась, и в разные стороны расходились узкие и широкие ходы.

Если нам очень не повезёт, а я обязана была допустить и такой вариант развития событий, часть пути нам придётся провести в объятиях ветра, двигаясь к цели путешествия в ритме урагана. Не самое спокойное занятие, особенно если учесть, что после этого выживет, хорошо, если четверть исходного состава каравана.

Песок, замкнутый ключами, опал вниз, образовав удобную для спуска гору.

— Ходу, — прикрикнула я отрывисто.

Когда внизу скрылся последний песчаный барашек из взятого с собой стада, последовала в нору уже я сама. За спиной сработали новые ключи, закрывая ход тонкой пеленой. Пока я спускалась, воины успели зажечь факелы и теперь тревожно оглядывались по сторонам.

— Здесь пока никого нет, можете отдохнуть, — мой голос раскатился эхом, прокатился под низко нависшими сводами, заставив воинов перепугано подпрыгнуть. Ой, нервные какие. А если бы это была не я, они что, вообще в обморок бы упали? Кажется, воины в охране лорда исключительные, в том смысле, что исключают любую возможность военного решения возникающих проблем. Неумехи, одним словом.

Вынеся мысленный приговор, я перестала рассчитывать в своих планах на воинов мгновенно. Эти ребята безнадёжны.

Хан, подойдя ближе, окликнул меня:

— Зеон?

Изобразив вежливый кивок, я повернулась к заказчику, молча на него глядя.

— Что-то не так? — осведомился он.

— Отчасти, — пришлось мне согласиться. — Ваши воины неумехи, но хотя бы не калеки. Эти ребята дрожат от каждого шороха. Они бесполезны. Зачем вы с собой их взяли? Лучше было бы нанять смертников, которые помогли бы выжить вам даже ценой собственных жизней.

— Выжить? И твои слова «пока никого нет». Зеон, здесь есть кто-то?

— В этом ходе, где мы сейчас стоим, никого нет. Но наверху начнётся вот-вот ураган, вы правильно его услышали. Дальше мы пойдём по этой норе.

— Это необходимость?

— Да. Если ждать, когда ураган закончится, мы потеряем необходимое время. Муравьи нас ждать не будут. К тому же в сезон ураганов затишье между ними длится порой всего несколько часов. Этого мало.

— Хорошо, я спрошу по-другому. В тех ходах, куда мы пойдём, может быть кто-то, о ком нам стоит знать?

— Если вы хотите знать все досконально, обратитесь к шаману, лорд. Я проводник, но не более того.

Хан кивнул и огляделся по сторонам. Пользуясь тем, что в шаосе не видно ни выражения лица, ни гримасы губ, я воззрилась на Хана. Как вот такой мальчишка, по ощущениям совсем молоденький, может быть лордом? Ему ещё же расти и расти!

Засунув руки в петельки на поясе для метательных ножей, я вздохнула. Ножи лучше держать поближе. А ещё лучше будет немного прогуляться, что-то мне не по себе.

Мои тихие шаги не отражались от стен.

Тоннель шёл направо, заканчивался тупиком.

Ещё один тоннель шёл налево и, судя по всему, — тоже заканчивался тупиком.

Что-то тут не так. Сразу два хода рядом и оба тупиковых? И змея ушла.

Мне это не нравится!

Тихо звякнуло что-то под ногой, когда я подцепила носком ботинка что-то железное, следом раздался противный хруст.

Присев на корточки я зажгла длинную бездымную огненную палочку. Она горела всего

полминуты, но за это время можно было много чего успеть увидеть.

Например, человеческую кость, хрустнувшую только что под моей ногой.

Кость? Вот ещё одна и ещё. И целый труп. Ой, только не!

Палочка хрустнула, когда я сжала её слишком сильно и погасла, разломленная в моих пальцах пополам.

Большого везения просто представить себе было невозможно!

Гора, которую у змеи отобрали любители пожить за чужой счёт.

Пираты, разбойники, охотники за беглыми рабами, не брезгающие случайным убийством или воровством. Всем им могли понадобиться безопасные могильники, поэтому вариантов могло быть много. Но ни один из них не был для каравана безопасным.

Одна я легко бы ушла от кого угодно, но если на хвосте останется такой караул, ничего хорошего не получится.

Повезти мне не могло, не с моей удачей, не с умением лорда влипать в неприятности. Труп в стороне был совсем свежий, да и змея покинула эти места совсем недавно.

Заказ паршивый, заказ оказался не просто паршивым, а даже чересчур!

Под ногами что-то хрустнуло, потом ещё раз и ещё.

Отвести что ли душу, да выругаться со всей экспрессией, на которую я способна. Слишком много костей.

Меня, судя по всему, занесло действительно в могильник. Только не новый — старый. Это нора однажды уже принадлежала людям, а потом приглянулась змее. Теперь люди вернули её обратно, и сделали это совсем недавно.

В любом случае, это даже хуже того, что я могла предположить! Времени на привал нет. Надо уходить, уходить отсюда как можно быстрее!

По тоннелю в обратную сторону я не шла, я мчалась семимильными шагами.

Людей нужно убирать отсюда, в узкой норе разминуться с бандитами мы не сможем. По крайней мере, не с этими воинами, не отягощённые рабами и стадом песчаных баранов.

Шаосе никогда не было хорошим костюмом для прогулки, особенно такой стремительной. Оно позволяло прихватить с собой инструменты и оружие, свитки, скрыться в песках, но не быстро бегать.

А я же, чем ближе приближалась к той норе, где остался на привале караван, тем отчётливее понимала, что уже поздно. Что изменить уже ничего нельзя, и единственное что мне остаётся — это спасти непосредственного заказчика.

Вынырнув слева от лорда, я метнулась к нему, чуть толкнула в тень и сноровисто зажала рот. Нельзя привлекать внимание. Я просто тёмная тень, никто пока не поймёт, что я рядом с ним, а мне нужно всего несколько слов сказать ему до того, как все начнётся. Проверить, знает ли он или... нет. И видеть его глаза, глаза не лгут.

— Мне платили, чтобы живым остались вы, лорд. Остальные послужат отвлекающим фактором, но не для песчаных муравьёв. Считайте, что эти ребята станут залогом вашей долгой и счастливой жизни. Нет, вы не понимаете, о чём я говорю? Мне почему-то так и показалось. Но в совпадения я не верю, особенно такие своевременные. Единственная причина, по которой эти ребята могли здесь оказаться так быстро, быстрее нас — они здесь были, ждали здесь вас. И знали обо всем с самого начала! Одним словом, песчаные муравьи в этом цикле откладываются. Унести бы живыми ноги сейчас от разбойников.

Понимания в глазах лорда не прибавилось, и я тяжело вздохнула. Нет, он, правда, лорд? Тот самый мрачный тип, которого мне так ярко живописали оба продавца информации?!

— Они шли именно за вами, лорд. Кто-то очень хочет, чтобы вы не вернулись домой.

Под моей рукой мужчина дёрнулся и поморщился. Ничего удивительного, перчатка у меня из змеиной чешуи, жёсткая. Он невольно причинил себе боль, а ещё он действительно не понимает, что происходит.

Ничего, раз мои слова до него не дошли, о том, чтобы он точно понял — позаботятся другие. Но ради разнообразия в этот раз мы побудем безмолвными, бездеятельными свидетелями происходящего.

Толкнув лордика ещё ближе к стене, я подхватила с пола две свои перемётные сумки, вытащила из верхнего кармана ключ слияния. И прижавшись спиной к лорду, активировала его, разорвав свиток.

Древнее шаманство, ушедшее из нашего мира почти полностью, сохранилось лишь вот в таких крупницах. Сейчас, чтобы создать один свиток, нужно было молить богов о помощи, а потом отмаливать грех шаманства. Естественно, только шаманы могли безнаказанно создавать такие свитки. А ещё несчастные, от кого отказались боги.

Я, соответственно, могла заниматься ключами-свитками безо всяких проблем и последствий. Поэтому у меня всегда было с собой очень много разных ключей. И я не боялась, что лишусь их однажды.

Свитки никто не мог отобрать, не боясь кары богов. В этом отношении быть отвергнутой ими очень даже выгодно, для таких как я, проводников.

Не знаю, какая здесь связь, приводит отверженность к змеиным проводникам, или змеиные проводники рано или поздно становятся отверженными, но только среди тех, кого я знала лично, было шестеро отверженных. И среди них ни одной девушки. Будучи лишёнными милости богов, мы не могли иметь детей.

И рано или поздно, чаще рано, женщины сходили с ума или заканчивали жизнь самоубийством.

Впрочем, это и была главная причина, по которой дед выдал меня за мальчика, любой, кто убивал женщину, лишённую милости богов — сам получал эту милость в двойном размере.

Не знаю уж, чем мы настолько не угодили богам, но это было фактом.

Детей не трогали, а девушку могли вначале сделать насильно женщиной, а потом убить. Такая как я была особым призом.

Дед не объяснял для кого и почему, он просто предупредил, что день, когда я обнажу своё лицо и тело, станет последним днём моей свободной жизни. А день, когда кто-то узнает, что я лишена милости богов — последним днём моей жизни вообще. С самого начала моей жизни с ним, я не видела причин деду не верить. Хотя до сих пор не могла осознать причин этих слов.

Маскировалась я с помощью всё тех же свитков. В своё тело раз в годину я вживляла свиток. И кто бы на меня ни посмотрел (и ни пощупал, кстати, тоже), он был бы уверен в моей принадлежности к мужскому полу.

Именно поэтому я не боялась, что лордик меня раскроет.

Возможно, как раз самому лорду религия, мировоззрения, традиции и правый смысл что-то особенное на этот счёт указывали, но мне было все равно. И для блага этого парня я надеялась, что ему тоже. В противном случае меня это не касалось.

Спрятались мы очень вовремя. Сразу со всех сторон, даже сверху, обрушилась волна разбойников. И только взглянув на их спины, на эмблему на шаосе, я могла понять, что у

воинов лорда не будет ни одного шанса.

Летучие Голландцы. Хозяева территории и вместе с тем редкостные мрази, которые на этом свете остаются только по недомыслию богов. О них все знают. Но если эти ребята на работе, то выживают лишь чертовски везучие единицы.

Я бы не сказала, что мы везучие... Но пока у нас есть ещё есть шанс.

Свет погас, а когда факелы снова вспыхнули, в воздухе запахло молоком. Так, кажется, мне пора пересматривать собственные мысли. Эти парни очень нуждаются в моём заказе. Сколько же они свистков использовали? Ну-ка, ну-ка, посчитаем. Так, раз, два... девять? Правда, что ли? Девять свитков обнаружения, за каждый из которых можно купить пару верховых ящеров или шкуру гигантской змеи?!

Даже и не знаю, что вероятнее: работают они за очень большие деньги или потому, что другого варианта не осталось?

Хотелось бы верить, что правильный ответ первый, но с тем учётом, как все плохо, подозреваю в правильности именно второй.

Лордик за моей спиной пугливо сжался. Ага, значит, этот парень знает, как выглядит внешнее проявление ключей обнаружения, точнее как они пахнут.

А, кстати, вот ещё одна странность. Я точно знаю, что выглядит он на двадцать-семь тридцать годин. Информаторы же говорили, что десять циклов, полное совершеннолетие лордов, он давно отметил. Но вот странность, у меня было ощущение, что этот «лорд», не разменял и пяти циклов.

Хотя как такое возможно? Может ли быть ребёнок в пустыне?

Руки лордика сжались на моём поясе. Слабая вибрация, которую я ощущала, могла быть только дрожью. Тому, кто стоял за моей спиной, было страшно. Тому, кто приходил ночью к нам во время урагана, не хотелось попадаться на узкой дорожке, хоть он и изображал из себя слабака. Этого хотелось обнять, погладить по макушке и сказать: «не бойся, ребёнок, все будет хорошо».

Ой, не к добру это всё, не к добру! Так, а вот с разбойников лучше взгляда не сводить. По идее найти эти деятели меня и лордика не смогут. Чтобы перебить мои свитки нужно быть или отверженным, как я, от кого боги отказались несколько раз, или быть очень хорошим шаманом. Последнего такого убили в ауле Песчаных крыс, это я знаю точно. Поэтому искать нас разбойники могли хоть до посинения.

— Куда они делись?

— Может, с наложницей уединился?

— Ну, тебя, какой аристократ будет резвиться с наложницей, когда вокруг такое происходит.

— Но куда-то же он делся?!

Бандиты переглянулись:

— Может, в могильник зашёл?

— Я туда за ним не полезу. Сам там сдохнет.

— Нам велели привезти его труп.

— В любом случае, я в могильник не полезу. Посидим у входа. Пить, есть там нечего, а ему это надо. Сам, как миленький, вылезет, если туда по недомыслию забрался.

— Думаешь? Нам голову хозяин снимет, если мы труп не притащим.

— Будем надеяться, что нам повезёт. Что будем делать с живыми?

— Вернём хозяину, пусть сам решает. Это не наше дело.

Шаги прогремели по тоннелю. Не поворачиваясь, я нашла ладонку лордика, мельком удивилась тому, что она стала какой-то слишком уж маленькой и потащила его за собой.

Вдоль стены. Мимо выставленного дозора — прямиком в могильник. Если эти бандиты боятся туда сунуться, мы там будем в полной безопасности. Ладонка в моей руке именно что ладонка. И в груди не просто тесно — больно, как бывает больно, когда слишком уж перестараться с бинтами для перетяжки.

Очень уж это напоминает...

Чтоб у этих змей хвост узлом завязался! Они же активировали свиток снятых чар! И я теперь щеголяю своей женской формой. А за моей спиной пытит... мальчишка. И будет гораздо лучше, если я не стану сейчас задумываться о том, откуда он здесь взялся и что делает. Сейчас надо добраться до безопасного места и рассмотреть своего неожиданного подменыша.

Под ногами хрустели кости, на которые мы то и дело наступали. Мальчишка негромко скулил, но не кричал и не плакал. И даже нервная дрожь, его колотившая, была вполне понятна. Ребёнку было страшно.

Да даже мне было очень не по себе, когда поднимая ногу, я не знала, во что упрусь, когда снова её поставлю. Варианты были очень разнообразны, и от пары даже меня передёргивало всем телом.

Пока нам везло, мы шли по костям, но если попадутся свежие трупы... Об этом даже думать не хочется.

Да, я была пару раз в могильниках, да что там говорить, я сама однажды чуть не оказалась погребённой в подобном могильнике. Правильно? О, да.

А что там у нас было самым страшным? Правильно, змея, которая оставшись в запечатанной норе, начала, скорее всего, питаться мертвечиной. Чем это грозит для живых? Не понимаю. По идее ничем. Змеи не питаются живыми людьми. Как выразилась моя змея, однажды, живые люди — ядовитые. Количество разнообразной дряни, что мы едим, приводит к тому, что есть нас можно только после того, как мы хотя бы пару лет вылежимся в прохладном месте. Ага, как в могильнике, точно.

Кстати, мне показалось или нет?

— Ты в порядке? — повернулась я, когда за спиной раздался ещё один сдавленный всхлип. Вначале в темноте раздалось сопение, потом мальчика признался:

— Я ногу подвернул. Попал между чьих-то челюстей и подвернул.

— Идти сможешь?

— Немного могу.

— Ладно, потерпи. Как только найдём ровное место, я тебя осмотрю.

— Хорошо... Зеон.

Вопрос в обращении я проигнорировала. Пока не до этого. Надо идти дальше. Ещё дальше.

Под ногами стали реже появляться кости, все чаще и чаще вокруг слышался шелест песка в сонных тоннелях.

Словно дыхание гигантского организма.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Мне нужно было подходящее место, чтобы взглянуть, что с ногой мальчишки, немного привести в порядок себя и хотя бы ослабить бинты. А уже затем посмотреть, где можно

безопасно подняться наверх.

А ведь ещё мне нужно будет найти транспорт, чтобы мы могли вернуться домой. Пешком в сезон ураганов мы не уйдём дальше пары километров!

Из-за спины донеслось приглушенное бурчание чьего-то желудка и следом смущённо-испуганное «ой!» Ага, а ещё надо будет поесть самой и покормить мелкого, за жизнь которого я, судя по всему, в ответе.

Снова вдох, выдох прокатились по тоннелю, и все застыло.

Стоит поспешить. Сейчас на поверхности очень редкий момент, когда все застыло. Это не ураган, это его предвестник.

Тихая музыка песка затихла окончательно, словно убаюканная неслышной колыбелью. Но пройдёт час, второй, и по песку безумным шквалом ударит ураган.

Это время, когда даже самый отчаянный пустынный не выйдет на поверхность. И время, когда мы сможем сбежать. Главное найти безопасный способ пробраться на поверхность и не встретиться с тем, что перепугало Летучих.

А может быть и наоборот — встретиться.

Для начала надо осмотреться вокруг, а потом принимать решения. И надо всё-таки устроить мальчишку. Тем более что под ногами уже минут пять-десять ничего не хрустело. Так что можно смело занимать ближайшую ровную поверхность, главное только не тоннельную. Нам нужно или ответвление с тупиком или пещера. Первый вариант лучше, но в любом случае нужно не пропустить подходящее место. А ещё — не уснуть на ходу.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась я через плечо.

— Али.

— Это короткое имя?

— Да.

Короткое имя из трёх букв, первая гласная. Мальчишка из лордов. Это только им дают шаманы имена-перевёртыши.

— А ты, — продолжил тем временем мальчишка, — я знаю, Зеон.

— К нам приходил твой наставник?

— Нет, мой брат. Старший.

Ха, я бы удивилась, если бы тот опасный парень был братом младшим.

— Ладно, Али. Что ты делаешь здесь? И твой брат знает?

— Он одобрил.

Молчание перед словами я оценила, не хотел подводить близкого человека.

Но братец хорош... Отправил мальчишку на верную смерть. О чём только думал? И... не он ли заказчик смерти Али? Уж очень хорошо все складывается.

Кто-то следовал за нами по следам, причём не приближался так близко, чтобы песок сообщил мне о преследователях. Хотя, более возможный вариант другой. Преследователь «просто» двигался в том же направлении, что и мы. Проводники не слышат тех, кто следует параллельным курсом, не задумывая ничего плохого.

А песок, как известно, плохо считывает нейтральные мысли.

Свитки, которые применили Голландцы, дорогое удовольствие. И труп, который обязательно надо вернуть... Ладно, пока мало информации, поэтому будет лучше, если я продолжу выяснять её.

— Кому из вас двоих нужен был песчаный муравей?

— Мне, — признался Али.

— Похвастаться?

— Нет. Её зовут Тачи.

— Тачи? — изумлённо переспросила я. Подождите-ка, «её»? В имени девочки «чи»? —

Она дочь шамана?

— Да. Она... в общем... боги от неё отвели взгляд, всего на миг, но... — мальчишка замялся, не в силах подобрать слова.

А я уже догадалась, о чём идёт речь.

— Прокляли? — подсказала я нужные слова.

Али за моей спиной всхлипнул. Ого, это я попала в точку. И кому же девочка так не угодила?

Проклятье — это редкий случай, когда кто-то использует один из свитков, довольно бытовых, с недобрыми намерениями. Например, когда дед объяснял мне в теории технику проклятий, он рассказывал о том, что редкое заклинание льда можно обратить против человека. Кровь начинает замерзать. Небольшие, образовавшиеся в ней хрусталики, по венам доплывали до сердца человека и убивали его. Простейший свиток чистоты, обращённый против человека, лишал его всех кожных покровов, волос, бровей и так далее.

— И? — спросила я ровно.

— Шаман сказал, что сможет снять проклятье, но для этого тот, кто её любит, должен принести яйцо муравья с конца Аррахата — самой жестокой пустыни Раяра.

— А ты значит любишь?

— Люблю, — раздался неожиданно громкий и уверенный ответ. — Люблю её одну. И она — моя невеста!

Все тепло фразы испортило злое шипение, донёсшееся сбоку. Метнувшись вперёд, я сбила мальчишку на пол за мгновение до того, как на нас напала змея.

На голову посыпались камни и земляные крошки.

Больно щёлкнуло в плече, но на ногах я была уже спустя мгновение. Подхватив с земли мальчишку, забросила его к себе на плечо.

— Только не дёргайся, — велела я ему за мгновение до того, как прыгнуть с места. За спиной в стену врезалась змея, а я уже бежала, надеясь на везение. Да не на своё, везение мальчишки. Раз уж все так складывается, должно же оно перевесить мои проблемы... А может и не должно.

Только я об этом задумалась слишком поздно, потому что под ногами неожиданно не нашлось земли, и мы оба рухнули куда-то вниз. И все что я успела сделать, это перехватить мальчишку на руки, и повернуться так, чтобы при падении Али не разбился.

Падение на спину вышло неожиданно мягким.

Ха-змея зашуршала где-то позади по склону, но всё же я успела раньше.

Мы приземлились не просто мягко, а ещё и исключительно удачно. Под нами были змеиные выползки. Старые, в основном, но они были именно тем, что надо. Чуть раскопав всю грудку шкур, я нырнула вниз, почти к земле, утягивая мальчишку за собой. И не успел он ничего сбросить, зажала Али рот.

— Тихо, слышишь меня? Здесь она нас не тронет, но все же води себя очень тихо. Не шуми. Не дёргайся. Не кричи.

Али понятливо кивнул.

Хороший мальчик, очень хороший.

Приподнявшись на коленях, я натянула ближайший выползок, скрывая нас с головой.

Вот теперь, можно и лечь рядом с Али. Я бы его обняла и прижала к себе, но нельзя себя выдавать. От этого зависит моя жизнь, а мне она ещё, как ни странно, дорога.

Ладно. Дальше...

Надо понять, что делать с этим мальчишкой вообще. Исходные данные у меня были. Я уже поняла, не надо было быть аристократом — он не отступится. Первая любовь, приключения, доверие брата — он не отступится.

Да, я отлично знала, куда надо идти, чтобы взять яйцо песчаного муравья.

Но первоначальный план не годился.

У нас больше не было вкусного живого мяса для песчаных муравьёв. И не было воинов, которые должны были отвлекать от нас всех муравьиных мам.

Надо было придумать что-то ещё. Нет, конечно, я отдавала себе отчёт в том, что лучше бы мне было даже не задуматься о подобном. Можно сказать мальчишке, найти слова, уговорить его. В конце концов, в мире полно других девочек, и он обязательно найдёт кого-то ещё.

Но ещё я понимала, каково сейчас той девочке, дочери шамана, и что именно она ощущает.

В отличие от неё, я проклятой не было, от меня отвернулись боги. Это было хуже и страшнее. Это было куда болезненнее, тяжелее, безнадежнее, наконец. И если меня не смог бы понять ни один из проклятых, я понимала все, что они ощущали, очень хорошо. Слишком хорошо. Поэтому мне и стало жалко девочку.

Эта моя не ко времени просыпающаяся жалость могла наделать бед, но я никогда не препятствовала тем побуждениям, которые у меня возникали в душе. Если я чувствую, что этой девочке надо помочь, значит, я это сделаю.

Возможно, потом я об этом пожалею. Такое уже бывало.

Но ведь я могу с тем же самым успехом ни о чём не пожалеть.

Надо сделать первый шаг, а дальше как обычно положиться на собственную интуицию. Слушая мир, я могла добиться большего, чем если проводила бы все дни и ночи в гнетущих мыслях и попытках найти лучше решение.

В мои размышления ворвался тихий звук — негромкое с присвистом сопение. Кажется, мальчишка, утомлённый всем, что случилось, уснул. А раз так, пришло время для того, что не должно быть увидено другими.

Если змея, что нас преследовала, сохранила разум, то я договорюсь с ней, чтобы под прикрытием урагана она доставила нас в сердце Долины костей.

А если договориться с ней не получится, я её убью.

Потерявшие разум змеи не были угодны змеиным богам. Так что не благое дело, но все же действие без наказания, и я собиралась это сделать. А там, там видно будет. Не первый и далеко не самый последний раз я оказывалась в условиях, когда другие бы просто отдались на волю богов, потеряв себя. Я этого сделать не могла.

Итак. Откинув кусок шкуры, я вытащила два кинжала. Острые клинки-когти заняли свои места в ножнах на запястье.

Вот теперь следовало найти змею до того, как она найдёт меня. Смертельные прятки в тёмной пещере начались. И победит пусть если не сильнейший, то тот, кому суждено. А остальное видно будет.

Ну, не видно. В этой темноте даже змея вряд ли что-то увидит. Так что она будет двигаться по запаху.

А по запаху я тоже могу! Главное только сосредоточиться. А ещё чтобы мальчишка не вовремя не выскочил из-под шкур, и тогда все будет хорошо, по крайней мере, должно таковым быть!

Превратившись в застывшую фигуру, я слушала тоннель всем своим телом. Колебания земли, дрожь воздуха, шорох песчинок, перезвон окаменелых чешуек в стороне от меня. Тихий шелест, колышущихся на сквозняке выползков, два голоса, раздражённо теребящие одну змею, раздирающие её на куски.

Один голос утверждал, что меня надо убить за нарушение территории. Второй говорил, что змеиное дитя неприкосновенно.

Ого! Давненько я не слышала такого раздора в головах у змей. Явное последствие применения свитка подчинения. После его использования змея убивала всех, кто не выполнял какое-то охранное действие. В ауле Песчаных крыс, где я родилась, надо было взять с собой подношение. В ауле Скалистых медведей, где вместе с дедом я вразумляла сошедшую с ума змею в первый раз, с собой надо было иметь маленькую куколку из пакли.

Впрочем, потом о таком я уже не думала.

Выезды на воадекватление змей стали обыденностью, а потом у нас появились и свои змеи, и это стало даже рутиной, на которую я почти не тратила сил.

У меня было время на то, чтобы заранее подготовиться и все просчитать. Под рукой имелись необходимые инструменты, свитки, а ещё люди и живое мясо. Поэтому я обездвигивала змею, люди её переворачивали, я возвращала ей разум, кормила, выхаживала змейку и составляла с ней договор на охрану без свитка подчинения.

А вот теперь у меня ничего этого не было.

Чтобы вернуть змее разум — из неё надо было вытащить свиток. С тем учётом, что вокруг было темно, как у той самой змеи в желудке, меня ждало незабываемое времяпрепровождение. Главное, чтобы срок «не забывать» был как можно дольше. Как-то не хочется мне умирать в этом грязном тоннеле. Я уж лучше как-нибудь потом, в более располагающем к этому месте. А значит, долой мысли, пора заняться работой.

От первого удара змеи я могла бы даже не уворачиваться.

Голова прошла слишком высоко надо мной, заполнив тоннель и низкий зал, где мы были, раздражённым низким шипением.

Свиток требовал от змеи подчиниться. Та часть инстинктов, с помощью которой змеи определяли своих, требовала меня не трогать.

Узнать бы, кстати, чьим именно молоком и ядом меня вскормили.

В последнее время я начала подозревать, что змея, от которой моя мать взяла яд и молоко, была ой какой непростой.

Второй удар охранницы могильника был удачнее. Её голова ударила совсем над моим плечом. Дрогнула стена, в которую врезался живой таран, мне за шиворот посыпались мелкие камешки и песок. Но, к сожалению, выдержали столкновение обе: и стена, и змея. А мне позарез змею надо было или утихомирить, или усыпить. Вот только как бы это ещё сделать...

Третий удар был очень опасен. Если бы змея меня достала, то осталось бы разве что влажное пятно на стене. И на этом бы все закончилось, и моя история, и путешествия лорда Али.

Но песчинки заранее шепнули, подсказали мне о том, как и куда змея ударит. И естественно, в момент удара меня там уже не было.

Впрочем, идей как справиться со змеёй тоже не наблюдалось. Да, у меня были с собой шаманские ключи. В том числе был и ключ сна. Им, по идее, можно было усыпить любую змею. А эту — нет.

Свиток подчинения, запечатанный в теле, давал своему носителю своеобразную защиту. Использование любого другого ключа на таком носителе было абсолютно бесполезно.

Идея с оглушением змеи, путём приманивая её к стене, куда она могла врезаться, уже продемонстрировала свою несостоятельность.

Вариант третий, оглушить змею, уронив потолок, была выполнимой. Но, во-первых, это было равносильно вывешиванию штандарта «я здесь». Во-вторых, это было опасно для меня самой и Али. И, наконец, это тоже не гарантировало успеха.

Вот ненавижу такие ситуации!

Замерев у стены, я с тяжёлым вздохом остановилась там же, где и была, села на грязный пол тоннеля. Змея, потеряв меня из виду, шипела, пробуя воздух на вкус. Пару раз на меня что-то падало, змея путешествовала в поисках меня по второму ярусу.

Ну-ну, пускай поищет, все равно там меня нет. Меня. Там. Ага. Зато я здесь!

Перекатившись, я подскочила на ноги и метнулась к противоположной стене. Почуввав врага, змея бросится со второго яруса вниз. И вполне возможно, что этого расстояния и инерции, набранной ей в движении, мне хватит, чтобы змея, поприветствовав головой стену, успокоилась. Главное добежать до стены первой, второго шанса у меня не будет.

Бежать изо всех сил, быстрее, быстрее, ещё быстрее!

И даже не допускать мысли о том, что змея окажется у стены гораздо раньше. В конце концов, я бегаю быстро!

Но... недостаточно.

Я успела повернуться, и удар мощного хвоста пришёлся на подставленные скрещённые руки.

Тихо вскрикнув, я осознала, что лечу в пустоту. А потом наступила тишина, и на моё уставшее сознание пала блаженная темнота...

* * *

Яркий драгоценный камень отражал лучи Меды, разбрасывая в разные стороны разноцветные световые мозаики.

— Исключительный эффект, — мужчина, сидящий в глубоком кресле у камина, покрутил камень в пальцах. — И? Где вы его нашли?

— В вещах наложницы вашего брата.

— Какой оригинальный способ убить мальчишку. Он до наложниц ещё не дорос-то. Для чего они ему? Сказки рассказывать?

— Ну, не знаю, насчёт сказок, но камень был у наложницы.

— Шаман что сказал?

— Что если бы камень дошёл по назначению, мальчишку не смогли спасти бы даже боги.

— Даже боги... — повторил хозяин комнаты задумчиво, — и кому он настолько поперёк горла встал...

— Не могу знать.

— А разве я тебе плачу не за то, чтобы ты знал?

— Не в таких играх, лорд. Тут я даже узнать ничего не смогу, не подвергнув мальчика опасности.

— Увы, увy. Это верно. А если двигаться окольным путём, то, возможно, что и вовремя даже не удастся успеть. Ладно. Камень останется у меня. Пожалуй, я даже знаю, кто именно найдёт его у себя в кровати за мгновение до активации. С остальным я разберусь сам. Иди.

— Слушаюсь, лорд.

Резкий поклон, и гость в светлом шаосе скрылся в коридоре. Звякнули алебарды, когда стражники его выпустили из комнаты, и вскоре шаги стихли.

И только после этого качнулись длинные нити из наборных деревянных бусин, и в комнате появилась девушка.

Длинные золотые волосы, заплетённые в косы, падали ниже пояса. Светло-серебряные глаза, подчёркнутые краской, завораживали своим дивным цветом и выражением шаловливого лукавства. У неё был тонкий стан и длинные совершенные ноги.

— Как ты прекрасна, — улыбнулся мужчина, разглядывая своё чудесное приобретение. Несколько лет назад эта рабыня-северянка стоила безумных денег, но и тогда, и сейчас она была достойна этой оплаты.

Она не потеряла ни своей привлекательности, ни своих умений, благодаря которым постель господина она грела гораздо чаще остальных наложниц.

— Хозяин...

— Снова неудача, — покрутил мужчина меж пальцев камень.

— Хозяин.

— Я тебе не виню, малышка. Но ты выбрала не самого удачного носителя для камня.

— Простите меня, я виновата. А сам мальчик?

— Пока ещё жив. И временно вне зоны досягаемости. Но очень скоро нам вернут его труп. Не забудь, малышка, ты должна будешь очень натурально плакать, когда принесут его хладное тело.

— Да, мой хозяин.

— А теперь иди. Мне надо побыть одному.

Проводив послушную наложницу рассеянным взглядом, мужчина повернулся к окну, покачал между пальцев камень. Действительно, снова неудача.

Смерть обходит этого пацана, как заговорённого. Неужели мальчишку настолько любят боги? В этом случае будут проблемы. Начиная от просто досадных и заканчивая смертельными. Главный вопрос, для кого именно смертельными.

Если для людей нужных, то и это не плохо, а вот если кому-то не повезёт серьёзнее, то уже далеко не все хорошо.

Впрочем, ещё есть надежда. За головой мальчишки отправлены лучшие из лучших. Вернут труп, и все будет как в сказке.

Для других, возможно, жестокой, а для него идеальной, такой, как надо.

Главное, чтобы мальчишка был настолько любезен, что сдох!

* * *

Ой, ой, моя голова! Вот где справедливость? Приземлилась я на спину, а звон — в

голове.

Судя по тому, что я ещё могу пошевелить всеми своими конечностями, меня либо не съели, либо просто ещё не переварили. Ладно, ладно. У гигантских змей желудочный сок очень ядовитый. А шаосе ещё на мне.

Значит, съесть меня змея не успела.

Почему? Вопрос вторичен. Вначале надо побыстрее сообразить, где сейчас змея находится, а уже потом заморачиваться пустопорожними вопросами причинности и следствия. Не сожрала, и на том спасибо.

Да, змеинный постовой! Что ж так голова болит?

Протянув руку, я коснулась затылка и зашипела, нащупав под массой волос огромную шишку. А на стенке, как раз, куда я долбанулась, череп чужого трупа. Вот угораздило влипнуть. Сейчас бы понять, все совсем плохо или удастся обойтись мягкими мерами?

Стоило мне тронуться с места, как на поясе тут же сжались огромные белые костяные кисти.

Если бы я была чуть послабее в плане нервов, то от моего визга с потолка посыпался бы песок. А так, ну конечности, ну, шевелятся, пусть даже давно мёртвого типа. Не страшно. Мёртвые они гораздо безопаснее, чем живые. Но зато как же я вляпалась!

Труп, который висел в норе змеи, мог быть только её якорем. В том смысле, что это была жертва, убитая определённым образом и не дающая змее выползти за пределы установленной территории.

Итак. Если я влетела в тот самый труп, то всё плохо.

Не со стороны змеи. Она теперь меня не тронет вообще. Проблема в другом, если я разожму кисти скелета, я сама стану для змеи якорем. И она не сможет от меня уползти дальше, чем на пару сотен змеиных шагов. А это значит в зверинце нашем опять прибавление. Дед будет недоволен, он считает, что такое количество змей на маленькой территории привлекает к нам внимание.

Ну, в текущей ситуации есть и свои плюсы. Например, под моими ладонями сломался палец на правой руке, у меня теперь есть транспорт, на котором мы доберёмся до Долины костей.

И более того, не просто доберёмся, но и будем в полной безопасности.

А мне, разом хрустнули все кости на левой костяной руке, не придётся светить свои возможности. Все валить можно смело на неудачу и незнание последствий такой неудачи. Али будет в безопасности, все складывается просто замечательно.

Осталось только одно.

Повернувшись, я ощупала пальцами крюк, забитый в стену норы. Если его не выдернуть, то от норы дальше, чем на пять-десять змеиных шагов я не уйду. Крюк сидел неплотно, видимо сэкономили на металле для него.

Интересно мне знать, сколько человек останется в живых, благодаря тому, что я у Летучих сейчас угоню их змею?

А впрочем, нет, это мне совершенно неинтересно.

Может быть, я даже им немного сочувствую, но не настолько, чтобы менять свои планы. Скорее, им придётся прийти в аул Странников за заказом на поимку змеи. И кто знает, не продам ли я им их змею обратно втридорога? А что! За моральный и телесный вред. А ещё за магический вред и срыв контракта. Пожалуй, можно будет смело драть с них четыре шкуры.

Летучие не обеднеют, а нам с дедом золото лишним не будет.

Повиснув на крюке всем телом, я подтянулась на руках и опустила, дёрнув штырь своим телом. И ещё раз, второй, третий. Крюк трянуло, качнуло. И за мгновение до падения я оттолкнулась ногами от стены и оказалась на полу.

Железка загремела по песку, перекатываясь в серой плотной массе.

Отлично, теперь на свободе мы обе. И я, и привязанная ко мне змея.

Соответственно, бывшая хозяйка этого места мне больше не опасна, а у нас есть транспорт и надёжная охрана в одной змеиной морде.

Теперь надо разбудить Али, перекусить самой и накормить его. Обработать шишку и убираться отсюда. Хорошо хоть шаосе, покрытое змеиной чешуёй, совершенно не пострадало. Бинты я сейчас развяжу. Шаосе широкое, видно не будет. А обниматься с мальчишкой я не собираюсь.

Запрокинув голову, я прислушалась. Ураган креп. Даже со змеёй идти в его центр нельзя. Придётся провести ещё несколько часов здесь. Ну, что ж, наберёмся сил. С учётом того, что впереди нас ждёт, это лишним не будет.

Проблема в том, что раз отменился военный путь, придётся идти путём хитрости или прямого договора. А значит — надо идти к королеве песчаных муравьёв. Только она могла дать Али яйцо песчаного муравья. Конечно, ещё оставался вопрос с оплатой. Но предсказать, что именно потребует королева в следующий раз, не могли ни шаманы, ни странники, о ней знающие.

Оставалось уповать на мальчишку и его удачу. Раз уж он попал ко мне, раз он остался жив, значит с его удачей все в порядке. И кто знает, может часть его удачи перепадёт и на общее дело? Могу я хотя бы понадеяться на такой исход?

Откинув в сторону кусок шкуры, я улыбнулась. И спит как ангелочек. Ну и пускай пока спит. У меня есть чем заняться, и начну я с костра. Или со змеи. И спать тоже хочется... А что может быть лучше, чем тёплая живая подушка?

...Я совершенно напрасно не подумала о том, что случится, когда Али проснётся и увидит в неверном свете костра меня, обкрученную кольцами змеи.

Мальчишка действительно был потрясающе славным. Он выхватил из костра длинную горящую палку и бросился с невнятным криком на змею.

Моя подушка подняла голову, толкнула мальчишку на землю и лизнула.

Глаза Али стали огромными, испуганными, но он не закричал. Хотя даже взрослые мужики не всегда могли удержаться от мата в таких случаях. Отпихнув голову ластящейся змеи в сторону, я вынырнула из её колец, присела на корточки и звонко щёлкнула пальцами перед вытянувшимся лицом мальчишки.

— В порядке, лордик?

— Ты...

— Живее всех живых.

— Я в порядке... — прошептал Али, отвечая теперь уже на заданный мной вопрос.

— Молодец, — ободряла я, протянув руку и помогая ему подняться. — Иди к костру. Сейчас поедим и двинемся.

— Обратно к городу? — спросил мальчишку грустно.

— А ты хочешь рискнуть ради той девочки своей собственной жизнью?

— Я её люблю. Очень-очень. Так что да, готов. На все готов.

— Тогда мы пойдём дальше в Долину костей. Только вдвоём. Есть ещё один способ, с помощью которого можно получить яйцо песчаного муравья. Он опаснее, гораздо опаснее,

чем первый. Не только для меня, но и для тебя тоже.

— Я готов ко всему, — твёрдо сказал мальчишка.

Нет, я говорила, что он очаровательный ребёнок?

— Али.

— Да.

— Ты до самого конца должен был прийти в своём обличье взрослого человека?

— Да. Хан сказал, что так будет безопаснее.

— Отчасти, — согласилась я. — Но есть свои проблемы. Кого именно хотели убить?

Твоего брата? Ведь со стороны казалось, что именно он в составе каравана. Или хотели убить тебя? И отдал приказ кто-то, кто знал, что под маской лорда Хана именно ты.

Али ненадолго задумался.

— Это может быть и то, и то. Хана давно убить хотят. Уже столько попыток было, что мы со счета сбились. Но, он удачливый очень, а ещё сильный. Ни у кого не получилось пока даже проникнуть в его спальню, чтобы убить его дома. А вне дома он всегда под защитой. Меня же... Только Хан знал, что я под его обликом еду. Но брат не поднял бы на меня руку. Нам нечего делить.

Нечего делить, значит? Ладно. Это радует. Политические игры лордов — это арена для битвы воинов гораздо более высокого уровня, нежели я сама. И даже случайно я не хотела бы в них вляпаться. Слишком уж непредсказуемые они в плане дальнейшей жизни.

— Али. Где ты живёшь? — спросила я негромко.

— С Ханом, в Хрустальном пределе.

— А родители?

— Отца убили несколько лет назад, во время одного из заговоров. Мама не пережила моего рождения.

— Кто тебе воспитывал?

— Шаман. Тот самый... папа Тачи. Он меня воспитал, всегда был на моей стороне. Учил, заботился. Он читал мне сказки, следил за тем, чтобы у меня было все, что нужно.

Какая трогательная история! И нет, действительно трогательная. Если не считать, что все запущено. Значит, шаман, заменивший отца, и девочка, в которую Али влюблён или даже любит.

— Интересно, каким ты станешь, когда вырастешь? — невольно озвучила я часть своих мыслей.

— Шаман говорит, что я буду замечательным лордом, — гордо сказала Али.

И я невольно рассмеялась. Очаровательный мальчишка. Жалко будет, когда его испортит власть, а по-другому не бывает. Власть, которой облечены лорды, всегда делает из них подлецов и златолюбцев.

— Ладно. На змее ездил? — спросила я через полчаса, когда мы поели, и мальчишка перестал вздрагивать при каждом взгляде на змею.

— Нет. Хан просил меня держаться от них подальше.

— Почему?

— Змеиное дитя... Есть пророчество о том, что змеиное дитя однажды появится на моём пути и спасёт меня или убьёт меня. А откуда ещё могут появиться дети, кроме как у змей? Поэтому я к ним и не приближался. Зеон...

— Да? — отреагировав на тревогу в голосе мальчишки и подняв глаза к потолку, я оценила огромную и уродливую трещину. Потолок вот-вот рухнет. Видимо, столкновения

змеи со стенами что-то повредили в системе переходов. А может быть, нас хотели очень сильно поймать или похоронить. Или выдернутый крюк, а значит сорванный якорь — привёл к началу обрушению норы. Пока непонятно.

— Ладно. Али, учиться будешь на ходу. Как нога?

— Прошла, совсем! — радостно откликнулся Али.

Какой же искренний и замечательный мальчишка. Теперь понятно, почему до семилетнего цикла их не выпускают из городов. Он же живой! Интересно, что делают родители, чтобы из таких замечательных деток получались мрачные типы, как тот же Хан, перепугавший и чуть не убивший мою змею?

Хотя нет, я буду целее, если никогда этого не узнаю.

— Зеон?

— Давай руку, и постарайся не отставать, — велела я.

Мальчишка доверчиво послушался.

На змее мы были уже спустя несколько секунд.

Устроившись между пластин наспинного гребня, я положила руки на шею змее.

— Али, держись за мой пояс. Очень крепко. И чтобы не случилось, пока я не разрешу, не открывай глаза. Ясно?

Мальчишка кивнул, потом догадался сказать вслух.

— Да, я понял.

— Значит, закрывай глаза.

Не дожидаясь, пока мальчишка упрётся лбом в мою спину, хлопнула змею по шее, передавая той команду. И разворачивая свои кольца, наш транспорт отправилась наверх, все быстрее и быстрее. Пока стенки тоннелей не стали сплошными чёрными линиями, скользящими по краю периферийного зрения.

Музыка песка стала громче. Песок шептал о бушующем урагане, о завораживающем сиянии в небе, о беззвучных раскатах длинных ветвистых молний на краю горизонта. Он пел о тьме, в которой не получалось угадать даже, где небо, где земля — всё смешалось воедино.

И песчинки то падали в небо, то воспаряли к земле, то терялись в окружающем их хороводе.

Змея стремилась туда, где был свет, еда и небо над головой.

Долой из душных тоннелей, скорее туда, где наждачка вращающегося песка отполирует её шкуру. Скорее туда, где нет тишины, нет мерзких людей, а есть только свободная охота.

— Зеон! — панический крик Али ударил по ушам, вырывая меня из состояния глубокой задумчивости и слияния с окружающим миром.

Змея тонула в чем-то вязком и пугающем на взгляд не посвящённых. В тёмной массе мелькали ладошки, затягивающие жертву все ниже и ниже...

— Это шаманская преграда, — пояснила я негромко. — Мы её порвём и сейчас...

Что именно «сейчас» мне говорить не пришлось. Мир вокруг сошёл с ума.

Какофония звуков ударила в уши, под ложечкой засосало от ощущения бесконечного падения.

Гребни защищали нас от порывов урагана, но практически за первое мгновение на нас насыпалось по плечи песка. Али теперь мог и не держаться. Песочные тиски прижали его к моей спине, сжали, мешая дышать.

Больно, больно, больно!

Только Змея наслаждалась происходящим. Песок чистил её шкуру, а ураган напоминал

о прежней свободной жизни.

И даже то, что направление задавали два драгоценных камня свитка подчинения, сейчас её не заботило. Она просто ползла, наслаждаясь слаженной работой своего мощного тела.

Остальное было попросту неважно нам обоим.

Я не могла, как змея, наслаждаться ураганом. Но эта свобода, то, что у нас получилось сбежать от Летучих Голландцев, наполняла мою душу радостью.

Ещё повоюем! Ещё посмотрим, на чьей стороне будет победа. Теперь я не проиграю!

За спиной взревел ураган, и у змеи то ли открылось второе дыхание, то ли появились песчаные крылья, понёсшие нас всё дальше и дальше от места, чуть не ставшего моей могилой и моего заказа.

Дед бы не оценил подобного, а его мнение было самым важным для меня.

Впереди нас ждал тайный аул не совсем людей, не совсем животных — хранителей песчаных муравьёв.

И пока змея покрывала расстояние, стремясь все дальше, я вернулась мыслями в прошлое.

Мало кто может похвастаться тем, что слышал о том, что такой аул существует. Но я была из той редкой категории, что была даже допущена в святую святых. Я вошла в этот аул. А затем моя история, моя кровь и запах заинтересовали создание, во власти которого было стереть с лица пустыни любой аул.

Я встретила с королевой песчаных муравьёв.

Она... это создание было просто прекрасно.

С фигурой, словно выточенной из тёмного пористого материала и совершенным мраморным лицом.

Она была чудесной, невероятной и не была человеком.

Она хотела просто поговорить с тем, кого не отпугнула её инакость.

Меня не отпугнуло, мне действительно понравилась королева. Мы не стали друзьями. Мы проговорили всю ночь, а на рассвете она дала мне право на одну просьбу.

Когда я сразу сказала, даже не раздумывая, что у меня уже есть просьба, её дивные глаза стали багровыми. Когда я сказала, что хочу к ней прийти ещё раз, потеплели до цвета бархатного вина. Она дала мне такое разрешение. А я взяла за правило появляться на её территории с чем-то особенным: сладким или солёным съедобным, мелочами или аксессуарами, изготовленными в разных аулах со всех концов Аррахата.

Взамен она мне рассказывала то, о чём знала сама, а знала она многое, и делилась шаманскими свитками.

Я её любила, если можно так сказать по отношению не к человеку.

Теперь же мне предстояло просить Кармину об одолжении. Не говоря уже о том, что мне придётся привести в деревню чужака.

Это будет долг именно на мне. И кто знает, что она захочет от Али.

У Кармины было странное чувство юмора. И не всегда можно было понять, как вообще подступиться к какой-либо задаче. Мне хотелось верить, что Али сможет найти нужные слова. Но об этом никто не мог судить с уверенностью. Даже я.

...И двое суток, во время которых змея ползла с короткими остановками к тайному аулу, я могла только перебирать в голове различные варианты, запугивая сама себя.

Дважды мы отклонялись от основного курса. Первый раз, чтобы змея могла немного

пообедать. И второй раз из-за Али, ребёнку, не привычному к такому транспорту и времяпрепровождению, нужно было немного размяться.

Во время привала я рассказывала ему о том, как надо себя вести с королевой, но что более важно, чего в аule делать нельзя ни в коем случае. Согласившийся со всеми моими требованиями и заучивший их, во время дороги он дремал на моих коленях.

Ураган стих несколько часов назад, и сейчас под змеей перекантовывалось и волновалось песчаное море, толком так и не успокоившееся.

Моя новая змея, я решила назвать её Искрой, была прекрасна.

На фоне яркой Меды её шкура — ярко-серебристого цвета, то и дело вспыхивала россыпью рыжих искр.

Али, открыв глаза, взглянула на меня из-под светлых ресниц.

— Зеон?

Я поощряюще промолчала.

— А почему ты можешь договориться с королевой песчаных муравьёв?

— Я не могу. Я попробую. Королева умное и прекрасное создание, но она не человек. Сложно объяснить, что она может решить в следующий момент. Иногда она гневается, иногда радуется. Иногда приказывает всех казнить, без разбору, а иногда любит весь мир. Вот в этот момент лучше быть как можно дальше от неё. Милость королевы иногда страшнее, чем её немилость.

— Зеон, а как вы познакомились?

— Случайно, можно сказать. Я был в аule. Она потребовала, чтобы я пришёл в её шатёр — и мне пришлось встретиться с ней. Мы проговорили несколько часов, после которых я понял, что королева мне нравится.

— Ты в неё влюбился?

— Нет, — я едва заметно улыбнулась и покачала головой. — Нет. Али. И кстати, разве лорды могут быть такими любопытными?

— Я ещё не лорд. Я ещё слишком маленький для него. Даже для того чтобы начать обучение не подхожу, маленький...

В голосе Али звучала неприкрытая обида, поэтому я поспешила немного его отвлечь, да к тому же мне было и интересно:

— Время? Есть какой-то определённый порог?

— Да. Мне пять циклов... Пятнадцать годин, — решил Али, что простые жители пустыни не знают эту систему счисления. Хотя, по сути, что проще? Один цикл, три години. — Через пару месяцев, — продолжил он, — будет шестнадцать. Обучение делам лорда начинается после седьмого цикла, когда я принесу первую личную жертву змеиным и песчаным богам.

— А сколько твоему брату?

— Хану? Ему четырнадцать циклов. И он ещё не очень опытный лорд. И человек совсем молоденький.

Больше половины циклов, отмеренных простым пустынным, сорок две години, — это молоденький?! Значит, слухи не врал. Лорды действительно живут гораздо дольше, чем мы. И за свою долгую жизнь успевают совершить намного больше страшных дел, чем мы, простые жители. И я никогда не смогу увидеть, какой лорд получится из обаятельного и живого мальчишки.

— Зеон.

— Да?

— Ты женщина?

Ого! Вот это мальчишка! Молоденький, но глазастый. Или он все-таки лишнее умудрился на ощупь обнаружить?

— Интересный вопрос. С чего ты взял такое?

— Ты очень мягкий... во всех местах мягкий.

Я рассмеялась.

— Ты понимаешь, что это тайна?

— Да. Ты спасал мою жизнь, поэтому я твой должник. Я никому не расскажу о твоём секрете. Можешь быть уверена в том, что твоя тайна будет и моей. Я клянусь богами нашего мира, его реками, пустынями и снегами, клянусь жизнями живых существ и сущностью неживых, что никому и ни при каких условиях не выдам твою тайну. И пусть целый мир будет свидетелем чистоты и искренности моих намерений.

Мир откликнулся на звонкий мальчишеский голос.

В одно мгновение все вокруг исказилось причудливым образом. С неба пошёл странный белый песок, мгновенно растаявший на моих ладонях.

Вместо песка под остановившейся змеей прокатилось от края до края огромное полотно воды. А воздух загорелся огнём.

Мир принял и засвидетельствовал клятву.

И хотелось бы мне верить в то, что мои дороги с тобой, Али, после этого приключения, когда я верну тебя домой живым и здоровым, больше не пересекутся.

Тебе уготована великая судьба. Ты взлетишь очень высоко.

А я не хочу знать, как быстро ты научишься использовать людей как расходный материал.

— Зеон?

— Все хорошо, — шепнула я тихо, вытащив из кармана своего шаосе тонкую ткань золотистого шарфа. — Я завяжу тебе глаза. Потом, возможно, нас примет королева. Возможно, нет. И тогда...

— Тогда?

— Придётся придумать что-то ещё.

— Значит, ты меня не бросишь?

— Нет, — я покачала головой. — Мы не бросаем работу на полпути, если есть вероятность её выполнить. Вот если это будет смертельно опасной затеей или более того, это будет грозить смертью заказчику — в таком случае да, мы не доводим заказ до конца. Но пока у нас есть ещё вероятность закончить дело успешно. И у нас даже есть кое-что, что может стать козырем на пути.

— Что это?

— Медовые леденцы, — улыбнулась я.

— Это какой-то шифр?

— Можно сказать и так. А теперь задержи дыхание, сейчас будет стена вокруг аула.

Какая именно, мальчишка не спросил, доверяя мне, сделал глубокий вдох. А в следующий миг на нас обрушилась волна ледяной воды.

И Искра вырвалась на огромную площадь, окружённую кордоном воинов, верхом на песчаных муравьях.

Ого, это нас так встречают? Ой, вряд ли, скорее мы прибыли исключительно не

вовремя.

— Зеон, — опознав меня, к нам подъехал шаман аула с серебряными волосами. Шаман был очень древен и знал намного больше, чем другие. И когда была возможность, я старалась поговорить с ним, и дед одобрял такое поведение.

— Ты очень вовремя, мальчик.

— Ждёте нападения? — уже сообщил мне песок о сути происходящего.

Шаман кивнул:

— В этом цикле должно родиться дитя у нашей королевы. И кто-то хотел этим воспользоваться. Мы закрыли границу со всех сторон. Но здесь она слабее всего, и её то и дело пробивают.

— Предателя нашли? И не смотри на меня так, Чиури-до. Даже дураку ясно, что только жители аула могли знать о том, что в кладке есть яйцо королевы. Никому чужому вы ни за что не доверили бы этой тайны. А раз кто-то узнал...

Я замолчала, глядя в лицо шамана. Выражение, царившее в его глаза, можно было трактовать только как безнадёжность.

Они никого не нашли.

Естественно, они пришли к такому же выводу. Но не смогли найти предателя.

А искали очень хорошо. И если даже королева не смогла никого выявить... Ну и ситуация...

— Где королева?

— В своём шатре, Зеон.

— Мы пройдем?

— Иди.

— Сейчас Искру отправлю по ту сторону купола, пускай поохотится на гостей.

— А если они будут с охранными лентами?

— Чиури-до, кто из законопослушных жителей пустыни решится в сезон ураганов двинуться в дорогу? Даже если с охранными лентами будут — пускай Искра их придушит. Если уж кто-то узнал одну из тайн аула, то с тем же успехом у них может быть и охранная метка. И одна, и сотня. А в случае гибели невиновного просто заплатите виру.

— Вот не ценишь ты человеческие жизни, Зеон.

— Не ценю, — кивнула я. — Они того не стоят. Али, за мной.

Прихватив мальчишку за плечо, я повлекла его за собой.

За нашими спинами Искра вернулась за занавес защитного купола. Новую волну нападающих ждала встреча со змеей, получившей приказ убить любого, кто приблизится к зоне щита. И если учесть, что на змею со свитком подчинения другие свитки не действовали, я заранее сочувствовала тем, кого ждёт встреча с моей Искрой. А то, что такая встреча состоится, у меня не вызывало никаких сомнений.

— Али, — тихо шепнула я.

— Да?

— Пока к тебе не обратится королева — молчи. Хорошо? Она может в таком нервном состоянии убить даже за не вовремя сказанное слово. Повязка на глазах останется для твоей безопасности.

— Я понял, — кивнул мальчик.

— Замечательный ребёнок, — подтолкнула я Али к шатру.

Узкое мальчишеское плечо под моей рукой на миг оцепенело и тут же расслабилось.

Али понял, что я ему пыталась сказать.

Ткань шатра опустилась за нашими спинами.

Королева сидела на краю кровати, зажав тонкие шестипалые ладони между коленками.

Заметив меня, она торопливо прыгнула на пол и обняла со всей своей силы. Кости хрустнули, и Кармин ту же от меня отпрянула.

— Прости! Прости!

Взяв холодные ладони королевы в свои, я только покачала головой. Кармин не просто нервничала. Королева была в ужасе.

— Присядь, — мягко попросила я. — Вот сюда. Сейчас разберёмся. Только ребёнка пристрою.

— Кто это?

— Его зовут Али. Но о нём можно поговорить и позже.

— Хорошо.

— Али, отступи немного назад. Ага, вот так. А теперь повернись налево, хорошо. И шагай, ещё, ещё. Смелее, у тебя на пути нет ничего. А вот здесь стой. У твоих ног подушки, посиди немного там.

Дождавшись подтверждающего кивка, я воззрилась на Кармин.

— Итак. Почему такая неожиданная охота на ещё не родившегося муравьишку?

— Он будет муравьиным львом.

Вот теперь дар речи у меня пропал.

Не сказать, что я проглотила язык от изумления, но проняло меня до костей.

Муравьиный лев по иерархии муравьёв был всего лишь на ступеньку ниже, чем королева, но властью обладал не меньшей. А рождённый королевой он мог ещё и превращаться в человека. По образу и подобию муравьиного бога.

Конечно, не вот так на пустом месте. Для этого ему нужен был человек рядом, с которого можно было списать образ. Лев набирал достаточно силы к исходу второго цикла, а до этого времени муравьиный львёнок был в опасности. Отвратительная ситуация, и идеальный расклад, если вспомнить о том, что я на работе.

— Кармин, тебе надо отправить малыша отсюда.

— Но куда? Как?

— Мы заключим с тобой сделку. С тем ребёнком, с которым я пришла... Ему нужно яйцо песчаного муравья. Чтобы муравей разделит проклятье с девочкой. В этом году многие погибли, и бесхозное яйцо найдётся. В оплату этого желания — он сам станет донором для львёнка, и в течение двух циклов будет заботиться о нем, как о собственном брате. На исходе второго цикла львёнок вернётся к тебе.

— Зеон, это опасно.

— Не особо. Я помогу львёнку появиться на свет в оазисе недалеко отсюда. И естественно провожу обоих мальчишек в город. В этом случае никто ничего не поймёт. Никто не свяжет двух мальчишек и мальчика с муравьиным львом. Не будет свидетелей. А это, сама понимаешь, значит очень много.

— Зеон, ты не понимаешь, всю опасность того, что ты предлагаешь сделать.

— Я понимаю другое. Если оставить львёнка здесь, он просто не доживёт до своих двух циклов. Не успокоятся те, кто хочет его. Армия песчаных муравьёв! Что говорить, Кармин, ты знаешь сама — это мечта для любого, кто хочет править пустыней. Этого достаточно, чтобы размазать по песку не только любой аул, но можно взять штурмом даже слабые

города. А значит — это может довести до нешуточной беды.

Королева молчала, смотрела на меня и молчала. Я знала, что сейчас она взвешивает не все «за» и «против», её холодный разум уже оценил все возможные последствия моего предложения. Она думает о другом. Она думает о своём муравьёнке и о своём прошлом.

— Вечно у тебя все к заговорам сводится, то против людей, то против нас, то против вообще богов, — через силу улыбнулась Кармин. — Но ты права. У тебя замечательная идея. Пойдём, найдём яйцо для ребёнка, которое вылупится попозже, чтобы вы успели добраться до города. А своему малышу я сама помогу появиться на свет.

— Кармин.

— Я справлюсь, я смогу. А аул удержат мои воины!

— Кармин, — сжав холодные руки королевы, не давая ей подняться с подушек, — не надо.

— Но ведь! Я же тогда его увижу только через два цикла.

— Они пройдут быстро. Лучше иди к завесе деревни. Там вот-вот пожалуют гости.

— Вы не найдёте! — в запале крикнула она и замолчала.

Конечно, мы найдём нужные яйца. Кармин сама мне объясняла когда-то, как различать муравьиный яйца. И главное, у меня при себе были свитки, позволявшие смотреть сквозь препятствия. И если её уроков было бы недостаточно, я бы легко смогла найти нужное с помощью шаманских техник. И Кармин это знала.

Да, мной двигала не бескорыстность и не что-то подобное. Я хотела выполнить работу, но отчасти к моим чувствам примешивалась и жалость. Я знала, что муравьиный львёнок — был третьим яйцом Кармин. Первых двух своих детёнышей она убила сама. Кармин была очень жестокой королевой. И это надо было не забывать и иметь в виду постоянно.

И сейчас, распрямляясь, гордо поднимая голову, на меня посмотрела та самая королева, которую даже боялись поминать вслух недобрым словом.

— Зеон. Ты будешь в ответе за этих детёнышей.

— Да, — кивнула я. Да. Это правильно. Раз уж это мой план, то я только что подписалась на очень длительный заказ. Но оно того стоило.

— Меня проводит Чиури-до.

— Мой шаман, — Кармин откинулась на подушки, глядя на драгоценный камень, венчающий остроконечный потолок шатра — воплощение охранного свитка. — Да. Ему я доверяю. Иди, Зеон. И не возвращайся сюда.

Да. Это тоже правильно. Да и в ауле в ближайшие несколько часов, судя по всему, останется только королева. А защита будет снята со всех сторон.

Королева злилась.

И ещё немного и тех, кто придёт в деревню, не спасут даже боги.

Нам же лучше быть как можно дальше отсюда, во избежание так сказать.

— Ещё увидимся, моя королева.

Кармин величественно склонила голову.

Али, умный мальчик, уже поднялся, ожидая меня.

Сдёрнув шарф с его лица, я взяла его за руку и шепнула.

— Бегом, очень быстро. Иначе у нас не будет времени даже на то, чтобы помолиться.

Али кивнул. И бежал рядом со мной, стараясь не отставать.

За мгновение до того, как вынырнуть из стены ревущей воды, я подхватила мальчишку на руки. Мгновение бесконечного падения, когда мы неслись над провалом с другой

стороны аула, и следом нас схватила в свои кольца Искра.

— Али?

— С тобой не соскучишься, — пробормотал мальчишка, затихнув у меня на груди.

Обнимая его за плечи, я хмыкнула.

— Ничего, Али, это ещё не конец.

— Не конец?

— Теперь нас ждут кладки. Оазис в самом сердце Долины костей и обратный путь.

— Ты меня проводишь прямо до города?

— Да.

— А что... потом?

— Я вернусь домой. Но буду время от времени за тобой присматривать.

— Это хорошо, — успокоено кивнул Али. — Спасибо.

— Ты слишком доверчивый, Али.

— Я доверяю только тебе, — мальчишка покачал головой. — Сам не знаю, почему меня так к тебе тянет, но...

Али не договорил. И растрепав его волосы, я огляделась по сторонам. Нам нужно было широкое место, чтобы сойти со змеи и пойти дальше пешком.

— Зеон.

— Да?

— А... как тебя зовут на самом деле? Зеон это же мужское имя.

— Оно моё, настоящее. То, которое мне дали при рождении, я не помню.

— А спросить у шамана?

— Он мёртв, — сказала я чистую правду.

Действительно, шаман умер почти в тот же день, когда в наш аул ворвались убийцы. Кто именно тогда ворвался в место, так и не ставшее моим домом, я пока не узнала. Хотя честно искала. Правда, так и не знаю зачем, то ли чтобы сказать «спасибо», то ли чтобы убить.

Эти два желания соседствовали в моём сердце, и ни у одного не получалось взять окончательный перевес.

Песок шуршал, направляя наши движения, и уже очень скоро Искра замерла около двух каменных столпов, между которыми был очень узкий проход. По ту сторону возвышались высокие стены. Вверху, всего за пару метров от подъёма, начинался карниз из гладкого камня, на котором было невозможно удержаться.

Ага, знаю на личном опыте.

— Зеон? — Али бросил опасливый взгляд на ожидающего нас между стел мужчину.

Чиури-до уже здесь. Вот как у него так получается? Он всегда оказывается в нужном месте в нужное время. Хотя, наверное, раз он шаман, ему положено.

— Чиури-до, что скажете?

— Твоё вмешательство в историю наши боги не предусмотрели, Зеон. И оттого теперь никто не сможет предсказать дальнейшее. Кто знает, к худу или добру ты появилась в истории этого мальчика и нашего аула. Возможно, сотворённое с твоей лёгкой руки создаст гораздо больше, чем те последствия, которые ты видишь уже сейчас.

Я промолчала, шаман улыбнулся и посмотрел на Али, потом кивнул:

— Да. Из тебя получится отличный лорд, но пока тебе надо повзрослеть.

Мальчик кивнул и отступил чуть ближе ко мне. Сурово сжатые зубы, удивительно серьёзные глаза. Словно маленький воин проглянул на миг из-под детской оболочки.

Ободряюще сжав плечо мальчишки, я прошла вперёд. Змея выбралась наверх и сейчас двигалась параллельным нам курсом.

И именно от неё через пятнадцать минут быстрой ходьбы донеслось шипение, предупреждающее о чужаках.

— Стойте, — приказала я. И послушались оба.

Вытащив из карманов перчатки из змеиной чешуи, я полезла по стене вверх, не отвечая ни на какие вопросы.

Только не говорите мне, что кто-то нас опередил, и сейчас чужаки хотят...

О боги. Нет, говорить мне не надо. Сама вижу. Четыре человека. Две змеи наверху с люльками и около двадцати пауков-носильщиков. Вы что, смеётесь?

Спрыгнув вниз, я отряхнула край шаосе, одновременно активируя свиток временного изменения.

— У вас воруют яйца, — сообщила я шаману, сбрасывая с плеч сумку. — Через сколько времени сюда могут прийти ваши воины?

— Только когда будет уже слишком поздно. Останется скорлупа от пары яиц...

— Стрелять умеете, Чиури-до?

— Нет, Зеон. Мы должны беречь руки. В том числе и от случайных повреждений, и от мозолей.

— Ясно.

— Я умею, — сказал Али. — Но у меня с собой нет лука.

— Будет, — пообещал шаман, открывая свою суму на поясе и перебирая свитки. — Зеон, меч?

— У меня есть свой, — вытащив из сумки свитки призыва, я привычно активировала их. В левую руку послушно прыгнул полуторник, в правую руку — цеп. За моей спиной Чиури-до вручил Али лук.

— Я займусь людьми. Али, уничтожить вначале верёвки с люльками, чтобы никто не смог выбраться из ущелья. Затем выбирай подходящую цель и стреляй. Чиури-до, вам виднее, что делать.

Шаман кивнул.

Засвистев, я передала приказ Искре атаковать двух змей или хотя бы отвести их в сторону.

Али и Чиури-до дали мне небольшой тайм-аут, чтобы я подобралась поближе. И атаковали мы одновременно.

Подкатившись под лапами самого крупного паука-носильщика, я перебила цепом его хрупкие ножки. Одновременно с этим над головой одна за другой просвистели стрелы с острыми наконечниками, перерубая нити люльки. Одна рухнула сразу, вторая зависла на одной верёвке.

А дальше мне было уже некогда смотреть, что происходит по сторонам.

Кое-кому не понравилось моё вмешательство.

И четыре текучих фигуры в шаосе оставили в покое яйца муравьёв и двинулись меня убивать.

Ну, успехов, вам, ребята, что ли.

Я ведь церемониться не буду. Мне ещё Искре помочь надо. А для этого — побыстрее разобраться с вами.

Ой, только не надо своей тупой железкой махать у моего лица, я немного неадекватно

воспринимаю подобные рукомашества. Например, меч сразу в сердце, и мы квиты, вот как сейчас.

Спихнув первый труп с лезвия своего меча, второму из яичных воров я проломила голову цепом.

Третьего задушила, нечего было подходить ко мне слишком близко.

А вот на четвёртом проскочить легко не получилось. Слишком опасный воин.

Я не успела опомниться, как уже щеголяла рваной прорехой на правом плече и узкой царапиной на бедре. Нечего было недооценивать противника. Расслабилась без постоянных тренировок, позабыла. Ничего. Сейчас вспомним.

Выпустив цеп из руки, он исчез даже не долетев до земли, я перебросила меч из левой руки в правую и взялась за рукоять обеими руками.

Так будет проще.

И действительно, к удивлению противника, следующий удар я отбила. А ещё один парировала. И ещё, и ещё.

А следом под ноги противника ударили стрелы, отгоняя его от меня. На шаг, на два, на три.

В воздухе пронеслась тугая волна, и словно подброшенный змеиной пружиной, мой противник оказался наверху. Оттолкнувшись от небольшой горки трупов пауков, я подпрыгнула. Под подошвы ударили песчаные ладони, подбрасывая меня наверх. Но я опоздала.

Моя Искра, не веря, мотала головой в разные стороны. Не было рядом ни моего противника, ни его двух змей.

И даже песок умиротворённо перекатывался на краю обрыва, не находя следов беглецов.

Ну, а это что ещё такое было?!

* * *

В комнате сидели двое мужчин. На низком столике стояли два бокала, наполненные до краёв золотистым вином. На подоконнике сидела наложница, закутанная в шелка.

Разговор у мужчин шёл практически ни о чем. О серьёзных вещах за бокалами с вином они никогда не говорили.

В этот раз гость не смог сдержать своего любопытства.

— Что за обгорелый труп выволокли от тебя недавно, Хан?

Хозяин комнаты поболтал в руках бокал с вином.

— Труп, — спросил он размеренно. — Труп... Адель, от нас выносили какой-то труп?

— Нет, хозяин.

— Вот видишь, о чём ты спрашиваешь?

— Но я определённо видел...

— А, так ты о том выброшенном мешке с костями, — Хан отставил в сторону бокал с вином, хищно взглянул на собеседника. — С чего это вдруг тебя заинтересовало это. Неужели этот мусор работал ещё и на тебя?

— Конечно, нет. Что ты такое говоришь? Твои люди — только твои.

— Действительно, в противном случае они мёртвый мусор.

— Ты как всегда рубишь с плеча, Хан, и не оставляешь своим людям другого выбора.

— Они этого недостойны. За редким исключением.

— Теряюсь в догадках, кто эти исключения.

— Полезные создания, которые могут умереть от своей собственной руки. Не кривись.

Те, кто умирают от моей руки, встречают смерть как величайшее избавление. Верно, Адель?

Наложница на окне, на глазах которой произошло недавнее убийство, гибко извернулась и кивнула.

— Да, хозяин. Умирать от ваших рук очень страшно.

— Я не думаю, что это подходящий для застолья разговор, мой друг. Сменим тему?

Гость Хана закивал головой, и надолго не задержался. Почти бежал из гнетущей атмосферы через полчаса.

А когда за ним закрылась дверь, в руке Хана хрустнула ножка бокала.

— Самоуверенная мразь, Адель.

— Хозяин?

— Принеси спирт. И отрез чистой ткани.

— Сейчас, хозяин.

Наложница торопливо убежала. Хан поморщился. Планы срывались. И чем дальше, тем явственнее это было заметно. Придётся повторить попытку. И если снова будет провал...

Что ж он знает, к кому можно будет обратиться для получения нужного результата.

И если сотрудничать добровольно этого человек не захочет, то и его труп тоже вполне может сыграть свою роль. Но для начала...

Вернувшуюся Адель, Хан встретил улыбкой во все белоснежные зубы и приказал:

— Я промою руку сам, приведи мне Кита.

— Да, хозяин.

Тихие слова и ощущение страха, дикого, животного.

Проводив взглядом удаляющуюся наложницу, Хан усмехнулся.

Да, он знал, кого именно привлекать к своему делу.

* * *

Вернуться вниз я успела вовремя. Под ноги ударил резко песок, а я уже подхватила за плечи заваливающегося, бледного как смерть Али.

Ага, откат адреналина. В переделки мальчишка явно попадал, не с его живым характером спокойно сидеть на месте. Но такая крупная заварушка, когда ему пришлось убивать, пусть и не людей, явно была первой.

— Али, все хорошо?

— Я в порядке. В порядке, Зеон!

— Молодец. Чиури-до?

— Наш аул в долгу перед вами, Зеон-до, Али-до, — шаман низко поклонился. — Если вам нужна будет помощь, любой из нашего народа сочтёт за честь её оказать. А теперь вам надо поспешить. Пролившаяся кровь ускорила пробуждение детей. Скоро здесь будут все матери нашего аула. И более никто не посмеет тронуть детей. Вы же...

— Чужаки, — понятливо кивнула я. — Али, Чиури-до подбросит тебя песчаными ладошками, а Искра там, в случае чего, подхватит. Я сейчас найду нужные яйца и тоже

выпрыгну.

Мальчишка кивнул. Протянул лук, славно послуживший нам, обратно шаману, но Чиури-до отступил.

— Нет, Али-до, наши боги сочли вас достойным нашего оружия. Пусть оно останется с вами и служит вам долго и верной службой.

— Благодарю вас и ваших богов, Чиури-до.

Стены тоннеля встряхнулись. По песку прокатилась вибрация многочисленных лап. Сюда спешили самки песчаных муравьёв.

— Али, быстрее.

— Я понял, — мальчишка напряжился и прыгнул вверх.

Из стены ударили песчаные ладошки, и мальчишка скрылся наверху.

А я метнулась к кладке. Яйцо королевы лежало в отдельной корзине, укутанное для безопасности. Подхватив ещё одно яйцо из общей кладки, цвет скорлупы которого был почти чёрным, я прыгнул наверх. И уже меня шаман подбросил песчаными ладонями.

Сам он выбрался наверх всего через пару секунд.

Но я ненавижу прощания, и все, что он увидел — был мелькнувший хост Искры.

Яйцо королевы крутилось в лукошке.

Скорлупа стала почти прозрачной. И то и дело в светлом золоте изнутри ударяли лапки.

Искра спешила к оазису, где была лечебная грязь. Малышу на свет было появиться лучше именно там.

Мимо двух красавиц — серебристых змей, мы пронеслись стремительный перекатом.

Огромного крокодила, хозяйничавшего в оазисе, Искра банально задушила.

Отлично. Этот красавец пойдёт на пищу муравьёнку и Искре. Шкуру оставлю себе.

Крокодилья шкура была чуть хуже, чем чешуя змей, у неё не так плотно прилегали чешуйки, но зато она была красивее. И её охотнее брали наши портные.

— Али, спрячься в тень, — попросила я.

Али, снова не став спорить и что-то спрашивать, послушно отошёл к деревьям.

Я же, вытащив из лукошка яйцо с муравьишкой, подошла к грязи, опустила туда золотистый овал и пробила в нём длинную ветвистую трещину. Теперь все, только ждать.

Первыми из окошка показались две лапки, затем голова. Вытянутая, как у зажигательной палочки и покрытая короной из длинных тонких лучиков-спиц. Сейчас они были мелкими, а в случае опасности могли стать опаснее игл, которыми я прошиваю змеиные шкуры.

Следом из разбитого оконца, неуклонно его расширяя, показалось удлинённое тело и вторая пара лапок. Показались сложенные крылья. Взлететь на них малыш не сможет, пока не разменяет первый цикл.

Показалась третья пара ножек, и выползшего муравьёнка я подхватила на руки. Усики щекотно ткнулись в ухо, скользнули по открытому лицу. По шее царапнули острые жвала, и в воздухе едва уловимо запахло моей кровью.

По шее полилась тонкая струйка, обжигающая холодную кожу. И все пропало. Малыш, слизнувший кровь, мирно уснул.

Обмазав хрупкие лапки лечебной грязью, я закрыла лицо накидкой шаосе и двинулась к Али. Теперь надо было позаботиться о втором яйце и о мальчишке.

В этом оазисе нам предстояло провести ближайшие дня три, пока муравей не наберётся сил, чтобы обернуться в человека.

— Зеон, — Али встретил меня встревоженным взглядом. — Там две змеи.

— Ничего удивительного, мы на их территории. Вот они и приглядываются, мы съедобные или с нами лучше не связываться.

— А если нападут?

— Дадим им по носу, — улыбнулась я. — Али, я бы не стал змеиным проводником, если бы не мог справиться со змеями.

— Ты их не боишься? — Али невольно поёжился, когда над моим плечом всплыла огромная голова Искры. Почесав змею одной рукой, я пожала плечами.

— Я их люблю, почему я должен их бояться? Змеи очень умные. Некоторые глупые, не спорю. Есть, совсем как люди, безумные создания, вся жизнь которых подчинена желанию убивать и жрать. Но обычно змеи очень любопытные. Особенно те, что долгое время прожили рядом с аулами и успели насмотреться на людей.

— Могильщики?

— Они. О них ты слышал?

— У нас есть свои могильщики, мне Хан их показывал и наш шаман.

— Ну и, разве они страшные?

— Да. У наших не только гребни, но и шипы, по бокам острые плавники. Они страшные. И они не слушают никого, даже чтобы свиток подчинения в них закатать, нужно почти два десятка лучших воинов.

А-а-а... боевые змеи. Да, эти ребята страшные. Им и свиток подчинения не особо нужен. Дай возможность рвать людей в своё удовольствие — и больше им ничего и не надо. Свиток подчинения, вживлённый в тела этих психов, нужен исключительно для поддержания собственного чувства самосохранения. Мол, есть последняя надежда в любом случае.

В города я никогда не ездила. Эти боевые змеи в адекват не возвращались, у них такого понятия вообще не было.

А вот песчаные змеи в большинстве своём нормальные, ну, как правило. И две серебрянки были нормальными. Покружившись ещё немного, они нырнули в свои норы и предпочли отправиться на другую сторону своих охотничьих угодий.

— Зеон.

— А?

— А чем питаются змеи в пустынях?

— Ящерами дикими, пустынными баранами, крокодилами, неосторожными путешественниками.

— А этих змей здесь много?

— В пустыне-то? Не очень. Им здесь голодно. Размер охотничьих угодий одной змеи около шестисот змеиных полос.

— Почти две сотни километров. Так много? — изумился Али, переведя расстояние на городскую меру.

Я пожала плечами. Ну, да. Много. Но змеи хоть и питаются раз в месяц, а потом долго переваривают свою жертву, но еда им нужна обязательно. Погонщики и проводники, например, кормят змей своих чаще, но меньшими объёмами, чтобы змея не теряла свою подвижность.

Например, половину туши крокодила Искра будет переваривать сутки, и ей хватит этого на две недели.

— И этого хватает им? Километров?

— Да. К тому же змеи часто держатся поближе к небольшим аулам, чтобы в случае подкормиться на охотниках. Ну, или сами стать шкурой и клыками их удали.

— А если на одну территорию, где уже есть змея, заползёт другая, что будет?

— В зависимости от родов змей. Некоторые сцепятся в любом случае. Некоторые останутся рядом даже на очень скудных землях. А некоторые мирно расползутся. Если будет скудная территория, то могут и подраться.

— А они на территории в одиночестве ползают?

— Да.

— А пара?

— Редко встречаются, — улыбнулась я заинтересованности мальчишки.

— А как же у них маленькие змейки то появляются?

— Редко. Всего лишь раз в жизни. И то не все до этого доживают.

— А почему тогда не уменьшается их количество?

— Люди поддерживают популяцию змей. Есть несколько аулов, где змей специально разводят. Если территорий, где змей нет, становится много, они выпускают своих змей. К тому же раз в году они в любом случае выпускают почти десяток маленьких змеек.

— А почему их не разводят во всех аулах?

— Не выгодно. Для этого нужно много воды, много места, а ещё еда. И за ними нужно присматривать. Нужны говорящие со змеями. А эти ребята редкие, да ещё и о своих талантах, как правило, не распространяются.

— Почему?

— Невыгодно, — подтащив поближе шкуру крокодила, я вытащила нож из сумки и пару вспомогательных свитков, с ледяными кубами для хранения.

— Почему? — повторил Али свой вопрос.

— Змеиная сущность выгоднее, если её скрывать, — пояснила я, делая первый надрез. С куска мяса на землю капала терпкая горячая кровь. — Сейчас покормлю, — пообещала я Искре, кружившейся вокруг. — Только шкуру нарежу.

Али с муравьёнком отсел обратно к финиковым деревьям, чтобы не смотреть на то, чем я занимаюсь. А вот меня механическая работа настраивала на мыслительный лад.

Кому-то очень были нужны песчаные муравьи. Королеву нельзя было ни к чему склонить, она действовала только во благо собственного народа. А вот забрав маленького муравьиного льва, можно было выдвигать свои условия. Не королеве, нет. Всем муравьям, после того как вырастить малыша в нужном для себя ключе.

Но кому понадобилась такая военная сила, как муравьи? Не змеи, а именно муравьи. Не спорю, последние отличные воины. К тому же, если совместить муравьёв с людьми — то получится очень страшное сочетание.

А к змеям... странно. Я не слышала в последнее время, чтобы кто-то особо искал говорящих. Скорее даже снизилось количество обращения за ними.

Но муравьи? Неужели кто-то хочет атаковать города? Ведь, если вспомнить, дед мне говорил, что муравьи могут разбить купола и могут сделать под них подкоп.

А если учесть, что муравьи под предводительством муравьиного льва действовали в боевом порядке как единый организм — получится, кто-то пытался создать страшнейшую армию из возможных на Аррахате.

Но никаких перестановок в аулах не намечалось. Заговоров тоже. Да и города вроде бы

никому из аулов путь не переползали.

Всё это слишком странно.

Воровать пытались не только яйца королевы, но и обычные...

В общем, сама я не могу понять, что же происходит. А это значит — мне нужен дед. Он должен знать. Да, мне он никогда не говорил об этом прямо, но я уже давно знала, что именно в его руках сходились нити со всех аулов.

Он был хранителем знаний, и он знал, как предсказать грядущее. Ему виднее. И без его слов лучше мне никаких действий не предпринимать. Слишком уж это опасно. Я могу ненароком нарушить слишком важные для аулов планы.

Придётся затаиться, ожидая подходящего момента. А пока нам нужен шатёр, чтобы провести пару дней в безопасности. Жара может доконать и взрослого, а не только мальчишку, жару видевшего лишь из-под завесы хрустального купола. И уж тем более жара противопоказана маленькому муравьёнку. А ещё не стоит забывать об ураганах!

— Зеон! Зеон!

— Да?

— У нас есть вода?

— В бурдюке немного осталось, возьми.

— А как же?

— Покормлю змею, пройдусь. Здесь есть небольшой родник. Правда, бурдюк у нас лишь один, и его запасов достаточно лишь на один день. Так что придётся каждый день совершать поездку на водопой.

— А как же мы поедem?

— За два дня поймаю песчаного барана и сделаю бурдюк из его шкуры.

— А ты умеешь?

— Конечно, Али. Я давно живу в пустыне.

— Ты такой потрясающий! — в голосе мальчишки звучало такое неподдельное восхищение, что я невольно рассмеялась.

— Хочешь, чему-нибудь научу, пока мы здесь?

— Седлать змею!

— О-о-о, сразу замахиваешься на самое сложное? Ну, это и хорошо. Начнём с теории, седла бывают...

...Два дня прошли чудесно. Мы купались в озере, дурачились. Я словно вернулась в детство, став ребёнком, которым никогда и не была. Мы собирали финики, ели их на спор, играли в догонялки.

Да и, в общем, вели себя так, что я изумлялась от себя самой. Никогда не думала, что смогу вести себя вот так.

Али подарил мне несколько счастливых часов детства.

И когда он заснул на моих коленях, я поклялась, что чтобы не случилось, я приду на помощь к этому чудесному ребёнку, что бы от меня не потребовалось, какую бы жертву не пришлось принести.

Мои пальцы скользили, запутываясь во влажных от жары прядях. Ребёнок сладко спал. А песок шептал, что моя клятва была услышана и засвидетельствована всей пустыней.

Али открыл глаза почти в самый пик жары, сонно на меня таращась.

— Зеон, что-то не так?

— Мне надо проехать за водой.

— Тебе помочь?

— Спи. Муравьёнок скоро превратится в человека, осталось не больше пары часов. Тебе лучше быть рядом.

— Зеон.

— Да? — не удержалась я от нежности, проведя по волосам мальчишки.

— Как жалко, что я не встретил тебя чуть раньше или позже.

— Что бы тогда было?

— Если бы раньше, то ты была бы моей любимой старшей родственницей. Ты была бы самой любимой, я бы постоянно прибегал к тебе прятаться от Хана.

Подув на разгорячённое лицо Али, я улыбнулась.

— А если бы позже?

— Я бы на тебе женился.

Я засмеялась. Чудесный мальчишка!

— Спи, Али. Спи.

— Ты вернёшься скоро?

— Да, — наклонившись, я коснулась губами виска Али. — Я постараюсь вернуться побыстрее.

— Обещаешь?

— Конечно. Нового бурдюка нам хватит дня на три-четыре, а потом мы уже будем в оазисе странников. Там сделаем привал, наберём воды и я довезу тебя до города. Спи мой чудесный ребёнок.

— Злой Зеон издевается.

— Спи, — повторила я негромко.

Длинные ресницы дёрнулись, опускаясь. Мальчишка уснул. Переложив голову Али на сложенную скатку дополнительного плаща, я поднялась на ноги.

Мне нужна вода на долгое путешествие.

И ещё мясо, для него нужно немного времени. Когда Меда раскалится окончательно, воздух превратится в огромную жаровню, на которой мясо дойдёт до нужной кондиции.

На песчаных баранов мы охотились вместе, и Али потом перемазался кровью с ног до головы, когда разделывал свою первую тушу. А потом мы его долго и упорно отмывали.

Потерев лицо, я запрыгнула в седло змеи, качнула камешки поводьев, и Искра тронулась с места.

На небе царствовал только нижний спутник Меды, бросая на бело-золотую песчаную массу багровые зайчики.

Песок шумел.

Змея ползла в сторону дальнего дольмена, где были родники.

Вокруг царило спокойствие.

А мысли в голове ворочались сонно, неохотно.

Я клонула носом раз, второй.

Руки ослабли, поводья из них неумолимо выскальзывали.

И прежде чем я смогла осознать происходящее, я уже катилась по раскалённому песку. А потом наступила темнота, и, кажется, меня не стало...

Муравьёнок превратился в человека почти в обед. И он был совершенно не похож на всех знакомых Али.

Его кожа была песчано-золотистой, и с неё осыпались прозрачные хитиновые пластинки. Глаза были удлинёнными, со стрелками, вытянутыми к вискам, и завораживающего оттенка жжёной карамели. Волосы были светлыми, как у самого Али в тот год, когда он жил вместе с шаманом, когда Тачи только-только стала жертвой проклятья.

Хрупкое тело, тоненькие косточки... Его захотелось отчаянно защитить, как младшего, как нуждающегося в этом.

А Али стоял и даже не знал, как обратиться к этому муравьиному человеку.

— Я Вьене. Ен, — губы муравьиного льва не шевелились, его голос звучал сразу в голове Али. — Спасибо, что согласился мне помочь. Если я буду ребёнком, мне будет проще затеряться в вашем мире.

— Ты же только родился, как ты можешь разбираться в этом?

— Я понимаю в этом мире много, в той же степени, что... Я... образ, сложно, — сдался Ен. — Я знаю столько же, как и ты. Словно нас учили одни и те же учителя, говорили все одинаково, и наши ответы совпадали. Я знаю все, что знаешь ты. Отличие одно. Для вас, людей, это очень важное чувство, а вот мы не умеем его ощущать. Это любовь. Я могу понять и ощутить ненависть, уважение, страх, признательность, ревность, мстительность, но не любовь.

— Как ты со мной сейчас разговариваешь?

— Это сила. Дар, как у шаманов. С помощью такой силы я буду править войсками нашей королевы, оберегая её.

— Королевы? А как же, она же! — растерялся Али.

— У нас нет родственных чувств. Есть долг, власть, необходимость кому-то подчиняться и править на своей ветке вертикали. Но родственные узы для нас пустые слова. У нас этого нет, попранная ценность.

— Откуда ты все это знаешь?

— Родовая память. Я будущий военачальник, — светлые очень короткие ресницы Ена опустились. Муравьёнку было тяжело так долго разговаривать мысленно. — У нас есть механизмы, срабатывающие в таких случаях. Днём я буду обычным ребёнком, а ночью меня будут учить тени предков. Тактика, стратегия, искусство боя, управление нашими сородичами. Много всего. Сложно.

— Ен? — встревожился Али, поддерживая мальчишку за плечи. Дыхание муравьёнка стало тяжёлым, болезненным, сердце зачастило.

— Все хорошо. Просто больно. Не могу долго... Нужно спать. Сон.

— Я понял, — Али кивнул. — Да. Спи. Я посторожу.

Жара сгустилась. Небо налилось тревожным багрянцем, воздух дрожал, развешивая вокруг нити дурманного марева. Песок шуршал, предсказывая грядущую бурю. Али разделив пополам с Еном последнюю воду, устроился в тени. Крутился песок, клубились миражи на краю горизонта. Что-то назревало.

Ен спал. А Али ощущая давление, скапливающееся вокруг него, вначале передвинул ближе к себе сумку. Затем, не выдержав, вытащил оттуда лук.

Мальчишка был не самым лучшим воином, но он хорошо понимал, что на ровном месте такие неприятные ощущения просто не появляются.

Али был прав.

Ему об этом только предстояло узнать, но около оазиса уже собирались люди.

— Что скажете, шаман-до? — начальник элитного отряда песчаных стражей, которому шаман так и не соизволил представиться, залёг на песчаной дюне.

— Мы опоздали, уже слишком поздно. Этот мальчишка уже сделал все, чтобы его нельзя было тронуть. Теперь парня нам даже нельзя ранить.

— Почему? — из-под наносной вежливости проглянула раздражительность воина, отлично знающего своё дело. И не очень радующегося тому факту, что ему мешают в выполнении привычного дела.

— Связь, эти двое сейчас неразрывны. Ударишь одного, плохо будет другому. Не считаешь сил, ударив одного, а второго можешь вообще убить. Так что... Это же вам нужен тот, второй.

— И как прикажете его захватить? — нервно огрызнулся воин. — Воспользуемся свитками?

— Они не помогут. Даже если подойдете близко.

— И как тогда?

— Поймать в сознании и связать так, чтобы даже не дёрнулись.

— Мы не сразу сможем к нему подойти, у него же лук!

— Ну, расстреляет он пару идиотов, и что? Этот парень, — шаман прищёлкнул пальцами, словно высекая между пальцев искру. — Думаете, он умеет убивать людей? Он же ребёнок.

— Сейчас проверим. Первая тройка вперёд!

Опасения Али сбылись полной мерой, когда он увидел человека, выходящего из-за бархана в развевающемся шаосе. В руках у него ничего не было, но Али вскинул лук, делая предупреждающий выстрел.

— Назовитесь, — зазвучал над песком требовательный голос.

— Меня зовут Лар. Я послан теми, кто знает, что вы здесь делаете, и зачем вы прибыли в самый центр Аррахата.

— Тогда назовите меня!

— По какому имени? Полному или домашнему?

— Начните с полного. И не забудьте все титулы.

— Все титулы?

— Конечно. Если вы посланы тем, о ком намекаете, это не составит для вас труда.

— Вы не боитесь, что это услышат лишние люди, будущий лорд Хрустального предела?

— Ещё шаг — и я стреляю! — Али натянул тетиву, с лёгкостью удерживая лук в натянутом виде.

— Что? Ты чего, парень! — опешивший Лар немного отступил. — С чего ты?

В песок вонзилась новая стрела, дрожа оперением. И только боевой опыт позволил Лару избежать того, чтобы эта стрела пронзила его ногу.

— Следующая будет в глаз, — посулил Али, взяв следующую стрелу.

Лар кивнул, отступил ещё немного, а следом, подобравшись ближе под прикрытием песка, с места взвились его бойцы.

Али не дрогнул. Три стрелы сорвались с тетивы — и три трупа свалились на песок

пустыни.

Шаман за гребнем бархана нервно выругался.

— Он умеет убивать, этот щенок!

— Ну, и как его прикажете в этом случае схватить?

— Ручками, солдат, руками. Я дам трём твоим лучшим солдатам щиты от пяти попаданий. Остальных просто выпусти как есть.

— На бойню? Шаман-до, о чём вы говорите! Он их просто перестреляет! Вы же видите у него стрелы появляются из ниоткуда.

— Не из ниоткуда, у него в руках божественный лук.

— А откуда он мог взяться у мальчишки?

— Это интересный вопрос. Но на него мы поищем ответ позднее. Пока же, я постараюсь заблокировать этот лук. Или хотя бы увеличить время, нужное на то, чтобы сформировалась новая стрела.

— Шаман-до, а у нас вообще время есть? Как насчёт того проводника?

— Мёртв. С учётом того, что мы применили свиток смерти, я бы сказал, что это наиболее вероятный исход.

— Наиболее?

— Есть кое-что спорное, к тому же проводником был Зеон... Это не самый приятный соперник. Поговаривают... Впрочем, нет. Вначале ребёнок. Пошлите своих воинов на убой. И немедленно, — рыкнул шаман.

И начальнику бойцов пришлось послушаться.

Али отмахивался долго. Стрелы не заканчивались, разил он без промаха, а силы шамана закрыть всех воинов не хватило. Так же, как не получилось у него воздействовать на божественный лук мальчишки.

Но у начальника напавших с собой был отряд смертников, а элитные воины могли срубить стрелу в полете. И они просто подбирались ближе, по пять, десять метров, но продвигались. Появились щитonosцы, появились лучники, мешающие мальчишке атаковать. И результат был неизбежен.

Али в конце концов спеленали. Выкрутили руки, попробовав сломать лук, но тот исчез, даже не давшись в руки чужаку. На голову мальчишке одели мешок, самого закутали в огромный кусок ткани целиком, как змею. Да, Али отбивался изо всех сил, пустил в ход маленький кинжал, но толку было немного. Слишком большая разница в весовых категориях.

Спящего Ена погрузили в повозку, Али забросили рядом.

Злобны рыкнули ящеры, ударили по песку длинные раздвоенные хвосты. В воздух поднялась ломкая белая песчаная крошка. И от напавших остались только кровь и трупы в месте, которое совсем недавно было таким уютным уголком...

* * *

Больно. Песок жарит тело, забираясь под шаосе и заставляя меня отчаянно выгибаться, не в силах вывернуться из смертельного захвата шаманской удавки. Мерзость! Какая же мерзость!

Открыв глаза, отчего по щёкам сразу же полились слезы, я схватилась за голову. В

висках пульсировала боль, буквально раздирающая на куски мой несчастный череп.

Право слово, очень оригинальный способ познакомиться с девушкой. Не говорить ей о любви, а сразу швыряться свитком смерти. А если бы я не была под свитком изменения? А если бы я не была змеиным проводником?

Да я бы умерла на месте!

Можно было поздороваться и более безопасным для меня способом.

Впрочем, полагаю не в этом раз. Все было не случайно. Ничего не бывает случайно в Аррахате во время работы змеиного проводника.

Парень, метнувший в меня свиток, должен был быть очень ловким. А шаман, давший ему ключ смерти, был очень сильным. Если все это сложить, то выходило, что у меня большие проблемы.

Я одна, в пустыне, без воды, еды и змеи.

Логично предположить, что люди в таких условиях не выживают.

Далее, дети. Если эти пустынные пришли по душу Али, то вернувшись в лагерь, я найду лишь два детских трупа.

Если они пришли по душу Ена и не захватили мальчишек врасплох, я найду трупы пустынных. Я могу ничего не найти. Но в любом случае, у меня нет выхода. Мне придётся встретиться с теми, кто помешал выполнению заказа. Если мальчишки мертвы — убить всех, кто будет в ауле, о котором мне сообщила Искра. Если живы, то забрать детей.

Правда, здесь есть одна проблема. С одной змеей я не смогу подойти даже близко. А значит, мне нужны змеи. Пяти-шести будет достаточно, чтобы доказать кому бы то ни было нецелесообразность совершенных действий.

Нельзя переходить дорогу змеиному проводнику, нельзя в этом случае оставлять его в живых.

Это как раз та самая ситуация, в моём отношении.

Не добили меня пустынные — и я возьму им все сторицей. И начну со змей. С милых ха-змеек с их очаровательными плотоядными инстинктами. Я не сильна в военных действиях, это не моё. Но вот выбрать математическую стратегию смогу без проблем.

Два сильнее одного. Четыре сильнее двух. А если у меня с собой будет шесть змей, то никто не осмелится заступить мне дорогу.

Ещё дед говорил, что такое однажды случится. Проводники не безгрешны и уж тем более не всесильны. И у нас тоже перебивают заказы. Правда, обычно это бывает связано с нашей смертью.

Но вот при такой оплошности, как сейчас, у меня был выбор.

Я могла вернуться обратно — к деду. Змеиные проводники всегда были эгоистами, и меня никто даже не упрекнул бы в том, что я не стала врываться в чужой аул, воевать с людьми, которые в принципе не сделали бы ничего плохого. Возможно, моя репутация немного бы пострадала, но не настолько, чтобы это учитывать в долгосрочных планах.

А я не могла. Я сама! Али доверился мне, этот чудесный ребёнок, которого я пообещала защищать сама себе. Пришло время посмотреть, чего стоят мои обещания. Все случилось быстрее, чем я думала, но какая разница как быстро наступило время платить по счетам? Я их оплачу.

Это будет риск. Я отдавала себе в этом отчёт. Это будет даже больший риск, чем можно подумать. Потому что после «смерти» — свиток изменений перестал действовать, я снова стала собой.

И если кто-то заметит, если хоть один человек поймёт, что под шаосе прячется женщина — мне не снести головы. На меня откроется сезон охоты.

Милость богов в пустыне дорогой товар, который можно купить, а можно и продать за чужой счёт.

Да, в качестве товара на продажу я уже была.

Мне достаточно того, что у меня есть эти воспоминания. Повторения этого урока я не хочу. И если сложить все вместе, получится интересный подход к довольно безнадёжному делу.

Мне предстояло сделать все, чтобы не было понятно, что я девушка.

Да, часть грима я могу сделать из подручных материалов.

Частично воспользуюсь знаниями из курса наставницы Альзин. Частично буду надеяться, не на свою удачу, на неудачу других.

И последнее, главное, — мне нужно убивать всех, кто подойдёт ко мне слишком близко.

А для начала мне нужно сонное дерево, чтобы сделать из его коры духи, а из белоснежных его листьев — белила. Затем мне нужна червонная водоросль, чей вязкий сок способен был придать моим глазам оттенок граната. Не совсем естественный, но близкий к тому, который у меня был всегда, когда я была под ключом изменений.

Затем мне понадобятся песчаные бараны, дрова для костра, котелок и все оружие с трупов, что я найду. Если, конечно, они будут. А ещё я видела сразу перед своим падением Пастушью палочку — её использовали погонщики скота. На этом остановимся. Своё оружие я не потеряла. Перемётные сумки нашлись недалеко от места моего падения.

Змей найти было несложно. Змеям предстояло добираться до меня самостоятельно.

Но вначале мне нужно были кое-что приготовить для особого танца, а для этого вернуться обратно. Туда, где меня ждал оазис.

Дорога много времени не заняла. Песок шуршал под ногами. Я неслась вперёд легко, почти лишённая груза. Оазис предстал перед моими глазами через полтора часа бега.

В первый момент показалось, что все, сбылись мои самые худшие предположения. Вокруг было слишком много крови и трупов. А потом стало понятно, нет, не все так плохо — вокруг смертники. Расходный человеческий материал. Судя по тому, что стрел не было — Али стрелял из своего божественного лука.

Правда, причины гибели почти десятка трупов, обнаружить я не смогла.

Не смогла найти и трупы мальчишек. Значит, живы. Живы!

И можно перевести дыхание и позволить себе улыбку.

Змеиный проводник Зеон — как ха-змея. Греется на солнце, неторопливо переползает с места на места, но уж если соберётся атаковать...

Глупцы, вызвавшие гнев этого человека, он подписал вам смертный приговор, а я приведу его в исполнение!

На то чтобы собрать в одну кучку весь необходимый мне грим я потратила почти полтора часа. Ещё два ушло на то, чтобы озаботиться оружием.

И почти шесть часов я потратила на подготовку к шаманскому танцу. И хоть делала это все я в быстром темпе, все равно успела к нужному времени еле-еле.

Свет Меды уже потускнел, когда босыми ногами я стала на изломанные линии змеиного призыва.

Это не было танцем в том смысле, который сейчас в него вкладывают в городах. Это была древняя техника шаманов. Насколько мне было известно, применять её не всегда

решался даже шаман Песчаных крыс, а он был для деда примером. Зато таким никогда не брезговали шаманы разбойников, а я их не хуже, и цель у меня схожая.

Не оставить виновных в живых. Не дать помешать тому, что я хочу сделать.

Потом, конечно, меня будет ждать серьёзный откат. Потом я дорого заплачу за совершенное.

А может быть, я вообще себя переоцениваю, и на мой призыв не откликнется вообще ни одна змея. Даже Искра, бежавшая сразу же после того, как я покатила по песку от ключа смерти.

Но если я не попробую, то не узнаю.

Поэтому долой рефлексия, и ближе к телу. К делу, точнее. Но в данном случае всё равно одно и то же.

Шаосе упало на песок. Зябко поёжившись, я перебросила волосы вперёд и подняла руки над головой.

Звать, приманивать, очаровывать и всей своей сущностью стать источником Зова.

Шаг, и песок скользнул сквозь пальцы. Наклонившись, я зачерпнула его ладонями, осторожно, бережно. И две песочные реки рассыпались вдоль моего тела, обрисовывая, повторяя на нём рисунки, сделанные ритуальной краской.

Я тебя позову за собой,
Заклучу тебя в сонный напев,
Я тебя полоню темнотой
Мой любимый, полуденный лев.

Шаг.

И я почти расстелилась на песке, двигаясь по нему змеиными рывками.

Твоя шкура злата как песок,
А в глазах твоих свет близнецов,
Мне отведён коротенький срок,
Чтоб звать тебя в этот Зов.

Шаг.

И моё тело замирает в неверном движении, когда кажется, что в следующий миг я рухну на песок и буду не в силах подняться.

Зов волной звучит вдоль песка,
Зов зовёт тебя в небеса,
Оставляя слепыми глаза,
Разрушая тебя и меня.

Шаг.

Коснувшись просыпанного золота руками, я негромко запела, вторя заклинанию.

Тихий звук развернулся вокруг меня. Существова сам по себе, он побуждал песок вокруг

дрожать. Звук забился под песочный покров, скользил по нарисованным линиям, покрывая все вокруг едва заметной дрожью.

Песочные волны поднимались и опускались в такт движениям моего тела.

Я выгнулась дугой — и песчаные барханы поднялись вместе со мной.

Моё тело распласталось на песке, и волны песка опустились вместе со мной.

Та пустыня венчала не нас,
Зов достиг, но, увы, опоздал,
Я твоею была в горький час
Когда Зов на губах умирал.

Шаг.

В такт мерной мелодии, передавая вокруг Зов древний, как сама пустыня. Зовущий и томительно-пронзительный.

Я теперь пуста и одна,
Я в пустыне навечно живу.
Королева я зла, и я тьма,
Муравьев за собой поведу.

Шаг. Зов. И пустыня замерла, вслушиваясь в мой лёгкий напев.

Зов скользил над тёмным небом. Разрывая его, разбивая на куски.

Только Зов все звучит и звучит,
У тебя я защиты ищу,
Если можешь, прошу, помоги,
А не можешь, я просто умру.

В голове обрывки песни накладывались на древнюю легенду.

Когда-то под хрустальным куполом города встретились двое. Мужчина и женщина. Он был хорошо собой. Она далеко не глупа. У них нашлись и общие знакомые, и общие темы для разговоров. Но каждый хранил от другого губительный для себя секрет.

Ни он, ни она людьми не были.

Я часто думала, что эти двое слепцы, раз не заметили очевидного — нелюдей легко распознать. Слишком они редкие и слишком вызывающе красивые.

Их можно было разглядеть в толпе даже, а эти двое не видели у себя под носом!

Сделав новый шаг, я перешла на следующую линию. Ритм танца нарастал, отдавался ломанным барабанным боем в моём измученном теле.

Но я не останавливалась, не могла.

Те двое тоже не остановились, у них был долг, семья, друзья, но они все же сбежали вместе. Ни о чём не думая. Ни на что не рассчитывая.

Это было безумно. Они не должны были этого делать, но все же — сбежали.

Родственники дважды отправляли за ними погоню, но напрасно.

Молодые ускользали с изворотливостью змеи, стремительностью песчаного муравья. И когда силы нелюдей оказались бессильны, на молодых обрушился гнев богов.

Они успели добраться до реки, когда их настигла божья кара.

Женщина осталась на правом берегу, мужчина на левом. А между ними бушевала река. Вода накатила на берега и растащила влюблённых в разные стороны. А потом, чтобы ничто на Раяре не могло их соединить, воды реки исчезли.

На месте русла возникли горные пики, по одну сторону от них появились пустыни, по другую — болота.

В этом месте я никак не могла понять. Пустыня — это же так легко! Я не знала, что такое болота, но вряд ли это что-то хуже бескрайнего песка.

Дед смеялся, говорил, что я совершенно ничего не понимаю.

Я и не спорила.

С пониманием такого у меня всегда были проблемы.

Но, на мой взгляд, справиться с пустыней они могли. Но не стали.

Может побег вернул им разум, может, что ещё случилось, но дело закончилось тем, что она стала королевой песчаных муравьёв, а он Царём змей.

На прощание он пообещал, что если ей нужна будет помощь, он пришлёт ей своих змей. И сейчас именно этот зов я возвращала к жизни. Зов, перед которым не могла устоять ни одна змея.

Сильные шаманы могли, используя этот зов, призвать двух-трёх змей.

А я его никогда не пробовала, да и в своих силах совершенно не была уверена.

Получится? Не получится?

Шаг. И я снова поднялась с песка, стараясь не задумываться о том, какое бы могла произвести впечатление на стороннего случайного наблюдателя.

Тонкая изломанная фигурка, окружённая завесой песка. Длинные ленты этого песка складывались в узлы. Кружа вокруг меня, он образовывал то плотный слежавшийся ореол тьмы, то едва заметное сияние.

А я то скользила на небольшой высоте от песка, то почти падала на него.

Шаг, шаг. Шаг.

И резко крутанувшись, оказалась нос к носу с Искрой. Устоять на ногах я не смогла.

Нервно ойкнула и рухнула на зад, изумлённо глядя на возвышающуюся надо мной змею.

— Искра?

Тихое шипение было мне ответом. Над гибким теплом моей искристой подружки переплелись две серебристых змеи. У меня уже были три змеи, и это было только началом. Песок вибрировал, ко мне полз кто-то ещё.

Под утро приползла восьмая, последняя змея, когда я была уже почти готова к выходу и дальнейшему. Осталось только понять, готово ли это «дальнейшее» ко мне.

Я ненавидела военные действия. Несмотря на обучение у деда, сделавшее из меня ходячую смерть для пустынников, столкновений я старалась избегать любой ценой.

На то были свои причины. Дед почти цикл вдавливал мне в голову, что в любом почти столкновении я несоизмеримо сильнее своих противников. Потому что они люди, а я — нет. На вопрос кто же я — он всегда отмалчивался, но я хорошо помнила слова своей первой змеи — «сменишь шкуру». В любом случае, слабых обижать нельзя, даже если они нарываються, и даже если очень хочется.

Кто-то может назвать это несправедливым подходом к делу. Я сама об этом не раз

говорила. Но с дедом спорить было мне самой дороже, да и вечно выходило мне боком. Как-то так получилось, что он вечно был прав, во всех ситуациях.

И это меня злило, раздражало до зубовного скрежета! Я не могла смириться с его словами, хотя и искренне старалась понять, почему он говорит именно так, а не по-другому. Что заставляет его пытаться получить от меня именно такой результат, а не какой-то ещё. Чем чревато, если я его послушаюсь в той или иной ситуации?

В результате свои боевые навыки я оттачивала в песках. Там, где меня никто не мог увидеть, и только змеи немymi зрителями и охранниками сопровождали меня от начала и до конца, во всех моих работах и буднях.

Ничего больше.

Но даже в этом случае, то, что я все время оставалась в рамках спокойствия, не значило, что я безопасная.

Я практически не умела драться на публику или тянуть время, я хорошо умела убивать. И до сих пор искренне стеснялась пользоваться этим своим талантом.

Но теперь ему пришла пора выйти на первый план.

Одного или двух лезвий в этом случае будет мало.

Пожалуй, я начну с четырёх. Два малых лезвия на рёбрах ладоней, ими хорошо резать глотки. Ещё два лезвия мечей, чтобы убивать тех, кто осмотрительно будет держаться подальше.

Я не была чудовищем, каким выставляли проводников в молве пустынников.

Хотя, и в них была сермяжная доля правды. Проводники действительно не брезговали заказными убийствами. Скорее, это была одна из основных рек дохода в наших кошельках.

Но я не убивала людей по заказу. Брезговала.

Звучит ужасно, я понимаю, но человеческая смертью не в бою, а отданная за плату деньгами, это мерзко. Это оставляло на моей душе налёт липкой хмари, мешавшей мне дышать, сводившей с ума.

И я не хотела повторять свой первый опыт.

Да. Он был.

Дед не упрекал меня в желании узнать, что это такое, скорее подтолкнул к такому решению.

Тип, за убийство которого мне заплатили, был безумно отвратным. Жирные складки шеи и живота, заплывшие жиром поросычьи глазки. Тогда я не знала, кого именно мне заказали. Не знала я о том, что дед сделал мне такой специфический подарок на пустынное совершеннолетие — девять циклов. Двадцать семь годин.

Кашуин-до, хозяин одного города, любил экзотических девочек-смертниц, любил, как понятно, до смерти. А ещё не любил платить за то, что хотел получить бесплатно.

Он приезжал к нам в аул.

Этот толстый сальный боров выбрал меня, когда я была ещё ребёнком.

Он оплатил налёт на наш аул. И именно меня он ждал в ту ночь, когда я валялась в горе трупов.

Благодаря деду я разобралась с той частью гнусного прошлого, которое со временем начала ненавидеть. Я не знала, кому именно Кашуин-до заплатил за налёт, пока ещё не нашла, кто именно ответственен за гибель всего аула. Кто именно был в ту ночь под гербом Песчаных волков. Но однажды я их найду. Обязательно!

Итак, теперь, если пустынники не пойдут мне навстречу, мне придётся приговорить к

смерти аул, полный живых людей. Эй, боги пустыни, змеиные боги, на кого вы смотрите, кого вы видите, даруйте тем хоть немного разума.

Я иду убивать. Это грязная работа, и я с удовольствием без неё обойдусь. Дайте знак шаману, что ли, пусть эти разбойники выполнят мои требования. Пусть мне повезёт!

Не повезло...

И, наверное, отчасти в этом виновата была я сама. Потому что сразу не расставила все точки над *i*. Сразу не показала, на чьей стороне сила. И это была роковая ошибка.

Змеи следовали за мной на некотором отдалении, да ещё и по норам старой змеи этого аула. В том смысле, что их не было ни видно, ни слышно. Со стороны казалось, что я одна-одинешенька пришла в аул Голландцев.

Совершенно безумное мероприятие.

И о чём я только думала? Наверное, об Али и Ене.

Мне было безумно страшно. Но свой страх показать я никому не могла.

За те несколько минут, которые мне нужны были, чтобы дойти до входа в аул, я должна была изгнать страх из своей души, загнать его в такой уголок, откуда он не сможет поднять свою уродливую голову.

Это было совсем непросто. Но у меня не было даже попыток на это, я должна была взять и сделать, у меня просто не было другого выхода.

Хотя, для начала, я все же честно попыталась договориться и найти компромисс. Я наивно надеялась, что мне это удастся сделать. Что мне хоть кто-то пойдёт навстречу...

...Одиноким путник не вызвал ничьего подозрения или излишнего внимания. Я без всяких препон дошла до ворот и остановилась перед ними, разглядывая укрепления и блиндажи из песчаника.

Да, пожалуй, армия могла бы здесь и завязнуть.

Я не обольщалась. Меня не попытались убить на подходе только потому, что я была одна. И по своду правил и опыту, накопленному Голландцами, не могла быть опасна. Не лестное для самолюбия мнение, зато подход, дающий мне отличную возможность подойти ближе, перейти ворота и двинуться в центр аула.

Двое незадачливых часовых даже не успели понять, что их убило.

Мне было некогда останавливаться. Поэтому случайные свидетели пока оставались живыми. Я совсем не хотела приобретать славу самого жёсткого проводника. Мне просто нужны были мои дети.

Я успела пройти больше половины пути, когда меня узнали и забеспокоились.

Стражники и Голландцы метались вокруг перепуганными баранами. Не зная, что со мной делать и кого заставить решать этот вопрос.

Попробовать убить? Но что если у меня есть пропуск, и я здесь, потому что мне дано разрешение на это? Как-то же я прошла ворота и часовых!

Те двое, что были отправлены проверять караульных, не вернулись. Мне это было не выгодно.

А вот из шатра в центр аула уже показались двое. Судя по всему, меня почтили своим появлением глава Летучих Голландцев и его шаман.

Что ж, ещё один повод для того, чтобы меня убили, я только что заработала. Личность этих двоих берегут как зеница ока, а поэтому живых свидетелей никогда не остаётся.

— Змеиное дитя, — голос у шамана был сухим и царапающим, как песок по

хрустальному куполу. — У тебя видимо очень хорошие заступники перед богами, раз свиток смерти тебя не убил.

Я промолчала в ответ. Вопрос был не содержательным и бесполезным для меня и моего дела.

— Мы не дождёмся ни слова? — заговорил уже вождь.

Новый пустой вопрос. Ближе к делу, мужчины. Иначе вы не дадите мне даже шанса на спасение ваших шкур.

— Видимо, нас сочли не опасными. Что ты делаешь здесь, дитя?

Не самое лучшее обращение, но для начала разговора, пусть даже не конструктивного диалога, пока пойдёт.

— Ваши люди забрали двух детей из оазиса, сразу же после того, как вы решили, что убили меня. Я хочу, чтобы вы их вернули мне.

— И всего-то? — хозяин аула громогласно расхохотался. — Неужели уязвлённая гордость профессионала может толкать людей на такие глупые поступки? Я знаю тебя, парень. Поэтому уходи, пока мы помним о том, кто ты, и кто стоит за твоей спиной. Уходи отсюда, пока мы помним о твоих былых заслугах. И тогда может быть, ты сможешь уйти живым.

— Мне нужны дети, — упрямо повторила я.

Бесполезно.

— Дети будут отданы тому, перед кем даже мы, Голландцы, в долгу жизни.

— Вы уверены? — переспросила я, ещё на что-то надеясь. — Мне очень нужны эти дети. И мне совершенно не хочется убивать всех живущих в ауле и смешивать его с песком, только из-за того, что не удалось договориться и вернуть двух подростков, не прибегая к военным действиям.

— Это угроза? Ты, ещё недавно бывший ребёнком пустыни, нам угрожаешь?! — вскипел вождь.

Внутри меня голос отметил, что ещё одним поводом для смерти больше, я только что оскорбила вождя и шамана, а вместе с ними всех Летучих Голландцев. Неважно.

Бессловесный маятник внутри меня отсчитывал мгновения. Змеи окружили аул, змеи изучают территорию. А мне нужны обратно Али и Ен.

— Это истина, — пояснила я негромко.

Гогот, грянувший вокруг меня, смог бы разбить пару хрустальных куполов точно. Я не смеялась — я ждала. Одного или другого решения, в любом случае исход будет один и тот же. Я заберу детей, только в одном случае будет очень много трупов, а в другом — только тех людей, что решат добровольно заступить мне дорогу.

Люди больше мне были не нужны. Песок под ногами едва слышно вибрировал.

Змеи нашли моих мальчишек и передавали мне об этом знак.

Можно было не ждать, но я ещё ждала. Ещё надеялась.

— Итак? — спросила я, бросила взгляд на шамана. — Неужели боги пустыни не сказали вам, чтобы вы не становились на моём пути?

Шаман и вождь переглянулись.

— Неважно, что сказали боги. Есть ситуации, когда любые их наказания бессильны. Прости, Зеон. Пусть боги в посмертии найдут для тебя работёнку получше, чем у тебя сейчас. Убить его!

Что ж, я честно старалась. Руки вниз я опустила очень медленно, почти как в танце. Из-

под широких рукавов шаосе показались перчатки из змеиной кожи и два кривых кинжала.

Гогот не стал тише. К смеху присоединился и вождь, только шаман смотрел чуть грустно. Он уже знал, что будет. Окружающие ещё не знали, что грядёт, а он уже успел ощутить дуновение приближающейся смерти. И... принять её.

— Что? — донеслось сквозь смех от вождя. — Что может сделать один человек отлично защищённому аулу с двумя охраняющими змеями! Ничего! Только умереть.

— Боюсь, они вас больше не охраняют, — посетовала я. — Обе змеи на моей стороне.

Сложив щепотью пальцы левой руки, я глухо прищёлкнула.

Чешуйки, отвечающие за звук, передали его туда, куда надо.

Матово-чёрная, ха-гадюка, показалась над аулом слева. Щелчок правой руки, и вот уже её товарка — ха-кобра, белая длинная красавица, с коричневым капюшоном, возникла с правой стороны от меня.

— Может быть, так нагляднее, — уточнила я негромко. — Две змеи, которых вы лично тренировали убивать людей в аулах. Они с удовольствием сдадут на вас экзамен, продемонстрировав чему научились. Хотите взглянуть, или всё же вы выполните моё условие?

— Голландцы потеряют свою репутацию, если хоть кто-то узнает, что какой-то проводник с двумя змеями мог нас запугать настолько, что мы согласились на его условия. Две змеи достаточно, чтобы сохранить тебе жизнь. Но для аула, в котором каждый умеет убивать ха-змей, этого мало.

— Что ж, зов разума не сработал даже так, перейдём напрямую к угрозам, — демонстративно закрепив кинжалы в ножнах на предплечье, я вытащила два полторных меча и сказала: — У вас нет выбора. Никакого. Детей я верну в любом случае. Я последний раз предлагаю вам сдаться. Если же нет, ваши тела пойдут на прокорм моим змеям, ваши души на обед богам. В таком ракурсе дело пойдёт быстрее?

Вождь рыкнул. Свистнул косой ятаган, покинувший ножны, и на меня он бросился лично.

— Плохая идея, — вздохнула я.

Он не внял, и был около меня очень быстро. А мне много времени и не надо было. Раз, и тонкая цепочка с амулетом падает с его шеи.

Два, и оба лезвия входят в податливое тело.

Три, алые капли, сбегая по моим мечам, обагрят пустыню, положив начало пиру змей.

Четыре, две змеи нырнули в землю, чтобы вынырнуть уже около меня.

Пять, ещё четыре змеи показались со всех сторон от аула.

Пять. Подо мной провалился песок, и я исчезла из поля зрения Голландцев. Искра, ожидающая меня в подземном ходе, начала движение сразу же, как я оказалась на её спине.

Распластавшись между спинными гребнями, я вцепилась в луку змеиного седла, чтобы не упасть во время движения.

Выпущенные из рук мечи, вернулись на своё место в ножнах. Шаманский ключ принадлежности в действии. И его, кстати, надо бы обновить. Заряд должен закончиться. И я рискую, вот так опустив оружие, потом не найти его на нужном месте. И это не столько не самая приятная перспектива, сколько опасная для собственной жизни.

Где-то в стороне, смазанный тонкой песка и земли, раздался высокий крик. Оборвался он практически тут же.

Ну, вот и все, кто-то попытался подчинить себе моих змей. Пускай пытаются, пускай

делают, что хотят. Напрасный труд даст мне ещё немного времени. Я против такого совсем не возражаю. Да и на мою долю выпадет меньше грязной работы.

И, говоря о ней, мы почти прибыли. Если Голландцы не дураки, а дураки такое высокое положение в пустыне занять не смогли бы! Так вот, если они ребята умные, то моих мальчишек они должны были отправить вниз сразу же после моего прибытия. А убедившись, что нет змей на территории аула, по их норам мальчишек попытаются вывести в Аррахат, чтобы уже оттуда переправить в безопасное место.

Мне это как раз и надо.

Искра резко остановилась, и я вовремя успела сгруппироваться, перелетела через сложенные гребни и приземлилась на пол. Легонько свистнула, отпуская змею, и моя искристая подружка шустро поползла наверх, за своей порцией развлечения.

А мои детки... Ага, шаги, идут.

Сейчас встретим.

Нет, вы только посмотрите! А они умнее, чем я думала.

Предположили, что я не одна, и в тоннеле их будет ждать мой напарник. Шестеро воинов по кругу, по одному рядом с каждым мальчишкой. А вот тот бритоголовый тип кажется изгнанник. Ну, зайка лопоухая, повернись ко мне затылком. Точно. Клеймо. Изгнанник, раньше был шаманом, сейчас потерял доступ к богам, но не к силе и не к знаниям. Это может стать, будет опасное знакомство.

А значит, переиграем план и для начала пропустим всю эту компания вперёд.

И уже потом вовлечём их в танец боли и смерти.

Да, вот это мне очень нравится!

...Али споткнулся. И тут же чуть повыше его локтя сомкнулась чужая рука.

Мальчишка осторожно скосил глаза в сторону. Ен с трудом переступая ногами, смотрел в сторону тёмных тоннелей.

«Ен, что-то не так?» — говорить пленникам между собой запрещали, и магическая связь была единственной ниточкой, соединявшей мысли мальчишек.

«Здесь есть кто-то ещё. Не могу сказать, что чужой, пахнет знакомо, но не так, как от этих».

«Может быть Зеон?»

«Кто это?»

«Змеиное дитя. Тот, кто помог забрать тебя у плохих людей, я рассказывал тебе».

«Значит, её имя Зеон?»

«Почему её?» — испугался мальчика.

«Запах. У неё женский запах», — Ен снова принялся к воздуху и огляделся по сторонам. Нет, запах исчез. Пропал, словно его никогда и не было.

«Никому нельзя говорить об этом», — тем временем серьёзно сказал Али.

«Хорошо, если это важно, я никому не скажу».

«Это очень, очень важно!»

Дальше они шли в молчании. Под ногами струился песок. Круг света то и дело выхватывал на стенах нарисованные оскаленные рожи — печати проклятых душ, ушедших не на перерождение, а на корм богам. Поэтому Али, ёжась от этих картин, старался смотреть чаще под ноги, чем по сторонам.

«Ты её любишь»? — неожиданно спросил Ен.

Мальчишка споткнулся вторично.

«Что?»

«Я не могу понять этого сам», — признался муравьёнок. — «Но тебя с ней связывает что-то».

«Это скорее родственные чувства», — с трудом удержался Али от улыбки. — «Она... Она не такая, как люди, окружавшие меня с детства. Совсем другая. В ней столько жизни. Она дурачилась со мной в ауле, научила меня седлать змей, учила меня, где искать укрытие, когда я слышу приближение бури. Обнимала меня по ночам, чтобы я не замёрз».

«Она важна для тебя?»

«Да».

«Тогда я тоже буду её защищать, как и тебя».

«Спасибо, Ен».

«А ты ей — тоже? Ведь она пришла за тобой?»

«Она пришла за нами».

«Но почему? Ведь те взрослые говорили, что за нами никто не придёт».

«Они ошиблись».

«Но почему? Всё же? Это же опасно для неё, их здесь много, а она одна. Она может погибнуть».

«Мы спросим потом у Зеона», — предложил Али, потом тихо спросил: «Ты знаешь, откуда она нападёт?»

«Нет, к сожалению, для того я недостаточно окреп. И должно пройти ещё пару годин, чтобы я мог это делать без труда».

«Жаль».

«Мне тоже. Прости...» — Ен опустил голову.

«Не извиняйся, Ен... отдохни», — потребовал Али, уловив, что новообретённому другу стало тяжелее говорить, да и спотыкаться он начал чаще.

Если охранник возьмёт муравьёнка на руки, у него будет преимущество.

Зеон за такое непредусмотрительное поведение спасибо не скажет. Лучше вести себя так, чтобы не давать преимущества врагам!

А маленький отряд воинов уходил все дальше и дальше. И когда за спиной остался последний поворот, а ни змея не появился, ни никто не напал — воины на мгновение расслабились.

В этот момент все и случилось.

Крайний охранник, замыкающий цепочку и время от времени щелчками подающий условленный сигнал о том, что все хорошо — сошёл с ума.

Он не зарычал, не завыл, не закричал. Но из-под его шаосе показался серповидный короткий клинок. Один удар, и... на полу остался труп ближайшего воина. А следом обезумевший охранник сорвался с места в чудовищном танце смерти.

Упали на песок охранники мальчишек с перерезанными горлами. Ещё мгновение назад совершенно адекватный страж накинул на заложников полы своего шаосе и скинул его совсем. Традиционная накидка пустынных медленной опускалась вниз, а под ним никого не было.

Зато тот, кого все причисляли к стражникам, щёлкнул двумя клинками и повёл рукавом нижнего чешуйчатого шаосе.

— Защищайтесь или будете убиты.

— Защищайтесь или будете убиты, — выговорили мои губы, пока я напряжённо смотрела на стремительно отступающих мальчишек.

Молодцы. Догадались верно, что им сейчас лучше не путаться под ногами.

— Зеон! — с фальшивым изумлением воскликнул кто-то.

Я повернула к говорящему голову, предлагая закончить фразу. И мои ожидания оправдались в полной мере. Пустынник укоряюще поцокал языком:

— Разве можно так поступать?

Я молча ждала. Что именно пытается этот пустынный сделать? Воззвать к моей совести? Поздно. С этой заразой мы не сработались, и ей пришлось меня покинуть ещё семь циклов назад.

Я думала, он к чему-то более конкретному взывать будет. Деньги там предлагать, славу, власть? Нет, кажется, я не ошиблась, и сейчас все-таки будет попытка номер два.

— Зеон, ты же умный малый. Зачем тебе проблемы с сильнейшими мира сего? Верни нам мальчишек. А мы так и быть, выплатим неустойку. И даже, слышишь, простим тебе погибших стражей.

Уже торгуется. Неплохо, но недостаточно хорошо. Попытка номер три, и кое-кому придётся лишиться своего языка. Мне не мешает живой товар, чтобы пройти по территории аула Буйволов со всеми своими змеями. Песчаные Голландцы в общей массе своей, к недоброму разочарованию моих красавиц, оказались поголовно малосъедобными.

Из-за этого змеи решили последовать за мной, куда бы я ни направлялась. И пока я кралась по следам за мальчишками, мы успели договориться, что для каждой из змей я найду подходящий дом.

Навскидку я могла подобрать подходящий дом для четырёх змей, но оставались ещё трое. Искра твёрдо решила остаться со мной, хотя змеинный поводок распался трухой сразу после того безумного танца-призыва. И к моему искреннему возмущению, кстати, все мои свитки не стоили даже бумаги, на которой были начертаны. В результате, пришлось сделать пару остановок, чтобы создать новые, а в остальном положиться на удачу. И она в этот раз меня не подвела, потому что была не моя, а Али. А этого мальчишку боги почему-то и любили, и берегли.

В общем же, пока я была поглощена своими мыслями, по большому счёту пока бессмысленными и преждевременными, воины обменялись тайными знаками и бросились в атаку.

М-да. Это очень больно, наверное, было. Но в стену я этого парня отправила нечаянно. Инерция. Рефлекс. Можно назвать, как угодно, смысл всё равно не изменится. Это была случайность. Ну же, вы же в этом уверены, зачем отступаете?

Нет, кажется, не поверили. Плохой из меня актёр.

— Ты совершаешь преступление против богов! — возмутился бывший шаман.

— Конечно-конечно, — согласилась я, срубая голову воину, неосмотрительно подошедшему ближе. А пока его подельники проводили взглядом голову, покотившуюся по полу, я успела убить ещё одного.

Зажимая руками распоротый живот, тот рухнул.

А вот теперь мне стало не до отвлечённых мыслей.

У остальных хватило ума вспомнить о том, чему их учили, и начать объединяться. Неплохо, но слишком поздно.

Как любит говорить мой наставник: умная мысль всегда запаздывает. Вот она и опоздала для них. Пока войны теряли драгоценные секунды на перегруппировку, я покончила с ними окончательно и остановилась, изучая бывшего шамана.

Последний.

Раз не сунулся в общий бой, значит, умнее этих олухов. Могут быть проблемы. Не обязательно такие, чтобы было все плохо, но...

— Зеон, значит. Слышал о тебе.

— Надеюсь, только хорошее.

— О да, — согласился изгнанник негромко. — Ребёнок, возникший непонятно откуда, буквально рождённый пустыней. Слышащий её шаги, знающий все её тайны и секреты, в силах которого сделать всё и даже немного больше. Ребёнок, истоки которого никто до сих пор не смог найти. Ты большая загадка Аррахата.

— Я должен что-то на это сказать?

— Да, например, сказать, что тебе очень жаль...

Изгнанник был пугающе быстрым. Лезвие короткого кинжала устремилось к моему телу, и немного запоздало. Чего-то подобного я ожидала с самого начала.

А люди, люди уже давно не были для меня достойными соперниками. Удар наискосок... и ещё одна отрубленная голова покатилась по полу коридора.

Мальчишки таращились на меня, пораскрыв рты, как галчата.

— Идёмте, деятели, — позвала я их негромко, убирая свои мечи. — Прогуляемся до поверхности. Попробуем узнать у шамана, он вроде бы живой, кто за вас заплатил, да будем отправлять вас домой. А то что-то в моей пустыне вы совершенно загостились. А мне это не нравится, если можно так выразиться.

Али кивнул, затем подтолкнул ко мне песчаного муравьёнка.

— Знакомься Зеон, это Ен.

— Вьене, — представился полностью мальчишка. — Очень приятно с вами познакомиться.

— Вежливость, — оценила я, — а ещё человеческая выдержка. Из тебя получится очень хороший генерал, Ен.

— Спасибо. Лестно слышать такие слова из уст настоящего песчаного воина.

Да, я одобрительно склонила голову. В этом мальчишке я не ошиблась. У него железная воля королевы и её характер, разбавленный теперь чертами Али. Это очень хорошее сочетание, и из Ена обязательно выйдет толк. Если эти ребята, выживут, конечно.

Впрочем, это моя забота, и работа, которую я выполню в любом случае.

Взгляды мальчишек одновременно стали обиженными. Вот, прохвосты. Они же ко мне успели телепатически присосаться.

Паршивцы! Да ладно, можете уже невинные мордочки не строить. Я вас поймала на горячем, а значит, за это вы мне сейчас поплатитесь!

До выхода я подгоняла мальчишек, щекоча их за гладенькие бока.

И вряд ли эти мрачные подземелья когда-либо слышали такой звонкий и задорный смех.

Наверху веселье с ребят немного спало. Обожравшиеся змеи валялись на самом солнцепёке и не реагировали на окружающий мир. А шаман, которого я надеялась потрясти на предмет информации, оказался мёртв. Убил сам себя. Слишком много знал? Не хотел чего-то определённого сказать? Теперь не знаю, и вряд ли мне выдастся ещё один такой шанс поймать настолько впечатляющий источник информации.

— А как же мы? — растерялся Ен, оглядываясь по сторонам. — Как мы пойдём дальше? Разве змеи не будут нас провожать?

— Нет, — ответила я с улыбкой. — Дальнейший путь от живых будет безопасен. На этой территории все подчинялись Голландцам, которых не стало. Кое-что, принадлежавшее бывшему главе этого аула, теперь со мной. А ещё, на три дня, пока небесные змеи бьют в барабаны, собирая дань с мёртвых, поднявшихся наверх, битва за титул главы Аррахата строго-настрого запрещена.

— А как об этом кто-то узнает? — спроси Али, догнав меня. — Ну, что главы аула Голландцев больше нет?

Чуть замедлив шаг, чтобы мальчишке было удобнее под него подстроиться, я довольно искренне ему улыбнулась.

— Обо всем знают шаманы. Конечно, они не узнают, кто именно и по какой причине уничтожил этот аул, но три дня никто, даже отступники, не осмелятся пролить здесь, в пустыне, кровь.

— Почему?

— Чтобы не призвать ненароком мёртвых на пиршество.

— Пиршество? Какое?

— Ну, — я растрепала мальчишке волосы. — Это то, о чём тебе пока лучше не знать. Кошмары сниться будут, а они и без того к тебе теперь могут заглянуть в гости.

— Зеон.

— Да?

— Теперь ты вернёшь нас домой?

— Да. Яйцо второго песчаного муравья скоро пробудится. Ты же не забыл, зачем мы прибыли в Аррахат? К счастью, оно не разбилось и не повредилось, пока я катилась по песку. Но кровь, пролитая здесь, ускорила его пробуждение. Поэтому мы возьмём здесь повозку, а в ауле Странников я обменяю её на пару свежих верховых ящеров и доставлю вас домой.

— И получишь плату? — в голосе Ена звучало самое настоящее ехидство. У кого только успел научиться? Но, тем не менее, я согласилась с его словами:

— Не вижу ничего зазорного в том, чтобы получить честно заработанные деньги за свою работу. К тому же хорошо выполненную работу.

— Ты же всех обманываешь.

Некоторое время я пыталась сообразить, о чём идёт речь, потом осознала. Песчаные муравьи опираются на своё обоняние. И моя замечательная маскировка Ена не обманула. Так же, как и Али, он видел Зеона, но по запаху точно знал, что под шаосе прячется женщина.

Надо подумать, нельзя ли это использовать в полезных для себя целях. И как эту возможность можно обойти. Мне не улыбается оказаться раскрытой однажды из-за ребёнка.

— Не думай, — добавил Ен обиженно. — Я никому не скажу, но все равно это обман.

— Тогда ты тоже всех обманываешь, — дойдя до одной из повозок, судя по надёжности принадлежащую шаману, я остановилась, чтобы посадить внутрь мальчишек. И занялась ящерками, выбирая самых лучших из загона около повозок.

— Я?! — в голосе Ена за моей спиной прозвучала обида на весь свет.

— Ну, да. Ты, — не дала сбить себя с мысли жестокая я. — Ты же не человек, ты только так выглядишь. Значит — обманываешь.

— Но у меня нет другого выбора!

— У меня тоже. И поверь, причины, чтобы притворяться другим человеком, у меня не меньше, чем у тебя — притворяться человеком. И запомни, это первый урок для тебя, Ен. Не суди первого встречного по внешнему виду. Второе — чаще молчи. Третье, если же хочешь что-то сказать, обдумай, нельзя из полученной тобой информации извлечь выгоду. Здесь, в пустыне, это не так актуально. Но вот в городе — это может однажды спасти вам обоим жизнь.

Мальчишки переглянулись.

— Зеон...

— Да?

— Прости.

— Ничего. Бывает. Ты ещё неопытен, поэтому допускаешь ошибки. Но ещё ты быстро учишься. И это меня обнадеживает. А теперь хватит разговоров, мальчишки, нас ждёт дальний путь.

Али протянул руку, помогая Ену устроиться под брезентовым тентом, затем спросил у меня:

— А что будет теперь со змеями?

— Да ничего. Полежат, переварят еду и расползутся по своим охотничьим территориям. Кроме двух. Искра и змея аула Голландцев приползут ко мне. Я часто вожу караваны под охраной змей. Они едят редко, зато долго переваривают пищу. А я после одного каравана, бывает, сразу же ухожу с другим, и у меня нет времени ждать, когда они все переварят. Вот я и собираю змей... Четыре караванных, две почтовых, три-четыре охранных.

— Почтовых?

— Охранных? — не поняли мальчишки.

— Охранные, — начала я с того, что проще объяснить. — Это змеи, ползающие на нашей домашней территории.

— У тебя свой аул?

— Нет, оазис. Пройти к нам, не имея охранных медальонов, практически невозможно. Хотя находятся дураки и умельцы.

— Но зачем у тебя их три-четыре?

— Одна змея, — улыбнулась я, — постоянно валяется кверху брюхом. Переваривает еду. Ещё одна лежит рядом с аулом. Ещё две патрулируют оазис на среднем и дальнем удалении. Получается такая вот система защиты.

— А почтовые? — напомнил Али.

Набросив на впряжённых ящеров защитные попоны, я забралась на козлы повозки и стегнула в воздухе кнутом. Не очень охотно, но, всё же мало-помалу набирая ход, ящеры тронулись с места.

— С ними отдельный разговор. Пустынники обычно живут отдалённо друг от друга. Зачастую, если что-то случится, мы даже не можем найти помощь у других проводников или стражников. Но нам бывает нужно передать друг другу сообщение. Для этого мы и используем почтовых змей. Они, — я поторопила ящеров, и, вырвавшись за стены аула, повозка, набрав ход, покатила по песку, чуть слышно поскрипывая полозьями.

— Что они? — снова не выдержал Али.

Я засмеялась, какой же нетерпеливый! У себя во дворце точно соблюдает неукоснительно и этикет, и высокомерность высокорожденного, а тут дал себе немного

воли! Но оставлять мальчишку без ответа нехорошо. Ему действительно искренне интересно. Значит, удовлетворим любопытство чудесного, но, увы, несостоявшегося младшего родственника.

— Почтовые змеи, а их услугами могут воспользоваться все, кто заплатит виру, носят особую сбрую. Она сделана не как седло, а что-то типа короба, если так вам будет понятно. То есть на тело змеи крепится специальная коробка, в неё мы укладываем то, что надо доставить. Но есть более опасные и стремительные змеи, и проводники, когда надо передать срочную информацию, крепят капсулу к её ядовитым клыкам.

— Страшно!

— Смертельно опасно, — добавила я к словам Али.

— А... а... а...

За спиной возникла и тут же стихла возня. Кажется, мальчишки общались ментально.

Королева песчаных муравьёв однажды удостоила меня подобной «чести». Думала, сойду с ума. А эти спокойно общаются. Может что-то у муравьёв по-другому в детстве в голове устроено? Или королева просто чудовищна сильна? Или это я опять отличилась?

— Зеон.

— Да?

— Расскажи свою историю, пожалуйста?

— Не в этот раз, мальчики. Даже у песка есть уши, а в моей истории есть знания, которые могут навредить многим. К тому же сезон бурь в разгаре, если вы не забыли. Мне нужно заниматься своей работой.

Ен и Али кивнули, понятливо сползли на пол, прикрывшись сверху дополнительным тентом, а я слушала песок.

Золотые, серебряные когти прозрачных катышков шелестели и перекатывались. Пела вся пустыня.

Где-то шумели кроны деревьев в отдалённом оазисе. Бежал по камням ручеёк пустынного родника. Слышались человеческие торжествующие голоса и плач змей над убитой товаркой. Песок шелестел, негромко напевая сам себе колыбельную.

А нас ждало самое страшное явление в пустыне — скоротечная буря, налетающая после затишья.

Эту бурю нельзя было услышать за день, два и переждать в безопасном месте.

Буря обрушивалась внезапно и неотвратимо. И сотни караванов стинули бесследно в её пасти.

Не находили даже костей. И нам предстояло оказаться в эпицентре воздушного удара. Скрыться бы где-нибудь, но поздно, поздно, поздно.

«Поздно», — шептал песок, вплетая коварное слово в напев своей колыбельной.

Ящеры неуклонно мчали вперёд. Полозья были хорошо смазаны, и повозка нигде не тормозила. А я никак не могла понять, куда же опоздала. Зачем? Я не могла никак определить этого, а песок вокруг, забыв даже о колыбельной, всё жалел меня. Нашёптывал, что все наладится, что я смогу с этим справиться. Но с чем именно? Что же случилось такое, отчего в ауле Странников все начали меня обсуждать?

И хотя среди всех разговоров, что преданно доносил до меня песок, мелькнула пару раз сообщение о том, что я мертва, в это никто не поверил.

Но разговоры были настораживающими.

Это «поздно» настолько запало мне в душу, что я решила ехать напрямую через

Аррахат. Не делать крюка с целью безопасности через аул Странников, а сразу сократить путь через заброшенный каньон Печали.

Там не всегда было безопасно. Зато мы могли там сэкономить время, затраченное на дорогу, и обойтись без смены ящеров.

Живые не опасны, потому что ни один разумный человек не прольёт крови в ближайшие три дня. Собственно говоря, это я сделала намерено. Я могла не убивать вождя, просто прыгнуть к Искре, но мне нужна была эта смерть.

Пока на моей груди был медальон власти павшего вождя, а он сам не получил должного погребения, мёртвые не могли пройти сквозь ритуальные врата.

Да, это было кощунством. Но от меня боги и без того давно отвернулись и некому было наказать меня за такое сотворённое зло.

Если прислушаться, говорил дед, после такого убийства можно услышать бой небесных барабанов. Я была толстокожей язычницей. И никаких барабанов я не слышала.

Может, просто не время?

Песок сначала немного затих, а потом снова вернулся к своим колыбельным напевам.

Они звучали то тише, то громче, а я нещадно подгоняла ящеров, чтобы быстрее оказаться в безопасном месте, которым сейчас мог по праву считаться каньон.

Песок нашёптывал, что грядёт буря, которую можно назвать бесспорной победительницей сезона.

И будет лучше, если мы будем в месте, где над головой будет крыша, а вокруг — стены. Пусть даже для этого придётся забраться в ущелье.

Мальчики, забеспокоившиеся из-за длительного молчания и резкой смены курса, выскользнули было из-под тента, но крепчающий ветер просыпал им на головы по паре бурдюков песка, и они торопливо спрятались обратно.

Ветер поднимал в небо клубы песка, видимость ухудшилась.

Песок вокруг требовал жертвы и крови.

Буря хотела крови, буря требовала её. И если мы не успеем спрятаться в каньоне — быть нам искупительной жертвой.

Ну, уж нет! Я не для этого вытаскивала мальчишек из лап Голландцев! Не в этот раз. Ящерки ещё быстрее, жалеть вас некогда!

— Хо! Хо! — короткие приказы срывались с моих губ, пока я упрямо подгоняла ящеров сквозь тончайшую завесу мелкого песка, уже нетерпеливо поднявшегося в воздух.

Ещё быстрее, ещё!

Нет времени ждать, нет времени вслушиваться в надрывающийся над нами клич крови, надо скорее в безопасное место.

В каньон мы проскочили вихрем, промчались почти наполовину всей его длины под дождём из колючих песчинок, прежде чем ящеры смогли остановиться.

Спрыгнув с козел, я вытащила два меча.

Здесь была старая расщелина.

Ещё два поколения назад самые авантюрные проводники сделали в ней стоянку.

Если там кто-то будет, придётся выгнать. Но сегодня во второй раз мечам уже не повезло. В пещере гулял только ветер.

Выйдя на улицу и спрятав меч в ножны, я позвала мальчишек:

— Ен, Али, переходите в расщелину. Если сможете, разведите костёр. Горючий сланец лежит в углу, а я пока займусь ящерами.

Мальчишки, испуганно поглядывая вверх, двумя проворными мышками скользнули в расщелину.

Я знала, что они увидели. Над нашими головами, там где смыкались два края каньона, летели тучи песка. Оттуда он сыпался вниз, колючим потоком по спине. Это ещё только начало, дальше будет хуже, дальше будет страшнее.

Поэтому убедившись, что мальчишки в безопасности я занялась транспортом. Нарисовала прямо на борту повозки ключ утяжеления. Теперь её не унесёт, и соответственно наши верховые ящеры останутся у расщелины. Сами ящеры, подчиняясь моим командам, легли на землю, и я натянула на них общий большой тент, который раньше закрывал повозку. Маленький плотный тент, которым укрывались раньше мальчишки, я забрала с собой. Прихватила корзину с нехитрой едой, бурдюк с водой и яйцо и решительно вошла в расщелину.

Костер уже разгорался, хотя огонёк то и дело прятался от чудовищной песни ветра, забирающейся вовнутрь.

Было холодно.

Закрыв тентом вход, я сообщила:

— Сейчас станет значительно теплее. Но спать все равно будем вместе, иначе ночью замёрзнем. Завтра с утра продолжим движение. Но задерживаться не будем, поедem сразу в город. Али, куда тебя доставить?

— Лучше не в город, лучше сразу к шаману. Да и брат должен будет именно там оставить оплату.

— Шаман живёт под куполом?

Али отрицательно помотал головой.

— Неа, ему в городе не нравится. Он в стороне живёт, в небольшом ауле.

— Как называется?

— Аул... — подросток замолчал, перебирая в памяти названия. — Пичуг. Точно, аул Пичуг!

— Слышала и знаю, где он находится. В принципе нам даже через город ехать не нужно, сразу в аул поедem.

— В этот аул можно попасть только через город, — заупрямился Али.

— Это ты так думаешь, — улыбнулась я ему. — Змеиные проводники время от времени заглядывают в тот район по личным делам. А мы города не жалуем, поэтом и двигаемся до аула по тайным, да безопасным тропинкам. Или под землёй.

— Там же...

— Змеи у них нет уже два цикла.

«Вот и появится, кстати. Одну змею я отправила именно туда», — подумала я, занявшись корзиной.

— Зеон.

— Да? — удивлённо воззрилась я на Ена. Муравьёнок все это время предпочитал отмалчиваться, а тут вдруг заговорил. — Что-то не так?

— Здесь кто-то есть. Я не слышу дыхания, запаха, биения сердца. Я его ощущаю вот здесь, — показал мальчик на голову.

Если не ошибаюсь, в этом месте у муравьёв располагались усики-антенны. Что значит, Ен уловил не человека, он уловил отблеск мыслей.

Об этом мне ещё дед рассказывал, даже до того как мы побывали в их ауле. Рассказывал

о них вообще и о королеве в частности. Раньше не поверила бы, кто бы мне это ни сказал. Но дед мне объяснял долго, а королева потом подтвердила, поэтому не верить мальчишке не вижу повода.

Здесь кто-то есть. В руку скользнул сам собой катар.

— Эй, кто здесь прячется, выходи! Сам найду — хуже будет!

Камень в углу дрогнул и сдвинулся в сторону. На меня смотрел человек в длинном шаосе.

— Как вы меня почуяли? — голос был приятным, мужским, в меру властным, в меру деликатным.

— У нас свои способы. Кто вы?

— Я Рамир. Змеиный охотник. Спрятался здесь от бури, а тут вдруг шум. Мало ли кто мог приехать, дни нынче беспокойные, вот я и предпочёл спрятаться. А потом показаться не успел.

Я кивнула, собираясь сделать вид, что поверила, но до этого случилось кое-что ещё.

«Он врёт. Он был здесь с самого начала, и он — не живой!»

Мысленный голос Ена был чуть глубже и немногим взрослее, чем его голос в реальности. Голова отдалась осколком стреляющей боли. Ен был прав. Но я не знала, нужно ли нам показывать это знание.

— Я Зеон, змеиный проводник, — представилась я в ответ. — Эти двое, мой заказ, говорить имена их не буду.

— А ты значит, Зеон.

— Да.

Глаза хозяина пещеры полыхнул огнём безудержной ярости и чистого незамутнённого счастья. Он ринулся ко мне, растопылив пальцы:

— Значит, я приказываю тебе, отдай своё тело, Зеон!

В воздухе соткалось размазанное изображение, и мужчина собрался возле меня. Попытался запустить руки в моё тело, и у него ничего не получилось. А следом, довершая разочарование хозяина пещеры, ему в лоб прилетело рукоятью катара.

Запаса инерции не хватило, мужик просто рухнул на пол. Присев рядом с ним на корточки, я упёрла лезвие катара ему в горло.

— Не дёргайся, Рамир, это будет с твоей стороны глупо. У меня, да, не надо строить такого испуганного взгляда, оружие особенное. И то, что ты мёртвый, тебя от него не спасёт.

— Откуда?!

— Я знаю? О, у меня хорошие друзья, я успел много попутешествовать, побывать в местах закрытых. А как мне повезло с наставником — словами не передать.

— Ты!

— Ну, да, я-я. Итак, Рамир, что ты выбираешь? Хочешь, жизнь, хочешь — смерть. Я, скорее, буду очень рад, если ты выберешь окончательную смерть, это позволит разобраться с тобой сразу и не терять понапрасну время.

— А как насчёт жизни? И последующего погребения?

Я молча смотрела на Рамира.

— Зеон? Он что такое? — раздался из-за моей спины подозрительный голос Али.

— Он мёртвый, был главой одного из аулов, — сказала я негромко, не сводя с Рамира изучающего взгляда. — Его убили, забрали медальон вождя и не похоронили как следует. Но в те три дня пролилась кровь, и он вырвался от врат обратно на землю. Даже успел захватить

тело убийцы. А потом убили точно так же убийцу. И он теперь мёртвый и неприкаянный.

— Ты меня знаешь? — спросил мёртвый изумлённо.

— О нет, мне просто объяснили на твоём примере, к чему может привести человеческая глупость. Так, ты сражаться не разучился?

— Конечно же, нет.

— Тогда слушай мои условия. Три цикла ты будешь моим напарником. Потом год на то, чтобы отыскать твои кости. Не найдём, снова три цикла на работу и год на поиск. И так, пока нужное не будет в наших руках. Согласен?

— Три цикла работы?

— Да, — кивнула я. — Три цикла, а потом год поисков.

— Это... много.

Я пожала плечами.

— Ты можешь отказаться, как я уже сказал — убить тебя гораздо проще.

— И какой тебе будет прок от мёртвого напарника? — осведомился иронично хозяин каньона.

А пользуясь тем, что под шаосе не видно, я торжествующе улыбнулась.

«Все! Он мой! С потрохами, сердцем и отсутствующим телом!»

Дед действительно говорил про этого Рамира много, потому что именно этот мёртвый в своё время помог моему деду и даже кое-чему научил.

— Мне не нужны мёртвые напарники, поэтому я позабочусь о том, чтобы ты казался живым и ощущал себя таким.

— Невозможно, если только...

— Свиток. Шаманский ключ изменения, в силах которого сделать из ребёнка взрослого, из мужчины женщину, из мёртвого — живого.

Я ещё не закончила, а Рамир не думал ни минуты, и именно на это я рассчитывала.

— Я согласен! — выпалил он торопливо.

Ещё бы ты был не согласен, голубчик! Как будто, спасибо деду, я не знаю, что предложить мёртвым.

— Не на словах, — засунув пальцы под ворот шаосе, я вытащила оттуда медный круг, амулет власти, который я сняла с убитого вождя Голландцев. Пожалуй, эту игрушку я никому не верну, придержу у себя. Она может стать неожиданным козырем в моих делах. То, что не может змеиный проводник, может сделать обладатель этого медальона. — На нем.

Глаза Рамира были огромные, когда он смотрел то на медальон, то на меня. Но надо отдать ему должное, справился со своим изумлением он быстро.

— Клянусь своей душой в верности змеиному проводнику Зеону. Клянусь ни словом, ни делом не вредить ему, охранять его, помогать в делах и начинаниях. И пусть порукой клятве будет моё посмертие!

Грохотнуло, по стенам расщелины скользнул сверкающий разряд и ударил в нас обоих. Когда же зрение прояснилось, и мы оба смогли прийти в себя, на предплечье призрака и на моём запястье проявились браслеты из уже знакомого, однажды виденного мне металла.

Ещё одна загадка нашла свой ответ.

Тусклый и едва ощутимой колючий. Такой браслет был у моей мамы. И вот теперь, я знаю его значение. Кто-то ей поклялся на медальоне власти. Но откуда такая редкость могла быть у мамы?!

Император города Тысячи сердец создал для аулов Аррахата всего четыре таких

медальона.

И, естественно, они были или у сильнейших, или у хитрейших. И мне даже в мыслях было странно допустить, что у мамы мог оказаться в руках такой вот медальон. Пусть даже на пару дней!

— Зеон? — в голосе Рамира послышалась тревога.

— Все в порядке. Малышня, — взглянула я на притихших подростков. — Ночью будем спать спокойно. У нас будет ночная стража. Ключ, — взглянула я на мёртвого, — используем завтра с утра. Здесь для этого слишком холодно.

Рамир послушно кивнул, приложил к сердцу кулак и вышел на улицу прямо сквозь стену. Ен хотел было торопливо что-то спросить, но отрицательно покачав головой, я приложила палец к его губам.

— Ложимся спать, — тихо велела я. — Я лягу в середине, вы двое прижмётесь ко мне по бокам. Накроемся моим шаосе, оно большое, и нам будет тепло.

Мальчишки переглянулись, взглянули на меня почти испуганно. А я уже снимала шаосе. Сняла верхний слой из грубых чешуек в сторону, встряхнула его и расстелила в углу. Средний и нижний оставила для того, чтобы накрыться.

Глаза Али и Ена были огромными.

Не знаю, что уж там они оба ожидали увидеть, но точно не мускулистое мужское тело. Не очень широкие плечи, накаченный пресс и бицепсы, узлы мышц, перекатывавшихся по телу.

— Ложитесь, — с трудом сдерживаясь от смеха, подтолкнула я мальчишек к временному ложу. — Завтра отправимся в дорогу пораньше и к вечеру будем на месте.

Али вздрогнул всем телом, и я его понимала. Время, когда он мог быть сам собой, стремительно подходило к концу. В результате мы так и уснули, я в центре и мальчишки по бокам, вцепившись в мои руки.

На утро Али выглядел аристократично-снисходительно. Маска хладнокровия на его лице сидела как влитая. И Ена он учил тому же.

«Жить в городах тошно», — подумалось мне в который раз, когда я приводила в порядок ящеров.

Рамир, прихватив шаманский ключ, отправился на край каньона, под палящий свет солнца — превращаться.

— Зеон?

— Да, — занялась я теперь повозкой.

— Мы скоро будем дома. А ты сможешь нас хоть иногда навещать?

Я знала, что стоит за вопросом Али. Совсем не желание видеть такую хорошую меня. Али искал возможность немного побыть ребёнком. Не носить эту чудовищную маску высокомерия, а побыть простым подростком, которым он в действительности и являлся.

Не самое тяжёлое, что я могу сделать для мальчишек.

— Да, — ответила я просто, — буду.

Али не улыбнулся, просто кивнул. Но я точно знала, что это неизбежные последствия маски на его лице.

Дождавшись, пока мальчишки заберутся внутрь, я накрыла повозку тентом и села на козлы. Долгая дорога подходила к концу.

У выхода из каньона в повозку запрыгнул Рамир, немного оглушённый и дезориентированный, трясущийся от холода. Применение свитка превращения после

длительного перерыва — понижало температуру тела, из-за чего человеку казалось, что ему холодно, что он смертельно мёрзнет.

Ничего страшного, поспит до вечера, придёт в себя.

Кнутовище легло в мою ладонь, как влитое. В воздухе щёлкнул бич, и под мой крик: «хо-хо», — ящеры начали набирать ход.

А через десять часов уставшие Ен и Али переступили шатёр шамана. Я получила свои деньги, мальчишки отправились вдвоём лечить девочку, а я — домой.

Мне не терпелось встретиться с дедом и все ему рассказать.

Из повозки я выпрягла двух ящеров, чтобы поехать верхом. Повозку с ещё двумя ящерами оставила шаману. Договорилась с главой аула о змее, которая скоро приползёт, и вернулась к Рамиру.

А потом только песок шелестел под лапами ящеров и молчал, дремал в объятиях остывающей Меды. Закатные лучи ещё согревали нас, но скоро должна была воцариться тьма.

Рамир молчал, я к разговорам никогда особо была не склонна.

В кармане приятно позвякивало заработанное золото, мы прибыли вовремя, и яйцо ещё ждало девочку.

Неладное я ощутила, когда мы уже въезжали на нашу территорию.

Меня не встретила ни одна змея.

И песок молчал, словно... Резко натянув поводья, я остановила ящера и спрыгнула вниз. Присела, провела ладонью по земле. Так и есть. Холодный! Песок, который должен был всю ночь отдавать тепло, накопленное за день, был холодным. Единственный вариант, объясняющий такой холод — это ключ сковывания.

Но я не могу себе даже представить, какой монстр его создал и применил.

И где мои змеи?! Где же они?

Про змей я забыла сразу же, когда до меня дошёл более очевидный факт.

Заклинание это хорошо действовало на змей, почти на любых, кроме тех, что были связаны ключом подчинения. Наши змеи связаны не были, значит, попали под это заклинание.

Не важно, что было дальше, главное, что в этом случае дед остался без защиты!

— Рамир, очень быстро за мной. По сторонам можешь не смотреть, мы уже на нашей территории, и здесь был чужак, уже успевший позаботиться о её стражах.

Первую змею, оцепеневшую, но живую, мы нашли через пару сотен метров.

Вторая живая, была почти у нашего дома. Тоже оцепеневшая.

Третьей я увидела свою любимицу Коралл, к сожалению, мёртвую.

Моя коралловая красавица обвивала наш шатёр тройным кольцом. И чтобы пройти внутрь, её убили. Буквально нашинковали на куски, подобно мясникам.

Молча погладив остывшее уже тело, с вырубленным куском над входом, я прошла внутрь шатра. Рамир ни на шаг от меня не отставал.

А картина, представшая нашим глазам, была чудовищной.

Разруха...

Одним словом можно было описать все, что я увидела. Но как было передать, что воцарилось у меня на душе, когда я увидела кровь. Кровь была везде — на ткани шатра, за неё схватился дед неверной рукой. Кровь была на мелких подушках, там на него напали. Кровавый отпечаток был на столе, он схватился за него, когда отступал.

Кровь была на полу — она щедро заливала шкуры, где дед оборонялся от прибывшего гостя. Нет, гостей.

Кровь, кровь, кровь...

А вместе с ней — вывернутые ящики, порванные, порезанные вещи, содранные со стен мои первые поделки из бисера, которыми я когда-то радовала деда.

Все было изувечено, все было разрушено.

Мой дед не сдавался до последнего, я могла понять это по оставленным следам. Но когда его выносили, в шатре все оставалось нетронутым. Кто-то другой побывал здесь.

Тот, кто здесь был, кто был виновен в разгроме шатра, сказал, что дед убит.

Этот человек видел кровь, а оставил за собой пепел и жажду наживы. Он разрушил все, что было нам дорого, лишь потому, что не смог найти ничего ценного.

Мог бы и не стараться. В этом шатре мы никогда не держали ни золота, ни шкур, ни ключей. Но кто-то посчитал иначе. И бескрайняя злоба вырвалась наружу, когда не оправдались ожидания человека.

Неважно. Сейчас это было неважно, гораздо важнее было то, что мой дед был жив! Вся кровь, что заливала шатёр, который я считала своим домом, принадлежала совсем другому человеку.

Деда вынесли отсюда живым и в сознании.

Горсть песка, просыпанная кем-то со стола — там всегда стоял стакан с редким розовым песком, перекачивалась под ногами и шептала его голосом.

«Город Хрустальных пределов. Не приходи! Не приходи! Город Хрустальных пределов».

Что ж, значит никакой новой работы и никакого отдыха. Я не могу «не идти». Я хочу вернуть деда и сделаю для него всё. Всё, что от меня потребует тот, кто его похитил.

А потом тот, кто разрушил наш дом, и тот, кто украл деда — а точнее отдал об этом приказ, заплатят за это своими жизнями — или я не Зеон, змеиное дитя!

II. Царь змей

Пески пели уже третий день. Тихо шуршали на ветру перекатываемые песчинки, поднимаемые вверх отзвуком ураганов, танцующих в сердце Аррахата. Небо было то словно чистый всплеск ясной бирюзы с прожилками светлых облаков, то опускалось, низко нависало над песчаным полотном тревожным багрянцем.

Но бури проходили мимо. Обрушивали свою ярость на другие участки, не касаясь моего дома.

Разделявая тушу своей любимой змейки, я тихо пела змеиную колыбельную, зная, что ни одна сила на Раяре не заставит Рамира подойти ко мне поближе или вслушаться в мой напев. Подпускать его к себе ближе я не собиралась. Как в физическом смысле, обязав его без лишней необходимости держаться от меня подальше, так и в смысле общечеловеческом. Я не хотела сейчас никакой дружбы, не хотела ни к кому привязываться. Контракт связал нас с призраком на девять годин — три цикла он будет рядом со мной везде и всегда. Его не удержат стены, он сможет пройти ко мне, где бы я ни находилась.

Его невозможно убить — он и без того мёртвый.

На него невозможно почти повлиять магией — она соскользнёт с него, пройдёт сквозь. Ни одна из страшилок нашего мира, ни одно проклятье — не сможет его взять.

Во всех смыслах он лучший напарник из возможных для змеиноного проводника. Есть только одно «но», он мёртвый, а я — девушка. И я не подпущу его близко настолько, чтобы он смог узнать лишнее.

Да, сейчас, получив передышку, я обновила свой свиток изменения. И теперь моё мужское тело по-прежнему выглядит и ощущается как мужское. Об этом я позаботилась сразу же. Я не могу проговориться. Даже в те несколько дней, когда моё тело отдыхает от свитка изменения — и я таюсь в пустынном шатре деда, я говорю о себе в мужском лице.

Но у свитков тоже бывают сбои, и я сама могу попасть под чужое заклинание, нечаянно проговориться. К тому же... я не могла ему доверять.

Это могло быть действительно совпадением: моё падение в ту нору, драка со змеёй, необходимость переждать бурю в каньоне. Это было слишком сложно, для того чтобы подстроить подобное намеренно. Но, к сожалению, обуревавшая меня паранойя с подобным подходом согласна не была.

Рамир вполне мог быть и засланным, чьим-то шпионом, нет, совсем не на меня. Так далеко моё самомнение никогда не распространялось. Дело было в другом, как раз в том самом каньоне, где он обитал.

Не сказать, что его любили плохие парни всех мастей. Разбойники держались от него подальше. Что уж их там пугало и заставляло осторожничать — вопрос интересный, но ответа на него искать никто не собирался. Проявлять любопытство в таком вопросе было делом не только зряшным, но ещё и откровенно небезопасным.

Почему? Те, кто узнали это — живыми ещё ни разу не вернулись.

Относилось это даже к асам Раяра — нам, змеиным проводникам. Трое проводников ушли туда, чтобы узнать тайну каньона и не вернулись больше никогда. Только песок потом пел по ним погребальную.

Ещё одним поводом держаться от этого места подальше, помимо подтверждённых смертей, было поведение змей. Они никогда не соглашались пересечь границу каньона

Печали. Я не верила, считала это сказкой, рассказами и однажды, решившись, проверила это на собственном опыте.

Всё оказалось гораздо страшнее, чем мне говорил дед. У границы я перестала понимать змей, словно я стала обычным человеком, а не змеиным проводником. Это было страшно. Мой дар был единственной моей защитой от окружающего мира, и если бы я его потеряла... я не думаю, что я смогла бы в этом случае выжить.

Я его не потеряла. Как только я удалилась от каньона на достаточное расстояние — дар вернулся, но ужас, испытанный тогда, я запомнила надолго.

Каньон Печали был местом по-своему интересным, по-своему пугающим. И однозначно, тут что-то скрывалось. Именно поэтому я допускала, что Рамир может быть чьим-то шпионом. Тем, кого оставили специально там. И пока я не получу опровержения или подтверждения этому, я буду держать между нами расстояние.

— Зеон, — песок не шелестел под его ногами. Даже в человеческом облике привидение сохранил несколько своих способностей. Он больше не мог, например, взлететь или пролететь сквозь толщу камня, но парить на нескольких сантиметрах от поверхности земли или просунуть руку сквозь полотняную стену шатра он мог по-прежнему.

Подняв голову от коралловой чешуи, которую я медленно обрабатывала ледяным камнем, я взглянула на него. Шаосе было сброшено, для методичной работы мне нужно было больше свободы. И сейчас Рамир видел молодого человека с тёмным загаром, обветренной кожей, чуть приплюснутым носом, тонкими губами, острым подбородком и глазами цвета тёмного граната. Не самые широкие плечи, довольно гибкое тело. У моего «изменённого» тела было чуть вытянутое лицо, на котором глаза сияли багровыми углями, по этим глазам меня узнавали мгновенно. А ещё по двум тонким полоскам чешуи, тянущимся от висков к скулам.

Я была воистину Змеиное дитя.

— Да? — спросила я, позволяя ледяному бруску стечь с моей ладони грязной лужицей.

— Расскажи мне.

— Что именно?

— О том, кто здесь жил вместе с тобой, и к чему ты готовишься.

— Мой дед, — это он имел право знать, к тому же идти за моим дедом нам предстояло вместе, поэтому я должна была ему рассказать ему все то, что не нанесло бы нам, нашей семье вреда. — Он вырастил меня. Помог стать змеиным проводником, обучив всему, что знал сам. Мы старались скрывать, насколько дороги друг другу. Но из-за него я приманил к нашему призрачному аулу несколько змей. И как ты видел — они не помогли.

— Почему тогда ты его не ищешь? Мы уже третий день сидим здесь вместо того, чтобы...

Рамир замолчал, глядя на меня со странным выражением в глазах. Привидение ещё слишком недолго было в шкуре человека, чтобы по его глазам я могла что-то прочесть. Но я поняла, он задумался.

Он не мог не понять, что дед был мне дорог, что я переживаю. Да я этого не показывала, но тонкая эфирная материя, проявляющаяся в мире всплесками некой незримой силы — он должен был увидеть это.

— Ты же не можешь знать, где он? — уже с вопросом в голосе произнёс Рамир.

Я пожала плечами, едва заметно.

— А почему тогда я сижу здесь, можешь предположить?

— Ты ждёшь чего-то.

— Верно.

— И это что-то не требует твоего присутствия в другом месте.

На этот раз я просто кивнула и снова занялась шкурой, превратив новый свиток в ледяной брусок.

Спокойное занятие обработки чешуи, чтобы потом сделать из неё что-то, успокаивало меня, лучше всяких цепей удерживало на одном месте. К тому же это было единственное, что я могла сделать в память о своей Коралл — сделать из её чешуи то, что будет меня защищать так же, как защищала она.

Я не была змеей, но я была змеиным дитя, и я не могла оставить без памяти одну из своих самых первых и самых любимых змей. Коралл была достойна лучшего. Волшебный цвет её чешуи был достоин того, чтобы стать не шаосе — платьем. Она будет лучшим платьем для той меня, что иногда просыпается среди яркого пустынного цикла.

Она станет платьем для призрачной леди, которой змеиные проводники пугают новичков... Естественно, я сама никого не пугала, но мало ли что пригрезится в танцующем урагане?

— Зеон, чего ты ждёшь?

— Знака, что время вышло.

— Вышло?

На этот раз отвечать я не спешила, перебирая алые чешуйки, чуть загибая их, чтобы придать им другую форму. Потом все же сказала:

— Тот, кто забрал моего деда — сильнее меня. Настолько, что чтобы справиться с ним, я должен получить шанс как-то расшатать его состояние. Возможно немного раздражения, немного злости, немного непонимания. Мне нужны крупницы того, что я могу привлечь на свою сторону. Мы выдвинемся после того, как он назначит дату казни моего деда. Только после этого и не раньше. Мы выдвинемся тогда, когда до казни останется несколько часов. И появимся в том месте, где это случится только за несколько минут.

— Казнь? Ты думаешь...

— Он отдаст приказ убить моего деда, за то, что он отказался вовлекать меня в дела лордов Раяра.

— Откуда ты знаешь? Откуда ты...

— Я же говорил, я змеиный проводник.

— Этого недостаточно, — Рамир прищурился, — этого недостаточно, чтобы знать то, что происходит в других местах.

Я смотрела на него, не отводя взгляда. Меня не волнует, что он скажет. Если не дурак, он может попробовать сделать выводы, но кто сказал, что я должна буду как-то их подтверждать или опровергать?

— Ты отверженный.

Я занималась своим делом, даже не глядя на Рамира.

Он уселся напротив меня, гипнотизируя взглядом.

Мог смотреть сколько угодно, даже если захотел бы — попробовал бы протереть во мне дырку, это бы ему не помогло. Меня сейчас интересовало только то, что я делала. Все остальное не стоило моего внимания.

Рамир откинулся на руки, разглядывая небо над нашими головами.

— Зеон.

— Да?

— Почему ты не спрашиваешь о каньоне?

— Потому что сейчас это не то, что меня интересует, — честно ответила я. — Сейчас у меня другие приоритеты. И я хочу разобраться в первую очередь с ними.

Мужчина, наблюдающий за мной, кивнул, потом резко поднялся:

— Пойду, пройдуся.

— Не уходи дальше первого круга, — сочла необходимым я повторить предупреждение. — Ближняя змея уже знает вкус моих свитков, и тебя не тронет. Но дальние пока под новым свитком, так что они не смогут тебя опознать, если ты подойдёшь слишком близко.

Рамир поклонился и двинулся к небольшому озеру, прятавшемуся в песчаных ладонях недалеко от нашего аула.

Выпустив из рук чешую, я запустила пальцы в песчаное полотно и откинулась на спину, позволив тёплому покрову закутать меня в своё наждачное манто.

Песок гладил меня тысячами ладошек, перекачивал на своих волнах, оберегая ото всего на свете. Песок был сейчас моим союзником, но теперь я знала, что даже он может предать, даже его можно обмануть.

Сейчас он шептал о том, что хозяин города Хрустальных пределов повелел скормить деда Ассана змеям-охранителям. И это было гораздо хуже, чем то, что я думала. Опустить его в подземелья собирались на закате. И это значило, что нам пора отправляться.

Рамир, которого я звать пока не собиралась, появился как раз тогда, когда я накидывала на себя змеиную шаосе. На наручах из плотной чисто-чёрной чешуи были два ярких драгоценных камня, словно живущих своей жизнью. Мои клинки, моё продолжение, которое я выковала сама под присмотром кузнеца в ауле муравьиной королевы, были не самыми красивыми, но однозначно могущественными. Заряженные камни искрились, готовые в любой момент прийти мне на помощь.

Защититься от этого оружия было невозможно без специальных свитков. А моя магия... с некоторых пор я начала задумываться о том, а есть ли кто-то, кто может меня пересилить? Что именно я приобрела после того, как стала отверженной, и так уж много я потеряла, как всегда думала?

— Зеон?

— Отправляемся, — сухо велела я, присев на корточки, чтобы позвать змею.

— Время вышло?

— Противник немного переиграл планы. И я решил, что последую его примеру. Я видел твою тренировку, кстати, необходимо поменять тебе оружие. Эта тростиночка, что у тебя на поясе, не сможет никого убить. К тому же, — в моём голосе прорвалась лёгкая нота уважения, — ты силен. Ты настолько силен, что в следующий раз эта шпажка может сломаться.

— Зеон?

— Тебе не идёт твоё имя, — отозвалась я равнодушно, расправляя на лице повязку, закрывающую нос и рот, оставляя открытыми только глаза и тонкие ниточки чешуек, ставшие в последнее время ещё ярче, чем были.

— Почему? — изумился Рамир.

— Если я правильно помню «ра» — солнечный, «мир» — подобный волку. Какой же ты, «подобный солнечному волку»?

Моё личное привидение споткнулось и осело на песок, глядя на меня в величайшем изумлении.

— Зеон? — как-то испуганно спросил мужчина.

Я взглянула на него неуверенно:

— Что?

— Откуда ты это знаешь?

— Что именно?

— Это знание давно потеряно в пустыне.

— У меня хорошие друзья, Рамир. Очень хорошие.

Испуг привидения был мне понятен. Я знала его имя, я знала истинное значение его имени. Там, в каньоне я могла просто воспользоваться этим знанием, чтобы навечно сделать его своим пленником. Мужчина просто осознал, какой опасности он избежал, даже не заметив.

Если и раньше он не знал, как ко мне относиться, как трактовать мои действия, мои порывы, как оценивать то, что я делаю, то сейчас к его непониманию и толике уважения прибавился страх. Не слишком сильный, но в его мыслях сейчас возник вопрос, не слишком ли он прогадал, решив стать подобным человеку, вместо того, чтобы остаться в безопасности мёртвого тела?

Пока привидение слишком долго задумывалось о бытности человека, между нами остановилась змея, одна из «запасных». Она паслась на дальних угодьях, их дед получил ещё пять годин назад от хозяина одного из городов под хрустальных куполом. Там было опасно для змеиных охотников, а наши змеи в этом месиве чужой смерти и рассаднике песчаных монстров считали себя в раю.

Призванная змея была очень быстрой и очень агрессивной.

— Рамир, ты едешь? — спросила я, садясь в переднее седло.

— Да. Конечно, — пробормотал приведение, усаживаясь во второе седло и закрепляя систему страховочных ремней. Тем же самым занималась и я.

Впереди был путь в город Хрустальных пределов.

К седлу были приторочены сумки с провиантом и бурдюки с водой. У меня с собой было золото, достаточное чтобы купить целиком аул. На шее покачивался амулет власти, и одного его было бы достаточно, чтобы передо мной открылись любые двери.

В душе царило безысходное ощущение того, что домой я вернусь ещё не скоро...

...На этого человека можно было бы не обратить внимания. Пройти в городе, даже не заострив внимания, и это была бы страшная смертельная глупость.

Он был сродни ха-змеям. Свернувшись клубком, смотрел на окружающий мир древним созданием, которого не интересовали дразги и прочее. Но как же обманчиво было это ощущение! Я десятки раз видела настоящих ха-змей, поэтому знала, что сейчас этот мужчина может атаковать в одно-единственное мгновение. И всех моих талантов, всех моих знаний не хватит, чтобы увернуться.

Он был мужчиной, он был сильнее, и у него было больше опыта. А ещё, я осознала это всей своей сущностью, он был лордом. Чем-то, что не являлось человеком в той мере, которую я всегда вкладывала в это слово. Было что-то ещё, о чём я не знала, о чём не знал дед. Было что-то, что я уловила... чем?

— А, Змеиное дитя, — голос мужчины, даже не вставшего при нашем приближении с

горы мягких подушек был бархатным.

Сейчас не было тьмы и неверного света преддверия бури, сейчас это не был свиток превращения, передо мной был истинный лорд Хрустального предела.

Раскосые ярко-зелёные глаза, длинные тёмно-каштановые волосы, расплескавшиеся по спине, плечам, груди, удерживались, чтобы не лезть в глаза, тонким ажурным обручем. Кожа едва тронутая мазками золотистого загара, сильные руки, мощные запястья. Сильные плечи. Он был комком грациозной силы, и снова мне на ум пришло сравнение с ха-змеей, слишком уж мужчина был мощным, слишком подавлял.

Вокруг комнаты были стражи, в комнате на подоконнике сидела красивая девушка, на неё я смотрела с выражением, которое, пожалуй, можно было бы трактовать как вожделение. Но я изучала совсем другое, она не была нашей, она была такой же чуждой миру пустынь, как я сама. И глядя на неё я пыталась понять, откуда она, кто она. А что уж там читалось в моих глазах, песчаные боги лишь знают.

Ещё я не собиралась начинать первой разговор. Он был лордом по рождению, праву крови, своим знаниям. Но он украл моего деда, он вором вошёл в дом, открытый для него, и сейчас с точки зрения древних законов я могла вызвать его на дуэль до смерти. Чтобы его смертью смыть оскорбление моего дома и моей семьи.

Этих законов почти не помнили, остались только единицы из числа хранителей знаний — шаманов, таких как мой дед и королева песчаных муравьёв. Я прибегла бы к этому способу, если бы не два «но», заставлявшие меня осторожничать и бродить на самом краю между наглостью и безрассудностью. Первое «но» звали Али, это был старший брат моего замечательного мальчишки, несостоявшегося младшего родича. Второе «но» было не менее весомо, хотя всё же не помогло бы мне заглушить голос сердца, требующего крови врага. Я была слабее.

— Итак, — лорд оценил мою уловку не усмешкой — оскалом. — Змеиное дитя всегда притворялось хладнокровным, но и него есть свои слабости. И даже... — взгляд Хана обратился на Рамира, — свои сподвижники. Удивительное дело видеть кого-то столь... необычного в наши времена. Я думал шаманы уже утратили способ создания таких свитков.

Я промолчала, глядя на него. Под повязкой не было видно моего лица, но я не улыбалась. Сейчас я не могла себе позволить такой вольности. Это было больше чем драка на мечах, сейчас я не была на равных, у меня не было форы. Это было поле боя, о котором мне было известно гораздо меньше, чем мне казалось.

У меня были знания, которые я могла бы применить против лорда, но не против этого и не в этом теле.

— Адель, — резкий окрик лорда Хана поднял его наложницу с подоконника. — Сними с его лица покров.

Я не шевельнулась, даже не поменяла позу, как стояла, так и осталась стоять, когда тонкие пальцы девушки скользнули по моему лицу, отодвигая ткань. Потом с поклоном наложница отступила в сторону, оставив меня и Хана.

Это не была дуэль взглядов, в ней бы я проиграла. Я не улыбалась, это было бы равнозначно тому, что я подпишу сейчас себе смертный приговор. У меня не было особой силы, но мои мечи здесь и сейчас были слабее даже не меча — той тростиночки, что висела в ножнах на стуле, сбоку от лорда.

Он изучал меня, как изучают произведение воинского искусства. Он изучал меня как оружие, которым он хотел бы владеть.

— Да, — пробормотал он. — Само совершенство. Оставьте нас. Все.

Я могла бы сказать, что Рамиру буду приказывать сама, но привидение вымелось из комнаты так, словно у приказа был второй слой, подкреплённый магией.

Стражи вышли, сохраняя чувство собственного достоинства. Последней ушла Адель. Наложница лорда, кажется, надеялась на поцелуй, но Хан не сводил глаз с меня. Если бы я была женщиной, пожалуй, подобное внимание мне бы польстило. Но здесь и сейчас оно было опасно. Аристократ передо мной был змеей, приготовившейся к прыжку.

Я знала, что когда он прыгнет — атакует он именно меня.

И я не видела способа от этого спастись.

— Значит, Зеон. Змеиное дитя. Воспитанник пустыни, по слухам рождённый ею. Хладнокровен, избегает правдами и неправдами схваток, но при этом два наруча, призывающих мечи. По слухам мечи из закрытой деревни песчаных муравьёв. Ты будешь моим оружием, Зеон. Это — условие сделки, которую ты заключишь со мной. Ты будешь моим и только моим оружием. Бросишь свои змеиные детские дела и будешь работать на меня так, как работаешь на своего деда. Будешь гулять по пустыне, выполняя МОИ приказы.

Если бы я была женщиной, я бы ударила его по щеке со всего размаха, со всей злостью, что бурлила сейчас в моих жилах.

Если бы я была недалёким человеком, я бы послала этого лорда, а потом встретила с дедом за несколько минут до того, как нас попытались бы казнить.

Я была змеиным проводником, за моей спиной были пустыня, змеи и, пришло неожиданно мне в голову, песчаные муравьи. Я не была силой сама по себе, но эту силу я могла призвать себе на помощь.

Я не оружие, которое покупают.

Я больше не бесправная наложница.

— Нет.

Он удивился. Совершенно определённым образом этот человек, услышав моё короткое слово, удивился больше, чем если бы за окном сейчас разбился хрустальный купол, накрывающий город.

— Нет? — повторил он задумчиво.

— Моя свобода не то, чем захотел бы дед оплатить собственную жизнь.

Хан откинулся на своём ложе, разглядывая меня.

— Ты отказываешь мне, своему лорду?

— Вы не мой лорд.

Он мог понять это, как ему заблагорассудится. Что я отказываюсь повиноваться, что я успела кому-то принести клятву защищать и подчиняться.

Но вряд ли ему придёт в голову, что я сама себе лорд, пока у меня на шее покачивается амулет власти. Слишком редкими были эти вещи.

Естественно, к какому выводу он пришёл, я не узнала. Но покрутив в руке бокал с вином, Хан кивнул сам себе:

— Я могу приказать тебя казнить, вместе с твоим дедом.

И вновь я ушла от прямого ответа:

— Это будет дорого вам стоить, лорд. Очень дорого.

— У тебя настолько влиятельные покровители? Не может такого быть, это бы все знали... Сам по себе ты стоишь не больше, чем те шаосе, что на тебя надеты. Значит, это тайна, которой ты кого-то шантажируешь?

Понимание пришло неожиданно. Точно так же как я осознала, что передо мной не человек, я поняла, что он издевается.

Он с самого начала не собирался принимать меня на работу, он просто хотел выбить меня из равновесия. Но мой ответ ему не понравился.

Настолько, что теперь мне предстояло заплатить за это. Редкий случай, когда его отвергают, не был для него привычкой.

И теперь...

— Давайте не будем кружить вокруг да около, лорд. Я не буду игрушкой аристократа. Никогда. Ни ручным воином, ни ручным зверем, ни личным оружием. Я воин пустыни, я её дитя. Я Зеон.

Лорд отреагировал на мои попытки быть сильной равнодушным взглядом.

Но говорить я ещё не закончила.

— Вы пришли к деду, чтобы он выполнил для вас одну работу. Одну-единственную. Вы обговаривали с ним это. Но, узнав о том, что именно вы хотите получить, он отказался от этого. И вы сказали ему, что раз не хочет выполнять работу он сам — вы заставите её выполнить меня. Вы забрали его именно с этой целью. Вначале, вы думали о том, чтобы отравить его. Чтобы отправить меня по делам, а в качестве оплаты поставить противоядие. Но вас ждал очень неприятный сюрприз. Яд не подействовал. Вообще. И тогда вы велели приготовить палача. Но палач, только бросив взгляд на деда, сказал, что он не хочет беды от пустыни. И единственное, что вам осталось — это скормить моего деда змеям-охранителям. Именно поэтому я пришла. Столкновение двух таких сил, могло бы привести к беде, разрушить город.

— Не к смерти твоего деда.

Я позволила насмешке отразиться не на губах — в глазах. Он меня не понимал. Но только что он посчитал, что в этом городе есть кто-то, кто важен мне не меньше, чем мой дед. Хорошо, это правильный подход. Поможет ли это мне, не знаю, но только что ему пришло в голову, что крючок, засаженный мне в глотку, сработал лишь частично.

А потом он засмеялся.

Этот змеиный лорд хохотал как мальчишка, запрокинув голову, словно предлагая вцепиться ему в горло. Я осталась стоять на месте. Я не могла даже сжать кулаки, чтобы ненароком не выдать своё состояние.

Когда Хан выпрямился, я уже смогла успокоиться настолько, насколько это было вообще возможно в текущей ситуации.

— Змеиное дитя. Когда я отправил своего брата с тобой, я считал, что может случиться что угодно. И только когда уже было поздно возвращать его обратно, я осознал, что случилось. Что мой брат ушёл с человеком, которого ему однажды напророчили. Я не мог понять, вернётся ли он живым. Или ты вернёшь мне его труп. Или никто и никогда не вернётся домой, и только песок постучится в окно и скажет, что моего брата больше нет.

Я заставила себя молчать, только смотрела на откровенничающего лорда. А потом он гибкой змеиной пружиной взвился в воздух. Движение было невероятно стремительным, единственное, что я успела сделать — это сгруппироваться. Удар был силен. Ударившись спиной о стену, я на мгновение перестала дышать, перестала думать, перестала ощущать окружающий мир.

Когда же я смогла снова собрать себя в своём теле и разуме, Хан уже был рядом, разглядывая меня своими непостижимыми глазами. В его руках не было оружия. Но на его

левой руке была татуировка. Я видела подобную не раз — татуировка живого оружия. Знак воина победившего в турнире песчаных воинов, проходящего каждый цикл. Татуировка была не живой, не мёртвой. Но когда в этом была необходимость, она даровала оружие воину. И в течение трёх лет (а иногда оружие сохранялось и на больший срок) никто не мог коснуться его помимо хозяина. То, что даровала татуировка, невозможно было украсть, невозможно было выбить.

Проклятое оружие песчаных богов. Форму же она принимала, наиболее подходившую хозяину.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дед! Во что же ты влип?! Во что же такое встряла я ненароком?!

— Ты знаешь, что это, — Хан не спрашивал, он уже все понял по моим глазам. — Или ты не тот, за кого себя выдаёшь, или ты действительно истинное дитя пустыни. Признаться, я не знаю даже, какой именно вариант мне нравится больше.

— Что ты хотел? Что ты хотел от моего деда?

— Отправить его послом к Царю змей.

Что-то разбилось, и подозреваю, это было само время.

Не найдя в моих глазах ничего кроме тупой пустоты, Хан взяв меня за предплечье подтолкнул к креслу, стоящему у окна. Налил крепкого вина мне и себе. И только когда в мои глаза вернулась некая доля осмысленности, заговорил:

— Все аристократы Аррахата знают, что мир не кончается за границами нашей Великой пустыни. Он гораздо больше, чем можно себе представить, об этом не зная. В мире много чего такого, чего не можем объяснить ни мы, ни шаманы. И мы не одни народы в этом мире. С песчаными львами ты знаком, хотя я до сих пор ломаю голову, как тебе удалось договориться с королевой. Чем ты заплатил за эту тайну? Своим телом? Своей силой? Неважно, — Хан перестал гипнотизировать меня своим взглядом и вальяжно развалился в кресле. — Помимо песчаных муравьёв есть змеи, гигантские разумные отчасти змеи, со своим правителем. Царь змей. Он...

Впервые в жизни я видела, как лорд угасает, его взгляд стал мёртвым, злым и... едва уловимо, словно угольки в почти потухшем костре, я видела там страх. Он боялся.

— Он не человек. Он не змей, которого можно было бы подчинить. Он... нечто такое, чему нельзя с ходу подобрать названия. Он не терпит людей, он ненавидит аристократов, словно однажды кто-то уже успел сделать что-то, что заставило его нас возненавидеть. Но раз в три цикла мы должны отправить ему дары, чтобы подтвердить то, что мы до сих пор соблюдаем мирный договор. Я хотел, чтобы твой дед отправился туда, вместе с договором и дарами. Он отказался.

Я молча смотрела на Хана. Я знала, ощущала всем своим сосредоточием, куда он скажет идти — пик Гроз. Скалистый кряж, где постоянно шёл дождь. Место, окутанное страшными легендами, место, служащее пристанищем самым разнообразным монстрам. Место, куда по доброй воле не захотел пойти бы никто на белом свете. Но у меня не было выбора. Я не хотела становиться личным оружием этого лорда. Я пробыла с ним не больше часа, но свиток в моём теле вибрировал, отзываясь на что-то. Постоянное пребывание рядом с ним разрушило бы мою маскировку.

Да и сейчас я была на грани провала, мне нужно было уходить, но...

— Договор.

— Что? — вздёрнул бровь Хан.

— Я хочу стандартный договор, заключаемый со змеиным проводником. Нас не раз нанимали для того, чтобы мы что-то доставили, это не составит проблем. В особые пункты запишем, что помимо стандартной оплаты, ты вернёшь мне деда и никогда больше не тронешь его. Если захочешь нанять меня однократно на какое-то новое дело, я выслушаю твоё предложение. Но к деду ты больше не приблизишься, при любом исходе этого задания. Более того, оплату можешь внести и потом, но деда освободишь сегодня.

Лорд ухмыльнулся, потом хлопнул в ладоши, раз, второй, третий. Он не был доволен, он насмеялся.

— Не проблема. Но кто даст гарантию, что ты отправишься именно туда, куда нужно и доберёшься туда в срок?

— А ещё есть какой-то срок?

— Десять дней.

— От сегодня? — скупно уточнила я.

— От завтрашнего дня, завтрашнего рассвета.

— Тогда я успею.

— Ты уже был на пике Гроз?

— Я его видел не раз, и хорошо знаю безопасный путь, которым можно добраться до подножия. Если, конечно, лорд не забыл упомянуть о чем-то, что может помешать выполнению миссии. И причину, из-за которой он не отправляет своих доверенных людей.

— Доверенные люди будут защищать день и ночь жизнь моего младшего брата, — лорд смотрел в мои глаза. Что в них было? Спокойствие... Нет, что-то более растревоженное, что-то близкое к человеческой тревоге. — Я боюсь за него, Змеиное дитя. И если бы в другой раз я поехал бы сам к Царю змей, то сейчас я не могу сделать этого, не боясь потерять своего брата. Он важнее для меня, чем кто-либо ещё.

Я кивнула. Он врал. Он смотрел на меня, говорил что-то и врал.

Я не собиралась его слушать, просто молча смотрела на точку между бровями и делала вид, что внимаю. Он замолчал неожиданно, потёр сухие пальцы друг о друга, словно желая высечь искру.

— Ты человек? — спросил он резко.

— Да, — ответила я, не задумываясь. — Я дитя пустыни, но более человек, чем ты.

Хан чуть сгорбился, потом кивнул:

— Хорошо. Ты мне не веришь, я не верю тебе. Но мне нужно, чтобы к Царю змей отправился человек, как минимум, не собирающийся меня предать. Значит, это должен быть или твой дед, или ты. Деда ты вовлекать не хочешь, также, как он не хотел вовлекать тебя. Но ты сильный, выносливый и молодой. Хорошо, мы сделаем так, как ты ставишь в условия, но с оговорками.

— Оговорками?

— Я заплачу тебе, — лорд отмахнулся одним движением. Деньги для него были песком, никогда не заканчивающимся. — Сразу же и в полной мере, я отпущу твоего деда прямо сейчас, и ты получишь возможность провести с ним этот вечер. Я принесу клятву, что больше не подойду к нему и не буду вовлекать его в дела аристократов Раяра. Но завтра на рассвете ты будешь стоять около моего дворца. Завтра утром ты отправишься к пику Гроз вместе с договором и дарами. А залогом того, что ты сделаешь обещанное, будет помимо клятвы, которую ты принесёшь на стандартном контракте, ещё и человек. Я отправлю с тобой одного из соглядатаев. Он хороший воин, хотя и мерзкий человек. Он будет

присматривать за тобой во время путешествия. И если ты попытаешься сбежать — убьёт тебя.

Я могла долго думать, планировать, прикидывать, но на это не оставалось времени.

— Я согласен, — твёрдо кивнула я. — И тогда, лорд, давайте не будем тянуть, подпишем контракт.

Хан хмыкнул и встал. Его ситуация, кажется, тоже начала устраивать. Какой ловушки только что я избежала, того не зная?

А через час и десять минут мы втроём отъезжали от города Хрустального предела, не домой — к перевалочному пункту, к аулу Странников. Мой дед, сейчас выглядевший хрупким и потерянным, кутался в тёплое шаосе, которое было у меня с собой в котомке. Вдали от пустыни, удерживаемый решётками, он не получал от неё силу жара, и сейчас никак не мог согреться.

Рамир не мог отделаться от мерзкого ощущения во рту, несчастное привидение никак не могло уразуметь, почему так быстро послушался абсолютно незнакомого человека.

Я же... прощалась с пустыней. Я знала, что завтра на рассвете двинусь к пику Гроз, я знала, что из такого путешествия могла не вернуться, я знала, что мне предстоит то, что считалось невозможным — встретиться с Царём змей. Я боялась этого и мечтала. Предвкушала, как воду посреди жаркой пустыни, и боялась, как если бы меня снова ждал алтарь посреди холодной одинокой ночи.

Я была переполнена этими ощущениями, как графин вином.

А по моей щеке ползла вниз и понемногу разрасталась полоска чешуи...

...Не знаю уж зачем, но этот лорд, не иначе как волей богов родившийся не в змеиной шкуре, пришёл нас провожать. Я лично от подобной бы чести открестилась с искренним удовольствием, но... Заказчик платит — и он же заказывает музыку. Захотелось этому... лорду вручить верительные грамоты и дары лично, пусть вручает.

Грамоты были впечатляющие, посмотрев на них один раз, второй раз я хотела бы их увидеть только на месте, на пике Гроз. Согласно этой хрусткой белоснежной бумаге я могла убить любого, кто осмелится стать мне на пути, объявить войну, неважно аулу или городу сразу, потребовать и получить от правителя абсолютно любой местности, даже от разбойников, всё, что мне взбредёт в голову.

С учётом амулета власти, всё так же висящего у меня на груди, я могла быть даже уверена в том, что никто на Аррахате, кроме императора и его доверенного лица, не сможет меня остановить.

Дарами же, кстати, оказались два деревянных ларца, инкрустированных драгоценными камнями, причём — настоящими, а не теми, что создавали шаманы, обращаясь к богам. Цену этих сокровищ я себе даже не могла представить, она выражалась таким количеством золотых, которых хватило бы, наверное, чтобы купить себе целый город.

Едва только увидев эти ларчики, я поняла, что на ближайшем привале должна накрыть их иллюзией, но следующие слова Рамира заставили меня содрогнуться:

— Ну, и дары, — буркнул он себе под нос презрительно, — два свёртка в грязных тряпках.

Хан усмехнулся, а я — забеспокоилась, с чего это вдруг я начала смотреть сквозь чужой свиток скрывтия видимого? А потом я уловила запах и покрылась холодным потом.

Рассеянный лорд, сейчас спокойный и даже отчасти равнодушный, взирал на меня

сквозь дым сгорающего свитка обнаружения.

Мысли метнулись в разные стороны стайкой перепуганных наложниц в гареме. Это случайность? Он что-то заподозрил? Я себя ненароком выдала?!

Огонь погас, выражение лица лорда не изменилось. Видимо, он подозревал что-то другое, не меня. Но перевести дыхание мне не удалось. Насыщенное утро, а ведь мы ещё даже не выехали за пределы хрустального купола! готовило мне новый сюрприз, без которого я лучше бы обошлась.

— Итак, — лорд Хан отступил с довольным видом, — змеиное дитя, про тебя говорят, что ты отличный проводник, но слишком своевольный, поступаешь не всегда так, как надо, а так, как руководишься сам своими мыслями. Поэтому, я решил, что назначу тебе в напарники и помощники своего доверенного человека. Сейчас ты с ним познакомишься.

Когда я увидела человека, который будет моим не напарником — надсмотрщиком, я покрылась мурашками с ног до головы. Пальцы сами собой сложились в жест, отгоняющий зло. Но это зло такими методами изгнать было попросту невозможно.

Я его знала. Его знали все, кто был мало-мальски связан с крупными делами, проходящими в Аррахате. О, нет, он не был советником или правой рукой лорда Хана, он был — гораздо хуже, его доверенным палачом и выездным эмиссаром. Если он выехал из Хрустального предела, то через несколько дней пески доносили плач крови. Он был убийцей и одним из нас. Когда-то он был змеиным проводником, нет, не самым лучшим, для этого он был слишком честолюбив. Он никогда не впускал в себя зов пустыни, никогда не вслушивался в её напевы. Он её подчинял, и пустыня, как женщина, прогибалась под него, не в силах устоять.

Его ненавидели поголовно все. Он мог прийти посреди любого задания к любому проводнику, потребовать идти за ним — и никто, ни один не осмелился бы выступить против него. Не потому, что за ним стояла вся сила Хрустальных пределов, а потому, что он был палачом. Умелым, талантливым, психом, любящим свою работу.

У нас ходила поговорка — хочешь жить, никогда не переходи дорогу Киту.

— Это Кит, — не сходила тем временем улыбка с лица лорда Хана. — Он будет тебе помогать, Зеон. Во всем и везде. Считай, что ты можешь доверить ему все, что захочешь. Приказывать ему, конечно, не стоит. На это имею право только я, но любую твою просьбу он выполнит, даже если она будет выходить немного за грани разумного. Единственная твоя задача — доехать в срок до пика Гроз и добраться туда... куда надо.

Хан усмехнулся.

— В общем, Зеон, если у тебя есть желание с кем-то поквитаться, ну, мало ли, то сейчас у тебя есть такая возможность, воспользуйся ей с умом. Кит, — один ларец лорд уронил мне в руки, второй — отдал своему подчинённому. — Ты знаешь, что делать. Ларцы должны быть доставлены в срок, а верительные грамоты должны быть у Зеона до конца. Даже если, — понизил он голос ровно настолько, чтобы не слышали остальные, зато хорошо разобрала я, — тебе придётся доставить к змеям мёртвое тело нашего посла, случайного погибшего в какой-то стычке. Ясно?

— Ха!

Уй... Я с трудом удержалась от присвиста, вот это... это... было ударом ниже пояса. В один момент я успела осознать все, что лорд пожелал довести до моего сведения. Я могу вернуться домой живой и невредимой, только если не буду ни на что и ни на кого отвлекаться. В противном случае, деду не вернут даже мой труп.

По жаре никто его никуда не потащит.

Обидно не было. Просто — работа, работа змеиноного проводника.

И если я хотела вернуться домой, если я хотела снова увидеть деда и наш уютный уголок в песчаных ладонях, мне предстояло не просто постараться. Мне предстояло вылезти из шкуры ради этого.

Но к этому я была готова.

Поэтому кивнув, я запрыгнула в седло ящера, опустив драгоценный ларец с толикой показной небрежности в седельную сумку. Теперь все зависело от того, как боги поведут себя. Дадут ли они Киту свою расположенность, даруют ли они взгляд Рамиру. Или то, что они отвернулись от меня — перекроет все, что было и что есть в активах моих «напарников». И надо сказать, что в этом случае нас ждёт «весёленькое» приключение...

Думать об этом не хотелось, как и быть частью чего бы то ни было! Только... выбора не было, и, качнув поводьями, я сорвала ящера с места.

* * *

Если смотреть на карту Аррахата, то Хрустальный предел — это один из самых северных городов нашей пустыни. Он не особо удачно расположен с торговой точки зрения или, например, шпионской. И долгое время я не могла понять, за какой счёт этот город не только существует, но ещё и с каждым циклом все богатеет, пока не задала прямой вопрос деду.

Отвечать мне он, если честно, долго не хотел, а сама выяснить информацию на тот момент я не могла. Впрочем, если бы я только немного подумала — поняла бы это сама. Самое ценное, что есть на Раяре — это драгоценные камни. Они бывают разными, дед пытался мне объяснить, но на втором предложении, где сочетались индексы, плоскости, рёбра сечения и какой-то там состав — я сдалась и потребовала более понятного языка.

Потом об этом я пожалела, но время было упущено.

Свитки шаманов, ключи — которыми мы пользуемся, бывают временными и постоянными. Вот постоянные требуют для своего «хранения» и «закрепления» некие материальные предметы. Наши шаманы утверждают, что для этого подходят только драгоценные камни. Те же в свою очередь бывают естественными и созданными. Вот камни и добывали на территории Хрустального предела. И уже оттуда, под охраной военных и наёмников, готовых защищать нанимателя ценой своей жизни, развозились в центральные города Аррахата.

Ну, и естественно, была и обратная сторона этой медали — около ключевых путей постоянно кто-то ошивался.

Именно поэтому, когда мы покинули пределы города, вместо того, чтобы поехать сразу на восток, я свернула на запад.

Рамир молчал, он ещё не достаточно хорошо выучил мой характер, поэтому предпочитал в таких сомнительных моментах вначале ждать, потом задавать вопросы или осмеливаться делать встречные предположения.

Наёмник, пугающий меня одним фактом своего существования в этой поездке, промолчал. Не знаю уж по какой причине, но меня сейчас это молчание вполне устраивало. Мне надо было подумать.

Итак, во-первых, если вспомнить карту, то пик Гроз, меня всегда манивший, находится почти по прямой на восток от Хрустального предела. Беда только одна — в том же направлении шёл путь к сердцу Аррахата — империи, городу Тысячи сердец. Там постоянно было не протолкнуться, если можно так сказать о пустыне. Если ведя караваны в любую другую точку моей родной пустыни, я могла кроме «заказчика» не увидеть вообще никого живого, то на этом тракте в сутки можно было пересечься с двумя-тремя караванами.

Слишком много свидетелей. Слишком много потенциально опасных людей. Отпадает.

Во-вторых, прямой дороги к пику Гроз не было вообще, никакой. То есть какую-то часть пути придётся проделать на змеях. В отношении Рамира — это не страшно, в отношении моего «надзирателя» — вопрос уже спорный. Как много успел обо мне выяснить лорд Хан? Насколько много ему известно, что лучше скрыть, а что лучше продемонстрировать сразу?

В-третьих, меня волновал путь, которым лучше добираться. Сейчас мы двигались на запад — в ту сторону, куда двигались очень редко что караваны, что разбойники, правда, по разным причинам. Честному человеку в той стороне — Долине смерти, делать было нечего. А разбойники боялись даже думать о территории Летучих Голландцев. О том, что эти парни уже мертвы, пока ещё широкая общественность не знала. Знал дед, ему я рассказала почти всё... что случилось в этом путешествии, хотя кое о чём всё же умолчала. Соблюдая клятву королеве, следуя велениям браслета клятвы, следуя паранойе, шептавшей, что пески могут передать мои слова врагу.

Я не сказала ему ни слова об амулете власти на груди, о том, что Рамир — мёртвый, сказала только, что у меня появился новый напарник, с которым мы заключили договор. Дед не слепец, он понял все сам... Точно так же, как и то, что это не надо говорить вслух.

Возвращаясь к дороге, сейчас, пока мы двигаемся этой тропой — дорога будет безопасна в любом случае. А потом придётся поворачивать на юг и, сделав крюк, ехать к пику Гроз. Не по северу, там проходила граница пустыни, и был огромный провал, на другой стороне которого клубилась белизна, не дающая что-либо увидеть.

То есть, самый простой вариант, который можно было взять на вооружение, это через некоторое время сменить дорогу на параллельную от Хрустального предела к городу Тысячи сердец.

Но этот вариант мне чем-то не нравился.

Нахмурившись, я потёрла правый глаз и воззрилась на невозмутимого наёмника.

Как и многие другие, не сталкивающиеся с этим психом лично, я знала о нём слишком мало. Слухи и достоверные знания сейчас мало могли мне помочь, мне нужно было знать его натуру.

Будет ли он слушать меня? Или предпочтёт передёргивать одеяло на себя? Какие именно всё-таки ему отдал приказания лорд, заманивший меня и деда в эту песчаную ловушку? Ждать ли мне удара в спину? Почему-то мне кажется, что ждать...

А узнать об этом человеке я могу немного больше.

— Кит.

Мрачный взор обратился на меня, но я не дрогнула. Он не лорд, так что добавлять никакую приставку к его имени я не собираюсь.

— Ты можешь ответить на мои вопросы? — продолжила я, стараясь не выдать своей нервозности. Мне был знаком его взгляд, я видела его однажды даже у себя в зеркальной глади озера в оазисе. Это был взгляд убийцы, уже выбравшего себе жертву и затаившегося в

ожидании подходящего момента для убийства.

Игра в гляделки долго не продолжалась. Ленивый взгляд скользнул по мне сверху донизу, потом мужчина лениво повёл плечами. С грацией змеи, которую мне развить так и не удалось. Моё тело в мужской ипостаси двигалось немного рвано, а женская пластика была пластикой танцовщицы.

— На некоторые — да, — соизволил ответить мне он. — У тебя появились вопросы?

— Как мы будем действовать. Ты слушаешься молча меня? Или у тебя другие планы или указания на этот счёт?

— Я слушаю тебя ровно до тех пор, пока это не угрожает безопасности наших посылок или не вызовет опасность срыва сроков доставки.

Откровенно на удивление, но гораздо лучше, чем я могла даже предположить.

— Говорят, ты был змеиным проводником, правда?

— Это не праздный вопрос.

— Безусловно. Любопытства я был лишён с детства.

— Это хорошее качество, — в голосе Кита не звучало ничего, ни одобрения, ни раздражения. Он просто констатировал факт, а потом дал пояснение, которое, на мой взгляд, лучше бы не звучало. — Будешь задавать меньше вопросов, у меня будет меньше поводов, чтобы задуматься о целесообразности сохранения тебе жизни.

Если бы не накидка шаосе, закрывающая лицо, пожалуй, я бы усмехнулась, потому что из этого путешествия мог не вернуться и он тоже. Хотя нет, такую информацию я приберегу на крайний случай. Как и амулет власти, который может мне дать над ним власть, ровно на один приказ, но и этого мне хватит, чтобы он не смел покушаться на мою жизнь.

Никто не знал, откуда пошло это табу, но считалось, что если убить того, кто владел амулетом власти, то человек получал сразу три проклятья. Одно — себе, он лишался милости богов. Второе семье — все, кто был связан с ним кровными узами до третьего поколения, также лишались божественной милости. И наконец, третье, лишалась этой милости семья того, кому человек служил. Для Кита первое и второе вряд ли могло бы выступить достаточным гарантом моей безопасности, но вот третье...

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что этот бесстрашный человек до дрожи боится своего начальника. Не знаю, что там такое из себя представляет лорд Хан, и не желаю этого знать, но я запомню, чтобы воспользоваться этим при случае.

— Так, всё-таки, — взглянула я на мужчину недовольно. — Змеиный проводник. Ты был им или нет?

— Был.

— Хорошо. На змеях ездил?

— Да.

— Как насчёт фобий? Змей там? Ха-змей? Темноты? Песчаных тараканов? Баранов?

— Это тоже слухи? — вот теперь впервые в голосе Кита звякнули какие-то эмоции. Что-то сродни злобе, круто замешанной на раздражении. Ненужная мне информация, но тоже отложим в памяти, он очень странно к этому отнёсся — какой-то страх есть.

А сейчас спасём шкуру того несчастного, кто это ляпнул, иначе с палача станется перерывать весь Аррахат и найти обладателя очень длинного языка.

— Нет, уточняю информацию, необходимую мне для работы, — сообщила я флегматично. — Я змеиный проводник, и должен знать всё, что касается дальнейшего путешествия. Возвращаясь к змеям, сколько времени можешь провести в седле?

— Сутки без перерыва, не больше.

Не самый впечатляющий результат, но могло быть и хуже.

— Хорошо. Я ожидал лучшего, но все же достаточно и этого. Отсюда мы проедем ещё немного на запад. Там возьмём трёх змей и уже на них отправимся не по тропам, а напрямую к пику Гроз. Минуем вообще все торговые и военные тракты, обойдём разбойничий путь. Дважды пройдем мимо оазисов, где пополним запасы воды и будем отдыхать весь день, а ночью — и на сутки будем снова и снова отправляться в дорогу.

— Три змеи? — повторил Кит за мной.

Я кивнула:

— Да.

— Три змеи?! — с ещё большей экспрессией повторил он. — Я не смогу контролировать свою змею.

— Никто и не просит.

Не желая того, я заставила вынужденного напарника потерять дар речи. Он замолчал, но в глазах стояла тень изумления. Кажется, этот мужчина не может в полной степени ощущать все эмоции, и то, что я вообще что-то заметила — уже отклонение от нормы.

— Я сам все сделаю.

— Три змеи?

— Да.

— Одновременно?

— Да.

Рамир, всё это время отсиживающийся в арьергарде нашей группы, услышал в моём голосе раздражение и, подъехав поближе, осторожно вклинил своего ящера между моим и ящером Кита.

— Простите, что перебиваю, но когда мы свернули на запад, вы выглядели странно довольным этим фактом, — заговорил он негромко. — Скажите, пожалуйста, была какая-то ещё одна, особая причина, по которой ваш лорд отправил постороннего... посыльного с доставкой такого важного для вас заказа?

Кит ответить не спешил, но я и не ждала этого. Гораздо важнее было то, что Рамир задал вопрос, отвлекая огонь на себя.

Я же снова прокрутила в памяти предстоящую траекторию путешествия.

Первая крупная точка — это крупный аул недалеко отсюда, в паре часов езды, где мы и возьмём змей. Аул Песчаных баранов. Название такое было выбрано не случайно, именно там баранов разводили и продавали всем желающим почти в любых количествах.

Вторая точка — это через сутки — оазис на юго-юго-западе от города Хрустальных пределов.

Оттуда мы начнём забирать в сторону пика Гроз.

Третья точка — новый оазис. Отдых в дневное время, самое пекло, и новое движение.

Потом третий оазис и ещё один суточный переход, после этого мы будем у подножия пика Гроз и у последнего оплота Аррахата — разбойничьего форта, выстроенного там с разрешения императора города Тысячи сердец. Зачем ему понадобилось давать такое разрешение, я понимала, разбойники получали возможность реабилитации и помилования, если прослужат в форте достаточно долго.

А император соответственно получал бесплатную наёмную силу.

Насколько мне было известно, в форте дважды вспыхивали бунты. Первый раз для его

подавления император бросил песчаных воинов. А второй раз — нет. Просто когда вспыхнул бунт, пришла ночь. Когда же рассветные лучи обагрили стены форта, живых там уже не осталось. Не было и свидетелей, которые могли бы объяснить, куда это все так неожиданно делись. Просто был форт и не стало.

Наверное, цикла четыре после этого, от этой границы шарахались все, кто только мог. На него боялись даже бросить случайный взгляд.

Дед, когда рассказывал мне эту страшилку, сказал, что это сделали змеи. Зачем и почему не объяснил, естественно, но теперь, когда я ехала в ту сторону, чтобы вручить дары, я могла предположить, что все дело именно в этом договоре. Когда вспыхнул бунт, его усмирили змеи. Что случилось с людьми? Что ж, полагаю, они закончили своё существование в удушающих кольцах.

Может, конечно, и от ядовитых клыков ха-змей, но на кольца ставлю больше.

Потом, кажется, около пятнадцати годин назад, аул Волков, располагающийся южнее форта, окончательно разорился, пересох их источник, змеи ушли с оскудевших территорий (или дело было в близости пика?), но одним словом — сейчас именно Волки владели фортом. И вот здесь крылась одна проблема — миновать форт нам не удастся, никак, а Волки и мой дед находились с давних пор в очень недружественных отношениях. Поэтому, хоть я и храбрилась в душе, последняя часть пути до пика Гроз обещала вымотать мне всю душу. И хоть этого бы мне не хотелось, избежать форта было невозможно.

Хотелось бы верить, что верительные грамоты помогут, но...

Я уже не раз сталкивалась с безрассудством Волков, с них вполне могло стать и наплевать на все грамоты и приказы власти. Просто потому что я воспитанница деда, просто потому, что по законам пустыни — я подлежу уничтожению, как продолжение Ассана, Змеинового взгляда Аррахата...

Дед, естественно, об этом мне сам никогда не рассказывал. Стал бы он! Все было гораздо проще, я узнала об этом сама. Причём самым неприятным из возможных способов — столкнулась с этими Волками. Миновала аул, как он мне и говорил во время планирования пути, но вот об охотниках волчьих в оазисе он не подумал, а я не знала, что их надо остерегаться. Поэтому, уже когда возвращалась домой и остановилась там передохнуть, отпустила вторую змею охраны.

Моя змея — верховая, переваривала пищу, я отдыхала у кромки воды, в своём настоящем виде, что самое жуткое. Я задержалась в пути, а запасного свитка на ту пору у меня не было. Так что под шаосе было не мужское тело, а хоть и перетянутое бинтами, но все же моё — настоящее.

И потом было очень «весело», когда они старались всеми силами меня убить, а я убиваться отказывалась, ибо не понимала, что это вообще за странные догонялки вокруг озерца.

На ту пору из одной крайности «все враги», я впала в крайность ещё более опасную — «все друзья». Под крылом у деда я могла позволить себе такую наивность. И первые самостоятельные путешествия могли бы стать для меня последними, если бы он за мной не приглядывал.

В общем, то многострадальное путешествие закончилось двумя трупами и одним бежавшим Волком, сообщившим в аул, что у деда действительно появился воспитанник. Отношения между ними натянутые, но, тем не менее, он есть. Следующий цикл мой наставник посвятил преподаванию мне нового цикла дисциплин. На этот раз помимо

«защити себя», он учил меня заниматься упреждением, потом добавилась политика, я узнала больше о городах.

И до сих пор продолжается моё обучение.

В общем-то, это путешествие очень хорошая возможность, чтобы заняться изучением и получением новых знаний. За те несколько часов, что у нас были, дед устроил так, чтобы мне доставили четыре камня с информацией. Не знаю, когда он успел их записать, но в дороге у меня было чем заняться.

Как сказал наставник, когда вручал мне сияющие кристаллы, не факт, что лорд Хан так просто меня отпустит. Мне надо учиться противостоять сильным мира сего, потому что такой сильный змеиный проводник как я — это потенциальный козырь, который надо только правильно разыграть.

И именно поэтому в ближайшее время мне предстоит изучать интриги и... интриги.

Рамиру скучно будет вряд ли, призраки — они на то и призраки, чтобы делать то, что захочется. Границы и ключи, которые могут запереть такие создания — чрезвычайно редки, да, и не все о них знают. Так что будет работать разведчиком!

Ну, а Кит... развлекать этого парня я не нанималась и не собиралась тем более.

— Зеон?

Повернув голову, я взглянула на палача:

— Да?

— Мы проехали путь, ведущий к аулу Баранов.

— Конечно, — согласилась я. — Зачем нам туда? Нам надо к нему, а не в него.

Кит промолчал, не потребовав объяснений. Наверное, понял и сам. Рамир взглянул на меня с непониманием.

Если я правильно помню, то во времена Рамира этого аула здесь не существовало, он располагался гораздо южнее. Подъехав ближе к его ящере, я тихо пояснила:

— Аул Песчаных баранов — известны как главные заводчики домашних баранов. У них очень большие стада, около аула часть территорий превращены в зелёные поймы. Чтобы поддерживать их — у шаманов уходит очень много сил. К тому же создать что-то из ничего невозможно, нужны какие-то... подходящие условия. И время от времени аул снимается с места и переходит или на новые земли, или на старые, успевшие восстановиться. Из-за того, что это очень богатый аул, у них много воинов. И очень много стад, о которых заботиться в должной мере пустыnnики могут, а вот самим доставлять их в аулы заказчиков — уже нет. На это дело раз в годину нанимают особых пастухов — змеиных проводников. И естественно для охраны в ауле две-три змеи. Они время от времени гибнут, появляется вакантное место, поэтому рядом с аулом в пределах досягаемости постоянно перемещаются пять-шесть змей, их мы и позаимствуем. Кстати, именно здесь в естественной природе можно увидеть схватки змей.

Рамир понятливо кивнул и задумался.

Задумалась отчасти и я. Двух змей с территории Песчаных баранов я удерживала, а вот трёх... получится ли? С одной стороны, с тех пор прошло уже достаточно времени, я повзрослела, если так можно сказать про себя. Поумнела... хотя это спорно, с тем учётом, куда и в какой компании меня несёт.

Впрочем, стоит отметить главное — я смогла призвать на танец не двух и не трёх змей, а гораздо больше, поэтому установить контакт я смогу со змеями без труда. Надеюсь.

Ладно, а теперь долой отвлечения. Где мой первый кристалл, о чём слушать будем?

Ага. Политическое устройство Аррахата. Плавали, знаем... Но раз дед счёл нужным, будем слушать, запоминать. По его словам лишней информации никогда не бывает, она бывает только недостаточной...

...Когда начало темнеть, я остановила своего ящера. Сумерки расползались по оранжево-серому песчаному покрову, скрывая края этого полотна где-то за линией горизонта. Далеко-далеко светились огни аула, ещё дальше в тонком мерцании можно было угадать два крупных города под хрустальными куполами.

Левее был крупный оазис, принадлежащий песчаным баранам. Правее был оазис потайной, использовавшийся разбойниками. Наш путь лежал именно туда. Приманенные змеи уже ползли в нашу сторону, и последняя должна была приползти к этому оазису через полтора часа. Так что сейчас нас ждал небольшой отдых и продолжение путешествия, теперь уже на змеях. За ночь нам предстояло сделать крупный переход до первого оазиса.

В ауле у этого оазиса людей сегодня было немного. Четверо мрачных охотников, поглядывающих в сторону пары змеиных проводников, ещё трое оборвышей разной степени потрёпанности — беглые рабы либо разбойники, нарвавшиеся не на тех, кого следовало. И, наконец, высокий мужчина в белом шаосе. Один.

Взглянув на него с удивлением, я спешила с ящера, неспешно занялась его приведением в порядок. Рядом тем же самым занимались мои «напарнички». Ящерам предстояло остаться здесь, в оазисе, ожидать нашего возвращения с прогулки от пика Гроз.

В общем, «тайные» эти аулы — о них знали отлично все заинтересованные, были своеобразными перевалочными пунктами, где царил строгий запрет на драки и стычки. Никто не хотел по вине кого-то с несдержанными нервами лишиться такого удачного места, где можно было не только встретиться с представителем противоположного лагеря, но ещё поговорить с ним и даже заключить сделку.

А ещё в таких местах «глаза и уши» Императора — его шпионы, встречались со своими посланцами, передающими для них новую информацию.

Этого мужчину в белом шаосе я как раз и видела раньше, вместе с дедом.

Естественно, меня не представляли. Но так же естественно, что не узнать меня он не мог. Вообще, взгляд на этого мужчину отправил мои мысли совсем в другую, отвлечённую сторону.

Если быть точнее, в ауле Странников есть люди, которых я ненавижу, вот просто, без причины, очень истово, а ещё очень заразно. Звучит безумно, на деле получается ещё хуже, уже просто по той идиотской причине, что ненависть перекидывается с человека на объект его слов.

Простой пример — свитки льда, их используют, чтобы что-то сохранить в дороге, создать ледник для запасов мяса, чтобы оно не испортилось, ну и ещё пара далеко не тривиальных применений. Человек, которого я ненавижу, говорит, что это очень удобные свитки, и в результате больше я не могу ими пользоваться!

Или называя кого-то, этот человек характеризует положительно этого некто — все, как отрезает. Я больше не могу общаться с этим человеком!!!

Или, того хуже, путь, которым я всегда водила караваны. Пара слов похвалы, и больше этим путём я никогда не пойду. Что это?

Не знаю. Дурацкое чувство, по сути дела не имеющее под собой никакого основания. Эти люди не переходили мне дорогу, такие неудачники все мертвы. Эти люди никогда не

покушались на моего деда или на моё положение в ауле Странников, но всё равно, ненависть никуда и никогда не пропадала. Она могла притихнуть, достаточно, чтобы я могла выдавить из себя пару приветственных слов, и после этого вспыхивала с новой силой.

Впрочем, бывало и обратное. Когда я... когда мне нравился человек без какого-либо повода.

Вот этот мужчина в белом шаосе — был как раз из числа вторых, а его дочь — из первых.

Лорд Вессен, один из немногих, за судьбой которого я иногда присматривала, если он попадал в поле моего зрения. Мне нравился этот высокий сухопарый мужчина, с пристальным давящим взглядом и сухой улыбкой. Мне нравился его негромкий баритон. Нравилось то, как он дерётся (было дело, видела... помогла и, к счастью, была не поймана, а потому не бита). Мне нравилось в нём все настолько, что в итоге я начала совершать даже глупые попытки оказаться к нему ближе. Пока дед не заметил.

Вот тогда он и промыл мне мозги. Выяснилось, что уж если я влюбилась (а я влюбилась?) — так себя вести, это только подвергать себя несказанной опасности. Потому что любовь между мужчинами — это знак отверженности, и прямой путь — на алтарь, умирать во славу богов.

А уж если выяснится что я женщина...

В общем, мимо лорда Вессена после того я целый цикл бегала мимо. И вот теперь он здесь, и у меня в душе пусто. Только чуть-чуть обидно.

Отвернувшись от своего собеседника, лорд подошёл ко мне ближе.

— Зеон.

— Добрый вечер, — я с улыбкой шагнула ближе, протягивая руку.

Запястье к запястью — песчаное приветствие.

— Удивлён видеть тебя здесь. Я слышал про твоего деда и думал, что ты останешься с ним, пока он не придёт в себя до конца.

— К сожалению, — скривилась я, — дела зовут в дорогу.

— В весьма необычной компании, мой юный друг. Палач лорда Хана, от которого разбегаются даже отъявленные разбойники... и...

Я наморщила нос, хорошо хоть под шаосе этого все равно не было видно. Ну, вот естественно! Кто бы сомневался, что он увидит, что составляет сущность Рамира.

— Это Рамир. Мой напарник на ближайшие несколько годин. Я решил, что долгие путешествия по пустыне не скажутся хорошо на моём здоровье, если не будет никого, кто мог бы прикрыть мою спину.

— Последние дела становятся все опаснее и опаснее.

— Можно сказать и так...

— Удивительная встреча, все-таки. Итак, мой юный друг, вы здесь надолго?

— Мне ждать ещё минут сорок-пятьдесят, прежде чем змеи сюда доберутся. А потом мы отправимся дальше.

— В ночь? — удивился лорд.

Я кивнула.

— Дневные долгие путешествия... Трудны. Ночью в песках хоть и холодно, но меньше опасность бродячих миражей. Вы же знаете, каждый раз, когда сезон бурь в разгаре, там, где нет бури — есть миражи.

— Что одно, что второе — ничего приятного, — покачал головой мужчина. — Не

обессудь, твоих... напарников приглашать к столу я не буду.

Я тихо засмеялась.

Слухи не ввали. Лорд Вессен боялся мёртвых и ненавидел Кита. И я совершенно определённо не хотела разбираться с тем, что собой представляли истоки этой ненависти.

— Ничего страшного. Рамир постоит на страже, а Кит... есть здесь точно не будет.

— Тогда прошу. Я недавно накрыл себе стол, но что-то переборщил с запасами еды.

Когда мы устроились за небольшим накрытым достарханом, лорд Вессен положил между нашими тарелками маленький свиток, коснулся его указательным пальцем и над нашими головами раскрылся «купол слепоты», а сразу же за ним — «пелена глухоты». Теперь чтобы не было сказано здесь и сейчас, чтобы не было сделано — никто этого не увидит.

— Вот уж не думал, не гадал, что лорд Хан отправит к Царю змей человека со стороны.

— Лорд? — изумилась я.

— Не переживай, мой юный друг. Знаешь, свой свояка видит издалека. Как ты можешь с первого взгляда определить в другом змеиноного проводника, так и я могу определить в человеке дароносца. Ты хотя бы знаешь, во что ввязался?

Я отрицательно покачала головой:

— Не было выбора, скажем так. А вы... лорд Вессен, вы знаете, вообще, зачем нужен этот поход к Царю змей, да ещё и с дарами, помимо верительных грамот?

— Всё просто. Всё удивительно просто, мой юный друг. Ты знаешь, что на Раяре несколько амулетов власти?

— Было шесть, два потеряны, четыре... у кого-то в руках.

— Хорошо, но не совсем верно. Два не потеряны. Два амулета вернулись туда, откуда пришли — к Царю змей.

— Ой... песчаные боги, вот это...

— Новость неприятная, правда? — лорд Вессен неприкрыто смеялся над моим изумлением и растерянностью. — Вся сила и вся власть змеиных лордов строится на амулетах Царя змей. Но при этом, амулеты не могут работать просто так, на холостых ходах. Им нужна подпитка, подзарядка... и раз в цикл мы возвращаемся к Царю змей с этими амулетами, дарами и грамотами. Хотя последнее — просто дань уважения. Главное — дары.

— А в обмен Царь заряжает амулеты?

— Верно. Но при этом есть кое-что ещё, мало прийти на пик Гроз, надо ещё и доказать свою силу, храбрость, силу духа. Тебе, мой юный друг, предстоит участие в полосе препятствий. Выигрывать не нужно, нужно просто её пройти, что н... не всегда удаётся. Второй попытки не бывает. Или проходишь, или не возвращаешься. И тогда амулет власти остаётся у Царя змей, до тех пор, пока кто-то не бросит ему вызов, ради этого амулета. Если же хозяин амулета не приходит сам и не присылает своих дароносцев, амулет теряет свою силу и растворяется.

— Да... — пробормотала я, пытаюсь сохранить на лице спокойствие. Но маска с меня слезала, я ощущала это всей своей сущностью. На поверхность выбирался не страх, я не боялась ни препятствий, ни даже личного знакомства с Царём змей. Все было куда как хуже. На моей груди тоже висел амулет!!! И по логике вещей я должна была появиться на пике Гроз с той целью, чтобы вручить ему этот амулет, раскланявшись в дружбе, пообещав мир и что-то ещё очень хорошее.

И... песчаные и змеиные боги скопом. Да почему же мне так не везёт?!

Ладно, боги с ними, с верительными грамотами. Если я приду сама, они мне не особо нужны. Но кто, по мнению Хана, должен был выходить на полосу препятствий? То, что второй дар — у Кита, а мне он ничего об этом не сказал, именно значит, что я просто... посланник? Или как? Или что?

И что мне дарить? И вообще нужен ли мне этот амулет власти?!

— Зеон?

— Простите, лорд Вессен, — я покачала головой. — Вы дали мне даже больше информации, чем я надеялся получить о предстоящем путешествии. Как вы думаете, много ли человек на Раяре знают об этом?

— Ты имеешь в виду, насколько сильное противодействие вы можете получить? — мужчина кивнул. — Именно об этом и думал император, когда отправлял меня и ещё нескольких человек в пустыню. По идее, беды не должно произойти, но там, где дело касается амулетов власти, ничего определённого сказать нельзя.

— Их всего осталось четыре, — пробормотала я, чтобы заполнить возникшую неловкую паузу.

— Один у лорда Хана, отправившего тебя. Один — у императора, поэтому я здесь, — кивнул лорд Вессен.

Я задумчиво подняла на него взгляд. И вот зачем он мне сейчас это говорит? Какая-то интрига? Хочет помочь? Или знает что-то ещё, о чём милостиво забыл мне сообщить лорд Хан?

— А известно у кого ещё два?

— У людей пустыни. Насколько мне известно, один амулет власти был у Летучих Голландцев. Ныне... покойных. Даже шаманы не знают, кто именно побывал в их поселении. Несколько оставшихся в живых человек погибли. Они пришли в разные аулы за помощью и защитой, но не прошло и трёх суток почтения памяти погибших, как они все умерли.

— Как?! — ахнула я.

— До сих пор заинтересованные ломают голову. Шаманы отказались даже близко подходить к трупам. Велели сжечь, прах развеять — и забыть.

Я потеряла дар речи. Вот просто смотрела на забавляющегося лорда Вессена и не знала, что сказать.

— А такое бывает? — наконец, выдавила я что-то из себя.

— Тому, кто их убил — виднее. Ну, и наконец, четвёртый амулет власти принадлежит кому-то из аула Волков. Тех самых, которые сейчас держат форт на перевале. И мимо которых нам придётся пройти. И с которыми нам ещё предстоит очень тесно познакомиться. И вот о чём я и хотел тебя спросить. Поодиночке, конечно, есть шансы проскочить опасные места. Но все же, если я присоединюсь к вам, мои шансы возрастают. А мои знания, может стать, будут тоже вам полезны. Ну, и мои связи. Не знаю, как насчёт тебя, мой юный друг, но меня в ауле Волков встретят с распростёртыми объятиями.

— Вы предлагаете союз, лорд Вессен?

— Да, Зеон. Про тебя ходит много слухов. Моя дочь первое время, ещё до того, как встретила тебя лично, собирала о тебе все, что смогла найти. Нашла она, естественно, не много. Странники не любят делиться информацией с посторонними. В основном ей скармливали слухи, но среди всего, что она однажды передала мне, была очень интересная информация, отом, что ты — рождён пустыней. На пустом месте такие слухи никогда не

рождаются, должен быть какой-то повод. Не обязательно очень страшный, крупный, достаточно мелочи, но он обязательно должен быть. Так я понял, что что-то здесь не так. И поручил своим людям узнать что-то о тебе. Также как и моя дочь, они вернулись ни с чем. И тогда я задал прямой вопрос твоему деду, на что получил шокирующий ответ, что ты действительно — дитя пустыни. Это значит, что в путешествии с тобой легче дорога. Не обязательно она «проще» и «безопаснее», но она — легче.

— Так не бывает, — усмехнулась я, наконец, осознав, на что намекает лорд Вессен. — Вы хотите сказать, что меня любит пустыня?

— Да. Не знаю, как к тебе относятся боги, они ревнивы, но пустыня тебя любит. Она подстраивается под твои бесшумные шаги, она бережно обнимает тебя руками, покорно ложится под твои ноги. И легко приходит на твой зов. А ещё вовремя сообщает о том, что грядёт буря. Или не только она. Именно поэтому, я прошу присоединиться к твоему движению.

— Лорд Вессен, не сочтите за наглость. Могу я увидеть ваши грамоты и сам амулет власти. Он же при вас?

— Возможная выгода не затмила глаза, — неожиданно велеречиво сообщил мужчина, потом спустил ворот шаосе. Алым огоньком мне подмигнул его амулет власти. А следом на стол легли верительные грамоты.

И пока я изучала их, лорд Вессен изучал мои верительные грамоты. Он же и обнаружил то, что меня волновало.

— Проходить полосе препятствий будет Кит, не ты. Твоя задача просто довести дары, вручить грамоты и заверить Царя, что ты — лучшее, что было у лорда Хана. Почему именно ты?

— В последнее время, у подножия пика Гроз становится беспокойно, — убрав грамоты в свою сумку, я покачала головой. — Почту за честь, если вы, лорд Вессен, присоединитесь к нашему пути.

Мужчина одобрительно кивнул.

— Хорошо. Можешь называть меня просто Грэсс или Эсс.

— Вам не идёт, — вырвалось у меня быстрее, чем я успела понять, что несёт мой болтливый язык.

Но лорд Вессен не удивился, только коротко хохотнул:

— Что можно ожидать от ученика Змеинового взгляда Аррахата! Действительно, шаман, которому поручили наречь меня именем, в ту ночь был немного не в себе, поэтому дал мне такое неподходящее... имя. Хорошо хоть фамилия не подвела.

— Лорд Ве... — я вздохнула, сбилась и поправилась. — Грэсс, скажите...

— На ты, Зеон, переходи на ты.

— Хорошо, Грэсс. А как давно ты знаком с моим дедом?

— Почти десять циклов, возможно даже немногим более. Мы познакомились, ещё когда он был зрячим мальчишкой, а я самонадеянным глупцом, считающим, что имя ничего в нашем мире не значит.

Я удивлённо покачала головой.

Вессен засмеялся. Кажется, ему нравилось видеть моё заблуждение.

— Итак. Зеон, на чем вы собирались продолжать путешествие?

— На змеях.

— Боюсь, у меня нет змеи...

— Вы сможете поехать вместе с Рамиром, — предложила я, не задумываясь, а потом до меня дошло, ещё даже до того, как лицо моего визави немного побледнело. — Хотя нет, думаю, Рамиру понадобится немного больше свободы, чтобы он мог осмотреться и вовремя заметить опасность. Кита же я могу не предлагать?

— Ты догадливый молодой человек.

— Значит... вы сможете не только управлять змеей, но и покорить её?

— У меня никогда не было способностей к змеиному делу, что неизменно огорчало моего деда. Наследники семьи Вессен должны быть или змеиными проводниками, или говорящими с ха-змеями. Если бы не родовая татуировка, он бы решил, что я не дитя нашего рода. Потом, правда, он начал винить шамана, нарёкшего меня неправильным именем.

— Значит, единственный вариант, если вы поедете в седле со мной. Сколько сможете выдержать верхом на змее?

— Часов двадцать. Восемнадцать даже более реально.

— Сутки никак?

— Нет.

— Что ж, — я кивнула. Чего ещё можно ждать от лорда? — Тогда лучше отправиться прямо сейчас, чтобы успеть проехать как можно больше времени. И в пик жары оказаться уже в оазисе. Ва...

— Тебя, — снова поправил меня лорд с улыбкой.

— Хорошо, — кивнула я, злясь, что не надела обратно полоску шаосе. Тогда можно было бы закусить губу. Ну, мужчина, ну не особо и симпатичный же, и улыбка... Боги, за что вы так со мной? Я уже разобралась со своей первой любовью, честное слово! Честное-пречестное!

— Зеон?

— Всё хорошо, — я мотнула головой, потом демонстративно потёрла змеиные полоски у глаз. — Что-то в голове заныло.

— Близится буря?

— Нет, — прислушавшись к шёпоту песка, возразила я тут же. — Не буря. Но что-то грядёт.

— Тогда разберёмся с этим по дороге. Кажется, я слышу шорох, и, кажется...

— Прибыли змеи, — кивнула я. — Пойдёмте знакомиться что ли?

Через пару минут я готова была взять свои слова обратно. Вообще. Все, любые и кому угодно.

Змеи явились. Три. Не просто ездовые или скромные хищники, а огромные, агрессивные ха-твари, смотрящие на меня как на дополнительный повод перекусить. Причём, остальных моих спутников они игнорировали из принципа. Не знаю какого. Может быть, для змей мясо отверженной тоже является деликатесом? Никогда об этом не задумывалась, и, кстати, никогда не спрашивала своих змей об этом. Осторожничала?

Сейчас, глядя вот на ЭТО, я полагала, что да. И что это было абсолютно правильное поведение.

Знакомиться с этими ребятами поближе меня не тянуло. Да, кстати — все трое были самцами, к моему искреннему удивлению. И все три змеи не спешили сцепиться из-за такого «лакомого» кусочка как я.

Они были ядовиты.

Слева-направо на меня взирали: чёрная мамба, металлическо-серый цвет её чешуи с

верхней стороны переходил в грязно-белый цвет на брюшке. Метров тридцать точно. И в «гроб» на её мордашке я могла, кажется, поместиться целиком. Не только агрессивная, но ещё и атакует в случае опасности первой. Единственный раз, когда я пыталась «подружиться» с мамбой, чуть не стал для меня последним.

Прямо передо мной был аспид, конкретно — тайпан. По спине прошлись впечатляющим строем мурашки. Нереально красивая ха-змея, одна из самых, не боюсь этого слова, впечатляющих на Аррахате. Тридцать три метра. По скорости и из-за своего агрессивного нрава — она одна из самых неприятных для змеиных охотников, потому что после встречи с такой красавицей — обратно не возвращаются. Кстати, именно тайпан стала смертельной для моей мамы.

Но всё-таки какая красавица. Однотонный красноватый цвет чешуи разбавлялся чёрными полосками на морде и переходил в желтоватое брюхо. Своих противников эта змея бьёт головой, приподнимает голову от песка, чуть ей покачает — и атакует. Ядовитая...

Справа от меня возвышался экземпляр поменьше, всего восемнадцать метров. Крайт. Чёрный с жёлтыми полосками, ну или жёлтый с чёрными полосками. В данном случае не имеет особого значения. Уникальная ха-змея, особенно с тем учётом, что она питается также и другими змеями, в том числе — и ядовитыми.

Самая ядовитая, хотя в отличие от мамбы и тайпана не может похвастаться впечатляющими клыками.

Кхм. Кажется, я заказывала не такой опасный транспорт! Боюсь, даже повернуться, чтобы посмотреть на лица моих спутников. Нет. Не буду. Пусть это малодушно, но я лучше с этими ребятами пообщаюсь.

Может быть, они просто тихо-мирно мне откажут, и я смогу подыскать что-то... Ладно, с тем учётом, что тут крайт, вряд ли помимо тех змей, что находятся под охраной аула, я смогу найти кого-то ещё. Тайпан и мамба просто ей не по зубам.

И эти красавцы точно со мной не останутся. Ау, боги, вы там меня слышите? Лучше, змеиные. Боги с ней, с моей личной удачей, но этих красавцев за что так подставлять? Пусть откажутся, да ползут с миром. Я не возражаю! Я лучше пешком пройду, целее будем, и я, и они тоже.

Жаркая моя мольба услышана не была.

Три змеи ехидно воззрились на меня, по очереди прикоснулись ко мне своими трепещущими длинными языками (я чуть не умерла на месте) и согласились отвезти нас троих, куда нам угодно.

В условиях было озвучено немного, но было то, что поставило меня в тупик.

Итак, питания змеям дополнительное не надо было — они сообщили, что обеспечат себя сами, если надо будет.

Никаких седел.

В том смысле, что все люди взрослые, должны уметь ездить без них. Кто-то не умеет? Искреннее сочувствие и пожелание быстрее научиться, а пока змеи только могут посоветовать держаться крепче.

Наконец, третье и больше всего удивившее меня требование был контакт. Змеи хотели, чтобы я постоянно поддерживала с ними контакт, тремя одновременно.

«Я такого никогда не делала!» — испугалась я невольно, когда дело дошло до этого.

«Вот и научишься».

И ощущение, волна эмоций, прокатившихся вдоль позвоночника. Они были слишком

живые, слишком разумные.

Мои змеи, самая моя умная змея, могла общаться, но она передавала направление, ощущение опасности, еды, воды. Она могла передать ощущение защиты или страха. Но не слова. Это никогда не было вот такой связной речью, насквозь пропитанной эмоциями и разумом.

«Вы не похожи на тех ха-змей, что я уже не раз встречала. Вы другие», — заметила я.

И получила шокирующий ответ:

«Естественно, мы такие уникальные и единственные. Но больше мы ничего тебе не скажем, всему своё время».

М-да... Кажется, лучше не становиться. Кажется, с каждым разом я влипаю все глубже и глубже в историю! И нет, мне это ни фига не нравится!!!

«Хорошо. Раз держать контакт со всеми, значит, мало того, что вы прикоснулись ко мне, вы должны... укусить меня».

Змеи переглянулись, а у меня возникло чёткое и совершенно жуткое ощущение, что я смотрю на людей в змеиной шкуре.

Страшно.

Страх прокатился по всему телу, я стала одним большим источником ужаса, а потом я перегорела. Не знаю, с чем сравнить, наверное, всего во мне стало слишком много, и не хватило места для ужаса.

Зато вернулось на место спокойствие, моя хладнокровность и любовь к змеям.

Три ха-змея уловили это, переглянулись и кивнули одновременно.

Первым ко мне наклонился крайт.

«Можешь меня называть Крайт, я самый лёгкий, поэтому возьму того, от кого пахнет духом».

Я вздохнула, протянула руку. Крайт облизнул указательный палец и... боли почти не было. Зато было ощущение, что я на мгновение стала вот этой, огромной полосатой змеей, ощущающей жар от нагретого песка пустыни, ощущающей тепло от мелких досадливых людей. Ощущающей сородича в хрупкой фигурке, стоящей на песке и уже не боящейся. Страх так мерзко ощущается на языке...

Вторым ко мне наклонился чёрный змей.

«Не люблю, когда меня называют мамбой, но тебе можно. Я повезу того, кого ты побаиваешься. Человека. Я присмотрю, чтобы он не обидел тебя. Теперь ты знаешь, что мы ощущаем в тебе сородича. Ты — настоящее змеиное дитя, хотя ещё не понимаешь, что это значит».

Возражать и спорить я не стала. Все-таки до сих пор я отчётливо помнила, как самая первая моя змея сказала, что я поменяю шкуру. Я её до сих пор не поменяла, но... Но все ли так просто, как я всегда думала?

Клык кольнул уже средний палец, и мамба отстранился, разглядывая меня чёрными глазами. Потом одобрительно кивнул и отполз, а напротив меня уже возвышалась громада тайпана.

«Ты поедешь со мной. Ты и тот, кто к тебе в нагрузку идёт. Ты умеешь ездить без седла. Это радует».

Клык тайпана скользнул по моему запястью. Крови было чуть больше, и змей дал ей время, чтобы немного стечь, а потом, когда раздвоенный язык скользнул по ране, словно острым песком провели! Длинная царапина исчезла.

А меня снова окатило ощущением смеха.

Надо мной не издевались, но подшучивали.

«Хорррошо».

«Даже чуть лучше».

«Чем мы ждали».

Больше змеи ничего не сказали, а я, понимая, что объяснить все случившееся спутникам не смогу, повернулась к ним и остолбенела. Они ничего не видели. Все трое сидели на песке, закрыв глаза руками.

Неожиданно детский жест.

Неожиданно трогательно и опасно. О такой слабости никто не должен узнать, поэтому... будем играть в эти игры и дальше.

Повернувшись обратно к змее, я спросила, словно что-то ища в собственной сумке:

— Мы едем дальше. Змеи согласились нас отвезти, только... — медленно повернулась я. — Мы едем без седел.

Ну... Наверное, выражения лиц всех троих мужчин стоили того, чтобы пройти через все, что случилось сегодня. Коктейль, превративший симпатичные довольно лица, в застывшие бумажные маски, отражающие спокойствие. А внутри всех троих бился страх.

И когда я говорила, кто на какой змее едет, пока я сама усаживалась в безопасное место между двух гребней на спине Тайпана, я не могла отделаться от ощущения, что дальше будет только хуже.

Только насколько — я себе ещё даже не представляла...

Песок шумел и тихо перекатывался под хвостами наших верховых змей, перешёптывался с окружающим миром и со мной, спеша донести последние новости. В тайном ауле появились два человека в тёмных шаосе, кого-то искали — и не нашли. Отправились в другую сторону, но песок проследить за ними не смог — потерял их из виду.

Чуть в стороне от нас бушевала серьёзная буря, на другой дороге, более накатанной и оживлённой, кого-то ждали люди, верхом на песчаных ящерах. Ждали долго, затянули до прихода бури и не успели спрятаться в безопасное место.

Не нас ли там ждали?

Говоря о «нас», напарники в этот раз мне достались, не просто «бей лежачего», а «свалился — добей сразу насмерть». Они и добивали. Не врагов, правда, на нашем пути живых уже часов шесть не встречалось — добивали они меня, параллельно неописуемо развлекая змей. Те, кстати, для всех моих спутников, изображали совершенно обычных верховых ха-змей, но вот в мысленной связи со мной, все было иначе.

Они ехидно комментировали каждое! моё действие и мою мысль, все, что происходило вокруг, и просто до пугающего напоминали мне Хана.

Вне всякого сомнения, они были опасны. Куда опаснее любой ха-змеи, с которой когда-либо мне приходилось иметь дело. В этой тройке «верховых» ощущался острый ум, а ещё что-то напоминающее ореол власти. Умение приказывать и любовь к этому. Что-то подобное я ощущала в королеве песчаных муравьёв. Она не была человеком, поэтому вот эта запредельная мощь власти, в её глазах, словах, заставляла склонить голову, преклонить колени, распластаться перед ней. Я не раз была свидетелем того, как сильные люди ломались перед королевой, рассыпались горстью стеклянного бисера, не в силах вынести её взгляда, не в силах постичь разумом её могущество. Меня спасло в своё время то, что я была

безоговорочно ей восхищена. Это восхищение и спасло меня.

Словно сквозь розовую шаль для танцев, я смотрела на неё и видела силу, мощь, видела тонкие черты и бескрайнее одиночество. Потом, когда я смогла посмотреть на происходящее совсем другими глазами, было уже поздно. За статью и беспредельной властью я уже увидела женщину, не нашедшую своего места в пустыне. Я нашла в ней сестру по духу.

И сейчас, что было и страшно, и для меня необъяснимо, в трёх змеях я ощущала что-то родственное королеве муравьёв.

Впрочем, были и отличия, королева и близко не была настолько злой и ехидной, как эта троица.

А ещё ей, правящей королеве, и в голову бы не пришло травить пошлые анекдоты, которыми развлекались змеи, пока мы удалялись от аула всё дальше и дальше. Змеи сбивали меня с мыслей, мешали вслушиваться в шёпот песка и присматривать за мужчинами, вручившими мне добровольно свои жизни. А ведь я за них отвечала!

Впрочем, даже это... Нет, особенно это не должно было стать оправданием тому, что случилось. Возможно, я просто переоценила свои силы, возможно, кто-то запретил песку вмешиваться. Не ощутили даже змеи приближение того, что надо было миновать любой ценой.

Мы беззаботно и безо всякого напряжения въехали в круг тумана.

О нём когда-то мне рассказывал ещё дед. Когда-то, когда я ещё не была проводником и потому восприняла это как страшилку. Ну какой здравый... хорошо, какая циничная девушка, твёрдо знающая только то, что люди делятся на рабов и господ, а в мире нет места свободе и счастья, поверит в место, исполняющее желания? Я и не поверила. Правильно, кстати, сделала, как выяснилось почти сразу же.

Круг тумана — явление непостоянное, законам нашей пустыни не подчиняющееся, по словам шаманов, ничем не объясняющееся. Оно просто есть и его надо принять как данность. Как когда-то мы... наши предки приняли существование ха-змеев, с размерами в сотни раз больше маленьких юрких змеек, гревшихся на теплом песке днём и зарывающихся в свои норы по ночам. Как когда-то мы примирились с тем, что есть песчаные муравьи, и они нас намного сильнее. Только им не нужна пустыня, так что мы можем делать в ней все, что захотим. Так и круг тумана. Данность. Необъяснимый факт, законы которого лучше зазубрить наизусть, мало ли когда и где доведётся встретиться?

Для счастливой, а главное долгой жизни, правило было только одно — держаться от круга тумана подальше.

Он был непредсказуем. Те счастливчики, что покинули его, выходили осчастливленные выполненным желанием и из-за этого сходили с ума. Тех же, кто вошёл в круг тумана и никогда не вернулся, было много, много больше...

Точное количество таких «счастливчиков» никто не считал. Шаманы говорили, что уже больше тысячи душ поглотил этот круг тумана. Название возникло не случайно. Попадшая жертва видела, как вокруг неё вспыхивает круг, чьи границы состоят из тёмно-серого огня, больше похожего на языки голодного тумана. Здесь можно было спастись, достаточно было прочитать короткое слово-ключ. Знали его все, кто когда-либо проходил обряд взросления у шаманов, но... в устах отверженных, к которым относилась, естественно, и я, слово это не действовало.

Что такое песчаная буря в личной жизни... Ну, и дальше по тексту той старой легенды, давно уже выученной даже самыми ленивыми.

Я ленивой не была, поэтому в своё время озаботилась данным вопросом, выучила слово-ключ, но! Ага, без ужа в спальных шкурах не обошлось. Это слово не действовало уже на тех, кто находился под свитком превращения, как я прямо сейчас.

Безусловно, уже дед не мог оставить это как есть и позаботился о том, чтобы у меня был третий вариант этого самого ключ-слова. Это слово давало защиту всем, кто входил в караван, который вёл змеиный проводник. Но никто из тех, кто воспользовался этим ключом, не говорил, чем платил за то, что случилось в круге тумане. У меня особого выбора не было. Я не знала, как круг может подействовать на ха-змей, но чудилось мне, что конкретно этим на пользу он не пойдёт.

С долей ехидства подумав, что кому-то не помешало бы сейчас начать молиться, я щёлкнула пальцами. Точно в тот момент, когда звук уже не звучал, но ещё и не затих окончательно, подхваченный песчинками под змеиными покровами, тихо шепнула:

— SharhasssssNesss'A!

Обилие шипящих в который раз привело к тому, что я послала мысленные лучи «добра» в сторону того, кто создал этот язык. Затем я ещё помню удивление своего верхового змея. И после этого наступила тьма.

...Тихо. И если честно зябко. Я ничего не вижу. Вокруг никого нет и ничего. Нет света, даже самого маленького, серого источника. Ничего, за что мог бы зацепиться мой взгляд. Тьма одинакова — она и снаружи, и внутри. Беспросветна.

Мне совсем не страшно, словно на какой-то миг я превратилась вещь в себе. Я слушаю своё дыхание, слушаю окружающий мир... но ничего в нём не слышу. На миг возникает вопрос, а есть ли он? Остался? Чувство паники острым наждачным песком скользит по оголённым нервам, но тьма успокаивает:

— Всё хорошо, слушай.

И я слушаю.

Вокруг всё спокойно, я недвижима и совсем не ощущаю своего тела. Оно есть?

Пришедшая мысль меня не пугает, наоборот, я прислушиваюсь к себе с интересом. Я — есть?

Я мыслю. В голове лениво пролистываются мысли, шуршат, поскрипывают, как песчинки в часах, скользя сквозь узкое горло. Я тоже такая песчинка. Я шуршу, куда-то пытаюсь попасть, отмеряя чьё-то время. И нет. У меня нет тела!

Но было?

Да? Нет? Не помню? Не знаю...

Все ответы кажутся неверными, а вслед за ними приходит понимание и пробуждение...

Я лежала на песке, вокруг меня была тьма. Но живая. Не знаю, как объяснить это ощущение, когда находишься в каком-то месте, мешающем видеть окружающий мир. Я слышала пустыню так, когда находилась в своём шатре, под укрытием полога. Так и сейчас. Я была где-то, а отделённый от меня стеной был живой дышащий мир. Я слышала шум волн. Они накатывались на берег, шумели прибоем и снова откатывались. Это была не песчаная волна. Та хоть и слитная, шумит-перешёптывается, перекачивается, но я слышала в этой волне голос каждой песчинки, а здесь этого не было. Была одна волна, единая, мощная, неудержимая, набегающая на поверхность стремительным потоком и возвращающаяся обратно, в такую же массу. За каждой этой волной ощущалась пугающая мощь чего-то, с чем

я никогда не сталкивалась.

А потом ко мне вернулся голос, и я ощутила полностью своё тело. Каждую клеточку, ощущавшую себя очень и очень некомфортно. В спину врезались больно камни, у них были очень острые края. И если бы шаосе на мне было простое, а не змеиное, щеголять бы мне синяками и рваными краями самых разнообразных царапин. Не самая приятная перспектива, если честно. Да и я никогда не относилась к ценительницам такого времяпрепровождения.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь?

— Нибудь, нибудь, нибудь... — подхватила волна за тьмой мои слова и вернула их обратно.

Стало снова зябко.

— Есть, есть. Что за люди пошли, все им неймётся, все лезут, лезут, лезут, — раздался старческий кряхтящий голосок. А потом, я уловила это шестым чувством, чем-то сродни тепловому зрению змей, что рядом появился ещё кто-то. — Вот чего тебе, девка, в реальном мире не сиделось, зачем в круг пришла?

— Я не приходила, — ответила я быстро. — Не своими ногами шла! Круг тумана сам по земле расстелился.

— Сам значит. Не искала, не звала, не хотела в круг попасть?

— Ничего хорошего круг не даёт!

— А как же исполнение желаний? — удивился старческий голос.

— Желание, которое не сам своими руками выполнил, ничего не стоит. Только сердце разрушает, да душу выворачивает.

— Для юной и прекрасной девушки странная точка зрения. Или... — мой невидимый собеседник помолчал, а потом захохотал, да как! Не старческим дребезжащим смехом, а молодым, задорным, да таким заразительным, что я ощутила, как мои собственные губы разъезжаются в улыбке. — Ай да я, ай да дурак старый. Смотри, кого не признал! Дитя змеиное. Про тебя вся пустыня шепчется, вот я и попросил круг, чтобы к тебе под ноги пришёл, расстелился, познакомиться с тобой хотелось. А тут вот оно как. Далеко путь держишь, Зеон?

Изменилось все вокруг, и исчезла тьма, мешавшая видеть все окружающее.

Я была... нет, я не знала, что это за место. Никогда его не видела и вряд ли бы могла. Потому что я лежала у воды! Я лежала у самого огромного серо-синего водного полотна, когда-либо виденного в жизни. Волны, настоящие волны из воды обрушивались на берег, буквально заваленный гладкими круглыми окатышами. И только под моей спиной и ногами были камешки с острыми краями. Рядом со мной сидел старик... седой как лунь. Но когда он помог мне подняться, я ощутила силу, перекачивающуюся под его дряблой кожей.

— Я хранитель круга тумана, можешь называть меня дядькой, — сообщил мне старик негромко. — Твои спутники попадут в предназначенные им видения, но чтобы они не выбрали, они вернутся в реальный мир, потому что ты успела сказать слово-ключ. Ты хочешь что-то спросить? — заметил он мои метания.

— Да! Два вопроса! Где мы — раз, и зачем вообще нужен круг тумана — два?

— Вопросы удивительные. Один глобальный, другой такой маленький, что даже странно. Это море.

— Море?

— Да, настоящее море, то с которым сравнивают пустынный покров. Оно находится очень далеко, лежит в стороне от пустынь и гор, и снежных островов викингов. Думаю, у

тебя будет шанс познакомиться с последними. А зачем нужен круг тумана... Это уже из запретных тайн, которыми владеют только хозяева амулетов власти.

Рука метнулась к груди сама собой. Круг под шаосе запёк кожу, и старик снова рассмеялся.

— Чудесно. Мало того, что у тебя в спутниках три таких змея, так ещё и амулет власти на шее. Знаешь ли ты, что его надо подтверждать? Доказывать Царю змей, что ты имеешь достаточно силы, чтобы владеть им?

Я мрачно кивнула, в который раз ругнувшись на то, что не оставила этот амулет на шее у вождя Летучих Голландцев — пропал бы он, ну, и змеиные боги с ним. Так нет же! Не спорю, в только начавшемся путешествии он может спасти нам жизнь, но вот что теперь делать...

— Знаю. Сейчас держу путь к пику Гроз с другим амулетом. Как дароносец.

Старик снова захохотал.

Чем я его так веселю, никак я понять не могу? Или к нему люди просто редко заглядывают, что он так нездорово мне радуется?!

— Значит, и сама тогда о необходимости подтверждать амулеты узнала?

— Да.

— Что ждёт, в курсе?

— Рассказали. Полоса препятствий. Но проходить её, скорее всего, будет человек, меня сопровождающий.

— Тебя сопровождают трое. Мёртвый не может быть, шпион тоже. Значит, тип с змеиным взглядом? Хорошо. У него получится. Ты можешь обратиться к Царю змей сама и пройти эту полосу. Ничего сверхсложного там не требуется.

— Откуда вы знаете?

— А я там частенько бываю, — хмыкнул старик. — Круг тумана — часть полосы препятствий.

— Ага. Это вы мне сейчас рассказываете, как одной из тех, у кого амулет власти.

— Точно, — гаденько хихикнув, согласился хозяин круга.

А мне по душе как когтями скребнули. Это чего он так радуется? Тому, что снова увидится со мной?

— Я, наверное, просто верну амулет, — сообщила я тихо. — Мне нечего поднести ему в дар. У меня ничего нет.

— О, ошибаешься. Ты можешь подарить ему то, что никто уже очень давно подарить не может. Потому что, таких, как ты, существовать не должно. Но... пока не будем об этом. Это разговор не на час, и не на два. И мы ещё успеем обговорить все, что тебя волнует. Если же ты сомневаешься в моих словах — возьми камень. Любой. И отнеси ему. Даже самый малый окатыш с этого берега ценнее любого свитка, что привезут с собой другие дароносцы.

— Другие?

— Четыре, — напомнил мне голос старика, пока все вокруг таяло, снова погружаясь во тьму. — Четыре амулета власти, Зеон, а значит и четыре дароносца.

Тьма опутала за руки, обхватила меня властными объятиями и потянула вниз. И напоследок, когда уже почти реальный мир вновь распахнул для меня свои объятия, я ощутила, как по волосам скользнула мягкая женская ладонь.

И проснулась.

Мы никуда не ехали. Если бы точнее, мы вообще не двигались. Лежали все трое у небольшого оазиса, скрытые от палящего солнца чешуйчатым тентом. Ветерок от воды колыхал влажные волосы у лица. Полоса шаосе была откинута в сторону. Змеи, насколько мне было видно, лежали тройным переплетённым клубком на другом конце, в самом жарком месте.

До осмысления дошло не сразу.

Змеи лежат клубком.

Мы никуда не едем.

Вокруг оазис.

Темно-рыжий песок перемежался с вкраплениями чёрных песчинок, похожих на те, что были у подножия дышащей горы, время от времени плюющей в небо клубы дыма и огня.

Вода была с зеленоватым оттенком. А солнце садилось от меня не слева, как должно было, а справа! И нет, дело было не в том, что мы во сне-наваждении перевернулись! Дело было в том, что круг тумана выбросил нас не по пути на север, а где-то ближе к югу!

Чудесно, великолепно, восхитительно. И нет, я не злюсь, я почти в истерике, хотя для змеино-проводника и это уже нонсенс!

Если я права, то мы вместо трёх дней пути оказались от пика Гроз на расстоянии шести дней!!! Даже с учётом того, какие у нас великолепные ха-змеи, нам придётся или мчаться, останавливаясь только на несколько часов на ночь, или... сокращать путь. Все зависит от того, где именно мы оказались.

Кстати, надо не забыть сказать Рамиру спасибо. Из-за того, что он мёртвый, на него не подействовала магия круга тумана, и это нам помогло.

Но сейчас гораздо важнее разобраться, где мы, и чем это пахнет.

Дело пахло тухлятиной. Оно не просто ей пахло, оно ей воняло! Словно оставили на солнцепёке умершую ха-змею размером с моего Тайпана!

Я ошиблась. Да, мы были на юге, но не так далеко, как мне казалось. Рыжий с чёрным песок был ещё в одном месте, на самой окраине южной части Аррахата, и мы прибавили в своём движении всего день, ну, полтора пути. И по-прежнему успевали прибыть в пику Гроз вовремя. Но лучше бы ошиблась. Лучше бы нам нужно было бы сделать огромный крюк! Или лучше бы нам необходимо было, чтобы успеть вовремя, проехать без остановки все это время! Даже ночью! Только не это место.

Как бы поточнее выразиться.

Итак. Среди жителей Аррахата были и достойные люди, и по меткому определению деда — всякий сброд. В городах жили лорды, городские жители и их рабы, в пустыне аулы делили между собой пустыnnики и разбойники. А ещё были закрытые и уединённые места, где рабы выращивались или «дрессировались». Особняком стояли шаманы и змеиные проводники. Ещё одна группа, предпочитающая даже скрывать своё существование — это отверженные. И, наконец, была группа, которую ненавидели и представители привилегированных сословий, и побаивались пустыnnики всех мастей. На разбойников же даже одно ИХ упоминание действовало как красная тряпка на быка. Я имела в виду беглых рабов.

Это были люди, попавшие в плен во взрослом возрасте, не погибшие воины, когда погиб всё же их заказчик, это были шаманы, потерявшие свою силу или лишённые её по велению лордов. Люди там были разные, но опасные настолько, что не передать словами.

И мы сейчас были около их центрального оазиса.

Отпустите меня к деду, а? Ну, пожалуйста?!

Этим людям было плевать на все: регалия, положение на Аррахате, деньги. Они признавали только силу. И ничего кроме неё. Амулет власти на них тоже вполне себе мог и не подействовать.

Я не хотела с ними связываться ещё раз.

Да. Одно знакомство с ними уже у меня состоялось. Когда я была змеиным проводником, точнее, когда только начинала обучение на него.

Мы с дедом приехали в один из тайных аулов, чтобы встретиться с кем-то из беглых. Деду по работе нужно было что-то выяснить. Он — Змеиный взгляд Аррахата, тщетно искал одного из беглых рабов самого Императора, покинувшего город Тысячи сердец и что-то прихватившего с собой.

Меня с собой он взял со словами: «Может быть, это и не самый безопасный урок, но необходимый, безусловно».

Тот, что пришёл на встречу с дедом, когда-то был шаманом. Он не насмехался, он издевался надо мной все шесть часов, во время которых шёл торг деда и этого пришлого...

После той встречи я осознала: то, что беглые не любят звона монет, не значит, что они не умеют торговаться; если хочешь остаться в живых и при своих — не стоит поворачиваться к ним спиной; если ты вынужден договариваться с беглыми, не показывай им своего страха, а если ты силён — не кичись своей силой.

Все это было легко на словах, и если соблюдать, могло и подействовать. Но беглые не соблюдали кодекса чести, редко держали своё слово, обожали чинить препоны, перепродавать одну информацию десятки раз... и были убийцами. Теми самими, выходившими на дело тогда, когда мы, змеиные проводники, от заказа отказывались.

Естественно, я не была святой. Более того, после того, как из-за меня и призванных мной змей погибли все из аула Летучих Голландцев, меня можно было назвать скорее монстром, чудовищем, но я была логична. Я не атаковала без причины, пыталась всегда вначале урегулировать вопрос миром. Что же придёт в голову беглому в тот или иной момент, не знал зачастую даже он сам. И поэтому я их ненавидела. И боялась. Мы всегда боимся того, чего не можем понять...

Из сопровождающих меня мужчин, крепче оказался организм Кита. Личный палач лорда Хана пришёл в себя первым. Он ещё не открыл глаза, а я уловила, что он не только успел оценить обстановку, но и решить, как поступить, если вокруг — враги.

— Доброго утра, Кит.

— Где мы, Зеон?

— Недалеко от оазиса беглых рабов. Нас сюда круг тумана выбросил, — пояснила я скупое, крепя к седлу Тайпана ещё один мех с водой. Змеи пришли в себя гораздо быстрее, чем мужчины, посовещались между собой и разрешили прикрепить седла. Почему-то им троим идея оказаться рядом с этим самым оазисом, тоже не нравилась.

— Круг тумана? Я считал, это легенда.

— Скорее, страшилка, которую рассказывают перед обрядом посвящения мальчишек, — отозвалась я, поворачиваясь.

Кит вздрогнул.

Я поморщилась. Ну, да. Это был ещё один «подарок» круга тумана. Мои тоненькие чешуйчатые дорожки у глаз — как кошачьи изгибы, тянущиеся к вискам, разрослись. И если

раньше эти чешуйки можно было увидеть, только если знать, куда смотреть (и они, кстати, отлично замазывались дорожным гримом), то сейчас они были видны издалика и приобрели очень яркую расцветку.

Цвет моих чешуек был ярко-алый, с чёрными и жёлтыми вкраплениями. Я получила окрас Тайпана.

— Зеон?

— Не спрашивай, — отмахнулась я. — Видимо, круг тумана счёл, что знак того, что я змеиное дитя, должен быть куда как ярче, чем он был.

— Круг тумана... Ничего не помню.

Признание Киту видимо далось нелегко. Да и, в общем, выглядел он далеко не самым лучшим образом. Испарина на висках, посеревшая кожа, запавшие глаза. Губы были с синеватым оттенком, а дыхание начало доноситься с хрипами. Впрочем, так же неожиданно, как и началось, это всё закончилось. Видимо, всё зависело от попыток вспомнить. Он пытался — и ему стало хуже. Как только он оставил память в покое, всё нормализовалось.

На меня посматривал он недовольно. Ну, вот, можно подумать, что я виновата в том, что ему плохо стало! Или мужчины не должны видеть проявление слабости друг друга? Не понимаю...

Всё-таки, я змеиный проводник, я должна быть сильной и выносливой. А он...

— Зеон.

— Да?

— Почему ты согласился на эту работу?

— Шантаж, — отозвалась я равнодушно. — А что?

Кит промолчал. Видимо, откровенность за откровенность не входила в его планы. Из собственной небольшой барсетки, введённой в моду шаманами лет так двадцать назад, он вытащил узкую скатку карты. Объяснять ничего, кстати, тоже не стал. Просто через несколько минут, когда я, поглядывая в сторону лорда Вессена, начала думать о том, не стоит ли попробовать его разбудить, положил эту карту передо мной.

— Смотри.

— Смотрю, но ничего не понимаю, — призналась я легко, разглядывая мелкие значки непонятного мне вида.

— Это особые значки, — с неохотой, но все же отозвался Кит.

Ага, кажется, я поняла. Это их — особый шифр, таких как он — палачей, убийц, и по идее показывать эту карту мне он и не собирался. Но перспектива потерять время в поселении беглых рабов оказалась достаточно весомой, чтобы нарушить или собственные планы, или не прямой приказ лорда Хана.

— Понял, — кивнула я, — итак. Особые значки, что они должны указывать? Точнее, какой вывод на их основе можно сделать?

— Есть безопасная дорога. Вот здесь, левее...

— Там где вот этот череп барана? — ухмыльнулась я. Этот интернациональный значок был знаком и змеиным проводникам. — Там же могильники.

— Да. Там могильники. Но ха-змей там нет, не водятся.

«Правильно, мы совсем что ли дураки там лазить? Там есть слабомертвые и сильномертвые, а нам ещё жить хочется».

Закинув голову к нависшему надо мной Тайпану, я мысленно спросила:

«Что ещё за выражение такое? Слабомертвые... Сильномертвые? Никогда не слышал».

«Ещё бы. Даже змеиным проводникам эту тайну стараются не открывать без острой необходимости. Это наш могильник. Когда ха-змея понимает, что умрёт, она приползает сюда».

«И? Пока не вижу проблемы, из которой можно делать большое дело».

«Могильники эти», — сбоку от меня возникла огромная морда Мамбы, — «были созданы не нами, а вашими шаманами. Перед своей смертью, ха-змей становится очень агрессивен. Перестает слушать разум, больше не разбирает, кто „свой“, кто „чужой“. Свитки, которые вы люди ставите в наши тела, перестают действовать. И шаманы, ваши самые сильные шаманы позаботились о том, чтобы змей, войдя однажды на этот могильник, больше не мог его покинуть. Но... ты знаешь, что делают сильные чувства со свитками?»

На этот раз я серьёзно задумалась. Кажется, дед что-то говорил. Нет, точно, он начал мне что-то объяснять, но спохватился буквально на середине фразы и скомкал разговор.

«Дед посчитал, что это знание для меня либо слишком рано, либо я пока ещё не готов его осознать».

«Значит, придётся объяснять нам...» — Мамба качнул мордой вверх-вниз, потом взглянул на подползшего ближе Крайта, своим гладким боком отодвинувшего от меня Кита.

Чудные ха-змеи! У меня почему-то такое ощущение, что они вот сейчас таким образом меня защищают... И придёт же в голову чушь!

«Итак?»

«Свитки базируются или на свитках, или в драгоценных камнях. Это знаешь?»

«Конечно. И сам пользуюсь», — согласилась я.

«Хорошо... Будет проще. Когда свиток на бумаге, что тогда?»

«Хранится плохо. Если повредится свиток, то и само зачарование уходит, как вода в песок. Приходится или хранить, как зеницу ока, ну, или проще», — немного цинично добавила я, — «использовать свитки или для долгосрочных ключей, уничтожающих свой носитель после применения, или использовать их как одноразовые ключи».

«А если драгоценный камень?» — наклонился ко мне Мамба.

«Дорого. Но зато безопасно. Ключ не портится, окружающий мир на него никак не влияет», — отчиталась я, начав испытать удовольствие от этой своеобразной беседы. Подобное было с дедом, когда он начинал объяснять мне что-то очень интересное.

«А вот здесь ты не пра... В общем», — Тайпан помотал мордой, — «немного здесь не так. Если на свитки на бумаге влияет окружающий мир физический, то на драгоценные камни влияет мир нематериальный. Другие свитки-ключи. И что более важно — эмоции. Эмоций ха-змей более яркие, чем у людей, хотя и возможный спектр их меньше. Вы, люди, испытываете любовь, похоть, страсть, нежность — мы можем только любить. Вы радуетесь, счастливы, на подъёме — из-за удачи, мы можем только радоваться. Вы можете ненавидеть, возмущаться, гневаться, злиться, сердиться — мы только ненавидим. Но если представить... Зеон?»

Я буквально сев на песок, смотрела на Тайпана с непониманием в глазах:

«Вы точно ха-змеи?»

«Точно, точно», — длинный раздвоенный язык скользнул около моей щеки, словно порывом воздуха стегнуло. Не время.

«Ладно», — смирилась я. — «Дальше. А... Нет. Понял. Ваши эмоции настолько сильны что они начали влиять на драгоценные камни, которыми были замкнуты ключи?»

«Да», — Мамба взирал на меня не то одобрительно, не то умилённо, что на фоне того, о

чём он говорил всего минуту назад, смотрелось очень... дико? Не знаю, я не могла даже мысленно подобрать слова, чтобы понять, что не так с этими тремя ха-змеями. И почему меня так и тянет назвать их братьями?!

«К чему это привело?»

«Вообще, возможно несколько вариантов исхода. Разрушение чар. Ослабление чар. И самое плохое — их искажение».

«Дайте угадаю. Случилось самое плохое — исказились чары».

Змеи переглянулись.

«Ещё и самым плохим из возможных вариантов», — добавила я с кривой усмешкой. — «Ну, кто бы сомневался! А теперь обратите внимание, нам придётся ехать через могильник».

«Но ведь», — даже перестал скользить вокруг Крайт. — «Теперь ты знаешь, что это опасно».

«Знаю. Но нам это не поможет».

«Кто нам помешает?» — удивился Мамба.

«Кто-нибудь», — ответила я честно.

Но, ни один из трёх ха-змеев мне не поверил. А я предупреждала!

Лорд Вессен пришёл в себя через пару часов, когда Кит готов уже был отправиться в дорогу пешком, чтобы потом мы на ха-змеях его догнали. Сами змеи успели проползти вокруг, убедиться, что вокруг нет никого в живых, чтобы нам помешать.

Итак, впереди нас ждал крюк, вокруг и могильника, и аула беглых, с потерей временем и днём в пути, но все мысленно успели с этим смириться. Я, пользуясь тем, что закреплённая полоса шаосе лицо скрывала, не усмехалась — скалилась. Моя неудача против слов ха-змей? Ха! Они ещё не знают, с кем связались!

Пока три ха-змея ползли вперёд, я всё терялась в догадках, что же на этот раз подкинут боги на мою дорогу, что вынудит всех нас всё-таки свернуть в могильник.

В то, что мы его минуем, я абсолютно не верила. Змеи над моей уверенностью посмеивались. Но...

То, что я была права, выяснилось очень быстро.

Вначале замолчал песок.

Это не было отклонением от нормы, такое бывало очень даже часто, по меркам насыщенной приключениями жизни змеино-проводника. А вот для простого обывателя это значило всегда одно и то же — беду, которую и отвести нельзя, и деться от которой тоже никуда не получится. Я простым обывателем не была и некоторые из бед для аулов уже давно научилась если и не проходить безболезненно, то сводить возможные потери к нулю.

И самое главное, что сейчас от меня требовалось — это понять, почему песок замолчал.

Сезон бурь до сих пор не закончился, и песок мог замолчать в преддверии грядущего... Но в это я не верила. Песок всегда предупреждал меня о грядущей буре до того, как она пришла бы. К тому же сюда в южные территории сезон бурь приходил чуть-чуть позднее. Мы попадём под него, если на обратном пути поедem, придерживаясь южных территорий.

Круг тумана? Я бы сказала, что возможно. О его предупреждении песок не говорит, но дважды в одну воронку свиток удара не падает. Теперь с кругом тумана и его пугающим хранителем я увижусь только на полосе препятствий, если всё же решусь её проходить.

Вариант номер три: огромный ха-змей, приближающийся к нарушителям охотничьих территорий. Вариант хорош, но снова не наш. Причин, собственно говоря, здесь две. Во-

первых, ни один ха-змей в здравом уме не сунется к трём нашим «верховым» друзьям. Потому что даже агрессивный самец, защищающий свои охотничьи угодья, не станет связываться с Тайпаном, Мамбой или Крайтом. Те, кто не в здравом уме — а вероятность встречи с такой змеей около могильника была очень даже высока, к сожалению, тоже близко к нам не подойдут. Я бы лично не отказалась от такого простого исхода.

Агрессивные ха-змеи никогда не нападали на змеиных проводников. Причина, вынуждавшая их избегать встречи с нами, оставалась загадкой до сих пор. Но фактом эти мы удачно пользовались. Значит, и эту причину отбрасываем из возможных.

Похлопав Тайпана по боку, я попросила его мысленно остановиться, а вслед за нами замерли и остальные.

Песок молчал, как человек, набравший в рот воды.

Плохо.

Слишком плохо.

— Зеон? — тихий голос лорда заставил меня обернуться.

— Грэсс. Песок замолчал.

Ближе подошёл спешившийся Кит, Рамир рядом предусмотрительно не появился. Он очень быстро заметил взгляды, которыми его награждал наш попугайчик лорд, и теперь без моего прямого веления рядом не появлялся.

— И всего-то? — нахмурился Кит, но добавлять ничего не стал.

— Зеон, я считал, что твоя слава оправдана, — удивился лорд. — Но ты ведёшь себя как истеричная суеверная помощница шамана. Мало ли по каким причинам замолчал песок?!

Я не ответила, информация скользнула мимоходом, только задев краем этого удивления. Ну, веду себя как суеверная женщина, а я кто? Женщина и есть. Только тссс, этого им знать совсем не положено.

Первым на горячий песок полетело шаосе. Следом за ним — нижний плащ, защищавший кожу от температурных перепадов, ну, и заодно от косорукости тех, кто делал шаосе, не умея этого. Нижние чешуйки правильно сделанного шаосе должны были быть очень мягкими. У шаосе, которое сделала я сама, нижний слой был колким, и совсем не потому, что я не знала, как добиться мягкости. Скорее наоборот, эти чешуйки я специально делала твёрдыми, промазывая их густой кровью убитых песчаных тварей.

Такой способ выделки добавлял шаосе прохладности, а для пустыни это очень и очень важное качество. При этом накидки становились устойчивее к воздействию песчаных бурь. Ещё одним немаловажным бонусом становилось свойство шаосе дольше сохранять оптимальную температуру для работы моего свитка искажения.

Вслед за нижним плащом я избавилась от мягких кожаных сапог и от портянок, брюки закатала до колен. К этому моменту глаза у невольных свидетелей происходящего были шире, чем глаза ха-змей, в пропорциях к размеру тела, конечно.

Последними я сняла перчатки, и уже голыми руками начала разрывать песок. Зарылась подошвами, засыпала ноги, попробовала сделать шаг. Песок шуршал вдоль кожи и молчал. Мало! Глубже!

По щиколотку и выше — молчит. По колено — молчит!

И только когда я закопалась выше пояса, я услышала тихий шёпот. Песок предупреждал, но то, что я услышала, заставило моё сердце облиться кровью.

Что-то там Грэсс сказал? Меня пустыня любит? Сейчас ему придётся передумать, потому что...

На нашем пути были кольчужные черви.

Я не знаю, как с монстрами обстояло дело на пике Гроз, слышала много нехорошего и пугающего, но лично никогда и ничего не видела, потому что сама там никогда не была. Но вот в пустыне дело было куда как проще и страшнее одновременно.

Шаманы говорили, что когда-то в пустыне было намного больше животных, насекомых. Да и... наша пустыня не всегда пустыней была.

Но сейчас дело обстояло так. Были обычные... обитатели, были искажённые и были не совсем живые, не совсем мёртвые. Вот пустыне достались в большей своей части искажённые обитатели, чаще всего — в плане размеров и пищевых предпочтений, назовём это так.

Огромные змеи — те, кого мы называем «ха-змеями», были далеко по своим размерам не самыми впечатляющими жителями Аррахата, были те, кто считался опаснее и кто опасным и являлся. Кольчужные черви. Нет, не кольчатые. Кольчатые черви были полезными беспозвоночными, которых можно было найти на небольших плодородных территориях. Мелкие мальчишки ловили их, чтобы порыбачить в оазисах, а шаманы использовали порошок из червей для излечения некоторых больных. О чём сами больные естественно не догадывались.

Кольчужные черви были другими. У них было совсем не мягкое брюшко, они были покрыты роговыми наростами и пластинами, по твёрдости не уступающим кольчуге знатных лордов. Твари эти были неповоротливыми, очень медленными, зато — огромными и имели, к сожалению, не только одну пасть, но и с добрый десяток ложноножек. Касаясь жертвы, они отравляли её, а потом подтаскивали ко рту червя, где жертва переваривалась живой, что делало ситуацию ещё хуже. Вот эти ножки в отличие от самого червя были не просто очень быстрыми, они были пугающе стремительными.

Живым от кольчужного червя уходил хорошо если один из десяти.

— Мы поедем через могильник, — сообщила я, не сходя с места.

— Зеон! — донёсся негодующий выкрик.

— Ехать через могильник мне тоже не очень хочется, зато очень хочется жить. Рамир, помоги, пожалуйста. Остальные — ни с места, пока я не разрешу.

Кит что-то пробормотал про людей, совершенно забывших о своём месте, но... это было единственным проявлением недовольства, которое от него можно было сейчас ждать. Я же терпеливо смотрела на Рамир. Привидение что-то пробормотал и спешил. Крайт высунул любопытный язык, коснулся воздуха.

И это было тем самым действием, от которого я пыталась уберечь своих подопечных.

Песок забурлил и... брызнул в разные стороны, разнесённый силой куда мощнее, чем ветер. Десятки ложноножек взметнулись в воздух, пытаясь по вибрации, по движению найти свою жертву. Поднятый этими щупальцами вихрь, сотворил в небе завесу пыли и песчинок, и всё это скрыло всех нас друг от друга за одну секунду.

Я была почти в центре удара. Здесь ни человеческий взгляд, ни сила шамана не увидели бы меня. Так что я даже позволила себе прибегнуть к своим силам. Часть ударной волны стала моим же щитом, защищая от песчаной круговерти.

Я отдавала себе отчёт в том, что если кто-то из оставшихся по ту сторону песчаной завесы дёрнется ещё раз, то когда песок стихнет, я найду там только трупы или следы кровавого пиршества. А то и просто нетронутую пустоту, будто не было ничего и никого здесь.

Я запрещала себе думать о самом худшем исходе, но он упорно, раз за разом лез мне в голову.

Как же страшно!

Я же ничего не смогу сделать, если ошиблась в том осколке услышанной информации, и именно там, где мужчины, голова червя. Если основная масса червя за моей спиной, то всё ещё не так плохо.

Песок шумел, качался, опадал на землю, торопливо извиняясь. Слизь кольчужного червя спрессовывала всё в единую монолитную массу, лишая песчинок голоса. Именно поэтому мои маленькие помощники не могли мне сказать, что я увижу, когда утихнет ветер.

— Вот в такие моменты, — приземлился около меня Рамир. — Я понимаю, что хорошо быть трупом.

— Тебя не задело?

— Нет, — покачал он головой. — Я в полном порядке. Но знаешь, это стрёмно, быть там, когда всё это шевелится и пытается найти жертву. А ты засекла кольчужного червя даже до того, как он атаковал. Почему не сказал никому? Ты же змеиный проводник, ты должен ощущать и знать такие вещи?

— В них не верят, — отозвалась я равнодушно, отдаваясь на волю песчинок, массирующих тело, не позволяя ему занеметь. — Шаманы говорят всё дело в том, что эти черви выделяют какой-то галлюциногенный газ, из-за чего даже те, кто с ними столкнулся, говорят потом что угодно. Но не истину.

— А на тебя почему не подействовало?

— На меня не действуют яды органического, растительного и животного происхождения. Можно сказать, это что-то типа необязательного бонуса моей... работы. Объяснить принцип этого феномена не может даже дед, хотя он очень старался его понять. Но там, в общем-то, — спохватилась я, — свои сложности.

Нельзя говорить слишком много! Особенно тому, кто ещё не проверен, кто ещё не понял, с кем оказался связанным. Я не знаю, можно ли верить Рамиру, поэтому будет лучше, если пока я не скажу лишнего. Это будет безопаснее. И не только для меня или для деда, но и для самого привидения тоже.

Да, лорд Хан, когда увидел Рамира, сказал замечательную вещь. Он думал, что шаманы уже утеряли способ создания таких свитков. Но кто сказал, что тот же лорд сам не знает этого способа? Или не знает способа воздействия на призраков, на тех, кто остался здесь, застряв после смерти.

Мы были связаны с ним контрактом, клятвой и обещанием. Но достаточно ли этого для того, чтобы я решилась ему доверить свою самую главную тайну? Это могло показать только время.

Времени же сейчас не было ни у меня, ни у него.

Рамир не был дураком, он мгновенно уловил, что я чуть не сказала что-то очень важное, но было поздно. Удачный момент был упущен. Песок медленно опускался на землю, открывая нам застывшую картину трёх огромных ха-змей, одна из которых застыла с высунутым языком. И двух людей.

Живы были все.

Отличная новость на мой взгляд.

— Больше никто шевельнуться не хочет? — крикнула я насмешливо, но ответа не дождалась. Все пятеро так и продолжили изображать из себя статуи из песчаника, которые

до сих пор находили около аула песчаных муравьёв. Королева ужасно не любила, когда кто-то нарушал её уединение.

— Ответа почему-то... почему бы это? Я не дождалась.

Но мне было уже не до тех, кому надо было спасать жизнь, я смотрела на Рамира.

— Поскольку, все в нашей маленькой группе отлично знают о том, кто ты, тебе и спасать наши шкуры.

— Я должен выступить приманкой?

— Точно.

— Как далеко я должен отвести червя?

— Далеко у тебя не получится, да и не надо. Мы стартуем в тот же самый момент, как на тебя накинется он сам.

Рамир промолчал. Он не был человеком, уже очень давно. И даже если он себя ощущал живым, он хорошо помнил, что только по собственной глупости и неудачливости не попал в мир мёртвых, возжелав обмануть смерть. Но ему всё равно было страшно.

— Твоя одежда, Зеон. Ты же не сможешь её сейчас забрать.

Я кивнула.

— Да. Придётся... обойтись без неё.

— Не надо. Я уведу червя и принесу её к тебе.

— Спасибо.

— Не за что, напарник.

Было за что, и мы оба это знали. Рамир, поднявшись в воздух, отлетел от меня почти на пять метров, и с шумом приземлился на песок. Ложноножки всколыхнулись вокруг него, но я не тронулась с места. Рано!

Взлёт вверх, новое приземление, новая атака.

И снова. И снова.

Ещё раз. Ещё...

Пока после очередного приземления, загоняемое ложноножками привидение не оказалось там, где и должно было быть. Ровнёхонько над пастью червя, ожидающего свою вкусную, питательную жертву.

Что было дальше, я уже не смотрела, сорвалась с места, одновременно со змеями. Крайт и Мамба, подхватив своих седоков, уже покатали прочь, к горизонту и... к могильнику, а Тайпан, подхватив меня концом хвоста, поскользился следом с небольшим запозданием, вполне хватившим на то, чтобы одна из ложноножек мазнула меня по лицу...

Ха-змеи не останавливались почти три часа, пока впереди, в толще шуршащего, перекатывающегося, волнующегося песка не показались серые вкрапления гравия.

Впереди был могильник.

— Всё, нам нужен привал, — пробормотала я, сваливаясь с Тайпана и начиная разминать уставшее тело. — И заодно подождём Рамира.

Щека, по которой мазнул червь своей ложноножкой, жутко чесалась, и я подозревала, что если не удержу руки под контролем и начну там расчёсывать, то кожа полезет клочьями, а вот что будет под ней — уже вопрос, на который ответ знать пока даже я не хотела.

Судя по тому, как отводили от меня взгляд Грэсс и Кит, в этом они были со мной согласны. И это если учесть, что они «знали», что я мужчина! А для мужика — шрамом больше, шрамом меньше — мелочи!

Хотя я всегда практически гуляла под свитком изменения, мысль о том, что моё

настоящее лицо может приобрести такое «украшение», меня не просто не радовала — она меня бесила!

Солнце задержалось на краю горизонта и покатилося вниз.

Привал грозил перейти в ночёвку. Это по пустыне я бы согласилась передвигаться в холодную погоду, но не по могильнику, где неверный мой шаг мог стоить жизни всем сразу. Такую цену платить за свою беспечность я не собиралась. Пусть лучше назовут меня параноиком, но я выполняю свою работу на «отлично».

Естественно, мне и в голову не пришло объяснять спутникам свои мотивы, но сообщение о том, что привал переходит в ночёвку, все они встретили с облегчением. Ночью гулять по могильнику не хотелось никому.

Когда Рамир появился с моей одеждой, уже был разожжён костёр. Вокруг нашей стоянки был проведён бережный круг из соли, его задачей было остановить любые порождения мёртвого мира, к которому естественно принадлежал и мой призрачный друг.

На Рамира круг не подействовал, но предупредить своего «напарника», чтобы он не входил, я просто не успела. Он пролетел сквозь круг, словно его и не существовало, и скинул около меня одежду, закрученную в тук из верхнего шаосе. Повернулся к Грэссу и Киту и сам испугался, увидев страх в глазах одного и боевую ярость в глазах другого.

Змей рядом не было. Все три наших верховых друга расползлись в разные стороны — бдеть. В отличие от людей, им надо было для сна меньше времени, хотя и были месяцы (для каждого вида свои), когда они впадали в спячку, и разбудить их не могло ничто на свете. В пункте «никто» исключениями, естественно, были Змеиные проводники.

Мы могли перенастроить организм ха-змея таким образом, что время спячки смещалось в одну или вторую сторону. Платили за это дорого, и мы, и змеи, поэтому к пробуждению из спячки без крайне острой необходимости никто не прибегал.

— Зеон? — спросил Грэсс.

— Да? — отозвалась я, торопливо закутываясь в своё шаосе и закрывая накладкой лицо, под которым могла чесать щеку в своё удовольствие.

— Почему?

— Почему он прошёл сквозь круг? Я вложил в свиток круга несколько исключений. Другие привидения не пройдут, даже если они тут водятся, круг я зачаровал на совесть. Завтра будет сложный переход, вокруг бдят ха-змеи, поэтому Грэсс, ложитесь спать. Мы с Китом подежурим. Да и Рамир...

Призрачный напарник, ощутивший, что сделал что-то не то, кивнул:

— Я могу облететь всю территорию вокруг.

— Так и сделай, — согласилась я коротко. — Если кого-то увидишь, сразу же возвращайся сюда. Хотя, полагаю, эта ночь пройдёт почти спокойно.

Ключевым словом в моей речи было «почти», а Грэсс слышал «спокойно». Ну, что поделать?

Только он в моих глазах после этого потерял ещё несколько пунктов. А вот Кит слышал то, что нужно.

— Почти? — спросил он, когда лорд отошёл подальше.

— Не бывает спокойствия в этом месте, — сообщила я негромко ему то, о чём меня в известность поставил Тайпан, пока мы двигались сюда от охотничьих угодий кольчужного червя. — Здесь свои правила жизни, свои ночные гости. И не бывает, чтобы ночь прошла спокойно. Если боги будут благосклонны, — к кому именно я не стала уточнять, как вроде

бы подразумевая, что ко всем нам, — то тогдамы просто услышим звуки отдалённого боя между одним мёртвым и вторым. Если не повезёт, то такой гость появится рядом с местом нашей стоянки, окружит вокруг и уйдёт. В самом плохом случае, нам придётся принимать бой.

— Разве немёртвых мёртвых, — Кит поморщился от того, как прозвучали его слова, но продолжил вопрос: — можно убить?

— Естественно. Для этого надо приложить какие-то определённые усилия, того или иного характера, но сделать это можно. В принципе, я так думаю, что именно здесь наше знание ха-змей, их особенностей, может помочь в смертельном ключе.

— Ты до этого убивал змей?

— Да. Двух агрессивных. Ползли до могильника, но так до него и не добрались, — я поморщилась и замолчала, чтобы не сказать лишнего. Тех змей мне было безумно жалко. Они пострадали ни за что, и, отправляя их к вратам змеиных богов, я надеялась, что по ту сторону врат они обретут куда более достойную жизнь.

— Ты знаешь, что случается со змеиным проводником, если он убивает змею, не нападающую на людей, не агрессивную, не угрожающую кому-то или чему-то?

Я отрицательно покачала головой. Мне и в голову не приходило это узнавать, да что там узнавать! Мне и в голову бы не пришло напасть на змея. Ведь... ведь... это же хуже убийства маленького ребёнка!

Кит хмыкнул.

— Могу догадаться, какие мысли бродят в твоей голове, ведь ты истинный возлюбленный пустыни. Ещё лорд предупреждал держаться с тобой настороже, ты только делаешь вид, что совершенно ничем не интересуешься, когда на деле мимо твоего взгляда не ускользнёт ни одна деталь.

— Кит, ты потерял дар змеиного проводника? — спросила я прямо, сложив воедино две несвязанных части огромной мозаики и получив нужное изображение.

Мужчина криво ухмыльнулся. Отсвет вспыхнувшего на мгновение костра превратил его лицо в застывшую маску.

— Точно, — ответил он, хотя и без того, было очевидно, что «да». — Я убил змею. Просто убил, дурное настроение было. И пустыня отвернулась от меня.

Он ждал от меня сочувствия?

— Дивишься, зачем я тебе это говорю? Затем, что змеиный проводник, потерявший благословение пустыни, забывает всё, что знал когда-то о ха-змеях. И если будет какое-то боевое столкновение, то я буду не более полезен, чем лорд Гресс.

Ага. Это объясняет, почему дароносцем к Царю змей отправлена именно я — одно из истинных детей пустыни, слышащих её голос, понимающих тех, кого оно лелеет в своих песчаных руках.

— Спасибо, что предупредил, — склонила я голову, — я буду рассчитывать на свои знания и на твои крепкие руки.

Кит хмыкнул.

— Ты иногда говоришь странно.

— Странно? — переспросила я, почувствовав, что сердце обмирает. Он слишком наблюдателен!

— Словно получил образование не в пустыне, а где-то в городе, а только потом оказался среди песков Аррахата.

С плеч словно гора свалилась. Мимо! Но было опасно, и не помешает держаться от Кита подальше, да и вообще закончить эту работу как можно быстрее.

Дед говорил, что это будет неизбежно. Долго «Зеон» — змеиный проводник не просуществует, однажды его заменит Танцующая в песках. Легенда снова зазвучала в аулах цикл назад по моей вине. Я танцевала в песках, босиком, в алом платье, вились волосы, звенели браслеты. Вокруг танцевала моя Коралл, моя коралловая змея, и чужие подсмотрели, как песок качал меня в своих ладонях, поднимал, придерживал, становился крыльями.

Потоки алого света с небес заливали песок, окрашивая его в цвет крови.

Меня называли «Танцующей в песках», предвестницей жуткой бури.

Потому что после той ночи, когда меня увидели, на следующее утро раньше сезона разразилась страшная буря, уничтожившая аул того, кто за мной подсмотрел и стёршая, загладившая то место, где я танцевала.

— Зеон?

Я кивнула.

— Возможно всё, Кит. Но о некотором лучше не знать для собственной безопасности.

Палач усмехнулся. Он мог бы многое мне сказать о тайнах, своих и чужих, но мои слова звучали не для него. Мои слова звучали для Тайпана, уже тёмной громадой вынырнувшей из завесы бережного круга.

— Сссспите, — велел он мне шипящим голосом. — Мы будем дежурить всю ночь. А утром отправимся дальше.

Дальше так дальше, утром так утром...

Змеиную мысль о том, что люди так хрупки, я уловила лишь самым краем, но было уже не до этого.

Вытащив из котомки второй плащ, я накрылась им с головой и мгновенно уснула. Силы надо было экономить, силы это то, что нам пригодится скоро... уже очень скоро...

Рассвет холодными серыми мазками опускался на песок. Тянулись серые тени-нити от трёх ха-змей, тишина была такая, что слышно было даже дыхание мужчин. Костёр почти прогорел, и в чёрных углях только вспыхивали мелкими точечками искорки.

Песок шуршал, складываясь в знакомую мелодию грядущей бури, звал меня танцевать.

Щека больше не чесалась — занемела, и мне срочно нужно было зеркало или любая водная поверхность, чтобы посмотреть, что случилось. Потому что ощущение было такое, что лохмотьями с меня слезала внешность Зеона. Страшно. Смертельно страшно.

Мне нужно было хоть какое-то уединение, но даже этого я не могла здесь и сейчас себе позволить.

Снова накатило ощущение, что моё время уходит, убегает, оставляя меня одну. Настоящую.

Вопрос был только в том, какая же я настоящая?

Напев песка стал тише и обиженнее, и, погладив его ладонью, я поднялась на ноги.

Змеи спали. Спал Грэсс и Кит, спал даже Рамир.

Привидение, обычно только изображающее сон, спало на самом деле.

Кра-со-та!

Они спали все!

Причём спали беспробудным сном. Итак, значит, гости появились куда как раньше, чем

их ждали.

— Кто здесь? — спросила я тихо.

— Твоя совесть! — отозвалось со всех концов, с крестов, с огромных камней, с маленьких покосившихся холмиков.

Я крутилась вокруг, не понимая, как же так!

Ведь спать мы ложились в другом месте! А сейчас... были ровно посреди могильника.

— Твои страхи!

— Твои сомнения, — отозвались мне с ближайшего огромного валуна.

— Чудесно, — сообщила я, натягивая наручи.

Солевой круг на земле всё так же был, и в тех же размерах, но что-то подсказывало мне, что защиты от него я могу и не дожждаться.

— Ты смотри, — неприятно кто-то удивился. — А не боится же!

— Не слышал, — начала было я...

— Ты ври да не завирайся, девка! — страшно грохотнули у меня над ухом.

— Так вот почему я одна не уснула, — усмехнулась я, даже не вздрогнув. — Девка. На женщин ваши чары не действуют.

— Умная...

— И почему таких умных земля носит?

— Да ты посмотри, она ж любимица пустыни.

Серая хмарь поднялась от сырой земли, окутала валуны, кресты, холмы, поднялась бурлящим туманом вверх, распускаясь в разные стороны стелящимся полотном, обнажая тех, кто жил здесь, в могильнике. Ближайшая тварь распахнула кожистые серые крылья. Приплюснутая морда, маленькие глубоко посаженные глазки, две широких ноздри, пасть с двумя рядами клыков, с потёками слизи. Запах гнили и трупного разложения. Ну, конечно. Падалышки.

— Глянь, глянь, ребя! А эта краля даже ещё знает, кто мы такие.

— Вас не знать — себя не уважать, — отозвалась я скупой, опуская руки.

С этими ребятами любое оружие — бесполезно. Против них не помогут ни простые мечи, ни мечи жрецов, ни холодное оружие, ни какой-то металл. Если же они захотят напасть, защититься будет очень сложно.

— Да не такие уж мы и опасные! — закокетничал падалыщик сбоку.

Скосив на него взгляд, я хмыкнула.

— Прибедняетесь.

— Есть немного, — согласился он же. — Так, красивая девушка, чего не поукрашать себя. Красивая девушка, а заключи с нами контракт.

— Чтобы после трёх моих желаний, вы же меня сожрали, а я потом обнаружила себя такой же как вы? Нет, нет и ещё раз нет.

— Точно знает, — восхитился кто-то.

Я развела руками.

— Как зовут? — спросил падалыщик, сидящий прямо передо мной.

Не отвечая, я усмехнулась.

Исказившаяся клыкастая пасть выглядела куда как впечатляюще, но мы друг друга поняли. Я действительно знала, что это за явление, откуда берётся и куда уходит.

Впервые с падалышками я познакомилась незадолго после того, как дед Ассан меня забрал к себе на обучение. Когда у меня возник вопрос, а куда денутся все трупы, дед сказал,

что пару дней назад туда уже прилетели падальщики. Не живые, не мёртвые, не люди, не монстры. Что-то посреди, застрявшие между миром людей и миром богов. Они уничтожали трупы, и нет, они никого не ели в физическом смысле, они вытягивали из тел мёртвых то немного, что оставалось в нём — воспоминания, мысли и самое вкусное — чувства.

Свитки на падальщиков не действовали — у них была половина физической сущности.

Мечи, как я уже говорила, на них не действовали тоже — потому что ещё половина их сущности была нематериальной.

— Очень странно, что она нас не боится, — пробормотал падальщик, сидящий на перекладине высокого креста.

— Это хорошо, что не боится, — раздался тихий дребезжащий голосок, махнули крылья, и все падальщики, как один, снялись с места. Они летали наверху, устроив ожесточённую драку за комочек синего света, а на камне передо мной появился... нет, появилась падальщица. Она была стара. Короткий подшёрсток был снежно белый, короткие космы на голове, слабый намёк на волосы, были белые. Обвислые груди были маленькие и сморщенные, едва прикрытые огромным массивным ожерельем. Она была стара... — Надо же, — удивилась старуха. — Действительно, настоящая любимица пустыни.

Я промолчала. Инстинкт, просыпающийся очень редко, во весь голос орал, что лучше молчать, что ни слова, в идеале даже дышать перестать.

Раскрыв крылья, падальщица облетела меня по кругу и вернулась обратно на камень.

— Однажды нас обманул человек, — сказала она. — Пообещал нам отдать душу человека, целиком, полностью, но не отдал и скрылся от нашего взгляда, взяв амулет у Царя змей. Но в дурных руках амулет перестаёт действовать, и мы ждали, когда же власть развратит человека, и мы сможем найти его. Мы ждали долго, очень долго. Но мы дождались, недавно этот человек лишился своей защиты, но он прячется под хрустальным куполом, куда нам нет хода. Ты доставишь за нас послание. Ты станешь тем ключом, что откроет для нас двери к этому человеку. Ты — станешь нашим проводником к его душе. Конечно, эта гниль совсем не чистый свет, нам обещанный, но и это сойдёт.

— Я не понимаю...

Старуха словно меня и не услышала, она смотрела слепо в себя, видела что-то в прошлом и тихо говорила:

— Мы ждали больше тридцати циклов. Ты наш единственный шанс. Тебя любит пустыня, она проложит тебе дорогу туда, куда надо и нам. Люди называют этого обманщика своим императором...

Сердце упало куда-то очень далеко-далеко, кажется, я забыла, как дышать, я смотрела пустым взглядом на падальщицу, а та кривила в усмешки безгубый рот.

— Это будет выгодно и тебе, Зеон. Очень выгодно. Потому что ты хочешь защитить человека и муравья, а наше дело будет очень вовремя. Ты придёшь к императору, откроешь любое окно или дверь и позовёшь нас. Не обязательно это будет окно на улицу, это может быть даже не совсем окно, но ты умная девочка, ты догадаешься. После этого мы придём всей своей силой на твой зов и сделаем всё, что ты от нас захочешь, а теперь просыпайся!

— Просыпайся!

Глаза распахнулись сами собой.

Над головой было тёмное небо, лучи Меды ещё только высвечивали плотную пелену облаков у горизонта.

— Рамир?

— Я слышу бой, и он приближается к нам всё ближе и ближе.

Сев резким рывком, я потёрла лицо.

Сон стирался из памяти, таял, словно крупички сахара в чёрном чае.

«Я ещё вернусь, я ещё напомним», — услышала я птичий голос, и всё растаяло окончательно.

На левой руке пекло кожу, также как недавно на щеке, но было уже не до этого. Песок подкатился под ноги, донося шум кипящего боя. Люди и... люди?

— Там люди. Грэсс, Кит, просыпайтесь, сюда двигаются две компании тяжеловооруженных идиотов.

— Идиотов-то почему? — открыл глаза палач, только притворяющийся спящим.

— Потому что идиоты, — пожалала я плечами, потирая нервно щеку. Под накладкой этого было не видно, но под моей рукой ощущалась очень нежной кожа... а совсем не мужская щека со щетиной. Кажется, самый большой идиот здесь я!

Впрочем, объяснять, почему именно я назвала две группы идиотами, никому не пришлось. И Грэсс, и Кит, знающие, что такое могильник в общем его проявлении, всё поняли сами. И в одной, и во второй группе были очень сильные воины. И ни там, ни там они не смогли убить противников, зато — ага! смогли друг друга ранить. И кровь, падая на землю, пробудила добрую половину местного кладбища.

— Удирать мы отсюда сейчас будем очень быстро, — пробормотал Тайпан, разворачиваясь из компактного клубка. Растолканный ударами хвоста, рядом шипел... и вновь у меня в голове мелькнуло «на брата» Крайт. Спокойный Мамба изучал двигающихся к нам людей, раздумывая над траекторией движения.

И уже было казалось, что всё, сейчас мы отсюда двинемся прочь, как лорд Грэсс схватился за сердце. Я говорила, что пожалела о том, что мы взяли его с собой? Нет? Ну, так говорю сейчас! Потому что этот... этот недальновидный человек воскликнул: «Там посланец к Царю» и помчался прямо в гущу схватки.

Кит прошипел что-то под нос, я невольно хихикнула. Итак, два амулета у меня. Один у Грэсса, ещё один сейчас отобьём вот в этой толпе. Интересно, к Царю змей такой толпой амулетоносцы когда-нибудь заявлялись? Вот похочет страшный змей, если у него характер хоть немного похож на характер Кармины, королевы песчаных муравьёв.

А пока, долой мысли, где там мои мечи, кого защищать надо?

Че... че... Чего?!

Главу аула... беглых рабов?!

* * *

Стены шатра опустились за мной, давая несколько минут передышки.

Позади был очень трудный и насыщенный событиями день. Позади было то, чему я даже не могла подобрать название, кроме как «безобразия».

Если бы кто-то меня ещё послушал.

Сейчас я, кому скажи — подняли бы на смех! — находилась в центре главного аула беглых рабов, в шатре «особого гостя», точнее как, это Я была особым гостем всего происходящего вокруг. Всё началось там, в могильнике, началось с глупейшего поступка Грэсса, а продолжилось не менее глупым поступком моим, Кита и ха-змей. Мы отправились

спасать нашего... лорда, змею ему в постель! Ненавижу.

Эмоции бурлили во мне, словно я была кипящим фонтаном, изредка встречающимся в сердце пустыни. Я была в бешенстве и была вместе с тем близка к истерике. Причины были и у первого, и у второго, причём сугубо уважительные.

И даже не понять, чего и где было больше.

Собственно говоря, начать стоит с того, что я... ага, лишилась своей внешности.

Я совсем забыла, что мне говорил дед о частном эффекте воздействия ложноножек кольчужного червя — они разъедали свитки, сокрытые в теле человека. Как тот же мой свиток превращения. И к тому моменту, как мы прибыли в этот аул, слизь с ложноножки червя доделала своё дело — я полностью лишилась мужской внешности. Грудь, безусловно, была перебинтована. И моё широкое шаосе было достаточно просторным, чтобы скрыть некоторые изменения, произошедшие с моей фигурой, но изменилась пластика движений. Воин и песчаная танцовщица двигаются по-разному. И словно мне было мало этого, в ауле беглых рабов оказалась Альзин.

Я думала, что уже забыла её широкое скуластое лицо, внимательные глаза, эти волосы, движения...

Оказалось, я не забыла даже её голос и интонации, в нём скользящие. Она была здесь, в этом ауле, беглый раб... аула Волков. Всё завертелось, всё скрутилось в такой клубок, что я больше не знала, с какого конца начинать разбирать эту линию.

В ту ночь, когда аул... где меня воспитывали на продажу, как наложницу-смертницу, прекратил своё существование, я видела на спинах пришедших убийц гербы Песчаных волков. В то время я считала их легендами, но они существовали. Конечно, они жили давно не в пустыне, а владели фортом на перевале к пику Гроз.

Альзин бежала от них ночью, её и ещё с десятков самых перспективных наложниц Волки после налёта забрали с собой. И вот я встретила её здесь... и не одну. С дочерью. Эта женщина, которую я по-своему и уважала, и ненавидела, тоже была пленницей аула Песчаных крыс. Ирония богов, не иначе. Она воспитывала не только меня, но ещё и свою дочь. Ремес тоже должна была стать наложницей-смертницей. И в ту ночь, вместе с Альзин её угнали к Волкам.

Я бы не переживала, увидев женщину здесь, в ауле, если бы в тот миг, когда наши глаза встретились, не осознала, что Альзин прекрасно поняла, кто скрывается под чёрным шаосе, и кого именно называют Змеиным дитя. Я ждала, что она ко мне подойдёт, что-то скажет, но наставница лишь коротко поклонилась, благодаря за спасение человека, возглавляющего их аул беглых рабов, и ушла прочь.

А меня проводили в шатёр для почётного гостя, где по шатру я нарезала круги, освобождаясь от одежды. Сюда никто не должен был войти, перед шатром стояли двое стражников в форме, а я... я продолжала злиться. Мало мне было того, что я сейчас щеголяла в женском своём виде, мало того, что Альзин меня узнала, мало того, что в ближайшую ночь я не смогу снова вернуть свою мужскую форму, завтра мы продолжим путешествие... с дополнительным пассажиром! Мамба, которому предстояло везти дополнительный живой груз — как раз того самого начальника беглого аула, даже не злился. Посмотрел на меня молча, кивнул и пополз прочь. А у меня осталось ощущение, что мысленно он надо мной сейчас хохочет! И у Крайта и Тайпана было не спросить! Оба хазмея прятали от меня морды, а потом вообще поползли прочь вслед за собратом.

И как?! Как это называется?!

Злость поднялась из глубины души, выплеснулась вокруг меня и стихла. Зато... зазвучал песок, песок шепнул, что буря уже идёт, что буря отозвалась на мой зов, и мне нужно танцевать. Нужно... танцевать?

Буря. Танец. Злость...

Я вздохнула, отпуская свои эмоции и беря себя в руки.

Раз уж амулет Царя змей пошёл к главе аула рабов, значит, посчитал его достойным, значит, боги посчитали этого человека достойным такого будущего. И не мне, отверженной, что-то с этим делать. Сейчас гораздо важнее найти безопасное место и действительно потанцевать. Тело просило движения, эмоции нужно было успокоить, а что кроме танца босиком на песке могло быть лучше? В этом районе Танцующая уже появлялась несколько раз, так что со мной её никто не свяжет.

Платье было на самом дне котомки. То самое, из коралловой чешуи моей любимицы. Оно было выделано правильно, мягкое, прохладное, оно легло по коже, обнимая, как перчатка, распустилось вокруг ног диковинными дюнами и переливами алого, кораллового, серого и золотого. Зазвенели янтарные волосы, выпущенные из-под плена золотой сетки. Зазвенели браслеты, надетые на руки и на ноги. Накинув чёрное шаосе, я скользнула к обратному выходу из шатра. Я не хотела, чтобы кто-то меня увидел, и песок уже в нетерпении шелестел, ожидая меня, обещая мне это. И... не дошла.

Полог откинулся, впуская в шатёр хрупкую фигурку Ремес, кинувшуюся ко мне так, что я невольно отшатнулась назад, разглядев нешуточную надежду в её глазах.

— Господин! — жарко зашептала девушка, опустившись на колени. — Пожалуйста, прошу вас, заберите меня отсюда!

«Попадать в дурацкие ситуации — это тоже искусство», — подумала я, молча глядя на явившуюся незваную гостью. Говорить я сейчас уже не могла, последние остатки свитка превращений были смыты ритуальным вином, выпитым по традиции с главой аула. Случилось это, к счастью, перед тем как войти в шатёр, но голос у меня сейчас был мелодичный и, естественно, женский.

— Я всё умею, — жарко шепнула гостя, — я получила лучшее образование в пустыне, я для вас, господин, всё сделаю! Лишь заберите меня с собой.

Ага, из одной части пустыни в другую? Или она просто аул беглых рабов покинуть хочет?

Да нет, не об этом сейчас думать надо, делать! Делать что?! Нажаловаться Альзин? Главе аула?! Плюнуть на маскировку, сказать, что взять я её никуда не могу и...

Мысли мои оказались слишком замедленными, думать в смысле надо было побыстрее, потому что, не дождавшись от меня реакции, Ремес метнулась вперёд с низкого старта, распахнула полы моего шаосе, потянулась туда, где должны были быть завязки брюк, а руки скользнули по звонкому поясу женского платья.

Ну, всё...

Закричать уже гостя не успела, резким движением вздёргнув её на ноги, я вызвала с поддетого наруча короткий кинжал, держа за рукоять обратным хватом, прижала лезвие к шее девушки. Глаза её перепугано расширились, а я уже задумалась о том, что с ней делать. Убивать не хотелось, жалко было. Скормить змеям? Тоже не выход, вдруг от такой наивности несварение начнётся. Может быть, просто отрезать язык?

Взгляд мой потяжелел, чешуйки зачесались. Я знала, как это выглядит со стороны — «взгляд убийцы, вышедшего на заказ». Дед хмыкал в такой момент и говорил, что страшно

становится даже ему. Обманывал, конечно, но для молоденькой девушки сойдёт.

Сейчас узнаю, сама она пришла или подослал кто...

А там буду решать, что с ней делать.

И снова... я ошиблась.

Делать мне абсолютно ничего не пришлось, ибо моя визави потеряла сознание.

И совсем я не такая страшная!

Обида была какой-то иррациональной, и, наверное, следующий мой поступок был продиктован именно ею. Потому что, перекинув через плечо хрупкое тело с выступающими косточками, она тут что, недоедает?! я двинулась в пустыню. Туда, куда собиралась с самого начала — танцевать.

Устроив в песке Ремес, не удержавшись от мысли, что в случае чего тут даже следов её не найдут, и её крови тоже, я избавилась от шаосе, звонко хлопнула в ладоши, звякнула браслетами, задавая тон и отдалась на волю песка и его музыки.

Пустыня шептала всё обо всём, слушала то, что я рассказывала ей в танце, успокаивающе, как мама, гладила по голове. И тревоги, печали, всё уходило на второй план, всё стиралось.

Песок, маленький сплетник, выдал мне всю подноготную Ремес. Она была свободной, здесь в ауле, а её мать — по-прежнему, была заложницей своего таланта наставников. Ремес хотела выбраться любой ценой из аула, потому что приглянулась неприятному типу, живущему на краю аула. Никто не знал, откуда он, но девушка, услышав случайно пару пьяных откровений о том, что он убил свою жену и двух маленьких детей — забил кулаками, мужика этого боялась. И совершенно справедливо полагала, что если выйдет за него замуж, как он и хочет, станет следующей в очереди могил.

Альзин помочь дочери не могла. Голос женщины в таких вопросах не рассматривался, а брата или хорошего друга у Ремес не было. Она боялась уйти из аула, зная, что тогда её догонят прямо в песках, и кто знает, не закончится ли всё участием куда более худшей чем смерть.

Моё явление — Змеиногое дитя, окутанного слухами и домыслами, стало для неё надеждой на спасение. Она уцепилась за свой шанс, и вот — провал...

Платье кружилось вокруг ног, вилось, летел вокруг песок, поднималась буря.

«Тайпан», — мой мысленный зов скользнул по песку и помчался туда, где был сейчас змей.

И ответ донёсся спустя мгновение, хорошо слышный, словно он сейчас был где-то очень близко.

«Да?»

«Крайт сможет понести девушку?»

«Да», — согласился ха-змеи.

И на этот раз я явно услышала смех в мысленном голосе.

Слишком они какие-то живые, эти ха-змеи. Слишком!

«Ты узнаешь», — голос у Тайпана был спокойным... нет. Успокаивающим, умиротворяющим! — «Ты всё узнаешь, Зеон, когда прибудешь к Царю змей. Пока не время, пока не место. Но много интересного ждёт тебя, змеиное дитя. Очень, очень много».

Я говорила, что мне это не нравится? Нет, так вот — мне это безумно не нравится!!!

Смех змея прокатился ворохом мурашек вдоль моей спины. И всё пропало: и его ощущение, и то странное волнение, от которого подкашиваются ноги, и мысленное его

присутствие.

Я осталась одна на песке, рядом сидела Ремес с открытым ртом, больше не звучала музыка песка, стих напев, который слышала только я.

Мне предстояло объяснить этой девушке, почему я беру её с собой, хоть это и опасно. Объяснить завтра то же самое спутникам.

И отправиться в путь.

До пика Гроз было три дня пути, а до конца срока — четыре.

Если больше ничего не случится, мы прибудем вовремя.

Хотя, боги только знают, все ли приключения я собрала на собственный хвост в этом районе или ещё что-то осталось?

На следующий день я уже точно знала, что ещё остались, ещё есть приключения, не опустившиеся на мой чудесный хвост. Собственно говоря, насчёт красавицы-пустынницы объяснять никому ничего не пришлось. Вообще.

Алая статуэтка с гривой эбеновых волос и настолько узенькой талией, что мужчины могли обхватить её руками, была красива. Настолько, что мои спутники не могли отвести от неё взгляд, когда Ремес перестала прятаться и откинула с лица покров плотного шаосе.

Вообще, в лагере беглых рабов женщины не думали о том, насколько это «правильно» или «по-женски». Мужское шаосе было куда удобнее, к тому же скрывало многое. В случае с Ремес — скрывало её красоту, а сейчас, пока она вилась вокруг меня, девушка была в женском шаохе. Полупрозрачные ткани вились вокруг неё непрерывным потоком, маня, очаровывая.

Конечно, Ремес была не так красива, как я сама. Не кривя душой, можно было сказать, что она была красоткой местной. Она была понятной и великолепной, но при этом она была цветком, рождённым в Аррахате.

В то время как я, обладавшая экзотической красотой янтаря, могла стать лишь игрушкой, услодой для чьих-то глаз, она имела все шансы выйти замуж и жить счастливой полной жизнью.

В общем, к чему это я. Никому из трёх мужчин в голову не пришло изумляться моему выбору и решению. Тем более что на Ремес поглядывал с молчаливым одобрением в глазах сам глава аула.

А Ремес, тараща на меня жгучие глаза-вишни, выглядела так, словно она встретила ожившее божество. Ну, со стороны мужчин это было «любовью с первого взгляда». А для неё я действительно была легендой.

Танцующая в песках была известна очень давно. Я ничего не придумывала и не распространяла, просто воспользовалась готовой легендой, не только жестокой, но ещё и очень красивой. О той, что спит в песках и просыпается лишь раз в тысячу лет. Когда Меда опускается в пески и засыпает, она — Танцующая, иногда выходит на дюны и танцует. До утра звучит музыка пустынной колыбельной, звучат барабаны и монисты, и она танцует, призывая бури, укрывая влюблённых, спасая тех, кто об этом просит.

На песке танцевала я сама, и именно моей красотой, красотой моего танца была зачарована Ремес. Естественно, когда она узнала, что для того, чтобы следовать за мной ей надо всего лишь дать магическую клятву на моём амулете власти, она, не задумываясь, её принесла, обязуясь молчать, молчать обо всём, что узнала и увидела. После этого Ремес получила браслет из лунно-латунного материала, а вот на моём амулете зазвенела,

покачиваясь, дополнительная «висюлька».

Утро ещё не вступило в свои права, когда сборы были практически завершены. Мы готовились покинуть аул, когда мне заступил дорогу двухметровый верзила с такими мышцами, что даже я невольно испытала приступ острой зависти. Что уж там подумали мои спутники, мне неведомо.

Обведя презрительным взглядом маленьких злых глазок всех нас, мужчина пророкотал, обращаясь к Грэссу, видимо, как к самому представительному среди нас:

— Я не отдам свою женщину без боя. Сражайся и сдохни!

— Очень красочно, а уж как достойно, — ухмыльнулся лорд Вессен. Испуганным он не выглядел, да и к тому же я не раз становилась свидетельницей того, как разделялся с теми, кто переходил ему дорогу, этот достопочтимый лорд.

Добавлять он ничего не стал, как и принимать вызов. А я, поправив сумку на плече, шагнула вперёд, отстраняя задрожавшую всем телом девушку в сторону.

— Я Зеон. И Ремес принадлежит мне.

— Она предпочла уйти от меня вот к такому задохлику? — боров расхохотался, но при этом я видела, что смех — наигран, а ещё в этих глазах светился ум. Противник был далеко не глуп, скорее я бы поставила половину состояния, скопленного трудом проводника, на то, что мужик он умный!

Было обманчиво и первое впечатление. В теле этого человека не было ни следа жира, за его крупной комплекцией, как раз и производящей обманчивое впечатление жиртреста, катались мышцы. Только вот мне кажется, что здесь происходит что-то не то? Или так оно и есть?

— Если сравнивать с такой горой сала, то и богатырь маленьким покажется, — решила я двигаться по очевидной линии, изображая, что попалась на уловку этого огромного противника.

— Чё сказал?!

— Ещё и плохо слышит, — поморщилась я и чуть повернулась к главе аула Песчаных варанов — так называли себя беглые рабы. Звали главу Орим. И имя-перевёртыш ему дал шаман того аула, где молодой Орим родился.

Значит, боги уже тогда уготовили этому парнишке очень высокий полёт.

Но всё же сейчас меня интересовал именно этот огромный умный мужик.

— У вас все такие безголовые ребята? — благоразумно не стала я выпускать из поля зрения того, о ком спрашивала.

— Есть те, кто сначала думает, стоит ли связываться с данным конкретным соперником или лучше промолчать и отойти в сторону. Но наш кузнец никогда не отличался спокойствием и склонностью к анализу ситуацию.

— Ясно. Бывает. Сочувствую...

Мужик взревел, кинулся на меня, но психи, да на ровном месте? Да неинтересно! Призвав из наручного свитка свой любимый меч, я двинула напавшему в зубы, а когда (вот крепкая челюсть!) тот просто отшатнулся, восхищённо прицокнула языком.

— А голова у тебя такая же крепкая?

— Крепкая, — оскалился тип.

Это он что, намеревался испугать меня что ли? Ну, как-то несерьёзно, право слово!

И пока я отвлекалась, мужик снова кинулся на меня, и вторично получил в зубы.

Убивать упёртого песчаного барана, который просто хотел получить Ремес, я пока не

собиралась. Но просто ли он хотел её? Иррациональное желание сохранить ему жизнь, и более того — получить его в своё собственное распоряжение было таким сильным, что сопротивляться я не могла.

Снова мотнув головой, мужик устоял, и даже в его глазах не появилось и тени сомнения в том, что меня можно забить, через меня можно переступить. Нет, он мои вообще удары ощущает?! Кажется, нет. И это жутко обидно. Удары у меня совсем не слабые!

Ладно. Не будем опускаться до банальной драки. С чего там дело началось, с дуэли? Вот сейчас эту тему и продолжим.

— Я согласен, — постановила я твёрдо. — На дуэль. Но вот только что получу я, после того как ты проиграешь?

Мужик, да и надо заметить, что не он один, потерял дар речи.

Оправдываться я не любила, да и тот, кто оправдывается, всегда находится в уязвимом положении, но вот пояснить свои мысли зазорным я не считала.

— Ты хочешь Ремес и поэтому настаиваешь, чтобы я тратил на тебя своё время. А я не хочу тратить время просто так. Если ты можешь мне предложить равную ставку за такую красавицу, я подумаю над тем, чтобы оставить тебя в живых. И потратить немного своего времени.

На этой фразе в глубоко посаженных глазках вспыхнуло беспокойство. Кажется, только что я кому-то поломала игру.

Интересно, он надеялся на что-то другое? Точнее, вообще на что он рассчитывал, вызывая на дуэль кого-то из тех, кто помог его лорду Ориму выбраться живым с могильника ха-змей?

Ремес спряталась за плечом Грэсса. Лорд Вессен казался из всех моих спутников ей видимо самым безопасным и не страшным. А может быть, дело было не только в этом...

К Киту на её месте я бы тоже подходить не стала, а мой напарник для живых казался пугающим даже тогда, когда они не могли осознать его природы. В том смысле, что не могли понять — что он труп.

— Ну, так что, — продолжала я настаивать на своём. — Ты уберёшься с дороги или всё-таки что-то придумаешь?

Беспокойство сменилось пониманием, и когда я подумала, что мужчина сейчас откажется, он собрался с силами, набылчился и спросил:

— А что ты хочешь?

Я радостно улыбнулась. Вот это да! На такую удачу я и рассчитывать не смела! Да тут не только для Ремес удачный шанс кажется! И для меня удачное приобретение найдётся.

— Я хочу твою жизнь.

Ого. А мой ответ шокировал не только тех, кто был в моей компании и самого мужчину, чьего имени я до сих пор не знала, но ещё и тех зевак, что уже успели подобраться поближе. Нет, а они что, считали, что я тут в куклы с ним играть буду?

К тому же жизни окружающих мне без надобности, я хочу только именно этого мужчину. Интуиция, а может что-то ещё нашёптывало, что он мне понадобится в самое ближайшее время.

— И всё это за одну Ремес?

— А что ты ещё хочешь? — уточнила я.

— Тебя. Твоих услуг. Если проиграешь, я не буду тебя убивать, но ты проведёшь меня в один из городов. Я хочу голову ублюдка, отдавшего приказ убить всех, кто жил в моём ауле,

и вырезал лично всю мою семью.

Ага. А вот так картинка складывается. Ну, не мог этот мужик быть простым работягой или кузнецом, на что указывала его причёска и слова лорда Орима.

Нет, не спорю, кузнецом он тоже был, но вот в его прошлом было что-то поинтереснее. И теперь я знаю что. Уничтоженный аул. И некто, кто отдал приказ и лично поучаствовал в убийстве.

И кто же кого забил кулаками? Ведь песок прошлой ночью, когда я танцевала, эту информацию подтвердил, хотя про детей, как выяснилось, слухи всё же врани.

— Принято, — оскалилась я, стряхивая сумку, а вслед за ним избавляясь и от шаосе.

Прерывисто-влюблённо выдохнула Ремес и, мысленно закатив глаза, я шагнула к бугаю.

— Твоё имя?

— Астагард.

— Да. Имя воина. Я буду звать тебя Гард. Сможешь меня ударить — ты выиграл. Трижды упадёшь — выиграл я. Хочешь что-то добавить, уточнить, изменить?

— Только одно. Я не обычный человек, так что — пропустишь удар, и ты сдохнешь! После моего удара на своих ногах не уходил никто.

Атака Гарда была стремительно и тяжеловесной. Так атаковали гигантские крокодилы, буквально вылетая из-под воды. Хорошая попытка, но её было бы достаточно лишь для обычного человека, к которым я не относилась.

Для того чтобы победить дитя пустыни надо что-то большее, что-то, что этот мужчина знает и умеет. И я хочу на это посмотреть!

Присев, я в последний момент вытянула ноги, подбивая под ноги несущегося Гарда, а потом с удовольствием посмотрела на то, как он пропахал носом песок.

Ремес, около которой закончилось это падение, испуганно вскрикнула и метнулась в сторону. Гарда она боялась смертельно, но он сам на неё обращать внимание и не подумал.

Кажется, никакой любви там не было и подавно. Был спектакль.

Поэтому всё внимание пустынного человека было приковано сейчас только ко мне одной.

Всё мне! Даже лестно.

— Шутки в сторону, — прорычал Гард.

Я пожала плечами. Вот что-что, а шутить с этим типом мне бы и в голову не пришло. Слишком уж мощная гора мускулов. Да и не стоило забывать, что высокое положение просто так не занимают. Надо быть или очень умным человеком, или родиться в соответствующей семье. Но тогда это значило ещё и то, что он получил лучшее образование из того, что было доступно в семье его родителей.

Нет уж, риск хорош только тогда, когда в качестве ставки своя жизнь. И ты или рискнёшь, или умрёшь. В данном случае повода рисковать не было. Лучше было двигаться к своей цели медленно, не торопясь, и получить всё то же самое, только без происшествий.

Гард двигался вокруг меня с тяжеловесной грацией. Это ещё было далеко не всё, что он может, но в его теле уже просыпалось воинское искусство, которому он учился очень долго. Скольжение вбок, он попытался зайти с моего слепого пятна, и тут же последовала неожиданная атака.

За моей спиной охнул Рамир, выругался Кит, а я не столько отражала, сколько ускользала от молниеносных страшных ударов, каждый из которых мог меня убить на месте.

Да. Да! Да!

Он из того типа людей, от которых я не хочу отказываться.

Но он может ещё лучше. Ещё сильнее и быстрее, он может быть ещё опаснее.

Резко стронувшись с места, я увернулась от финального удара, оказалась за спиной мужчины и нанесла два коротких удара под колени, подбивая его и снова роняя его на песок.

Когда Гард поднялся, в его взгляде стояла алая пелена желания убивать.

Если бы, как в наших древних легендах, он мог быть убит взглядом, я бы умерла на месте. Да и думаю, слабые духом после такого взгляда тоже не смогли бы уйти на своих ногах. Но, увы, мы были в Аррахате, не в легенде, а в самой настоящей реальности, а я была змеиным проводником и видела взгляды куда страшнее.

— У тебя последняя попытка, — посчитала я не лишним напомнить Гарду о его положении. — И кажется, с голыми кулаками ты слабее котёнка.

Подняв руку, я махнула Рамиру, и мой напарник швырнул мне боевой топор, которым ещё вчера его осчастливили.

Топор я перекинула уже Гарду и призвала свой меч в левую руку. Всё-таки я хотела только стреножить его, а не убивать. Слишком ценный ресурс. И пусть я ещё не знала для чего, пусть было непонятно, что, где и когда должно произойти. Но терять такого пустытника я не собиралась.

— У тебя слишком рваная грация для того, кто притворяется мастером боевых искусств, — заметил мне мужчина.

Мой взгляд остался непроницаемым. Вывести меня из себя? Не получится.

А рваная грация была единственным наследием Танцующей. И это именно ей Зеон однажды уступит место, и ради нескольких циклов я не собиралась уничтожать, переделывать свою танцевальную пластику.

— Хватит слов. Больше дела, — потребовала я категорично. — Или ты передумал меня попробовать убить?

Задетый за живое, Гард сорвался с места. А я с трудом удержалась от восторженного визга. Все боги Аррахата! Он был безумно хорош. Настоящая змеиная машина для убийства в теле человека.

Больше не было тяжеловесности, он раскачался и напал со всех направлений, уверенно меня тесня. И чем шире расплывалась улыбка на моём лице, тем яростнее становились его удары, но все же он не переходил той тонкой границы между точностью ударов воина и бессмысленностью боевого озверения, когда не разбирают где свой и чужой.

Впереди меня ещё ждал пик Гроз, и этому воину ещё не пришлось проявить себя. Но я знала точно, я его хочу. Очень хочу! И сейчас получу. Игры — закончились.

Увернувшись от очередного удара, я скользнула под рукой Гарда, увернулась ещё от двух замахов и ударила тыльной стороной меча меж рёбер, больше не жалея воина.

От резкой боли тот согнулся. Упал на колени, а следом я добила, ударив ребром ладони по шее. И флегматично понаблюдала за тем, как человек падает на песок.

— Заверните и упакуйте, — пробормотала я, потом нашла взглядом побелевшего и растерянного главу аула Песчаных варанов. — Вы всё слышали, лорд Орим. Этот человек принял мои условия и проиграл бой. Его жизнь — моя. Отдадите вы его мне?

Возражать Ориму и в голову не пришло. Может, он и хотел было предложить выкуп за этого человека, но лорд Вессен склонился к его уху, и глава поселения только закивал, готовый отдать мне всё и немного больше.

Дело сделано! И теперь, когда Гард придёт в себя, его будет ждать встреча с посланником. Он выдаст воину мешочек золота, осёдланного ящера, а также указание, где

именно я буду его ждать.

И хоть на моём лице не отражалось абсолютно ничего, я ликовала, понимая, что такой воин может стать козырем в любой аванюре! К тому же я больше не собиралась допускать повтора похищения деда. И постоянный охранник мне не помешает. Конечно, было бы ещё неплохо создать свой аул... Воинов... Разбойников тоже подойдёт. Тем более что после исчезновения Летучих Голландцев, к чему я приложила руку, а мои змеи свои хвосты — место вакантно.

Так. На эту тему стоит подумать отдельно, сразу же после того, как я вернусь к деду. И не стоит забывать, что в моей любимой пустыне есть очень много проклятых мест, куда не сунутся даже отъявленные психи. А я была змеиным проводником, и это хуже!

Но достаточно слов и мыслей. Меня ждёт Тайпан и пик Гроз. И всё же должно же это наконец-то закончиться? А то... как бы немного, но я уже устала. Нервы начали сдавать, все эти путешествия, опасное соседство и постоянная угроза для моего хвоста! Ну, сколько можно то? Хоть небольшую передышку я заслужила?!

Дальнейшее путешествие решило, что всё-таки да, заслужила, и не пожелало повторить попытки прищемить мне хвост.

Орим ехал вместе с Рамиром на Крайте. И хоть глава аула беглых рабов был напряжён из-за подобного соседства, он не жаловался и не просил с кем-то поменяться.

Ремес ехала с Китом, а Грэсс по-прежнему — со мной, тут никаких перестановок не было, и быть не могло. В сутки мы делали по две остановки на три часа. В самые жаркие полуденные часы и в самые жуткие часы ночных демонов. Слезали со змей, снимали сёдла, ставили шатры, ели-пили и падали спать как подкошенные.

К исходу шестого дня, после того как мы выехали из города Хрустального предела, впереди показалась громада пика Гроз. И по предварительным расчётам за ночь мы должны были оказаться уже у подножия.

Это была новость хорошая.

Новость плохая состояла в том, что Песчаные волки из форта никуда не делись, и их надо было умудриться безопасно миновать.

Конечно, Грэсс намекал, что у него есть связи, но на душе было тяжело.

Распластавшись на Тайпане, а я по-прежнему ехала без седла, я закрыла глаза, наслаждаясь мощным телом подо мной. За эту без малого неделю я научилась совершенно комфортно чувствовать себя в связке сразу с тремя ха-змеями, хотя так и не могла понять, зачем такое непонятное условие выдвинули эти братцы.

Да, в конце концов, я поняла, что сопротивление бесполезно, и мысленно называла наш верховой «транспорт» братьями. Шутка ли! Если долго сопротивляться себе, можно потерять разум — а безумный змеиный проводник — это беда уже всего и вся разом.

В прошлый раз, когда на Аррахате один мой собрат по ремеслу сошёл с ума, началась змеиная война. Мало того, что передрались почти все аулы, война затронула даже города под хрустальными куполами.

А я в войне участвовать не хотела.

Мне казалось нечестным как-то использовать свои знания, способности и умения против живых.

А других в войнах не водится.

«Зеон».

«А?» — мысленно отозвалась я, наслаждаясь путешествием.

Сейчас мне было очень хорошо. Ночной покров туч скрыл небо, ни один из ночных спутников не спешил разгонять царящую тьму своим несвоевременным появлением. Песок покачивался, лаская огромных змей, нёс их вперёд к тёмной громаде скал.

Я не хотела выныривать из своей тёплой дрёмы, в которой пребывала вот уже вторые сутки. Но мне пришлось.

Впереди, прямо по курсу нашего следования, была засада: шесть ха-змей под свитками подчинения. И глава аула Волков собственной персоной.

Песок шептал, что там, на той стороне уже дали приказ встречать нас, а ещё приказ — уничтожить всех. Никто не должен был пройти дальше, никто не должен был добраться до Царя змей. С моих губ сорвался короткий смешок.

Между молотом и наковальней, да?

Действительно, по-другому ситуацию и не описать.

Отступать некуда — плевать на договор и на Хана, но заложником договора являлся мой дед! И его жизнь была мне куда важнее.

Атаковать в лоб? Я не настолько безумна. Будь я одна, я бы прорвалась, но у меня есть люди, чья жизнь должна быть сохранена.

Что же делать? Должен быть какой-то выход. Должен!

«Сворачивай налево», — велела я.

Тайпан удивился, но послушался. Рядом легли параллельным курсом Мамба и Крайт.

«Куда нам?» — уточнил старший.

«До ближайших дюн, достаточно высоких, чтобы происходящее между ними было скрыто, и при этом достаточно пологих, чтобы начавшаяся песчаная буря не погребла никого с головой».

«В предгорьях пика Гроз, Зеон, никогда не бывает бурь».

«Это правило», — согласилась я легко. — «А мне потребуется в него внести некоторые исключения».

«Ты умеешь управлять погодой?»

«Нет. Не умею», — поморщилась я. — «Мне придётся позвать на помощь одну... сущность, скажем так. Но я хочу, чтобы никто не увидел этого. Моя знакомая убивает всех, кто увидит её танец».

«Танцующая в пустыне».

Естественно, Тайпан догадался и, конечно, понял он всё совершенно верно. Вряд ли на всём Аррахате был кто-то, кто не слышал об этой легенде. И вряд ли был кто-то ещё, кто на это способен. Точнее не так, способны на управление погодой были многие: любой шаман старше пятидесяти годин мог пробудить бурю. Но вот «явиться на зов» могла только Танцующая.

Я... опять не так. Речь сейчас шла не обо мне, а о Зеоне.

Да, мой мужской облик был змеиным проводником, но он не мог создавать на ходу свитки. Это могли только шаманы или отверженные. Шаманом Зеон быть не мог никак. Не уживалось в одном человеке два дара от разных богов. Змеиные проводники получали благословение змеиных богов, шаманы — благословение песчаных. Одновременно никак.

Светить свою отверженность мне и в голову бы не пришло.

В том смысле, что жить ещё хотелось, очень-очень.

А свиток, вызывающий бурю, заранее создаться никак не мог. Он создавался на месте и действовал всего несколько секунд.

Я задыхалась от ненависти и тупой ситуации, в которой оказались мы все. Я не могла никому довериться, я даже ха-змеям не могла доверять! И Танцующая была тоже риском, но риском оправданным, насколько это было возможно.

Но ещё мне предстояло понять, как обставить всё наиболее безопасно для себя. И ещё предстояло подумать, как провернуть ту авантюру, что пришла мне в голову. А пока змеи стремились вперёд, забирая в сторону от крепости Волков, но держась рядом с пиком Гроз.

Мы удалились не так уж и далеко, когда нашли это маленькое чудо — не просто нужные мне дюны, а настоящий оазис! Здесь мы могли передохнуть, привести себя в порядок, а потом решить, как поступить.

Приготовив пару походных шатров, мы уложили девушку в мой шатёр. Кстати, третьим с нами спал всё это время ещё и Грэсс. Делить второй шатёр с Китом и Рамиром он отказался наотрез.

И, кажется, недалёк был тот час, когда лорд Вессен придёт ко мне, чтобы осторожно завести разговор о покупке моей нежданной находки — Ремес. Он кидал на неё очень красноречивые взгляды, а моя «наложница» краснела под этими взглядами и тянулась к Грэссу.

И это выход. Не тащить же девчонку с собой в пустыню и проклятые места?

Пройдя мимо разминающих ноги мужчин, я вытащила из рюкзака горючий камень и занялась костром. Серо-синие языки огня взмывали в небо и опадали, выстреливая в разные стороны шипящие искры.

— Из-за чего остановка? — спросил раздражённо Кит, подойдя к огню ближе, когда я уже прилаживала котелок с водой.

Сейчас я находилась в выгодном положении. Мне не надо было выдавать свои собственные способности, достаточно было свалить всё на ха-змей, выдав «нечаянно», что я не просто змеиный проводник, но говорящая со змеями.

Не просто та, что может повлиять и подражать, но та, что может понимать.

Ну, естественно, для окружающих «тот».

— Впереди засада, — пояснила я скупно. — Волки верхом на боевых змеях.

— У нас амулеты власти! — возмутился Грэсс. — Они обязаны нас пропустить!

— Им, по-видимому, об этом не сказали, — позволил себе Кит лёгкое зубоскальство.

Честное слово, я начинаю восхищаться этим человеком!

Хотя для меня он, безусловно, был опасен. Среди всех, кто отправился в это путешествие, среди всех, к нему причастных, он был одним из самых опасных. И в физическом плане, справиться с ним — напади он, я бы не смогла. И в том смысле, что именно этот человек мог бы разгадать мою настоящую сущность.

У него было уже достаточно зацепок, и его взгляд был слишком уж тёмный порой.

Я его боялась. Но не отдать должное при этом не могла.

Он кругом прав. Точно, Волкам или не сказали про нас, или сказали, намекнув, что никуда и никак мы дойти не должны. Мало иметь амулеты власти, мало!

Чтобы отдать приказ на этом кружке, надо оказаться на расстоянии его предъявления и чёткого голоса, а такой возможности, судя по всему, нам давать никто не собирался.

Мы не могли здесь и сейчас разделить, чтобы понять, кого именно ждут. На пик Гроз безопасно и на ха-змеях, кстати, подняться можно было в единственном месте — и этим местом был форт Песчаных волков.

Подняться на пик своим ходом было невозможно. И дело было далеко не в отсутствии

соответствующего оборудования. Просто коренные обитатели этого места очень не любили гостей. Хотя, нет, правильнее будет сказать — очень любили. В гастрономическом смысле. Мясо живых.

Потому что обитали на пике твари и монстры. Коренными назвать их будет неправильно, уже по той причине, что никто не знал, когда и откуда они появились. Как никто также и не знал, когда и откуда появился пик Гроз.

В общем, даже в одиночестве, я не рискнула бы сунуться сюда, чтобы выяснить сколько же правды в тех рассказах и россказнях, что курсировали по Аррахату вот уже более двух тысяч лет.

— Тогда что делать будем? — растерялся Грэсс.

Я отвела от него взгляд, повернулась к напарнику:

— Рамир, они не должны тебя увидеть, но ты должен узнать, как можно больше.

Моё личное привидение кивнуло и резко пропало. Змеи, седла с которых сняли, расползлись в разные стороны, но были в курсе дела.

— Мы проведём здесь сутки, — сообщила я, с тяжёлым сердцем развеивая свиток мужского облика, только недавно восстановленный. Да что же это такое! Не работа, а сплошные прятки. — Ха-змеи поедят и немного отдохнут. Рамир принесёт информацию. Мы сами выспимся, и после этого будем прорываться силой.

— Просто так? — не поверил мне Кит.

И снова поразившись пугающей интуиции этого человека, я отрицательно покачала головой.

— Нас закроет песчаная буря.

— Их здесь не бывает, — вздохнул Грэсс, сразу же оценив изящество задумки.

— А это смотря, кто звать будет. Я знаком с одной леди, которую на Аррахате считают всего лишь легендой. Думаю, Танцующая в песках обеспечит нам не просто бурю для галочки, а постарается сделать так, чтобы под песчаным покровом мы миновали засаду хотя бы без потерь.

— Каждый, кто увидит Танцующую, умрёт.

— Точно, — согласилась я. — Именно поэтому вы будете ждать здесь, а я займусь переговорами.

— Это звучит авантюрой, — нахмурился Кит.

И на этот раз спорить я даже и не подумала.

— Это даже больше авантюра, чем можно подумать с первых слов. Но в лоб мы не пройдем. Ты сам понимаешь, наши амулеты там никого не интересуют, более того, там не дадут нам даже возможность их предъявить. В обход пройти ни у кого из нас также не получится. Поэтому, вы как хотите, а я спать. Рамир сегодня вряд ли вернётся, а завтра с новой информацией будем решать, есть ли вариант действия лучше, чем заплатить за помощь Танцующей.

Я ещё немного подождала, вдруг мои спутники чего умного скажут, но они только отводили взгляд и молчали. В результате, я забралась в шатёр, натянула на голову шаосе и уснула. Больше ничего сделать я была не в силах.

Мне нужны были сутки, мне нужно было время, чтобы тело могло принять новый свиток изменения, а не отвергло его. Я не переживала о том, что мы не успеем. Десять дней из назначенных Ханом ещё не закончились, и время до конца назначенного срока появления перед Царём змей ещё было.

Мой авантюрный план таковым был, пожалуй, что и относительно. По крайней мере, у него были все шансы сработать!

Теперь нам нужен был Рамир, нужна была вся информация, которую он сможет собрать, а потом я вовлеку пустыню в свой танец.

Змеиный проводник Зеон терпеть не мог, когда кто-то вставал на его пути и таких шакалов наказывал примерно.

И аулу Волков ещё предстояло узнать это на своей шкуре, что это такое — встать на пути не просто змеиноного проводника, а осмелиться преградить дорогу настоящему змеиному дитя.

* * *

Рамир с информацией появился ближе к полудню. Злое раскалённое марево превратило пустыню в гигантскую жаровню, на которой мы коптились, а вместе с жарой появились и первые миражи.

Ещё несколько часов, и из безобидных картинок, то и дело всплывающих в воздухе, дело может привести к неприятной обстановке.

Не так, чтобы совсем уж смертельной беде, но, к сожалению, ничего хорошего могло и не быть. И повреждения разной степени были далеко не самым худшим, потому что здесь можно было потерять и разум, и душу.

Бродячие миражи у пика Гроз путешествовали не одни.

В том смысле, что под прикрытием разноцветных и объёмных миражей путешествовали весьма любопытные и неприятные твари, не имеющие своего собственного постоянного облика.

Они были одними из тех, чьё существование было подтверждено летописями шаманов.

С точки зрения этих хранителей знания, существа были интересными. Шаманам хотелось узнать обо всём: какие они, откуда появились, куда уходят, как и где существуют, как выбирают своих жертв, умеют ли они управлять миражами, или только путешествуют вместе с ними, прикрываясь их завесой?

В противоположность им мы, змеиные проводники, отдали бы всё кроме своего дара и жизней, чтобы этих тварей никогда не существовало.

Те, что водились здесь, были симбионтами миражей, и самое страшное — они менялись под каждую новую картинку. Им не надо было ничего и никого: ни свитков, ни шаманов — они подстраивались под мираж! И невозможно было угадать, это движется просто картинка, или под её прикрытием на тебя вот-вот нападёт какая-то жуткая дрянь, которая не оставит от тебя не то что рожек-ножек, а даже костей?

Своё пиршество эти монстры начинали с крови, продолжали жизнью, мясом и заканчивали трапезу костями. Чтобы не попасть под удар, надо было двигаться, не делая остановок больше, чем на пять часов.

А нам нужна была суточная передышка. Ведь, как я уже упоминала, танцевать мне предстояло в своём настоящем виде, но отправить в бой Танцующую... глупее идеи мне прийти в голову просто не могло!

Драться должен был Зеон. И хотя в моих настоящих руках было достаточно силы, чтобы удержать свои мечи и снести какому-нибудь доброхоту голову, Танцующая не должна была

выходить на свет.

Не время. Не место.

Не настолько опасно, не настолько всё плохо.

Закинув голову к светлому небу, полыхающему над моей головой белоснежным покрывалом облачного миража, и почти тут же увидела темнеющую точку. Ко мне приближался мой напарник, летя над дюнами.

Рядом Рамир был уже через минут двадцать, осмотрелся по сторонам и опустился на песок у моих ног.

Я сидела на гребне соседней с оазисом дюны, зарывшись в песочное манто по пояс.

— Чем порадуешь? — сонно спросила я.

— Шесть боевых змей, три отряда лучников с горящими стрелами и два шамана. Ждут именно нас. Глава аула Волков приказал, чтобы до Царя змей не добрался вообще ни один дароносец. Но в первую очередь...

— Грэсс, — помогла я Рамиру, открывая глаза.

Мой напарник сглотнул, и я знала, что вызвало такую реакцию. Из-под глубокого капюшона и покрова шаосе видны были только глаза, но вместо тёмных гранатов, на привидение смотрели янтарные провалы.

Из всех, кто был в лагере, он был тем единственным вариантом, которому я могла довериться.

В поём плане всё было расписано по пунктам и звучало очень просто. Я вызываю бурю, подаю сигнал моему напарнику. И уже Рамир передаст знак начать движение дальше. Естественно, этого недостаточно, чтобы защитить караван. Поэтому когда зазвучит буря, я поведу её за собой. Я стану центром бури, она скроет меня, убережёт от любых взглядов.

Но между бурей — её эпицентром, как известно, самым спокойным местом, и той волной, что обрушится атакующей, жалящей змеёй, будет несколько мгновений пустоты. Именно в этом месте будет безопасный промежуток, в котором должны проскочить мои спутники. Но чтобы им точно знать время начала движения, кто-то должен был подать знак. И этим кем-то предстояло стать Рамиру.

В моих глаза отразилась пустыня, с которой я слилась, и привидение испуганно отшатнулось прочь.

Змеиное дитя. Дитя пустыни.

Мне не дали благословение змеиные боги, мой дар был следствием того яда и молока, которым меня выпаивали. Я стала, по словам деда, приёмным ребёнком змеи, чьё молоко я пила. Сам Ассан не знал, как такое возможно, но по его же словам Аррахат большой. Многое в нём может встретиться, очень многое.

А на свою вторую половину я была ребёнком пустыни.

В её руках я засыпала, ей жаловалась, и она утешала меня. Когда я шагнула свободной в её объятия, пустыня заменила мне маму, которую я потеряла очень рано.

— Теперь я понимаю, почему тебя боятся, — хрипло сказал Рамир.

Я кивнула и отвернулась, слушая окружающий песок.

Рамир помялся ещё немного рядом и, не услышав от меня ничего, спустился вниз, к оазису, а вокруг меня тут же скрутился кольцами подползший Тайпан.

«Я не слышу бродячих миражей», — заметил змей.

Прижавшись на мгновение к его прохладному телу, я кивнула, а потом позволила песку подняться и скрыть меня своей пеленой уже по шею.

«Они не придут сегодня сюда. Я попросила, чтобы они потрепали тех, кто нас ждёт».

«Это разве возможно?»

«И да, и нет», — отозвалась я сонно. Над оазисом полыхал заревом мираж горячей столицы, и мне не хотелось знать, в чьих мечтах можно было увидеть такую картину.

«Как?»

«Это возможно, если бродячих миражей будет два. Фальшивый — здесь, настоящий — там. Не думаю, что шаманов потреплет сильно, но хотя бы численность лучников уменьшится. И этого уже будет достаточно».

«Зачем?»

«Что именно?» — не поняла я, о чём он спрашивает.

«Зачем тебе всё эта история со змеиным проводником?» — поменял неожиданно тему Тайпан.

Мне пришлось несколько минут собираться с мыслями, разгоня сонливость и апатию, прежде чем я нашлась с ответом:

«Дед сказал, что надо, а мне возражать и в голову не пришло. Ему виднее, да и пока я работаю проводником, новые знания сыплются со всех сторон. Это достойная цена за любые тяготы и препоны на пути, типа мешающихся людей. Да и они целиком искупаются красотой Аррахата».

«Ты любишь пустыню, но терпеть не можешь людей», — подытожил Тайпан.

Я нахмурилась. Это было неправдой. Точнее не совсем правдой. Возможно лишь отчасти, совсем немного, что-то в этом было, но...

Над моей головой хмыкнул Тайпан, для которого мои мысли тайной не стали.

«У тебя такой же склад ума, как у нас».

Я промолчала, интриговать эта чешуйчатая зараза меня продолжал, но вот вместо объяснений я однозначно могла услышать только это короткое «подожди», выводящее меня из себя одним фактом своего существования. Так что, я не буду ничего спрашивать. Я подожду.

«Зеон?»

«Да».

«Ты...» — Тайпан замолчал, потом покачал мордой, так ничего и не сказав. — «Поползу вниз».

Я кивнула, закрывая лицо накидкой от капюшона, и когда змей скрылся внизу, я накрылась песком с головой, оставив небольшой кусочек свободного пространства перед лицом и грудью, чтобы было чем дышать.

Наверное, я уснула, потому что песок в какой-то момент отпрянул прочь, раздался, оставляя меня щуриться растерянно на сажающуюся Меду. Рыжий отсвет её лучей скользил по песку, и по мне, раскрашивая мою светлую кожу в цвет крови.

Я не была в своём шаосе, на мне было платье. И совсем не то самое, коралловое, в котором я собиралась танцевать через пару часов...

Мои янтарные волосы были сплетены в толстую косу и лежали на плече. Ниже пояса, вместо ног, у меня был толстый змеиный хвост, и окрас этой чешуи мне был знаком. Я его уже видела — на Тайпане, я приобрела окрас аспиды. Я ядовита?

Платье на мне было чисто чёрным. И на руках, там, где я привыкла видеть и ощущать наручи с драгоценными камнями вызова оружия, были наручи из чёрной мелкой чешуи. Только не магические, они просто были. Для чего? Для... красоты?

Рядом со мной никого не было видно или слышно... Я даже не могла спросить о том, что это, где это я, зачем это всё?!

А, нет. Появился. Кто-то!

Там, на соседнем гребне.

Я не поняла, как у меня получилось, но я легко поднялась на хвост, разглядывая незнакомца. Расстояние было не таким уж и далёким, и я легко могла его разглядеть. И красноватую кожу, плавно переходящую в такого же цвета чешую, а на брюшке меняющую цвет с красного на желтоватый оттенок. По туловищу перекачивались мышцы, и верхняя половина была однозначно телом воина.

Ещё у мужчины были чёрные волосы, заплетённые в девятихвостые косицы.

Лукавый взгляд широко поставленных глаз, резкие скулы, квадратный подборок — дополняли его облик. Одним словом, мужчина не был красив, но от него веяло чем-то таким, очень надёжным.

Хотелось, чтобы он обнял, хотелось, чтобы он защитил.

Меня?!

В глубине души полыхнула ярость.

Я не бесправная наложница, я больше не живой товар.

Я воин! Я в состоянии защитить себя сама от кого бы то ни было!

Я в состоянии сама защитить тех, кто мне дорог!

Мужчина засмеялся, и я села на песке с бешено колотящимся сердцем.

И первым делом я бросилась проверять собственные ноги.

Нет, мои. Настоящие. Значит, уже не сон. Можно выдохнуть, можно позволить себе снова начать дышать.

Только вот... Что же это такое было? Сон? Мираж? Откуда пришло? Чем было навеяно? И... сколько времени? Не пора ли...

Пустыня готовилась ко сну.

По серому песку протянулись длиннее чёрные тени. Зеркало озера в оазисе стало насыщенно чёрным. Покачивались язык огня под котелком. Грэсс о чем-то шептался с Ремес, Рамир и Кит ссорились над картой, вот делать мужчинам больше нечего.

Тайпан дремал рядом с оазисом, немного в стороне от него был Мамба. А где-то рядом со мной был Крайт. Охранял.

От меня? Или меня? Хотя, можно подумать, в колыбели песчаного ложа меня кто-то смог бы достать!

Расправив шаосе, я двинулась вниз. Надо было что-нибудь съесть, приготовить к танцу платье. Всё остальное уже было сделано. И свитки, и подношение пустыне.

Так что, посмотреть на спутников, поговорить с ними, может, что ещё скажут, и отправляться танцевать.

— Как наши успехи? — поинтересовалась я, опускаясь у костра. Но ответом мне стало только дружное злобное шипенье, когда это ха-змеи успели дать моим спутникам практические уроки? И чего это они так резко? Подумаешь, нашли проблему, появилась я тихо, они вовремя меня не заметили. Детские какие-то выходки с их стороны! Пугаться вздумали.

— Так успехи наши как? Рамир?

— На засаду напали бродячие миражи. Одна боевая змея выбыла из строя, ещё две стали плохо слушаться приказов. От лучников осталась треть. Один шаман тоже больше не может

принимать участие в нашей торжественной встрече.

— То есть один отряд лучиков, три боевых змея в своём уме, двух можно списывать со счетов, поняв, кто перед ними — не нападут. И остаётся ещё шаман... — пересчитала я, потом кивнула.

Да. В таком ракурсе не все так плохо. Может что-то толковое и получится в итоге из авантюрного плана.

— В общем итоге всё складывается куда лучше, чем я мог предположить. Можно было бы даже не звать Танцующую.

— Не получится, — Кит, свернув карту, вогнал в песок свой кинжал. — Рамир описал мне шамана, что ждёт нас там. Я знаю его.

В голосе одного из моих спутников прозвучала ярость, холодная ярость человека, выбравшего свою жертву и теперь готовящегося просто однажды взять её жизнь, сразу же, как только эта жизнь перестанет быть нужной хозяину. А ещё я могла быть уверена, что сразу же после возвращения, как только Хан узнает о том, что аул Песчаных волков посмел встать на пути нашего движения, он двинет сюда армию. И в первых рядах будет Кит, чтобы обратить свой меч на того, кто что-то ему сделал. Кто-то...

— Ты хочешь его жизнь.

— У нас нет на это времени, — отозвался палач, только зубы скрипнули.

Да. Он очень хотел жизнь этого человека, но ещё и осознавал, что мы не имеем права задерживаться, останавливаться. Терять время.

Ха! Ещё немного, и я влюблюсь! Да и в кого?! В человека! Хотя...

Нет. Если уж у кого и есть шансы, привлечь моё чисто женское внимание, так это, скорее, у ха-змей!

— Значит, один шаман сможет нас остановить?

— Не только.

А что именно он сможет, Кит предлагает мне додумать самостоятельно? Краткость — сестра грядущих проблем!

— Что он может? — потребовала я точного ответа.

— Убить всех нас. Не оставить никого в живых, вообще никого. В силах этого шамана сравнять с землёй пару аулов и разбить хрустальный купол.

— О... — я хмыкнула. — Да. С таким связываться не хочется. Значит, будет Танцующая. И мы поступим с вами следующим образом. Сворачиваем лагерь. Седлаем ха-змей. Когда начнётся движение, я дам сигнал Рамиру. И когда буря, вызванная Танцующей, будет достаточно близко — мы тронемся с места. Вначале покатится волна с призрачной леди, потом мчимся мы. Затем с очень малым промежутком обрушится буря.

— Это не даёт ответа на то, где будешь ты, — нахмурился лорд Вессен.

Я бросила на него короткий взгляд.

— Я буду сначала с Танцующей, потом на острие атаки. Собственно, я собираюсь позаботиться о том, чтобы боевые змеи, смешав свой порядок, пропустили бурю. У подножия форта останавливаться не будем. Промчимся насквозь.

— Там врата.

— Тяжёлые? Камень?

— Нет. Дерево.

— Тогда не страшно, — отмахнулась я от слова Грэсса. — Силой бури их не просто вынесет, они останутся лежать на песке ошмётками щепок и не более того. К тому же

следом вы будете двигаться на ха-змеях, это немного другой масштаб для происходящего. Вопросы? Дополнения может быть? Что-то я упустил из вида? Или из-за незнания точной обстановки, есть что-то, что нужно учесть? Нет?

Заговорить никто не решился.

И правильно, в таком ракурсе я бы за пустые разговоры просто придушила.

Авантюры были тем, от чего я предпочитала держаться подальше, а тут меня затянуло не просто в авантюру, а в самое настоящее безумие!

И чем ближе был пик Гроз, тем сильнее я нервничала.

А уж сон-видение меня вообще выбил из колеи, так что мне было очень нехорошо. Я хотела, чтобы всё это быстрее закончилось, и меня все оставили в покое... Мне надо было подумать, но вот такой возможности мне как раз никто не собирался давать.

— Хорошо, — подытожила я всё сказанное, а потом подтянула к себе котелок. — Тогда у вас сорок минут, и начинаете готовиться. Я уйду сразу же после того как поем. Рамир, пойдёшь сначала со мной, потом вернёшься. Не хотелось бы показаться занудным бурчащим стариком, но напоминаю, каждый, кто увидит Танцующую — не продолжит своё путешествие. Пустыня очень не любит, когда на одну из её дочерей заглядываются чужаки. Продолжим. Песка будет много — поэтому капюшон на голову, покров не опускать. В седле проведёте от двадцати минут до двух часов, так что приготовьтесь к ожиданию. Ясно?

Дождавшись подтверждающих кивков, я поела, протянула котелок Ремес и двинулась в свой шатёр. Надо было взять сумку.

Я уже была на гребне дюны вместе с Рамиром, когда меня догнал самый лёгкий и быстрый Крайт.

«Мы присмотрим, чтобы никто не подглядывал», — пообещал он.

Я послала змею слабую улыбку и эмоциональную волну: благодарность, нежность, радость, уверенность в том, что всё будет хорошо.

Змей метнулся вокруг меня, словно песчаный котёнок у пальцев, его почёсывающих, и растаял в набегающих сумерках.

А я двинулась вниз, уже больше не скрываясь в тенях.

Когда же я спустилась меж двух дюн и повернулась, Рамир был смертельно бледен.

— Уже всё понял.

— Да. Ты... не мужчина.

— Браво, — снисходительно кивнула я, опуская на песок шаосе.

Платье мягко качалось вокруг меня, подчиняясь дуновениям ветра. Личное привидение скользило взглядом по моему телу, волосам, глазам, впитывая в себя их янтарь, подмечая всё: в том числе и отсутствие ритуальных татуировок или каких-либо знаков рода, аула. Моя кожа была чиста...

— Лучше бы я остался в каньоне, — пробормотал он глухо. — Отверженная женщина на новый лад и любимица пустыни на лад старый.

— О чем ты говоришь?

— Разве дед не рассказывал тебе?

Я покачала головой.

Рамир хмыкнул:

— Только при нынешнем Императоре стали называть таких, как ты, отверженными богами, раньше их не просто ценили, они были сокровищами для аулов. Тот аул, в котором жил любимчик или любимица пустыни, никогда не испытывал недостатка в еде, воде или

удаче. Пустыня стелила таким людям под ноги лучшие тропки, приводила к ним стада песчаных баранов, пробивала водные родники только для них.

— Значит, всё изменилось при нынешнем императоре... Но почему шаманы об этом не говорили?!

— Нуо IV правит уже сто семь циклов — триста двадцать один год. Немудрено, что прошлое забыли даже шаманы. Пять поколений их сменилось уже. Ведь они не живут больше чем тридцать циклов... Правда похоронена в песках. Её помнят только такие как я. Мёртвые, не прошедшие сквозь небесные врата.

Я молча смотрела на Рамира, а вот мозг отказывался понимать сказанное.

Как это?! Правда похоронена в песках?! Как это — только при этом императоре мы стали отверженными?! Как это?! Как! КАК!

Из души поднялся крик, но я его подавила усилием воли. Нет. Не сейчас.

У меня есть дело. Более того, я на работе. Все частные вопросы можно было, да и нужно тоже, отложить на совсем другое время.

Но идея о том времени, когда такие как я были не отверженными, а любимцами пустыни, мне понравилась! Но об этом я все же подумаю чуть позже. Не сейчас... Нет.

Вытащив из сумки песчаный барабан, я ударила в него ладонью, ещё раз, ещё, задавая ритм. И песок подхватил.

Вокруг моих лодыжек завертелся первыми неуверенными буранчиками песок.

Я призывала бурю.

Я звала её к себе, манила, очаровывала, я гладила воздух, я танцевала для пустыни.

И она отзывалась. Воздух задрожал, разбиваясь вокруг меня осколками песчаных горстей. Ураган пришёл на смену маленьким буранам и ветреным ударам.

Небо потемнело, укрылось завесой падающего песка. Волны дюн то поднимались вверх, то опадали. От круговерти серо-чёрного песка ничего не было видно. Все вокруг множилось и дробилось, как отражение в разбитом зеркале озёрной глади.

Руки давно уже дрожали от напряжения.

Ноги болели, но остановиться было нельзя.

Вокруг приготовившихся к движению ха-змей уже бесновалось песчаное море, вышедшее из-под возможности чьего-то контроля.

Мы танцевали с пустыней в едином ритме, я сейчас была биением сердца бури, и если бы песок не закрывал трёх змей от самых страшных ударов, продолжать движение уже было бы некому.

Сколько прошло времени, я не знала. В танце ощущение его терялось. Пальцы окрасились красным. Ноги покрылись царапинами. И хоть я набрала нужную мощь, я никак не могла двинуться с места, я ждала.

А потом Она пришла.

Все застыло. Буря, дюны, стихли песчаные волны, и штормовой ветер лёг ей под ноги покорным ласковым зверем. Сама Пустыня обнимала меня за плечи, укрывая ласковым песчаным крылом.

Давно я не танцевала вот так, до крови, до полной отдачи, вызывая в мир силы, куда более опасные, чем всё остальное вместе взятое. Уже очень давно я её не видела. Обычно только слышала её голос.

А сейчас она рядом, и в её словах слышится смех и нежность, и тревога, и тепло.

— Как ты выросла, девочка моя. Ты прошла долгий путь, но у него было своё начало.

Танцуй, малышка, лети. Впереди тебя ждёт не будущее, впереди тебя ждёт прошлое, давно ждёт, уже успело тебя заждаться. Так протяни руки и забери его!

Ветер вокруг сошёл с ума, завыл, зарычал, заметался. Под моими ногами легла лестница, за моей спиной раскрылись изломанные песчаные крылья.

Вскинув руку, я ударила в барабан последний раз, подавая знак Рамиру и остальным, напрягла руки в последнем усилии и послала всю бурю вперёд, спустив её с цепи.

И... мне было искренне жаль тех, кого отрядили нас убивать.

Засада ждала верховых ящеров, на худой конец одного-двух ха-змей. Но в крутящемся песчаном нечто не было ни первых, ни вторых. Была завеса песка, и всё.

Я танцевала в центре урагана, ведя его за собой. И когда в проем врат в форт была впущена буря, я уже в облике Зеона была на спине Тайпана. С подарком Пустыни я смогла взлететь на врата за мгновение до удара и уже оттуда, окутанная песком, спустилась к нему на спину.

Мы не задерживались, промчались по улицам форта стремительной вспышкой, и потом просто удалялись все дальше и дальше, прочь от форта, где песок собирал свою кровавую дань.

Держаться в седле сама, вычерпанная до дна я больше не могла, и пока Тайпан мчался вперёд, я уснула меж его наспинных гребней. Упасть отсюда? Ха! Змеинный проводник я или кто?

И не в таких условиях спать приходилось. К тому же надо было набраться сил. Обязательно. Чтобы можно было удержать меч в руках. Чтобы можно было пройти последний отрезок пути, потому что путешествие подходило к концу.

Утекали последние часы, которые я могла провести в этой компании, но я не жалела. Сейчас я ни о чём вообще не могла жалеть и не хотела. Я спала.

...Когда рассвет обагрил пик Гроз, движение закончилось.

Серые лучи встающей Меды не могли пробиться сквозь нагромождения ветвей высоких деревьев. Я привыкла к пустынным пальмам, а здесь были толстые изломанные стволы, покрытые чем-то серым и зелёным. Вместо широких листьев, было очень много мелких, и ветви, ветви! Хорошо хоть кустарники были в принципе узнаваемы.

Здесь царил полумрак, а ещё тишина, от которой по спине бежали ледяные мурашки. Но более явственным был запах.

Не просто пахло. Воняло. Всё и отовсюду. Десятки, сотни, тысячи разных запахов обрушились на мой нос и голову! Заломило в висках, в горле зачесалось и запершило. Ну и мерзость! Как здесь можно жить?!

— Дальше мы идём пешком, — Грэсс, спешившись первым, помог спуститься Ремес, пока Кит, Рамир и немного пришедшая в себя я сама рассёдлывали ха-змей. — Дальше я знаю дорогу сам, поэтому могу вас провести.

На мой удивлённый взгляд лорд Вессен пояснил:

— Я уже десятый раз здесь с поручением. Правда, вначале сюда ездил прошлый советник императора, я же был советником в своём другом ауле.

Понятливо кивнув, я взглянула на трёх ха-змеев, замерших рядом со мной.

«Мы ещё увидимся?»

«Раньше, чем ты думаешь», — пообещал за всех Мамба, наклоняясь ко мне. Длинный язык скользнул по моей щеке. — «Не сучай и ничего не бойся. Здесь есть те, кто не дадут

тебя в обиду. А пока, до скорой встречи, змеиное дитя».

Ответа от меня чешуйчатые братья не ждали.

Не потревожив ни одной ветви, все три змея тихо растаяли в низине пика.

В груди больно дёрнуло, когда я взглянула на ало-жёлто-чёрную чешую в последний раз, и круто повернулась.

— Итак, — взглянула я на нашу компанию. — Грэсс, ты впереди как проводник. Кит, ты достаточно силён, чтобы защитить лорда от чего бы то ни было. Прикрываешь его. Лорд Орим, вы сразу же за ними. Ремес, держись за спиной лорда. Рамир, ты закрываешь со спины девушку, я иду замыкающим. Да будут милосердны ко всем нам боги.

Моё пожелание эхом подхватили остальные, и мы начали своё восхождение.

Здесь не было песка, на чью информацию я привыкла опираться. Природа вокруг была причудлива. И чем дальше мы удалялись от низины, тем чаще вокруг стали появляться кустарники и чёрные деревья с острыми иголками вместо листьев. И это было всё не последствием пожара, а живые деревья!

От запаха кружилась голова, и с каждым новым шагом тошнило всё сильнее и сильнее. Организм объявил войну? Да мне так плохо не было, даже когда я впервые попробовала то, что продавали под видом воды за полновесные золотые в городах!

Мы были в дороге больше часа, когда с неба полила вода.

Вначале редкими каплями, потом неостановимым потоком, быстрее — сильнее!

Видимость упала, и вместо привычной жары пустыни нас окутывал промозглый холод. Захотелось повернуться назад и окунуться в тепло моей родной стихии.

И? Что это вообще такое?

Грэсс коротко пояснил, что это называется «дождь» и посоветовал держаться ближе друг к другу.

Хоть это место единственная дорога к храму Царя змей и раз в пару дней патрулируется, на неё могут вылезти местные обитатели, с которыми даже ха-змеи не любят связываться.

Останавливаться мы не стали. Дождь здесь шёл постоянно, и редкие просветы, во время которого мы поднялись на эту дорогу, были именно что очень редкими.

Я прислушивалась к окружающему миру, и мало-помалу проникалась его непохожестью на мою родную пустыню. Здесь было очень мало зелени, не больше чем в пустыне. Но там, где я привыкла видеть золото и полотно из тёплых жёлто-алых оттенков, перетекающих из одного в другой, здесь были приглушенные тона. Серые, жемчужные, белые, с всплесками чёрного и совершенно неожиданно — с яркими аляповатыми пятнами. Синие, алые, оранжевые, бирюзовые, пурпурные, фиолетовые цветы были увиты тонкими серебристыми усиками. Они покачивались в переплетениях серых игольчатых ветвей. Цветы были ядовитыми, но влюблённо на них смотреть мне это не мешало.

И даже запах в такие моменты не казался таким отвратительным.

Дорога была хорошо видна. Полная противоположность моей любимой пустыне, когда буря затирает все дорожки и тропки спустя считанные минуты после того, как пройдёшь. Здесь чётко была видна колея, по которой мчался серо-бурый поток, и вдоль неё мы поднимались вверх.

Идти было очень тяжело, ноги скользили. И комфортно себя чувствовал только Рамир, парящий над этой хлябью в воздухе. По возможности надо было соблюдать тишину. Общались знаками, хотя и общаться не очень хотелось.

Автоматически переставляя ноги и то и дело спотыкаясь, я думала о том, что ждёт меня

в конце этого пути. Старики баяли, что здесь, под нависшими низко скалистыми складками есть целый город, вырубленный в скале.

Неизвестно, кто и когда его выстроил, да и кто согласился бы жить в этом дождливом царстве, вечно укутанном серой пеленой? Я бы лично не смогла, мне были милее просторы Аррахата, с фонами вспенившихся песчаных волн. А тут тоже кто-то жил, и кому-то это место казалось лучше всех на свете.

Пару раз боковым зрением за нитями небесной воды я видела всплеск чешуи. Нас кто-то сопровождал. Или кто-то готовился напасть. Серо-зелёная чешуя мне знакома не была, но пугаться я пока не собиралась. Рановато как-то.

Если нападёт — примем адекватные меры. Не нападёт, а просто сопровождает, мы безопасно дойдём до каменного града. К тому же Мамба говорил, что здесь кто-то может меня защитить. Что самое странное не «нас», а только «меня». Почему?

И всё же, что там впереди? Град? Скалы? Деревня? Кто там нас встретит? Каков Царь змей?

Я хотела узнать так много! Но боялась в этом признаться даже сама себе.

А потом мне пришлось свой страх положить в кошель, кошель спрятать в самую дальнюю сумку и забыть про неё, потому что мы подошли к граду...

Если честно, я не ждала ничего.

Сложно ожидать что-то привычное там, где дело касается не просто чужой территории или чужого уклада, а вообще чуждых условий. Я не ждала ничего, и возможно именно поэтому увиденное стало для меня настоящим потрясением.

Никакого града не было. Скалы были, чёрные, серые, с прожилками белого и медного, они возвышались над нами и макушками соседних деревьев, высоко-высоко, словно стремясь достать до серой пелены, разорвать её!

В разных местах на скале были разноуровневые козырьки-переходы, не было домов, не было живых, арок, столбов — одним словом, никаких украшений или статуй.

Зато были каменные валуны с выточенными на них искусными очень крупными чешуйками. Огромные, чудовищные глыбы подавляли, вызывая желание попятиться.

И я просто присматривалась к ним, заглядывалась, не понимая, что же это такое, а потом осознала чудовищную истину.

Это был не камень.

Это был змей.

Вокруг одной из малых скальных гряд обвилось тело нереально огромного каменного змея.

Всё. Все мысли, все идеи, всё, что было в моей душе — выжгло.

Я больше не хотела встречаться с Царём змей, потому что нечего было спрашивать, кому именно принадлежат эти кольца. Наверное, это было похоже на башню, которую неверной рукой дети строят из охотничьих колец. Но это была самая страшная башня, которую я когда-либо видела в своей жизни.

И нам предстояло подняться туда! Наверх. Туда, где мы могли увидеть голову этого змея. Надо ли говорить, что эта идея мне уже разонравилась? Надо ли говорить, что я бы предпочла оказаться сейчас подальше отсюда? В моей пустыне, укутанная мантией Аррахата.

Волосы на затылке зашевелились, показалось, что рядом со мной кто-то прошёл. Показалось, что кто-то коснулся ободряюще поцелуем моего виска:

«Смелей. Ты идёшь к своему прошлому, моё дитя».

Тихий голос Пустыни прозвучал так отчётливо, что я дёрнулась, круто поворачиваясь. Но всё что увидела — был всё тот же всплеск зелёно-серебряной чешуи. И совершенно очевидно было ещё и то, что видела я кого угодно, но не змея. У змей не бывает таких маленьких размеров, и совершенно очевидно, что двумя мечами они не вооружаются!

А такое вообще возможно?

Лорд Вессен остановился около нижнего каменного кольца, положил на него ладонь и тут же сверху пали верёвочные лестницы. Одна, вторая... седьмая?

Странно, нас было только шестеро, да и Рамир не особо нуждался в таких вот приспособлениях для подъёма и спуска.

— У них считается плохой приметой число «шесть», — пояснил негромко Грэсс. — И количество гостей, равное шести считается здесь дурным предзнаменованием. Змеи говорят, что если пришло шесть гостей, то по их следам катится война. Поэтому опустили семь лестниц, чтобы отвести войну в сторону.

Ну, со своим вином в чужой бар не ходят, и мы не будем. Мало ли, какие у кого странности.

Поправив шаосе, я выбрала лестницу и начала подниматься наверх, немного удивляясь, зачем вообще нужны такие сложности. Обычную лестницу использовать нельзя? Она тоже плохая примета?

Но особенно «приятно» стало, когда я поняла, что лестница ещё и сама ползёт наверх, стремительно удаляясь от земли. Значит, отсутствие лестниц не случайно? Местные твари умеют ещё и по ним залезать что ли?!

Какие же они? И кстати! Отсюда я смогу увидеть того, кто нас сопровождал всю дорогу!

И как только я была на козырьке, совершенно невежливо, я повернулась спиной к тому месту, куда мы, наконец, добрались, разглядывая подножие скалы. Но, увы, мне не повезло, и хозяйина той чешуи я так и не увидела.

Дань вежливости отдать всё же стоило, поэтому я повернулась к хозяевам дома, ожидая увидеть что угодно.

Но...

Не это.

Хозяева горы людьми не были. Но не были они и змеями.

На меня и только на меня взирали две женщины, и они были точно такими, какой я видела себя в том сне-видении в песчаной колыбели.

Выше пояса — женское тело, ниже пояса — змеиный хвост. В руках у встречающих нас... стражей, я никак не могла разгадать, к какому классу они принадлежат, были жуткие трезубцы. И при этом двое вызвали в моей душе какое-то странное недовольство. Нет, даже не они. Скорее взгляды этих двоих мне активно не понравились. И уж тем более мне не пришло идеи склонить перед ними голову, приветствуя. Они были всего лишь стражниками.

А почести, какие бы то ни было, я согласна была оказывать только хозяину пика Гроз, но не им. И, не дождавшись от меня чего-то, стражницы отвернулись и поманили нас всех за собой.

И чем дальше мы углублялись в огромную пещеру, тем лучше я слышала вибрацию вокруг от чужого дыхания, а потом впереди показался зал, тающий в темноте.

Я не могла назвать зал ни красивым, ни чудовищным. Он был огромным, от одной стены до другой могла бы разместиться любая ха-змея, которую я когда-либо встречала на

своём пути, а ещё здесь были очень высокие своды.

Было темно, душно, но не было вони, сопровождавшей нас по пути сюда.

Не было ни светильников, ни факелов, да и страшно подумать, сколько нужно было бы их, чтобы осветить этот зал.

Зато было нечто, что я никогда ранее не видела и чему не могла дать названия. На волнах воздушных потоков качались очень необычные крупные создания — полупрозрачные, с длинными щупальцами, свисающими до полуметра вниз. И самое главное — это всё светилось.

В их неярком свете мне и довелось разглядеть, что вокруг совсем не стены, а всё то же чешуйчатое тело.

А когда во тьме загорелись ярко-жёлтые глаза, я осознала, что страх, который я ощущала рядом с ха-змеями, ничто по сравнению со страхом, обрушившимся на меня сейчас.

Я слышала, как закричала Ремес, как Рамир поволок её прочь из зала, бьющуюся в отчаянном вое-рыдании.

А потом жёлтые глаза хозяина этого зала закрылись, и я поняла, что снова могу дышать, снова могу ощущать себя живой, а ниже пояса у меня ноги, и там не змеиная труха, а вот удивление даже, кости! И я могу на этих ногах стоять.

Теперь всё? Мы можем отсюда уйти? Или это ещё не конец? И мы должны сделать что-то ещё?

— Я, лорд Вессен, — шагнул вперёд Грэсс, подавая нам пример. В его руке развернулась верительная грамота и засияла в неярком свете живых «светлячков», подтверждая свою подлинность. — Как облечённый высочайшим доверием своего повелителя, императора Нуо IV, я прибыл сюда, чтобы засвидетельствовать почтение Царю змей.

Один из живых светильников подплыл по воздуху ближе, бросил блик на руку лорда Вессена, и я ощутила, как желудок сжимается, а в горле скапливается горечь. Амулет власти в руках Грэсса буквально сочился чернотой, жирной, мерзкой. На него было неприятно смотреть, не говоря уже о том, чтобы держать в руках.

По залу прокатился глубокий вдох, и чужой ментальный голос ворвался в наши мысли, сменяя все, как хрусткий папирус из тростника.

«Император Нуо IV низложен моим решением. Ты вернёшься и скажешь ему об этом. Церемония передачи императорского трона должна состояться в течение ближайшего цикла недель. Двадцать один день с твоего возвращения в императорский дворец будет у бывшего императора Нуо IV на то, чтобы передать власть своему наследнику. Если ты докажешь своё право быть доверенным лицом, то я передам тебе новый амулет власти, но пойдёт он только к самому достойному человеку из всех, кто будет в числе наследников. Если ты не пройдёшь полосу препятствий, то никакого амулета ты не получишь. Стражи проводят тебя».

В полном молчании Грэсс склонился, словно сломался пополам, и вышел. Больше в этот день я его не увидела.

Вторым шагнул к Царю змей лорд Песчаных варанов. У него не было верительных грамот, но он пришёл сам, и хозяину пика Гроз это понравилось.

«Это редкость, когда соискатели не присылают кого-то, а приходят сами. Уважил старика, юный человек, юный лорд. Дай-ка взгляну на тебя. У тебя чистое сердце, но ты лишён желаний сделать всех счастливыми. Ты хочешь мира, но готов к войне. Ты хочешь защитить только тот участок земли, который твой. Защитить только людей, поклявшихся

тебе в верности. И готов отстаивать свои убеждения и сталью, и огнём. Разумно. Да. Ты достоин того, чтобы владеть моим амулетом власти. Если сможешь пройти полосу препятствий — то так тому и быть. Стражи проводят тебя».

Второй амулет, переливающийся серебряной дымкой, лёг у алтаря, и следом Орим шагнул прочь за появившимися двумя стражницами.

Последними к Царю шагнули мы. На алтарь легли грамоты, дары и амулет лорда Хана — буквально во все стороны испускающий волны стального цвета.

Спасите боги, какой страшный человек этот лорд!

Царь взглянул на Кита, и волна одобрительного выдоха буквально окутала нас.

«Я знаю, что за человек тебя отправил. И я знаю, что помешало ему прийти самому. Я принимаю присланное и дарую тебе право пройти полосу препятствий. Испытание начнётся немедленно, а пока тебя проводят туда, где ты сможешь подготовиться к нему».

Новая пара молчаливых стражниц увела Кита...

Тут что все бабы поголовно?!

Как Царь не поехал крышей в таком гареме?

Жёлтые глаза, снова открывшиеся, уставились на меня. Но страха не было. На смену ему пришлось ехидство и любопытство. И более того, я могла поклясться, что помимо интереса в жёлтых глазах было что-то ещё, что-то страшное, опасное для меня. А потом змей спросил:

«Ты хочешь амулет оставить себе?»

Вытянув за цепочку полыхающий янтарём круг власти, я кивнула.

У меня были всего три недели, чтобы добраться до горла императора. И хотя я не помнила, с кем я заключила договор о его смерти, я знала совершенно точно, что жить Нуо IV не должен. Знала я и о том, как проникну в столицу Аррахата, осталось только выбрать достойного аристократа, которому предстояло купить совершенно удивительную наложницу.

Амулет власти был тем козырем, без которого я не хотела обходиться во дворце, переполненном интригами и алчными до власти глупцами.

— Я хотела принести дары, достойные Царя, но... что можно подарить тому, у кого и без того всё есть? Один встреченный на пути Дядька сказал мне, что будет достаточно того, что я просто приду. Но я так и не поняла, что он имел в виду. И не знаю, действительно ли это, — вытащила я оплётку с камнем из круга тумана из-под шаосе, — может стать даром достойным внимания.

Царь змей молчал так долго, что я успела забеспокоиться, не уснул ли он, потом он хмыкнул.

«Как ты на неё похожа», — выдохнул он почти... благоговейно.

— На неё? — изумилась я.

«Ты. На свою мать. Она тоже делала царские подарки, даже не догадываясь, какие именно ценности дарит с насмешливой улыбкой. Мои стражницы проводят тебя к месту начала полосы препятствий. Там мы узнаем, достойна ли ты владеть амулетом. Позволит ли тебе править физическое здоровье, как устойчива твоя психика, насколько ты сильна, насколько остёр твой ум и твоя смекалка. А после того, как ты вернёшься, мы поговорим. Если тебя будет защищать амулет власти, тебе будет гораздо легче».

— Вы расскажете мне... про мою маму? — тихо спросила я. Тело скручивало мелкой дрожью, но я хотела это знать.

Царь снова открыл глаза. В расплавленной змеиной желтизне на этот раз совершенно

чётко я распознала боль. Неужели, у него болела душа?

«Я сделаю гораздо больше. Я расскажу тебе про тебя. Но только в том случае, если ты докажешь своё право на амулет власти».

Больше спрашивать я ничего не стала, отпало все желание.

Прощаться? Я не собиралась. Я вернусь сюда очень быстро.

Круто повернувшись, я зашагала вслед за двумя очередными стражницами.

По коридору — вначале широкому, потом всё уже и уже. Сначала там мог проползти даже ха-змей, а потом с трудом бы пройти человек крупной комплекции. Воздух свежел, становился легче и теплее.

А около двойных дверей, на которых были засовы, в виде гигантского змея, обе стражницы круто повернулись и преградили мне дорогу своими трезубцами.

— Никто не смеет входить на территорию полоссы испытаний в чужом облике. Прими своей насстоящий, или мы убьём тебя!

А можно я их убью? Они бы ещё громче кричали, чтобы мои соседи в расположенных рядом палатах узнали обо всём, что я так старалась скрыть.

— У вас не получится, — сообщила я, снимая шаосе.

И пока стражницы на меня шипели, пристроила свой плащ на подходящем выступе в стене. Зевнула и сняла с правого уха серёжку-накладку, на которую всегда зачаровывала свиток превращения.

Мускулистое тело пропало, возвращая меня настоящую. По спине расплескался янтарный поток волос. Потянув за бинты на груди, я прогнулась и блаженно застонала. Какое облегчение! Всё-таки в женском облике есть свои плюсы.

А вот шипение как отрезало, чего это они так неожиданно?

Повернувшись, я обнаружила, что обе стражницы пялятся на меня, как на... да даже не знаю, с чем сравнить!

Ужас, ужас, ужас, и всё это одновременно с неверием, восхищением, недоверием и по новому кругу — ужас, ужас, ужас.

Ну, ладно, пускай пока помолчат. Я переоденусь.

И уже когда была заплетена коса и убрана под сетку, я уточнила:

— Я вроде как в настоящем облике. Двери открывать собираетесь?

Они не сказали ни слова. Полузмеи, полулюди просто открыли огромные ворота, впуская меня туда, откуда я могла начать свой путь к своему же прошлому. Теперь я не собиралась отступать. Мне нужен был этот амулет власти. Мне нужны были знания.

Но вокруг пока была совсем не полоса препятствий, а богатые палаты. Еда, купальни и даже спальня. Поспать, поесть, искупаться — здесь можно было сделать всё, что угодно, но мне ничего не нужно было. Поэтому, не сбавляя шага, я сразу двинулась к двери с другой стороны комнаты.

Открыла и захохотала. А здесь с «проходчиками» никто не церемонился. Маленький скалистый козырёк вёл к жуткому провалу. И только внизу виднелось тёмно-зелёное озеро воды.

Предполагается, что мне туда, да?

Ну, в песчаные омуты я уже падала, посмотрим, что будет, если прыгнуть в омут водяной!

Оттолкнувшись, от провала, я послала тело в падение.

Ветер засвистел в ушах, обнял меня, а потом появилось ощущение отстранённого

продавливания, словно я пыталась пролезть в ушко гигантской иголки, сама будучи ниткой не самого подходящего размера.

А когда у меня это получилось, я вошла в воду солдатиком без единого всплеска.

Когда же зелёная гладь выпустила меня на поверхность, вынырнула я совсем в другом месте.

Вокруг не было ни серых гряд, ни изломанных деревьев. Ни моей родной пустыни. Был лишь каменный круг колодца, в котором я бултыхалась, и полоса препятствий, затянутая молочной кисеей.

Всё что я видела — был туман, туман и четыре арки, каждая из которых светилась своим светом. Я так понимаю, что мне туда, где полыхает янтарный цвет?

Подтянувшись на руках, я выбралась из колодца, озадаченно оценила то, что сама была сухой, словно и не купалась в воде, пожала плечами и помчалась по дороге.

Путь был ненастоящий, я летела на этой полосе, будто во сне. Отмахнулась по дороге от двух каких-то нескладных тварей, поиграла с крокодилом, побегала по лестницам в какой-то чудной башне без окон и в итоге выбежала на широкую площадь в совершенно пустом городе, где дремали четыре ха-змея. И знакомы мне были все четыре.

Тайпан. Мамба. Крайт. И... моя мёртвая Коралл. Янтарное зарево полыхало над Тайпаном, а я целых пять минут боролась с желанием разбудить свою коралловую красавицу. Но разум был у Тайпана, а мне жизненно была необходима информация, и побольше, побольше!

Впрочем, вначале мне пришлось будить Тайпана. Не самая лёгкая задача, что мне выпадала, но я справилась и с ней.

Раздвоенный язык лизнул мою шею, а потом этот, этот чешуйчатый канат, как ни в чем не бывало, заявил:

«Я же говорил, что мы с тобой встретимся гораздо быстрее, чем ты можешь себе даже представить, Зеон. Или когда ты в своём настоящем облике, тебя надо называть по-другому?»

Туше.

Только что меня сделала змея, уделала одним вопросом так, что я потеряла не только дар речи — у меня ноги отказали!

Значит, эта троица с самого начала отлично знала, куда именно мы идём, зачем именно, и где мы снова встретимся. И что самое серьёзное, они отлично знали, что я девушка!

Вот почему они так себя вели, оберегали меня, защищали от спутников, даже когда я об этом не просила! Они не просто считали меня подобной себе, они считали меня более слабой!

Что я могла сделать в подобных обстоятельствах?

Естественно, как самая настоящая девушка, я сделала самое простое и глупое — я обиделась!

* * *

Меда опустилась за линию горизонта.

На пике Гроз воцарилась ночь.

Тихий ветер разгонял пушистые облака, опускающиеся ниже, к вершинам местных

деревьев.

Полоса препятствий была позади. Безусловно, она была сделана в расчёте на то, что её проходит проводник верхом на змее. Но злость дурной советчик. И не то чтобы воспользоваться помощью Тайпана, я с ним даже заговаривать не захотела.

Эта чешуйчатая гадость... они ведь все трое надо мной насмеялись все это время! С самого начала!

И простить их смешки, понимая, почему они смеялись, я просто не могла.

Наверное, по хладнокровному размышлению потом я и согласилась бы поговорить, выслушать то, о чём мне не говорили, отбиваясь коротким «подожди», но я была слишком обижена, расстроена и поэтому совершила очевидную глупость.

Я шагнула на янтарную полосу одна, и она закрылась за мной.

Впрочем, сложностей не возникло.

Хорошая драка позволила мне взять себя в руки и немного снизить накал собственной ярости, а хорошая пробежка под огромными деревьями с пика Гроз окончательно примирили меня со мной.

Только я упорно не понимала, зачем нужна вот эта полоса?

Ну, монстры, ну, ночь в незнакомом лесу, что тут страшного?

В круг тумана я вбежала, не сбавляя шага, уронила слово-ключ и приветливо улыбнулась появившемуся рядом со мной Дядьке.

— Здравствуйте.

— И тебе здравствуй, Зеон. Всё-таки решила сохранить свой амулет власти?

— Решила, — согласилась я, — у меня тут немного... договор опасный заключился, а возможности, которые даёт амулет власти, лишними не будут.

Хозяин круга тумана насмешливо хохотнул, разглядывая меня с удовольствием.

— Какая красавица! Но ты ещё всего не знаешь, ещё есть то, о чём ты даже не догадываешься.

— А вы знаете?

— Знаю. Но не буду тебе рассказывать. Есть те, кто знают больше и больше могут сказать. Не могу тебя задерживать, девочка, беги дальше. А вот когда будешь на Аррахате свои дела заканчивать, заглядывай в гости. Ладонь в песок опусти, меня позови, и я тебя заберу из любого места.

— Обязательно загляну Дядька, только ты мне скажи, что тебе принести? Нехорошо в гости приходить без гостинцев.

— Песчаного вина захвати, племяшка, — расхохотался старик, исчезая, — этим и уважишь...

— Обязательно, — пообещала я и с чистой душой помчалась дальше.

Когда впереди показалась башня из колец Царя змей, в моей голове так до конца и не прояснилось, я так и не смогла понять, на кой бархан надо было всё вот это.

Стражницы смотрели на меня не то ошалело, не то испуганно, но мне было не до них. Лениво покачавшись на краю козырька, решая, куда идти, я пошла к Царю змей.

И меня... ага, там совсем никто не ждал.

Тайпан злобно шипел, что-то Царю доказывая, а тот то ли не слушал, то ли не считал важным проблемы... сына?

Вот ещё на одну загадку меньше. Теперь я знаю, кто такой этот огромный ха-змей, и более того, я теперь понимаю, почему он так отличался от тех змей, что были со мной

рядом! Он был более человечным, разумным и опасным. Другим быть сыну Царю змей явно не положено!

Хозяин пика Гроз, открыл глаза, оборвав Тайпана повелительным шипением, а потом вообще погнал того прочь. И, то и дело, оглядываясь на меня, мой знакомый скрылся в огромном провале в полу.

«Ты ничего не видела», — констатировал Царь в моей голове.

«А что я должна была увидеть?» — поинтересовалась я, усаживаясь прямо на пол и начиная разминать немного мышцы ног.

«Искушения», — очень серьёзно ответил змей. — «Разные испытания существуют там, а ты промчалась мимо. Значит, тебя не интересует власть. Тебе не интересно золото и заброшенные знания, тебе и в голову не придёт предать того, кто доверился тебе. Истинная дочь своей матери».

«Значит, вы знали мою маму, на самом деле? Какой она была? Вы можете мне рассказать... что-нибудь? Хоть немного?»

«Да. Я расскажу. Тебе не надо было об этом просить. Она пришла ко мне незадолго до твоего дня рождения, за годину, может — две. На её шее качался тот же амулет власти, что будет принадлежать теперь тебе. Она была истинной королевой песков. Именно она долгих семь циклов возглавляла Летучих Голландцев. При ней они стали непобедимы. И именно она задолжала лорду Хану одно желание».

Я прищурилась, вспоминая тоннели Голландцев и настойчивые попытки убить Али. Слова, воспоминания. Требование убить, вернуть обратно только труп.

«Он нанял их, чтобы убить Али?»

«Нет. Не так. Ведь перед этим он нанял тебя».

Я непонимающе тряхнула волосами. О чем это таком говорит сейчас этот змей? И... Что это он так плывёт в моих глазах? Да и... двух Царей точно быть не может. Как на меня не похоже. От усталости может?

Потерев пальцами глаза, я добилась лишь того, что мир вокруг начал расплываться целиком. Мало этого — в ушах повис мерзкий звон, а когда я подняла пальцы, чтобы понять, что это такое влажное вдруг появилось у меня на лице под носом, на кончиках пальцев осталась кровь.

А потом всё закончилось.

На мою грудь опустился амулет власти, полыхнул янтарём. Сила погладила по волосам и пропала. Вместо неё появилось знание. Этот амулет означал не просто право приказывать кому-то, амулет значил, что я была признана равной Царём змей. Неожиданно. Но... всё же не до этого.

Али. Лорд Хан и Голландцы.

Мысли прояснились, и я смогла составить логическую цепочку.

«Лорд посчитал, что я сильнее Голландцев? И что даже если он призовет их для убийства брата, я смогу Али защитить?»

«Он знал это совершенно точно», — от дыхания каменного змея живые светильники прянули в разные стороны, перестав слепить мои глаза.

«Спасибо. Но откуда он мог это знать?»

«Предсказание. Я дал ему предсказание, когда он пришёл ко мне в неподобающий срок с вопросом, как спасти его младшего брата».

«Младшего?» — переспросила я, недоумевая, зачем такое уточнение.

«Есть ещё и старший. Удивительная штука власть, порой она толкает людей против самых близких», — намекнул мне Царь.

А большего мне было и не нужно. Я прочитала все камни, что мне оставил дед Ассан, и мало-мальски могла сложить в голове картину происходящего до ясности.

«Убить Али хотел совсем не лорд Хан, а их старший брат. А чтобы контролировать всё это, лорд Хан притворяется помощником? Нет. Этого мало. Скорее даже полностью взял все попытки убийства на себя».

«Умница», — мигнули жёлтые глаза, Царь смотрел на меня одобрительно, и в груди почему-то потеплело.

Но были более важные дела и вопросы:

«Кому служит самый старший сын в их семье?»

«Императору».

«А чем императору помешал Али?»

«Ты сразу же поняла самый главный вопрос, умница. Это очень хорошо, мне придётся меньше объяснять».

«Ну, если бы дело было только в старшем брате», — сочла я необходимым пояснить свои рассуждения, — «то, думаю, с ним Хан справился бы без труда».

«Окольными путями, конечно, но вывод ты сделала правильный. Смерть Али выгодна как раз Императору. Ты знаешь, как на Аррахате передаётся власть?»

Я задумалась. Императору было очень много лет. И детей, насколько мне известно, у него не было. И дед на этот счёт ничего не говорил.

«Нет, не слышала».

«Не удивительно. Это одна из тайн Аррахата. Кровь не передаётся по наследству, а если быть точнее — то трон императора не передаётся наследникам. Каждые пятнадцать циклов выбираются лорды и их наследники. Трое. Они возможные сменщики императора, они его наследники».

«Ты сказал, чтобы в течение двадцати одного дня император передал свой трон. А если наследников не будет? Ну, умрут, там, случайно. Или не очень».

«В этом шанс императора. В таком случае, он останется регентом, а трон займёт его ребёнок, если Император ещё способен иметь детей. В противоположном случае, трон займёт ребёнок его первого Советника. Но ведь ребёнок должен не просто родиться, он должен вырасти».

Больше говорить мне ничего не надо было. Головоломка сложилась окончательно.

Силы моего чудесного ребёнка. То, как легко он принял Ена — песчаного муравьёнка, то, как быстро он понял, что может у него научиться многому и многому научить его.

«Али. Он наследник?»

«Да. И если в любое другое время ещё нужно было бы выбирать из трёх, в этот раз выбирать не из кого. Два других наследника уже давно убиты».

Боги пустыни, змеиные боги, спасите моего чудесного несостоявшегося младшего родича.

«Он же его убьёт!»

«Если ты ничего не сделаешь — то да. Он его убьёт. Если нет — ты спасёшь этого ребёнка. Он действительно мог быть бы твоим братом, младшим родичем».

«Почему я?»

«Потому что ты — это ты. Ты змеиное дитя, „предсказанная для него“. И не только для

него, впрочем».

«Как я смогу пройти в столицу?»

«Никак. Единственная возможность для тебя помочь ему — это оказаться рядом до того, как он отправится в путь».

Я криво усмехнулась. Ну, тут уж я могла бы догадаться и сама. Значит, именно Али купит уникальную рабыню-наложницу. И я знаю, кто поможет мне поговорить с чудесным ребёнком до того, как всё случится.

Что ж, когда я давала клятву ему помочь, я говорила, что сделаю всё, что от меня потребуется.

«Ты должна будешь отправиться ночью. Через пару часов тебя будет ждать ха-змей, он доставит тебя до аула Странников, а оттуда ты доберёшься до города Хрустального предела. Лорд Вессен выйдет с полосы препятствий не раньше чем через пару суток. Он прожил долгую жизнь, и у него позади много испытаний, а ещё больше искушений. У тебя будет фора».

«Хорошо. Тебе это тоже важно?»

«Возможно».

Сил сидеть больше не было, я легла на спину, глядя в потолок.

«Откуда ты меня знаешь? Точнее не так, мы уже встречались раньше?»

«Да. Хотя ты этого не помнишь. Именно я дал тебя два имени, когда ты родилась».

«Два?»

«Что ты знаешь о своих родителях?» — задал Царь мне встречный вопрос.

«Ничего конкретного. О маме лишь то, что она была охотницей в маленьком ауле Песчаных крыс».

«Это было только после твоего рождения и последний цикл её жизни. Хорошо, я не буду загадывать тебе загадки, время уходит. Я просто тебе расскажу. Это было давно... Нет. Не так. Это было за год до твоего рождения. Одну из Летучих Голландцев поймали и повезли на допрос к Императору, даже не догадываясь, что везут главу неуловимых разбойников. Но по дороге она исчезла из каравана.

Бежать ей помог мальчишка по меркам лордов, ненавидевший Императора больше чем кого-либо на Аррахате. По приказу императора отец этого парня был смертельно ранен, а его мать пожирала смертельная болезнь, сокращающая жизнь в десятки раз. Молодого лорда звали Хан. Имаралис, твоя мама, пообещала ему поддержку Голландцев, дав клятву на амулете власти.

Когда она через пару месяцев добралась до родного сердцу аула, выяснилось, что её там уже давно никто не ждёт. Произошёл передел власти и сейчас подчинённые ждали выкупа за лорда Сьявеста. Он был правой рукой императора, его Советником», — продолжил Царь змей, немного помолчав, давая мне передышку, — за него Голландцы намеревались получить богатый выкуп. Твоя мама придерживалась другой политики. Но её больше никто не желал выслушать. И тогда твоя мама обиделась и выкрала лорда. Они месяц бегали по пустыне от Голландцев, а потом, используя власть амулета, Имаралис приказала, чтобы лорда Сьявеста оставили в покое.

Такого приказа послушаться разбойники не смогли. Лорд Сьявест вернулся к Императору, получив в подарок от Имаралис её амулет власти. Он знал, где она собирается скрыться. Лорд планировал вернуться за ней в самые кратчайшие сроки, но когда он снова приехал в то место, где должна была быть Имаралис — твоей мамы там не было. Её нашли

посланники Голландцев, и она бежала прочь, спасая не свою, твою жизнь.

Она спряталась в одном из маленьких аулов. У шамана. Прошёл всего цикл, и Имаралис снова нашли. Пытаясь спастись, твоя мама искала защиту у гигантской змеи, но её срок вышел...

«Твой отец не знал ничего о твоём существовании. Но твою маму надолго он не пережил. Его убил император, посчитав, что лорд Сьявест набрал слишком много власти, а теперь...» — змей замолчал.

По моим щёкам катились беззвучные слезы. И сглатывая солёные капли, я старалась не выдать себя ничем. Мне впервые говорили про моих родителей. Их не оскорбляли, не лгали, не унижали их память, мне говорили про них — настоящих!

«Зеон».

«Все в порядке. Простите меня».

«Все хорошо. Но оставим эту тему и перейдём к тому, что более важно. Знаешь ли ты причину своей уникальности?»

«Сейчас таких как я называют отверженными. Ни змеиные боги, ни песчаные боги не дали мне своего благословения, отказались от меня».

«Они никогда тебя не видели», — сообщил мне хозяин скалы, и я онемела, не в силах ничего сказать. Да что там сказать — я думать не могла! Все мысли из головы исчезли, как песок от порыва ветра.

Не дождавшись от меня разумной реакции, змей очень по-человечески вздохнул и пояснил:

«Ты уникальное дитя, Зеон. Ты та, что не должна была появиться на свет».

«Почему?» — опомнилась я. Мне ведь не первый раз это говорят!

«Ты опасна для хозяев Раяра».

Возникло желание прочистить уши. Кому-кому я опасна?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Ты уникальна. В твоей крови половина змеиной крови, половина — пустынной. Знаешь легенду про двух влюблённых, из-за которых появилась пустыня?»

Я кивнула, и Царь змей тихо сказал:

«Один из них — я. А вторая — королева песчаных муравьёв — Кармин. Мы были вышвырнуты на задворки этого мира, потому что посмели полюбить друг друга. Пустыня появилась как следствие нашего проклятья. Пустыня, куда нас обоих и наши народы кинули умирать. Аррахат — это пустыня смерти, громадное кладбище, где мы должны были умереть, а пески — стать нашей могилой. Нам был оставлен только один способ снять проклятье. У мужчины из народа змей и у женщины из народа пустыни должен был появиться ребёнок».

«У меня такое ощущение, что это...» — вспомнила я женщин-стражниц и ха-змей, — «попросту невозможно?»

«Да. Все мужчины моего народа ползали в змеиной шкуре, а женщины из пустынь змей боялись настолько, что умирали, если змей, не просто змея, а именно ха-змей появлялся рядом. Те, что наложили проклятье, посчитали, что этого будет вполне достаточно, чтобы не допустить его снятия, развеивания этой магии. Они не учли всего одного змея. На момент наложения проклятья он был в своей человеческой форме, и его гены остались среди людей. Что ты скажешь о лордах?»

«Ха-змеи в человеческой шкуре», — не задумалась я ни на мгновение. — «Не все,

конечно, но самые выдающиеся — определённо».

«Верно», — кивнул одобрительно Царь змей, — «именно так. Они и есть ха-змеи в человеческом облике. После их смерти, в Аррахате появляется на одного ха-змея больше».

«Царь. Как ваши народы выглядели раньше?»

«Мой — так, как сейчас стражницы. Народ Кармин был внешне похож на людей, с едва заметными отличиями. Но их „слили“ с муравьями, которыми они всегда повелевали. Получилось два в одном, так сказать».

«М-да», — буркнула я. — «Ладно. Это понятно, но совсем не объясняет, причём же здесь я?!»

«Сейчас мы дойдём и до этого. Твой отец знал о том, что после смерти он станет ха-змеем, ему это очень нравилось. Он даже научился превращаться в огромного змея до своей смерти. На грани жизни и смерти, в момент, когда организм балансировал на тонком лезвии, он совершил рывок — и перекинулся. И это случилось до того, как он встретил твою маму».

«Мужчина из народа змей», — прошептала я, и мой голос дрогнул.

«Да. Первая половина ответа у тебя есть. А вот тебе вторая половина. Раз в тысячу лет пустыня перерождалась человеком. Идеальный вариант женщины из народа пустыни, не думаешь? Она переродилась несколько циклов назад. И шаман, принявший её, назвал её Имаралис».

«Мама?!»

«Да. Ни лорд, ни Имаралис даже не догадывались, что их встреча даст плод — тебя. И никому из них и в голову бы не пришло, что ты — ребёнок, в чьих силах снять проклятье с моего народа и народ Кармин. Я знал это. Понял, когда с просьбой о помощи, ко мне пришла твоя мама. Тебя выпаивали змеиным молоком и змеиным ядом. Моим змеиным ядом и молоком одной из моих стражниц. К сожалению, она не увидела, какой красавицей ты стала. Её убили в ту ночь, когда пустыня потеряла свой человеческий облик, а тебя распяли на алтаре. Пустыня смогла защитить тебя, но моя стражница никогда не вернулась обратно».

В зале повисла тишина.

Было так тихо, что я слышала собственное загнанное дыхание. Мама... пустыня? Она помнит про меня? Не случайно, пустыня меня так оберегала? Не случайно, называла меня своим ребёнком.

Мама... всегда была рядом.

И... Царь сказал что-то ещё, что-то... про имя!

«Ты сказал, что дал мне два имени».

«Одно человеческое. Второе змеиное. Я верну тебе лишь одно из них, когда ты выберешь, кем тебе быть. Нет, скорее даже, когда ты поймёшь, определишься с тем, кто ты сейчас. Сначала тебе придётся ещё немного побыть Зеоном и закончить дело с мальчишкой, тобой начатое. В твоих силах изменить ход истории, змеиное дитя, дитя пустыни. В твоих руках судьба Аррахата. И запомни кое-что ещё. Если ты сможешь спасти его, если его коронуют, то я дам ему в любой момент времени все войска змеиного Аррахата. А теперь — иди. Тебя уже ждут».

Я кивнула, потом поднялась. Ноги разъезжались, но больше тянуть было нельзя. Я получила больше информации, чем хотела. Слишком много. Вначале мне надо было всё обдумать. Вначале мне нужно было понять хотя бы себя.

«Спасибо. Теперь я хотя бы знаю, кто я и откуда. И знаю, куда мне идти. Сейчас я

заберу Рамира и Ремес...»

«Нет. Привидение забирай, он будет тебе полезен, а вот девушку оставь. Ей будет лучше с лордом Вессеном».

«Он её хочет?»

«Это больше чем просто желание».

«Тогда так тому и быть. У него появится на один повод больше выжить в том кровавом аду, что разверзнется во дворце после его слов о свержении императора Нуо IV. А теперь я пойду. Меня ждёт город Тысячи сердец. Надо же при каких обстоятельствах сбудется моя мечта...»

Царь промолчал, да и что он мог мне сказать? Но когда я уже была у выхода, мне вслед донеслось:

«Удачи, змеиное дитя. Теперь все зависит только от тебя».

...Мы с Рамиром были у подножия, когда мне наперерез бросился мужчина с змеиным хвостом. Он был настолько стремителен, что я даже не успела опомниться, увернуться, что-то предпринять!

Короткое скольжение, и вот уже я прижата к скале всем телом, не в силах дёрнуться, не в силах сбежать.

— Выслушай меня! — требовательно велел мне этот незнакомец.

И я узнала.

Голос был знаком. И внешность — тоже. Я видела этого мужчину во сне! А голос слышала десятки раз, только не от человека, а от ха-змея.

В это было сложно, почти невозможно поверить! Но к скале меня сейчас прижимал Тайпан.

Меня! В моём настоящем виде.

Я же... я же... грязная, непричёсанная, я вся в зелёных пятнах древесного сока и крови тех монстров, которые мне встретились на полосе препятствий.

И вообще что он тут делает?! И...

И...

Надо что-то спросить! Надо что-то сказать! Только не молчать!

С губ сорвалось первое, что пришло в голову:

— Твой отец сказал, что вы не можете возвращаться в свою настоящую форму, — пробормотала я, не зная, что ещё сказать.

— Камень, тот камень, который ты вынесла из круга тумана, даёт нам пару минут настоящего вида. Зеон, послушай меня, пожалуйста.

— Я не хочу, — вздохнула я.

— Выслушай. Потом я отвезу тебя к аулу Странников.

— Ты?

— Да.

— Не хочу! — заупрямилась, хотя, точнее будет сказать, что закапризничала я. — Не хочу, не хочу! Слышать тебя не хочу! Разговаривать с тобой не хочу! И вообще отпусти меня! Ты предал меня! Ты...

— Вот дурная девчонка! — рассерженный змей навис надо мной. — Это был единственный способ помочь тебе добраться до отца, чтобы он сказал тебе то, что сказал.

— Послушай, да это... — начало было я, но не закончила свою фразу, не смогла даже

двинуться в сторону, Тайпан не пустил.

Вокруг моих ног обкрутился огромный хвост, мои руки оказались зажаты в крепком захвате, а потом этот змей накрыл губами мои губы. Воздух пропал, в голове стало гулко и пусто, а в груди сердце забилось быстро и часто.

Он...

— Я хотел, чтобы ты знала, — прошептал Тайпан, отстраняясь. Говорить что-то я была не в состоянии, просто смотрела на него и молчала. — Я полюбил тебя ещё десять лет назад, когда увидел в первый раз танцующей на песке. Я действительно знал, что ты — девушка. Но я боялся, что ты не захочешь со мной разговаривать, если я выдам это знание. Я хотел сказать, что я на твоей стороне, чтобы не случилось. Я твой защитник. Был им и буду — всегда!

Я не нашлась, что сказать на это, отвернулась, пряча взгляд.

А когда повернулась, около меня уже лежал огромный ха-змея. Бессильно, бесстрашно...

И я не знала, что сказать, я не знала, что думать. Я не знала, кто я: человек или же — змей. Я дитя змеиное, я дитя пустыни.

Да, я понимала, что могла бы сейчас отказаться от Тайпана, от тех чувств, что мучили меня, от тех мыслей, что тревожили меня после того сна-видения. Я могла бы отказаться от тех разговоров, что мы вели, от его знаний, его поддержки, его любви.

Но там, куда я отправлялась, ещё один соратник, ещё один настоящий напарник лишним быть не мог.

И он... я...

У меня был только один шанс. У меня был только один вариант.

И я приняла решение, шагнула к Тайпану, поднимаясь в защищённое место между гребнями. Потянулась мыслями к этому ха-змею, передавая всё, что думала, чего боялась, о чём не хотела даже загадывать.

А он... пообещал быть рядом, защищать всегда и везде. А потом тронулся с места, сразу же, как только рядом со мной устроился Рамир.

И уже через пару минут пик Гроз начал отдаляться...

Эта страница моей истории была закончена, а что готовила мне следующая, к сожалению, я не знала, да и не хотела знать.

Мне было страшно...

III. Вечный город

Это всё мне было знакомо. От начала и до конца. И этот ночной запах раскалённого песка, и тихий напев песчинок, бескрайним морем перекатывающихся под чешуёй Тайпана.

Незнакомой была скорость. Складывалось такое ощущение, что ха-змеи буквально лез из шкуры, чтобы произвести на меня впечатление. Песок не просто стелился рядом, мы словно летели над ним. Быстрее, быстрее, быстрее.

«Зачем так стараться?» — потянулась я мысленно к гигантскому змею.

«Знаешь, почему подарки змеиную Царю несут лишь раз в пять лет?»

«Нет. И полагаю, что эта информация одна из тех, что не разглашают кому попало».

«Ты не кто попало, ты принята в семью».

«А это когда ещё случилось?!» — возмутилась я искренне. Нет. Не то чтобы я возражала возможности породниться с самим змеиным Царём, дело было в другом. Почему такие вещи я опять узнаю последней?

«Амулет, тобой полученный — не просто игрушка. Тебя признали равной, взяли в круг равных, а вместе с тем — равные могут быть только в семье. Если бы было немного больше времени, ты бы узнала об этом», — мысленный голос Тайпана звучал сочувствующе и вместе с тем немного насмешливо.

Надо мной довольно добродушно подсмеивались.

Приятно слышать, что некоторые вещи не меняются. Что есть хоть что-то, за что я могу схватиться и задержаться, держаться крепко-крепко, всё — ради того, чтобы не было так страшно. Чтобы душа не выла от ужаса, от того, что мне предстояло.

Быть проданной.

Войти в город Тысячи сердец, город-сказку, город моей детской мечты.

Убить императора.

Выжить во всех интригах со мной и никому не дать добраться до Али, моего чудесного светлого мальчишки.

Это даже на мой взгляд, змеиного проводника, по умолчанию не знающего слово «невозможно», как раз таковым и казалось.

Песок шумел, успокаивал.

«У тебя всё получится», — голос деда звучал ровно, словно над моим плечом. Он уже знал о том, что я не вернусь домой. Мой голос домчался с песком к нему быстрее, чем мы с Тайпаном успели добраться до первой безопасной точки, где нам предстояло отдохнуть пару часов.

Когда мы выехали оттуда, мой дед уже двигался прочь из нашего родного дома, ему предстояло укрыться в аule песчаной королевы. Придумать место безопаснее, чем это — было сложно.

И сейчас, чем ближе мы были к дому, тем чётче я слышала те слова, что дед оставил для меня.

«Я не понимаю, зачем тебе нужно вмешиваться в дела тех, кто несоизмеримо выше нас по положению, в чьих руках власть над Аррахатом. Но я верю, что всё не случайно, и раз ты познакомилась сразу с двумя легендами нашей пустыни, то что-то это обязательно значит. Я не смогу помочь тебе, Зеон.

Я — Змеиный взгляд Аррахата. Человек, который известен очень многим, в том числе и

шпионам императора, против которого я работал очень долгое время. Я не проживу во дворце и несколько минут.

Зеон. Знай, те знания, что ты получила — помогут тебе. Но прислушивайся больше к своему сердцу. Оно тебя не подведёт, ведь однажды именно оно привело тебя ко мне. Я верю, что теперь твоё сердце приведёт тебя к счастью».

«Скорее», — мрачно подумала я, теряя нить разговора с Тайпаном, — «что найду я собственную смерть».

«Зеон?»

«Прости», — спохватилась я. — «Значит, раз в пять лет отправляются дары. Но почему именно раз в пять лет?»

«Обычные змеи», — Тайпан чуть вильнул в сторону, отползая в сторону от опасного участка зыбучих песков. — «Ложатся спать — раз в годину. Сон их продолжается три месяца, на исходе этого времени они вялые выползают на свет рыжей Меды. Те змеи, что похожи на нас, громадные змеи, которых вы называете ха-змеями, засыпают раз в цикл».

«Раз в три года», — кивнула я, отметив это «называем». Впрочем, теперь даже мне было понятно, что истинные ха-змеи и гигантские змеи — совершенно не одно и то же. Понимала я и то, что делиться этим знанием с кем бы то ни было, не самая умная идея. — «Причём не всегда можно угадать, в какой именно год цикла змея ляжет спать».

«Верно. Идём дальше. Ха-змеи и Царь змей ложатся спать раз в пять лет».

«И спят цикл? Те же три года?»

«Обычно — нет».

«Но такая возможность есть?» — уточнила я.

«Да. Возможность того, что всё пойдёт по наихудшему варианту развития событий. Для этого нужны люди с амулетами. Чтобы у Царя были маяки, которые помогут ему проснуться, если что-то пойдёт не так, не в ту сторону, не о том...»

«Хорошо. Значит, скорость... тебе тоже пора спать?»

«Да. Я отвезу тебя в город Хрустальных пределов и лягу спать. Мой сон обычно длится мало времени, поэтому я надеюсь, что ты ещё не успеешь добраться до города Тысячи сердец, а я уже проснусь, чтобы быть рядом».

Мои щеки сами собой затопило жарким румянцем.

Рамир, всё это время старательно изображающий из себя пустое место, кашлянул, и я спохватилась:

«Хорошо. Значит, пока у меня будет поддержка Рамира».

«Да. И...»

«И?»

«Нет, ничего. Зеон, давай поговорим о предметном, пока ещё я рядом, пока ещё могу тебе помочь».

«Помочь мне? Как? Чем?»

«Тебе вечно не хватает знаний. Иногда благодаря тому, что ты чего-то не знаешь, ты делаешь верные поступки. Как, например, ты не знала, что есть другие ха-змеи, не те, к которым ты привыкла. Если бы ты знала о том, кто мы, что у нас за сущность — ты бы и близко не подошла к нам. Но иногда твоё незнание играет против тебя. Я хочу рассказать тебе всё, что может тебе пригодиться».

«Спасибо», — после минутной заминки нашлась я с ответом. — «Правда. Я очень ценю это, но... Я привыкла со всем справляться сама».

«А я и не предлагаю делать за тебя работу. Я предлагаю поделиться теми знаниями, что у меня есть».

«Хорошо», — подумав, согласилась я. — «Давай попробуем».

«Начнём с простого, как ты планируешь попасть в город Тысячи сердец?»

«Дед подсказал. Каждый раз, когда наследник императора прибывает ко двору, он везёт с собой одну наложницу. Самую-самую. И считается... что-то вроде хорошего тона, когда наложница экзотическая. Я сделаю так, чтобы Али меня купил. Стану его наложницей и вместе с ним попаду в город».

«Хорошо. Но для начала тебе придётся обсудить свой план с лордом Ханом?»

«Да. Вот это и есть слабое место того наброска плана, что я успела продумать. Я боюсь этого человека. В нём есть что-то...»

«Он такой же, как ты. Он возможный ха-змей, и однажды он станет им. Лорд Хан уже дал своё согласие на то, чтобы его тело после смерти доставили на пик Гроз... Но об этом аспекте я тебе пока не буду рассказывать. Рано. Ты ещё не сделала выбор, и я не хочу невольно повлиять на него в ту или иную сторону».

«Тайпан...»

«Следующий вопрос — как ты собираешься попасть в город Хрустальных пределов?»

«Тайно», — ответила я, потом косо усмехнулась. — «Но спрашивал ты явно не об этом, я понимаю. Я хочу пройти тайными ходами, через змеиную территорию».

«Ты знаешь, как пройти мимо змей?»

«Мимо любых почти могу... Но там будут охранители, и это заставляет меня нервничать».

«Зря», — отозвался Тайпан и замолчал.

Молчала и я.

Шуршал песок, на краю горизонта, там, где рыжая лента переходила в цвет белого золота, появилась первая далёкая звёздочка слабого цвета серебра. Вставал первый спутник Меды. Ещё немного, и уже её раскалённый глаз заполыхает в небосводе, превратив мой мир в жаровню.

А к ночи мы будем у града...

«Зеон. То, что я сейчас скажу, не лучшее, что я мог бы сказать, но всё же... это то, что может тебе помочь. В тебе дремлет змеиная половина. Твоя человеческая половина — слаба, но в ней слышен зов песка. Именно поэтому обычные змеи тебя никогда не тронут. Но и охранители, и истинные ха-змеи тоже не посмеют поднять на тебя хвост. Ты одной с нами крови, но... зов песка в твоей крови делает тебя сильнее».

Я не сразу поняла, на что именно намекает Тайпан. Зов крови, зов песка — всё это до сих пор оставалось для меня набором слов, которые я не могла осмыслить и принять сердцем.

Потом поняла.

Охранители — тоже были змеями, моя змеиная половина позволила им слышать меня, а мне — слышать их. Но при этом песок в моей крови делал кое-что ещё. Позволял мне приказывать им.

«Не всем», — вернул меня на землю Тайпан. — «У некоторых змей сильная воля, сильнее даже чем у нас. С такими можно справиться, только убив их. Но есть те, у которых воля слаба, такие не устоят перед твоим приказом. Правда, перед приказом тебе придётся шепнуть фразу. Заговорные слова. Сталкивалась с ними?».

«Дед научил. Разным. Многим. Это осколок той магии, которой раньше владели древние народы, верно?»

«Да. В устах людей чаще всего они работают лишь едва-едва, в людях недостаточно магии. Но ты — не такая».

«Из-за мамы?»

«В том числе», — Тайпан чуть затормозил, потом снова набрал скорость.

«Ты... Тебе не нравится это?»

«Я... когда тебя увидел в первый раз... такую хрупкую, в алом сиянии тонких шелков... я потерял голову. Я был рядом с тобой... почти всегда. Разве что только отступал, когда ты двигалась к территории Кармин — королевы песчаных муравьёв. По давнему договору нам нельзя заступать на её территорию, также как и ей нельзя и близко подходить к нашей. Я был уверен, что это всё... мелочи. Что это пройдёт, просто поболит сердце, это временно. Надо потерпеть. Мне и в голову не пришло, что ты — одна из нас, что ты — дитя пустыни, что ты можешь быть той самой, не предсказанной, не должной родиться».

«Тайпан».

«Я бы всё отдал, чтобы ты была нормальной. Я бы просто смотрел на тебя со стороны, ведь люди должны оставаться с людьми. А теперь я даже не знаю, что думать. Ты не совсем человек, ты не совсем ха-змея, ты полукровка. И теперь даже у такого как я есть шанс, но то, что тебе предстоит сделать...» — Тайпан мотнул головой, и мне пришлось крепче держаться за гребни, чтобы не свалиться.

И он ещё больше разогнался!

«Тайпан».

«Я не хочу. Чтобы ты уходила. Я не хочу, чтобы ты снимала это проклятье. Я хочу, чтобы ты была в безопасности, но как только ты войдёшь в тайные ходы, это станет невозможным. А ещё я не хочу, чтобы ты шла к Хану».

«А это почему?»

«Он... Опасный. Сильный. Он тоже будет в городе Тысячи сердец, и возможно он будет единственным твоим союзником. Тебе придётся ему открыться, потому что если он узнает это сам, то убьёт тебя. И у него это получится».

«На него не подействует приказ?»

«Его воля сильнее».

Я задумалась. Сила воли. Она впечатляет у этого человека, этого лорда. Но действительно ли моя воля слабее?

Я ему отказала, и это удивило его. Я хорошо помню, как он смотрел на меня, и что мои свитки таяли под этим взглядом. Шаманская техника или личное «обаяние», перед которым не может устоять даже шаманская магия?

Слишком много вопросов.

Я не могу понять, я ничего не могу понять! И не уверена, что это действительно нужно.

Но если бы мне сказали взвесить на весах силу волю. Мою и лорда, чья была бы весомее?

Ответ пришёл от того, кто был позади. Рамир тихо сказал:

— Всё зависит от того, кто за твоей спиной.

— Что? — дёрнулась я к нему и чудом только не свалилась. С моей координацией что-то происходило. Действия становились резче и куда быстрее, настолько, что я сама не всегда могла за ними уследить.

Впрочем, скосив взгляд, я обнаружила, что Рамир держит меня за плечо.

— Я слышу твои мысли. Самые громкие. Раньше такого не было почти никогда. Я слышал только самых сильных и опасных змей, которые были настолько разумны, что... Это было чудовищно.

— Ты был змеиным проводником?

— Нет. Просто говорящим с ними.

— Хорошо, — не стала я заострять на этом внимание. Только что прозвучало что-то куда более важное. — В каком смысле, ну... не знаю, что ты имел в виду, когда говорил о том, кто за спиной?

— Если ты сражаешься только за себя одну, то ты можешь проиграть, поскольку всегда оставляешь себе шанс на проигрыш. Когда за твоей спиной те, кто тебе дорог — ты сделаешь всё, чтобы победить. Но когда за твоей спиной тот, к кому ты хочешь вернуться, ты перевернёшь мир, но вернёшься к нему живой.

— Ясно.

Кое-что мне действительно стало ясно. Но не всё. Ещё были вопросы, но сначала...

— Спи, — шепнул Рамир, — я смогу удержать тебя. А когда проснёшься — мы уже будем у входа в Хрустальный град. Там ты увидишься с лордом Ханом и мальчишками. Ты же этого хочешь?

— Слишком много знаешь, — отозвалась я, бессильно откидываясь на грудь привидению в фальшивом человеческом теле. Я не человек, не ха-змея, но живая. А он — не живой, не человек, но привидение и всё равно со мной.

Тело стало ватным, налилось тяжестью.

Меда ещё не поднялась над горизонтом, а я уже обмякла, не в силах заставить себя встряхнуться.

Песок шуршал, напевал мне тихие слова, и чудился мне в них незнакомый голос. Голос кого-то, кого я уже однажды слышала, но это было очень, очень давно.

...Я открыла глаза.

Тайпана рядом не было. Не было и Рамира. Не было песка и моей любимой пустыни, была только бесконечная тьма, в которой видны были холмики с крестами. Могилы? Здесь кто-то похоронен, да ещё и как много.

Я попыталась сделать шаг, но обнаружила, что ног у меня нет — снова тот же хвост. И на нём мне очень тяжело держаться.

Тьма вокруг была холодной, голодной, из неё на меня кто-то смотрел. И снова складывалось ощущение, что я слышу голос.

— Зеон.

Голос раздался прямо над ухом, я взвизгнула и дёрнулась, круто повернувшись.

На одном из могильных холмов сидела падальщица. Старая настолько, что люди до такого возраста не доживают.

Снежно-белый подшёрсток в этой тьме едва заметно светился, и я, глядя на эту старуху, ощутила что-то вроде бескрайнего... уважения? Страх пропал.

— Здравствуй, Зеон. Я говорила, что приду и напому о себе. Помнишь ли ты меня?

Не засомневавшись ни на миг, я тут же кивнула.

Я её помнила.

И её, и ту серую хмарь, из которой они появились. И страх, буквально пропитавший меня до основания, мою кожу, мои кости, моё сердце.

— Да.

— Хорошо. Ты помнишь то, о чём мы договорились, Зеон?

— Да, — второй раз ответила я. — Я открою окно, впустив вас к императору, а вы его убьёте.

— Ты и это помнишь. Действительно любимица пустыни. Я сделаю тебе подарок, Зеон. Давненько нам не доводилось их делать, но ты первая и единственная, кто может сделать то, на что не способны мы.

Старуха коснулась своей обвислой груди, скользнула длинными острыми когтями по своему ожерелью, выбирая камень. Серый дымчатый камешек в её руке, когда она сдёрнула его с нити, едва заметно переливался.

Мне даже показалось, что внутри есть какие-то огоньки.

— Это камень яда, — шепнула падальщица. — Люди так погрязли в своём невежестве, что начали считать его панацеей от всех бед. И ваши шаманы убивают наших братьев, чтобы достать этот камень из нашего тела. Я дам этот камень тебе, но ты должна проглотить его.

— Зачем?

— После этого ни один яд на тебя не будет действовать.

— Тогда... Ах, — по моему лицу расплылась шальная улыбка. — Я смогу определить вкус яда! И остаться после этого в живых.

— Да, я знала, что ты поймёшь, умная девочка, — камень из когтей старухи упал на мою ладонь. — Мы будем рядом, Зеон, нам тоже интересно, какая легенда возродится к жизни после твоего появления в пустыни смерти. Ведь ты — её дитя, воплощение её воли и её гласа...

Камень холодил ладонь, в нём действительно скользили искорки. И... я его проглотила, а потом открыла глаза.

Глаз Меды уже скрылся за линией горизонта, и всё вокруг таяло в бескрайней темноте. Рамир за моей спиной пошевелился, и я поняла, что мой рот закрыт его рукой.

«Чужаки».

«Тайпан».

«Доброй ночи, Зеон».

«Что за чужаки? И где мы?»

«Мы уже в тайных ходах. Охранители убиты. Все трое».

«Пустыня!» — в сердце больно дёрнуло. Я знала, что происходит, я знала, что могли здесь делать чужаки, прошедшие мимо охранителей, убив их. — «Они пришли за Али! Чтобы он даже не добрался до города Тысячи сердец!»

«Вполне возможно», — Тайпан резко остановился. — «Дальше мне не проползти, Зеон. Дальше — ты сама».

Соскользнув с гладкого бока, я скользнула ладонями по своему телу. Форма была ещё моя — женская, но вот повадки были... уже не совсем мои.

«Зеон!»

«Да», — повернувшись, я положила ладонь на алые чешуйки. — «Я знаю, но не нужно ничего говорить. Я должна успеть! Этот ребёнок должен жить, этот ребёнок должен стать императором!»

«Кто сейчас говорит за тебя?» — шепнул грустно Тайпан. — «Чьи слова передают твои уста здесь и сейчас, Зеон?»

«Я не знаю», — честно сказала я. — «Возможно, это слова Кармин или твоего отца,

возможно, это слова моей мамы. Но здесь и сейчас я должна бежать. Насколько мы опаздываем?»

«Они впереди. Шагов... Наших, змеиных шагов — два, может три. Двигаются быстро бесшумно. От них пахнет застарелой кровью и смертями. Это опытные убийцы. Но у них нет ни капли сил змеиных проводников. Они не почуют твоего приближения».

«Хорошая новость», — кивнула я, потом убрала ладонь и двинулась к тёмному ходу, Рамир скользил рядом со мной, чутко вглядываясь в темноту. А я... с трудом сдерживалась от того, чтобы обернуться. Нельзя! Нельзя. Потому что...

«Беги», — шепнул Тайпан. — «Не стой. Мы ещё увидимся. Я приду за тобой. И даже высокие стены города Тысячи сердец не заставят меня остановиться».

«Да. Я буду ждать!»

И я побежала.

Шаги были очень лёгкими и почти невесомыми.

Плащ на мне болтался, а ремённой пояс стал слишком свободен. Насколько я похудела со всей этой историей со змеиным Царём и Кармин? Пожалуй, даже немного больше, чем я могла бы себе позволить.

— Зеон? — тихий шёпот Рамира был почти не слышен, но я на мгновение бросила на него взгляд. — Впереди засада.

— Нас?

— Нет. Ждут кого-то ещё...

— Сколько их?

— Шестеро ждут. Четверо прошли вперёд.

— Десять? Песчаные воины.

— Не знаю, о ком ты.

— Одна из легенд, — пробормотала я, двигаясь по тоннелю следом. Торопиться здесь и сейчас было нельзя, если я не хотела вляпаться в засаду на кого-то ещё.

О том, на кого именно, я узнала слишком поздно, и все мои предосторожности тоже оказались излишни, потому что я узнала на одну тайну больше из тех, что называются «фамильными», и за знание о которых или убивают, или... убивают.

Ответ был прост — засада была устроена на лорда Хана, потому что здесь, в змеиные норы, выходил из тайных ходов правителя города Хрустальных пределов.

Об этом мог знать только свой.

«Удивительная штука власть, порой она толкает людей против самых близких», — вспомнила я снова слова Царя змей.

Старший брат Хана и Али не отступился от своей идеи. Не знаю, что именно ему пообещал император за гибель моего чудесного мальчишки, но это было что-то очень весомое, потому что этот незнакомый мне человек впустил убийц лично в потайные ходы.

Застать врасплох лорда у убийц получилось, но это было их первое и последнее преимущество.

Потому что убить Хана они не успели.

Меч того, что стремился прямо к его груди, отбила я сама. А Рамир, прикрывающий мне спину, позаботился о том, чтобы второй меч не вонзился в спину лорду.

— Чудес-с-сно, — прошипел Хан. Раскатистые шипящие промаршировали по моей спине ледяными мурашками.

— Доброй ночи, лорд, — вежливо поприветствовала я, хотя и ощущала, что в моих

словах есть что-то от насмешки.

— Зеон!

— Вы узнали меня с первого слова, получите свой приз! — улыбнулась я, круто поворачиваясь. Мой живой меч скользнул в руку, застонал пробитый воздух над правым плечом лорда, и ещё на одного песчаного убийцу стало меньше.

Выдернув меч обратно к себе, я даже не обратила внимания на хлюпающий звук, хищно осмотрелась по сторонам, выбирая себе следующую жертву.

Рядом упал ещё один убийца, Рамир не терял времени.

— Что ты здесь делаешь, Зеон?

— Для начала, нивелирую эффект неожиданности или наоборот устраиваю его для напавших. А ещё... лорд, как насчёт того, чтобы обсудить это в другой раз?

— В другой раз?

— Знаете ли, — поудобнее схватив меч, я вогнала его в грудь открывшегося воина, проскользнув под руками сразу двух. — У меня есть дела. Рамир, присмотри за ним!

— Есть.

Лорду оставалось только бессильно наблюдать, когда я кинулась по тоннелю дальше, подгоняемая страхом и ведомая зовом, звучавшим внутри моего сердца.

Кажется, за моей спиной добрый Рамир сообщил, что там, куда я помчалась, есть ещё четверо. И даже, вроде бы, лорд Хан усомнился в моих способностях. Но моя маскировка не была раскрыта, я попала тайно в город, не столкнувшись со змеями-охранителями, и у меня ещё была возможность успеть на помощь Али.

Только бы! Только бы...

Темные стены мчались мимо. Меч пропал, выпущенный из руки, и вернулся в драгоценность на наруче. Я бежала так, что у меня впервые кололо в груди и срывалось дыхание.

Но при этом я понимала, что остановиться не могу, мои ноги сами бы понесли меня туда, где я должна быть.

Ноги?

На мгновение переведя взгляд вниз, мне показалось, что я увидела хвост! Видение было настолько неожиданным, что я споткнулась на ровном месте. И словно мне было мало этого, меня снова подвела координация! По инерции тело швырнуло вперёд, а попытавшись остановить падение, я только ситуацию усугубила, ударившись плечом, а следом ещё и спиной об стену.

Там, где я была только что, в камень воткнулась горящая стрела.

— Я был уверен, что слышал чьи-то шаги!

— Заткнись, дура.

— Будешь оскорблять меня, следующую стрелу загоню тебе прямо в глаз.

— Не самое лучшее время для того, чтобы ссориться, мы и без того остались без прикрытия. Все камни погасли.

— Не паникуй. Сайра справится один. А мы справимся здесь, кто бы за нами не шёл.

Два мужика, девушка. Сайра.

Мысли скользили в голове, цеплялись друг за друга.

Я словно наяву слышала шум песка, потрескивание костра и гулкий бой барабанов.

Я знала тех ребят, кто вошёл под свод тоннеля, чтобы убить Али. Они были сделаны из того же теста, что и Кит — личный палач лорда Хана.

Не сказать, что мы были друзьями, но мы не раз встречались на заданиях. Я вела караван, они его охраняли. Мы весело проводили время в аулах по пути, неплохо общались, и мне даже не хотелось бы их убивать. Но Сайра был смертельно опасен, а здесь и сейчас мы по разные стороны баррикад.

Впрочем.

Накинув капюшон поглубже и порадовавшись тому, что мой голос не зависел от того, в каком я облике, я поднялась и, опираясь на стену, стукнула по ней ногой.

Тут же в мою сторону полетела огненная стрела.

Единственное, что мне оставалось — это сбить её в полёте.

— Тьма! — фыркнула лучница. — Зеон, что ты тут забыл?

— Сегодня я становлюсь популярным, — ухмыльнулась я под накидкой на лице. — Меня узнают даже до того, как я успеваю хоть что-то сказать. Я здесь, чтобы перебить ваш заказ, ребята.

— Заказ?

— Вы здесь по душу ребёнка, — негромко пояснила я. — А немногим ранее этого самого ребёнка я поклялся защищать. Так что... Не хотелось бы вас убивать. Мы не раз неплохо работали вместе, и я считал, что мы не раз ещё встретимся.

Лучница сдалась первой, забросила лук на плечо и ухмыльнулась:

— Никто не скажет, что Сейши подняла руку на ребёнка. Я пас.

— Значит, соскакиваешь? — спросил хмуро самый низкий и широкоплечий мужик из компании. Михант Сойрро. Самый опасных из них.

— Этот заказ с самого начала дурно вонял, Сойрро. И ты сам говорил об этом. Мы ввязались в него из-за Сайры только. А теперь... — взгляд Сейши скользнул мимо меня, в тёмное жерло тоннеля. — Они все мертвы?

— Лорд Хан не в настроении шутить. Как и я. Решайте быстрее.

Второй мужчина в компании, рыжий Рейши, покачал головой, засовывая топор за пояс:

— Нет. Ребёнка я убивать не буду. Даже если он маленький лорд и по чьему-то мнению не заслуживает жизни. Зеон, я пас.

Двое. Не сомневаюсь в том, что сейчас Сойрро сообщит, что он не уйдёт с дороги. А время уходит.

— Я не уйду.

— Сойрро, — подпустила я в голос металлических ноток. — У меня нет времени с тобой играть.

— Ты всегда был слишком хладнокровен, Зеон. Так что не мне одному хочется взглянуть, какого цвета твоя кровь. Не голубая ли, как у ханов, а может она зелёная, такая же, как и у змей?

— Что за чушь, — вздохнула я. — Взрослые люди, а ведёте себя хуже детишек, не прошедших церемонию взросления. И у лордов, и у змей кровь одинаково красная. С дороги, Сойрро.

— Не уйду.

— Значит, я тебя убью.

— Что?

Сойрро не успел отреагировать. Я знала за ним эту черту. Он слишком много говорил, никогда не слушал окружающих. Он любил слушать свой голос. Потом, когда он разогревался, он становился одним из опаснейших противников, которые только могли быть.

Но... он был из той мерзкой породы людей, что никогда не останавливались, пока не получали нужного. А ещё — он не ощущал боли. Как бы сильно его не ранили, он падал, вставал, снова падал и вставал, пока грудой мяса на песке не оставался труп его противника.

У меня не было времени с ним играть...

— Мне очень жаль, — шепнула я на ухо Сойрро, когда мой меч погрузился в его тело до рукояти. — Правда, Сойрро.

— Ты...

Я не знаю, что в глубине капюшона увидел человек, но он умер ещё до того, как я вытащила из его груди свой меч. Повернулась.

— Мне очень жаль.

Сейши и Рейши переглянулись и отошли с дороги.

— Мы сделали правильный вывод, Зеон. И больше не встанем на твоей дороге.

— Надеюсь, вы действительно его сделали, — пробормотала я, отпуская меч и вместе с тем запачкавшись кровью уже по локоть, и снова кинулась по коридору.

Быстрее, быстрее! У меня совсем нет времени!

А потом ход раздвоился.

Налево. Направо. Налево. Направо.

Куда мне идти?!

Сердце... Глупое сердце, дед сказал верить тебе. Но как тебе верить, когда ты умудряешься вести себя так странно? Биться так часто, разгонять жар в груди, когда рядом со мной ха-змеи! Я ведь человек...

Не человек.

Но и не ха-змея.

Мне нужно сделать выбор.

А сейчас...

Сердце стукнуло, раз, второй, и непреодолимой силой меня потянуло налево.

В воздухе пахло нотками южных пряностей. Так пахла медовая пахлава с грецкими орехами. И так пахла кровь песчаного муравья!

Я мчалась по запаху крови охотящейся змеёй, я перестала думать о том, кто я, кого или что я должна слушать. Я просто собиралась успеть.

Но уж точно о чём я не думала, так это о том, что я успею лишь к тому моменту, когда закрывать Али и Ена мне придётся своим собственным телом!

Чужой меч прочертил по спине короткую алую дорожку. Обожгло ледяным всплеском. И подумав о том, что после такого мой защитный короткий плащ придётся выкидывать, я повернулась, скрещивая мечи.

Вовремя... и не вовремя одновременно.

От резкого движения разрезанный напополам капюшон упал, обнажая янтарный каскад волос.

Взгляд Сайры остекленел:

— Девушка? — пробормотал он, а потом его взгляд застыл на полосках чешуи, тянущихся от уголков глаз к вискам. — Зеон.

Я сделала самое простое, из того, что мне оставалось. Перехватила меч за лезвие, обагрив его своей кровью, и метнула. Увернуться ошеломлённый увиденным Сайра просто не успел. А мне так не хотелось его убивать...

Это был человек, которого я знала с хорошей стороны. До этого времени. Но...

— Ен, — не занимаясь приветствиями, я вытащила из внутреннего кармана плаща ленту с простейшим списком заживления. — Давай руку.

— Не поможет, Зеон, — муравьёнок только покачал головой. За те дни, что мы не виделись, он немного подтянулся в размерах и избавился от всех своих аномальных черт, сейчас он был похож на Али, но только отчасти.

А у моего чудесного ребёнка тряслись губы.

Я едва-едва успела.

Видимо, Сайра вломился через тайный ход. Ен успел отреагировать на его появление, но — как и я — просто закрыл Али собой. Ни на что другое не хватало времени.

— Потому что ты из древнего народа? — спросила я, положив ладонь на макушку Али и ласково погладив. Всё. Ему надо было срочно брать себя в руки. Сейчас явится Хан и... надо успеть хотя бы закрыть царапину Ена, потому что о том, что мальчишка — генерал песчаных муравьёв, знать лорд Хан не должен. Никто не должен этого знать, кроме меня и Али!

— Да, — кивнул мальчик.

— Запоминай. Иногда, — протянув руку, я наложила ленту поверх раны, проследив, как рваные края начинают стягиваться — Сайра использовал нож с зазубринами на близких дистанциях, — нужно слушать старших. Всё. В сторону!

Ен только хлопнул глазищами и кинулся в сторону, я потянулась к капюшону, но... не успела.

Тонкое лезвие шпаги лорда прижалось к моей шее.

— Медленно отступи назад от мальчишек.

— Хан! — Али хотел было кинуться меня защищать, но умный Ен успел перехватить его раньше, подчиняясь моему предостерегающему взгляду.

— Думаете, лорд, это хорошая мысль? — спросила я, не позволяя страху прорваться в голосе. — И где вы потеряли моего напарника?

— Я здесь. Только... — голос Рамира был сдавленным.

Он не мог шевельнуться. И я повернулась сама.

Янтарный локон упал на щеку, и, убирая его в сторону, я скользнула пальцами по чешуйкам на лице. Смотрела всё это время я прямо в глаза лорду. Поэтому и заметила, как широко они распахнулись, как он вздрогнул, словно от удара.

Шпага опустилась.

— Зеон.

Могу только поаплодировать этому человеку, искренне и от души. Он остался внешне почти спокоен, его голос не дрожал, он вёл себя так, словно подозревал о моём истинном... теле с самого начала.

Но это было ложью.

И знали сейчас об этом в комнате только двое — я и он.

— Женщина.

Я промолчала. Ему не нужны были здесь и сейчас мои слова.

— Змеиное дитя. Али... — взгляд Хана скользнул мимо меня к брату, в его голове складывалась головоломка. Он не мог забыть своего собственного вывода о том, что в городе Хрустального предела есть кто-то для меня очень важный, теперь в эту головоломку добавился элемент о том, что этим кто-то является его младший брат.

— Хан! Она...

— Не нужно слов. Ты идёшь со мной, — приказал Хан.

Я хмыкнула:

— Я не ваше оружие, лорд.

— Что?!

Ой-ой, кажется, этому человеку дважды ещё ни разу никто не отказывал. Но...

Повернувшись так резко, что волосы поднялись в воздух, я встала на одно колено перед Али. Меч, вызванный из правого наруча, был покрыт чужой кровью, и этот меч я держала в руках.

— Мой юный лорд, я прошу взять мой меч, а вместе с ним — принять меня на службу и доверить свою жизнь.

Мальчик, мой умный мальчишка, не спросил ничего, он принял меч, разделяя со мной грех убийства тех, чья кровь была на этом лезвии.

— Я принимаю твой меч, Зеон, — гордо и совсем не по-мальчишески прозвучал его голос. — Я доверяю тебе свою жизнь, служи мне верой и правдой.

— Да, мой лорд, — меч упал обратно на мои ладони. Мальчишеские губы прижались к моей макушке, завершая обряд.

Что ж, теперь от лорда Хана я себя обезопасила, теперь следующий пункт.

— Лорд Хан, — я повернула голову. — Ваш брат знает, кем он должен стать?

— Да.

— Али? — взглянула я на мальчика.

— Императором Аррахата, — кивнул тот.

— Значит, будет легче. Детали мы обсудим позднее. Но завтра вечером, ты должен будешь прийти на невольничий рынок града, найдёшь там старого басманщика, дашь ему ровно тринадцать бронзовиков. Он проводит тебя к клетке. В ней будет девушка — ты её купишь.

— Что?! Зеон!

— Запомнил?

— Да. Зеон... Мне нужна твоя помощь! Шаман! Я рассказывал тебе про него, он пропал! И... моя... моя...

— Тш-ш-ш! — покачав головой, я приложила палец к губам Али. — Я успела лишь ненамного опередить императора, а ещё так много надо подготовить.

— Императора? — спросил Хан.

Взглянув на него через плечо, я с удивлением поняла, что этот мужчина уже успел взять себя в руки! И смотрел на меня он не как на оружие, не как на что-то, чего он хочет, а как... на равную?

— Да. Завтра утром придёт депеша о том, что Али призывают в град Тысячи сердец, чтобы он взошёл на престол. Император уже знает о том, что он низложен.

— Великая пустыня, — Хан бессильно привалился к стене. — Это же значит, что всё напрасно.

— Али. Завтра утром тебе, скорее всего, станет об этом известно. Но на рынок ты должен прибыть тайно. Минимум охраны. Лорд, вы не должны его сопровождать. Купить наложницу он должен сам.

— Купить... Наложницу? — во взгляде лорда, вот что ни говори — а мужик он умный, забрезжило понимание.

— Да. Это традиция.

— Я знаю о ней, — кивнул Али. — Но кого я куплю.

— Меня, — я приложила ладонь к груди. И хоть выглядела я сейчас достаточно затрапезно, я знала, что смогу навести внешний лоск за оставшееся мне время. Не истинный лоск, ухоженность и красоту, а всё это внешнее, напускное. Но этого будет достаточно.

— Зеон!

— Да. Это единственная возможность сделать так, чтобы я была рядом с тобой. Али.

— Но как же... — мальчишка понурился. — Я надеялся, что ты найдёшь моего шамана и Тачи!

— Али. Их нельзя искать. Они сейчас спрятались, чтобы на тебя не смогли надавить их жизнями и смертями.

— Спрятались? Сами?

— Да. Когда всё закончится, они вернутся.

— Обещаешь? — спросил тихо Али.

— Моё слово, — кивнула я, сжав его ладонь.

И снова произошло то, что я уже видела. Мой чудесный мальчишка вначале заледенел, а потом на меня взглянул будущий император. Живой император, и если он взойдёт на престол нашей пустыни, возможно, что-то действительно изменится. Не зря же, такие силы были приведены в действие, чтобы его защитить?

— Так, — Хан прищурился. — Зеон. Тебе нужно подготовиться?

— Да. А Али нужно охранять.

— Я уже догадался.

— Ещё мне нужна будет информация.

— Я тебе предоставлю все, что знаю. Сразу же после того, как в моём доме появится одна из красивейших и экзотических наложниц брата.

Я поклонилась ему и вышла снова в потайной ход. Рамир, сохранявший молчание, скользнул вслед за мной. Друг друга мы поняли, и этого пока было более чем достаточно.

Следующий день я крутилась как змея в жерновах, не останавливаясь ни на секунду. Озадачены были все. Ругавшийся и плевавшийся Рамир, вопреки своему желанию, отправился в город на рынок за покупками. Для моего плана мне нужно было многое, и не всё, к сожалению, можно было купить.

Прибывший Астагард, ожидавший меня в одной из таверн Хрустального предела, был потрясён, узнав, что ему предстоит выступить в качестве торговца невольницы. Ещё больше он был потрясён, когда узнал, что его победила девушка.

Круг тех, кто знал о моей настоящей личности рос и ширился, не оставляя мне возможности свернуть с назначенного пути. Было страшно, на самом деле. Я так долго всё скрывала и ради чего? Чтобы всё вот так вышло на потеху окружающим?

Я не хотела этого делать. Мне было страшно. Я хотела вернуться туда, где было моё место — в пустыню. Но песок стих. С утра, когда начались приготовления к моей «продаже» я вообще перестала слышать голос пустыни, как будто его стёрли!

И две верховых змеи меня тоже не слышали, как будто я потеряла то, что составляло мою сущность. Или не мою — а Зеона?

Стоя у зеркала, глядя на то, что сотворили из меня девочки из местного покая красоты, я ощущала, как моё тело дрожит, меня предавая.

Той девушке, что отражалась в зеркале, страшно не было. Чего бояться той, ради кого сейчас будут чудовищные бои? Ей: нахальной, задорной, великолепной — это нравилось.

Мне — нет. Мне было страшно до ужаса! До воя, до сорванного горла. Но я заставила себя вскинуть голову.

Это не «ей» нравится, а «мне». Это я прекрасна, и это ради меня сейчас здесь соберутся самые влиятельные и богатые люди Хрустального предела.

Мои волосы были подняты в высокую причёску и перевиты мелким розовым жемчугом. Шелка были прозрачны, но, накладываясь друг на друга, скрывали моё тело полностью, оставляя массу простора для воображения и пробуждая желание снять с меня это всё.

На шее была лента с янтарным кулоном, единственное украшение, если не считать змеиных чешуек у лица.

Что ж, по идее, меня никто не должен опознать как Зеона, потому что чешуйки были разные, да и мало кто набирался отваги взглянуть в лицо змеиноного проводника.

Я уговаривала себя, что нечего бояться, делая шаг от зеркала прочь.

«Всё будет хорошо», — твердила я упрямо, пока ступала босыми ногами по нагретому песчанику.

Будет.

Обязательно.

Тонкие нити наборных занавесок из кусочков шлифованного песчаника качнулись, когда я скользнула мимо них на помост под гулкой бас Астагарда:

— Настоящая жемчужина для любой коллекции, янтарная экзотическая красавица, которая сделает всё, что ей прикажет господин.

Браслет на левой ноге звякнул, когда я шагнула на помост.

Кто-то взвыл, кто-то стукнул в барабан, кажется, я даже слышала, как кто-то помянул всех богов и мёртвых разом.

Я стояла на подиуме и сама себя ненавидела.

Чужие взгляды скользили по моему телу и лицу. Ещё несколько лет назад похотливые мысли любого из присутствующих могли стать реальностью, а потом я бы умерла.

Надо же, какая усмешка! Я выжила и не стала куклой на продажу, чтобы добровольно взойти на помост...

Скользнув взглядом по залу, я нашла Али. Хан был тоже здесь, но в другом углу. Также решил присмотреть за братом? Или...

— Первая ставка — сто золотых!

Астагард не успел ничего сказать, в зале началась буря:

— Двести!

— Триста!

— Пятьсот!

— Семьсот.

— Семьсот пятьдесят!

— Семьсот пятьдесят — раз, — Астагард, покосился на меня с ужасом в глазах, а со стороны казалось, что он оценивает — стою ли я таких денег.

Мы планировали, что цена моей покупки будет поменьше. Я ошиблась с оценкой?!

— Семьсот пятьдесят — два!

— Тысяча.

Голос мне был знаком.

Хан? У лорда уже есть своя наложница. Или это часть какой-то игры? Было бы странно, если бы хозяин города не знал о такой продаже... Что-то я запуталась со всем

происходящим. И что-то я вообще ничего не понимаю!

Предложение лорда подняло торги на новый уровень. Те, о ком бы я никогда не подумала, как о богачах, начали делать ставки.

— Тысяча сто.

— Тысяча триста.

— Две тысячи.

— Четыре тысячи.

— Пять, — тихий голос из угла заставил меня дёрнуться. Али вступил в торги?! Но цена...

— Пять тысяч — раз. Пять тысяч — два, — голос Астагарда дрожал. Сейчас совершалась сделка, подобной которой не было уже очень давно! — Пять тысяч — три. Продано!

И в тот самый момент, как рука моего «продавца» стукнула в барабан, в помещение ворвался человек в белом. Посланник императора. Но... он опоздал.

Чего бы он ни хотел, чего бы он ни планировал — он не успел добраться вовремя.

Али, встав со своего места, резко приказал:

— Приведите её во дворец. Я буду ждать там. Стража, за мной.

И вышел.

Комната стала пустеть. Я стояла на подиуме, не зная, куда приткнуться, пока рядом не оказался Рамир. На мои плечи опустился плотный плащ. На голову он тут же накинул капюшон, скрывая меня.

Я не шевелилась, пока Астагард надевал на мои ноги босоножки.

— Моя леди, — шепнул он тихо, — что мне делать дальше?

— Город Шести ветров. Жди там императорского каравана, — отозвалась я, ещё находясь в пугающем меня саму заторможенном состоянии. — Я пришлю за тобой Рамира, и ты войдёшь в город Тысячи сердец.

— Это...

Взглянув на него сверху вниз, я улыбнулась:

— Только что понятие «невозможно» прекратило своё существование, Астагард. Проводи меня до дворца, сдай на руки той страже.

— Да.

По дороге мы ехали очень медленно. Таких фигур как я в плащах тут было больше, намного больше. Взгляд ни на ком не останавливался, и я могла не беспокоиться, что привлеку чьё-то внимание.

Но волновало ли меня это на самом деле? Не знаю.

Пока в мои планы входило добраться до дворца, занять комнату рядом с комнатой Али, поговорить с Ханом и подумать о том, что делать дальше.

На моей стороне был Рамир. К городу Тысячи сердец отправится Астагард. Там его встретит доверенный человек, он поможет Гарду устроиться в неплохом месте и позаботится о его безопасности. А ещё о нужных документах.

Моему защитнику предстояло попасть в столицу Аррахата с весьма специфической задачей. По особому пропуску убийцы отверженного. Капля моей крови на документе доказывала подлинность такого пропуска, а вместе с ним даровала его обладателю беспрепятственный вход куда угодно.

Насколько было известно на Аррахате, отверженные ненавидели императора. Обычно

они старались держаться подальше от столицы. Но было известно уже точно о трёх попытках убить его, и попытки эти были как раз делом рук отверженных.

Именно поэтому охотники на таких «тварей» ценились очень высоко. Астагард был достаточно силен, чтобы доказать своё право в местном офисе убийц. А подготовленный пропуск обещал открыть перед ним врата города без проблем.

С Рамиром всё было сложнее. Проехать в своём человеческом виде он не смог бы, поэтому уже завтрашним утром, моему личному привидению предстояло перейти в свою внетелесную форму. Впрочем, сначала, он собирался соблазнить пару служанок из дворца и выяснить у них последние новости.

Такой путь добывания информации был ничем не лучше и не хуже любого другого.

Не сказать, чтобы я одобряла. Но... не сказать, чтобы я была особо против этого. Информация была нужна, а девушки, обслуживающие господ, знали зачастую куда больше, чем кто-то ещё. Оставались ещё стражники, но к ним Рамиру хода не было.

И было кое-что ещё, что заставляло меня то и дело терять нить рассуждений. Со мной происходило что-то, чему я не могла найти объяснений. Я терялась в окружающем мире. Растворялась в нем. Сливалась с ним и таяла в окружающем меня мареве. Редкие порывы ветра совершенно не спасали. Тонкие шелка охлаждали кожу, но грудь сдавливало неприятным ощущением чего-то грядущего.

Это был страх?

Но ведь у меня сильная воля. Я смогу. Я справлюсь. Я должна! У меня ведь... есть только дед, Али с Еном и Тайпан.

Тайпан... Где он сейчас? Этот вредный ха-змей. А вдруг я навсегда потеряла свои силы? Вдруг я больше никогда не смогу его услышать?! И Царь змей ошибся? И...

Амулет на груди обжёг кожу.

Что я? Что я думаю?! Ведь я же — Зеон! Я змеинный проводник, которому незнакомо слово «невозможно». Так что, выше голову. Сегодня мне придётся сделать ещё многое.

Под лапами верхового ящера чуть поскрипывали песчинки. Вокруг теснились двухэтажные домики, где-то шумел родник, отовсюду слышались голоса. Всё было так обычно и обыденно, что мне не хотелось верить, что где-то рядом уже притаилась новая партия убийц для Али.

Я двигалась к дворцу, ещё не зная, что жизнь уже внесла коррективы в мои планы. Ведь посланник императора прибыл за лордом Ханом, и пока я двигалась ко дворцу своего «хозяина», Хан на верховой змее удалялся всё дальше и дальше, прочь от града, открывая убийцам вход в собственный город.

Али мне предстояло защищать в одиночестве...

Я узнала о том, что Хан покинул город, одной из первых. Рамир, отлетавший на разведку, сообщил мне об этом ещё даже до того, как меня сдали с рук на руки распорядителю дворцового гарема.

Планы... От планов ничего не осталось. Теперь мне предстояло находиться рядом с Али неотлучно, тем более что интерес юного лорда к экзотической игрушке в глазах окружающих был оправдан.

А годы... Какая разница? Для забав они уже давно не были помехой. Распорядитель гарема обошёл меня с одной стороны, потом с другой. Маленькие, глубоко посаженные глазки, заплывшие жиром щеки, толстые губы, пока он про себя что-то повторял.

И при этом внимание этого человека неприятным мне не было. Снова шутки моя сущность шутит?

— Когда боги хотят сделать нам подарок — они дают нам друга, когда боги хотят ослепить нас — они посылают женщину. В гаремах не спрашивают старых имён, здесь всегда дают новые. Но у тебя я спрошу, как тебя зовут, янтарная красавица?

Соблазн соединить себя с именем янтара был очень высок, но... У меня было имя, отказываться от него я не хотела, ведь оно было моим, оно было созвучно моей душе и моей натуре.

— Я Змеиное дитя.

— Зеонна.

Да. Зеон — было мужским именем, женским вариантом «Змеиного дитя» было бы Зеонна. Сына пустыни называли «Наоз», а дочерям пустыни давали имя Наоли.

— Зеоннала.

Распорядитель басовито хохотнул, качнулись тройные подбородки, колыхнулся огромный живот. Картина уютного добродушия во всей её красе. Только глаза — холодные, рыбы, теплее не стали.

— Я запомню, Змеиное дитя пустыни. Господин сказал ни в чем с тобой не спорить. Такая жемчужина как ты требует особого отношения. Не в моих правилах вмешиваться в дела лордов, но если ты здесь, чтобы принести погибель лорду Али, ты умрёшь быстрее, чем поймёшь это.

— Впечатляющая верность, — моя ухмылка была под стать Зеону, а не трогательной Зеонналы, но мы же раскрываем карты? Краплёные, правда, но кого сейчас это волнует? Игра пошла по таким ставкам, что лучше не зевать. На карте не только моя жизнь, а значит — отступить мне некуда.

— Наш лорд лучшее, что случилось с Аррахатом за последние циклы. Я хочу, чтобы ты это знала.

— Я учту, — обращение ко мне, как к женщине покорило слух, и изображать нежелание идти на контакт даже не пришлось. Мне до сих пор было больно думать о том, что я отринула свою маскировку, о том, какой опасности я добровольно подвергла себя. О том, что впереди череда попыток убийств — я тем более старалась не думать.

Я была тренированным воином, но всегда был шанс, что появится кто-то ещё более умелый. Император не покусится на убийц, особенно, когда поймёт, что его прикормленные шавки бессильны. Я не была человеком... С этим я смирилась. Я могла выстоять за счёт того, что дали мне родители, но в прямом столкновении. Я могла проиграть из-за того, что оставалось бесчисленное множество мне неизвестного...

— Не рано ли думаешь о поражении? — это было первым, что ждало меня в комнате Али. Чудесного ребёнка здесь пока не было, зато муравьиный лев смотрел на меня недовольно. Снова щёлкнуть его по носу? Или не ссориться, ведь теперь нам очень долго быть вместе...

— Это не пораженческий настрой, Ен. Это немного другое. Чтобы победить — маловато оценить противника. Не менее важно оценить адекватно себя.

— Себя? Но... — спесь с песчаного детёныша слетела мгновенно. — Зачем? Они ни с чём таким не говорили.

— Они — это духи твоих предков?

— Да... Приходят, учат, учат, учат.

— Скажи спасибо, что не поучают. А ответ на свой вопрос, тебе лучше найти самостоятельно. Можешь порассуждать вслух, порой это хорошо помогает.

Мальчишка посмотрел на меня, прищурившись, но я говорила совершенно серьёзно, и пока он думал, следовать ли моим словам, двинулась по комнате в обход. Мне нужно было знать, откуда могут появиться неприятные гости.

— Смелее, — подбодрила я детёныша.

— Если надо оценивать себя... Если себя недооценить, ты можешь проиграть там, где выиграл бы? Просто из-за того, что спасуешь перед противником, — решил Ен самую простую задачу.

— Верно.

— Если переоценишь свои силы... Проиграешь, потому что свяжешься с противником, чьи силы превосходят твои!

— Отлично. Ещё? Здесь же, чем чревато переоценивать свои силы?

— Ещё?

— Да. Кое-что очень важное. Хотя и не в столкновении с противником. Для тебя самого.

Вот здесь песчаного муравьёнка я озадачила от души. Кажется, я понимаю почему. Судя по всему, его сейчас активно натаскивают только на одну — военную тему. А вот все остальное — в рамках обучения уже Али...

— Не понимаю.

— Запас сил. Представь себе, что кто-то может поднять только один валун, а он кричит, что поднимет три. Что будет?

Мальчишка хлопал на меня глазами, я же, закончив круг по комнате, избавилась от доставучих шелков шаохе и трянула головой, вспоминая, куда дела ленты. Эту всю непослушную янтарную массу волос нужно было срочно заплести. По ряду причин.

— Хорошо. Другой пример. В деревне живёт тридцать человек, чтобы их на сезон накормить нужно шесть больших змей или тридцать барашек. В деревне только четыре охотника.

— Значит каждому нужно поймать по одной змее и затем ещё две вместе, — игра в загадки начала Ену нравиться.

— Теперь представим, что один из охотников переоценивает свои силы и говорит, что добудет две змеи. Охота на гигантских змей — это длительная охота. К концу сезона охотник возвращается вообще без змей. Что произойдёт дальше?

— Будет деревня жить впроголодь, потому что сезон охоты уже закончился, поймать двух змей остальные охотники уже не успеют.

— Значит?

— Недооценить себя — подвести только себя. Но если переоценить себя — то это... Подвести других?

— Молодец! — обрадовалась я. — Переходим к третьей части. Если оценить себя правильно?

Чтобы получить правильный ответ, нужно было сложить обе части вместе и вывести вывод. Ен молчал, и тогда я подсказала ещё немного, апеллируя уже к его собственным знаниям.

— На поле боя ты не можешь быть везде. Но, тем не менее, осуществляется и разведка, и атака, и успешная защита. Почему?

— У меня есть воины, которые это делают, — пробормотал Ен, потом расплылся в довольной улыбке. — Всё просто! Ты тоже можешь что-то переложить на других! А взять на себя то, что тебе по силам и что получается у тебя лучше всего!

— Отличная работа, — протянув руку, я потрепала мальчишку по светлым вихрам. — Теперь ты знаешь, что важно не только оценивать верно врага, но и себя тоже.

— Я запомню... Как тебя мне называть?

— Как все, Зеоннала.

— Красивое имя...

— Спасибо.

Взгляд Ена был внимательным, острым, ему не нужно было объяснять, что имя значит.

— Зеоннала, — повторил он.

Из коридора донёсся сердитый мальчишеский голос:

— И до утра не беспокоить!

Дверь хлопнула, Али вошёл в комнату, закрыл осторожно дверь. Рядом сквозь стену втянулся Рамир. Он уже перешёл в свою призрачную форму сегодня утром.

— Хвост был, — сообщил призрак, — теперь полежит немного, поспит, сны хорошие посмотрит.

— Не убил?

— Дело было в людном коридоре, не стал рисковать, — отчитался мой напарник.

— Хорошо. Али...

Мой светлый мальчишка смотрел на меня сердито и исподлобья. Я могла пойти и обнять его, сказать, что все будет хорошо. Но сейчас ему нужно было другое. Не моя женская нежность и опека. Ему нужна была информация и мой воинский меч.

— Хана...

— Во дворце больше нет, — кивнула я. — Я уже знаю.

— Они сделают все, чтобы я не добрался до города Тысячи сердец.

— Им придётся делать все, чтобы это произошло в замке Хана. Как только ты покинешь его территорию, тебя будут защищать змеиные проводники. Соответствующий приказ уже дан и оплачен, и не подлежит отмене.

— Брат?

— Нет. Я.

— Тебя послушали проводники? — уточнил Ен.

— Меня? Никогда бы. Но Зеона — более чем. Я предупредила, что ты — под моей охраной. Для окружающих это уже показатель того, что стоит задуматься о целесообразности нападения.

— Твоя слава работает на тебя, — пробормотал муравьёнок.

— Да. Несколько первых... эпизодов моей богатой жизни... Хорошо показали, что некоторые личности обладают ядовитой сущностью, делающей их совершенно несъедобными.

Ен и Али переглянулись.

В их глазах неожиданно я увидела то, чего раньше не было. В глазах моего солнечного ребёнка появились золотые искры, точно такие же, как в глазах муравья, и то же самое было наоборот.

Как часто и как плотно эти двое общались телепатически для таких изменений? Они что, постоянно на связи друг с другом?!

— Какие у нас будут планы и действия? — спросил Али.

— Торжественно о вашем существовании — наследников, объявят не раньше, чем через три дня. Пока нам предстоит выживать. Цель у императора сейчас может быть одна-единственная — уничтожить вообще всех наследников. Это позволит ему быть регентом при новорождённом ребёнке до его совершеннолетия, а там придумает, что-нибудь ещё. Итак.

— Итак? — хором откликнулись мальчишки.

— Давайте начнём с самого, что ни на есть простого.

— Простого?

— Да. Али, ты хорошо знаешь грязную подоплёку всего этого... мира светлых лордов. Вопрос, каким путём тебя могут попытаться убить?

— Во-первых, яд; во-вторых, подкараулить в тайных ходах; в-третьих, подослать убийцу; наконец, нанять шамана.

— Последний вариант отпадает, — Ен даже головой покачал, — после того, как мы стали побратимами, шаманство людей на тебя не подействует. Кару на твою голову они могут призывать хоть бесконечно, толку не будет.

— Не менее легко обстоит вопрос с тайными ходами, — подхватила я. — Рамир будет следовать с тобой постоянно, врасплох не застанут, а числом не возьмут. Им нельзя привлекать к себе внимание.

— Подосланного убийцу смогу распознать я, — снова заговорил муравьёнок. — Может быть, у меня и не получится назвать, кто заказчик и чего убийце надо, но сказать, откуда будет атака и какая, я смогу.

Обратив внимание, что слов «без труда» не прозвучало, я одобрительно кивнула.

— Молодец, Ен. Насчёт яда... Перед тем, как попробовать блюдо — давай его мне. Яд на меня никогда особо не действовал, а после приключений в гостях у Царя змей, парой замечательных способностей я обзавелась. Договорились?

Получив согласные кивки, я улыбнулась и позволила себе немного расслабиться. Продержаться надо три дня...

Звучит так, что вся эта сумасшедшая и бредовая авантюра такой казаться перестаёт.

Да кого я обманываю!

Это было авантюрой! Это было безумием! И теперь, когда уже оглядываться назад было поздно, когда всё поменять было уже невозможно, я боялась не за себя.

Мне предстояло сделать то, чего раньше я не делала. Раньше я прятала свой облик — но не свои силы. Теперь я не прятала свой облик, но силы мне предстояло спрятать. Никто не должен был заподозрить, что наложница, купленная молодым лордом, чтобы себя порадовать... перед отправлением во дворец, на самом деле совсем не та, за кого себя выдаёт.

Я будто бы шкуру поменяла.

Стоп.

Что?!

Поменяла шкуру?

...Но ведь это уже было! Когда же, где же... Почему эти слова так глубоко сидят в моей памяти? Что с ними было связано такое, режущее, колющее, мучительное?!

Это было давно. Почему-то... Даже когда Зеона не было. Зато была безымянная девочка... и разрушенный аул.

Та первая змея! Именно она сказала, что я пойму, когда поменяю шкуру.

Но вот что именно я должна была понять, я уже совершенно не помнила.

— Зеоннала? — мягкий голос Ена вернул меня в реальность.

Я улыбнулась.

— Сегодня подежурит Рамир, а завтра будет очень тяжёлый день. Ен, ты постоянно рядом с Али?

— Нет, — муравьёнок даже головой покачал в досаде. — Мы разделяемся и при этом довольно часто.

— Рамир.

— Я понял, — мой призрачный напарник отрывисто кивнул.

— Али, теперь ты.

— Я?

— Я не сомневаюсь, что ты отлично знаешь, что и как нужно делать, особенно когда под угрозой твоя жизнь. Но я немного лучше понимаю то, как думает обычный убийца.

— Убийца?

— Али, давай начистоту. Ты сам сказал, что за тобой пришлют убийц. Змеиное братство уже больше не вступит в бой, потому что уже прошло прямое столкновение, я уже открыто заявила, что ты под моей защитой. Но есть кое-что ещё не менее важное. Это убийцы со стороны. Это выпестованные пустынные, их тренировали сугубо убивать.

— Мы уже сталкивались с ними...

— Да. От того аула, одного из... ничего не осталось. Совсем ничего. Но на Аррахате он был далеко не один-единственный, поэтому всегда могут прийти убийцы, по твою душу.

— Убийцы? — уточнил Ен. — У нас... нет такого понятия, поэтому я не всегда могу... понять...

Я взглянула на него задумчиво.

— Это люди, убивающие других за деньги. Убийцами становятся змеиные проводники, не прижившиеся в змеином братстве. Те, кто может говорить со змеями, те, кто может слышать пустыню, те, кто имеет много связей, те, кто умеют убивать и не испытывает по этому поводу никаких моральных сомнений.

— Это... важно? Чтобы не было сомнений? — уточнил Али тихо.

— Да. Но чем меньше в тебе человеческого, тем меньше человеком становишься ты сам. Нет ничего хорошего в убийствах, те, кто это делают — об этом знают, но... это их не волнует. Когда они придут, Али, я хочу, чтобы ты запомнил несколько правил. Ена они касаются в куда меньшей степени, благодаря его талантам. Во-первых, убийцы не ведают жалости. Бесполезно просить пощады. Хотя тебе я могла бы это и не говорить... Тебя здесь больше касается вторая часть этого первого пункта. Они не ведают жалости, а потому мгновенно устраняют свидетелей. Если тебя пришли убивать, не стремись в толпу — ты только подставишь тех, кого, возможно, хотел бы защитить. Стремись туда, где тебя никто не увидит, где не будет лишних глаз, и где сможет вступить в действие Рамир. Во-вторых, убийцы имеют честь, как ни странно. Это — то единственное, что позволяет им ощущать себя ещё живыми. Честь у них специфическая, но она есть, поэтому не пытайся убийцу перекупить. Наконец, кое-что ещё. Убийцы лживы. Если не прошёл первый удар, они скажут, что дают тебе фору, возможность ударить первым. Это ложь. В тот самый момент, когда ты дрогнешь — а вдруг это правда, они ударят... и больше не промахнутся.

— Ты сама что ли из их среды?! — наконец, выразил Рамир общий вопрос, витающий в комнате.

— Нет... Просто я была слишком хорошим змеиным проводником. Убийц присылали за мной. Трижды.

— И ты до сих пор жива?

— Один раз мне помогли, второй раз это было чистой воды везение, в третий раз я просто не попала в ловушку. Потом однажды разговор на эту тему зашёл с дедом... И, говоря про него, Али... когда станешь императором, тебя будут спрашивать про людей, с которыми ты хочешь или не хочешь познакомиться. Если ты хочешь с ними познакомиться — их приведут к тебе. Если ты не захочешь с ними познакомиться — их убьют. Я уверена, что твой брат знает про эту... особенность, поэтому, он предоставит, скорее всего, тебе на них досье, соберёт всю возможную информацию. Среди всех будет Ассан, Змеиный взгляд Аррахата. Это и есть мой дед. Если ты подпишешь ему смертный приговор...

— Ты меня не простишь? — спросил Али тихо.

— О чем ты?! — изумилась я, потом звонко рассмеялась. — Мой милый мальчик, моего деда императорские посланники не убьют. Они убьют только тех, кто сам захочет умереть и не более того, и никак. Никто из тех, кто действительно силён, не станет жертвой твоего «не хочу знакомиться». Те, кто... более чем достоин смерти, будут убиты на месте. Причём теми же, с кем ты не захочешь знакомиться.

— Я запутался.

— Императорский двор... это большая и грязная политика, — пояснила я негромко, повторяя однажды сказанные слова деда. — Там все против всех. И в то же время никто никого не интересуется и не волнует.

— Это... не слишком хорошо, — пробормотал Ен.

Али покачал головой.

— Я изменю это.

И что я, что песчаный муравьёнок, что Рамир — так и не нашли, что ему сказать.

— Дальше, — приказал мне юный лорд, и в его тихом голосе я неожиданно услышала тяжёлую поступь будущего великого императора.

— Двор делится на три части. Сама не знаю точно, об этом говорил дед. Но я не вижу смысла не доверять его словам — Змеиный взор Аррахата — это посредник между миром «светлых» — лордов и прочей аристократии, и миром тёмным, грязным — миром убийц, пустынников, тех, кто живёт в аулах, на отшибе пустыни и её задворках. Он тот, кто знает о том, кто такие песчаные муравьи, и тот, кто может с ними связаться.

— Обычно это тайна, — кивнул Ен. — Я хорошо знаю то, что знали мои предки. Людей мы не ценим...

— Не рассматриваете их даже в гастрономическом плане, — улыбнулась я невольно.

— А есть те, кто рассматривает в гастрономическом плане?! — изумился Али.

— Змеи. Огромные змеи, живущие в пустыне, они не брезгают людьми. Собственно, так... на чем мы остановились. А! О дворе. Двор делится на три части, три фракции, можно так сказать. Одна из них — это «рабочие», как у песчаных муравьёв. Они выполняют всю работу. Грязная она или нет, они относятся к ней спокойно, буднично и делают её. Это основной пласт императорского двора, те люди, на ком он держится.

— Почему они работают? — спросил Али серьёзно.

— По разным причинам. Кто-то за деньги. Кто-то ради безопасности близких. Кто-то потому, что у него просто нет другого выбора. Они все разные. И к каждому нужен свой подход.

— Хорошо. Вторая фракция?

— Это «интригующие», это те, кому постоянно всего мало-мало-мало-мало. Им никогда не бывает достаточно денег, власти, знаний... Хотя знаний в меньшей мере. Они те, кто сгрудились вокруг трона императора, и под прикрытием его возможностей и его... власти — проворачивают свои дела. Они много кому успели перейти дорогу, и если получится так, что обиженные ими окажутся в списке «смертников», то «интриганы» последуют за ними на тот свет. Только в самом что ни на есть прямом смысле.

— Третья фракция по логике... — Ен задумался. — Нейтральные? Те, кому все равно кто у власти? Они не поддерживают её, они никак ей не вредят. Простая песчаная инертная масса?

— Именно, молодец.

— Тогда получается, что первая группа — мне нужно, чтобы они были лояльны мне. Вторую группу... или выдворить, или... позволить убить.

Ен отвёл взгляд, я взглянула на него вопросительно.

Али не был так жесток, когда мы только встретились. Откуда пришли такие изменения? Куда пропадает мой солнечный ребёнок?

— Али?

— Третью группу можно будет оставить, просто присматриваться... — Али взглянул на меня страдающим взглядом, и стало понятно, что ощущение, которое от него складывалось — наносное. Ему было плохо. Он не хотел становиться императором, он вообще не хотел во все это ввязываться...

А то, что он хорошо делал вид...

Это было то, чему его научили с самого начала, искусно притворяться.

— Али...

— Все нормально, — улыбнулся он бледно. — Как Хан сказал, кому-то тоже нужно это делать...

Он был прав, кому-то действительно нужно было это делать — становиться толковым императором, заниматься налаживанием жизни на Аррахате... И кому-то тоже нужно было снимать проклятье со змей и песчаных муравьёв.

Вопрос был только в том, как именно это нужно сделать.

И как на это посмотрят те, кто наложил это проклятье — боги?

— Зеоннала? — позвал меня Ен.

Я взглянула на него вопросительно, и песчаный муравьёнок чуть отрицательно покачал головой. Едва-едва заметно.

Его голос зазвучал спустя мгновение прямо в моей голове.

— Я не знаю, как это называется, но... то, что давало нам силу, то, что составляло сущность нашего проклятья, я начал его ощущать — оно исчезает. И рядом с тобой — оно не пропадает совсем, оно просто притупляет своё действие. Но здесь есть девушка. Северянка. Она наложница лорда Хана. Вот рядом с ней проклятье буквально сходит с ума.

— Северяне? — повторила я задумчиво.

Что-то в этом было.

В том пласте истории, о котором мне рассказывала только Кармин, беда пришла как раз с севера...

Как же она говорила? Как...

Я пыталась вспомнить рассказы королевы песчаных муравьёв очень долго.

Мы успели выставить караул (Рамира), распечатать пару свитков (я), установить какие-то жутко сложные оповещающие линии, это уже Ен, и спокойно лечь спать.

Правда, заснул только Али, я же лежала на кровати, укутанной со всех сторон шелками, для меня её установили специально, и не могла сомкнуть глаз...

Все пыталась вспомнить, что же там говорила Кармин о беде с севера.

Это было не так уж и давно.

Я привезла ей северные сладости. И это был первый случай, когда её не обрадовал мой подарок. И не потому, что это было плохо, невкусно, а потому что привезённое ввергло её в странное состояние не то бессильных слёз, не то ещё чего-то...

Уже потом, когда она успокоилась, практически горстями поедая сахар, она заговорила.

Правда, вместо того, чтобы рассказать что-то конкретное или хотя бы... понятное, она начала рассказывать мне сказки.

Всю ночь напролёт, не замолкая ни на секунду, словно боялась замолчать, словно боялась, что в этом случае, она больше никому ничего не скажет.

Сказки были разные: короткие и длинные, для совсем маленьких детей и для тех, кто постарше. Поучительные и юмористические. Общее в них было одно — зло в этих сказках всегда приходило с севера. Оно принимало женские обличья или сохраняло свою природную структуру, но направление движения оставалось неизменным.

Беда всегда приходила оттуда.

И если подумать... Я никогда не подходила к границам Аррахата, мне это было не нужно, но вот действительно ли мне это было просто не нужно?

Я слышала о северянах, но слышала я о них, как ни странно, от самих северян. Пустынники варились в собственном соку, и я не слышала, чтобы кто-то из нас покидал границы Аррахата.

А ведь они, совершенно определённо, были!

Ещё дед рассказывал. Там где песок переходит в сухую землю, выжженную раскалённым глазом Меды, есть граница.

Она видимая, висит в воздухе, упруго откидывая всех, кто попробует её пересечь. И это единственная попытка отступить. Второй попытки уже никто не даёт, нарушитель мгновенно умирает, раздробленный на части сверкающими, искристыми и холодными частицами. Вроде тех, что в самые холодные ночи появляются в наших ледниках, глубоко-глубоко выкопанных под аулами.

Это серебряная пелена колыхается, вьётся и качается будто живая. Там, за ней — территории других народов.

С юга... Я никогда не слышала, чтобы с юга кто-то приходил в пустыню, как и с запада, с востока. Только с севера, северные народы, северяне.

Беда пришла с севера, оттуда могут прийти народы. Значит, там или самое слабое место этой границы, или его нарочно оставили, чтобы мучители могли прийти и посмотреть на то, что они сотворили? Присмотреть, чтобы не было недовольных и не было тех, кто мог бы снять проклятье с этих двух народов.

Кажется, так. Если я не ошибаюсь, то все именно так.

Мне сейчас не хватает Тайпана... Его доброй иронии, ненавязчивой защиты.

Хотя, что это я. Сейчас мне защита не нужна, сейчас защищать других должна я сама.

А на северянку надо посмотреть, что-то подсказывает мне, что амулет власти и беда с севера имеют или какую-то связь, или отношение друг к другу. Понять бы ещё какое...

Ладно, спать, спать, а то ещё немного, и завтра охрана мне самой понадобится.

Надеюсь только, мне сегодня ничего не приснится.

И говоря о снах... Какие сны снятся лордам? Маленьким и не очень?

Я бы хотела взглянуть. Хотя это, конечно, и нехорошо, за другими подсматривать.

Амулет на груди уколол кожу, вначале огнём, потом холодом. Но ощутила я это лишь сквозь сон, потому что спала, ещё даже не догадываясь, что порой значение имеют не только мои слова, но и мысли.

...Пустыня переходила в степь, грубо, резко, как будто два разных куса материй приложили друг к другу и сшили наживую, просто, чтобы прикрыть что-то, без подгонки, без учёта фактуры или рисунка. Просто так.

А на границе, там, где в одежде был бы шов, здесь он тоже был. Только... не знаю даже как сказать, шаманский?

Между пустыней и степью была белая выющаяся полоса чего-то непонятного, белого, искристого, колкого...

Я не сразу поняла, что это за место, а потом поняла — граница. Это северная граница Аррахата! Та самая, откуда приходят северяне, та самая, которая никого не выпускает из пустыни во внешний мир.

Я видела то, что случается с теми, кто всё же пытается прорваться — в одном месте было очень, очень много крови, и она вся танцевала в воздухе среди белого полотна такими же колючими крупинками.

Мне не было холодно, не было жарко, молчал песок под ногами, и всё вокруг было ни живым, ни мёртвым. Никаким. Не имеющим силы, не имеющим дыхания.

Не сразу, потребовалось какое-то время, чтобы очевидное до меня всё-таки дошло. Это было сном.

Сон без того, кто его видел?

А так бывает?

Ведь это не мой сон!

Чей-то ещё.

А ещё спустя какой-то «ломоть» времени, оно здесь вот именно что «порционными ломтями» прокручивалось, я увидела и чей именно.

Хана.

Страшный лорд, которого я боялась, действительно боялась до потери сознания, сидел у этой стены, глядя на кровавые искры.

Его голос звучал мягко, почти спокойно. И я бы старалась не вслушиваться, но говорил он громко, а меня до сих пор не ощущал и не видел. Может быть, здесь и сейчас для него я была призраком. А может быть, амулет власти решил, что мне будет полезно послушать чужие откровения. Да-да, я догадалась, чему обязана вот этой прогулкой в чужой сон.

— Знаешь, я без тебя скучаю. Ты был хорошим другом, хорошим напарником. Ты был младше меня, но я всегда мог прийти к тебе, и ты мог подсказать что-то дельное. Что-то толковое. Хотя бы выслушать. А теперь вокруг все сходит с ума. Непонятная девчонка с янтарными волосами. Брат, который пытается добраться до Али... Моя наложница-северянка, которую постоянно приходится держать рядом, потому что она, работая на моего же брата, то и дело пытается добраться до Али. Я уже запутался. Кто, с чего, зачем всё это начал. А в императорском дворце вообще что-то страшное происходит. Заговоры и интриги

плетутся на каждом шагу, собирают со всех концов Аррахата всех, кто имеет для двора хоть какое-то значение. И мне, мне! император окольными словами предложил убить Али. А я даже не нашёлся, что сказать. Стоял и смотрел на него. Как дурак. Человек ли этот император? Мне зябко рядом с ним, друг. Мне зябко. Но я не могу понять отчего. У этого человека кровь красная, обычная, красная, горячая. Я знаю точно... Кто здесь?! — лорд повернулся мгновенно, я даже отпрянуть бы не успела.

Мне осталось только нервно сглотнуть, когда к моему горлу прижалось лезвие тонкого клинка, а потом Хан отступил, рассматривая меня искренне удивлённым взглядом:

— Но как?! Это же мой сон.

— Некоторые безделушки ведут себя самовольно, — пробормотала я сердито, потирая алую царапину.

Лорду мои слова ничего не сказали, но он уже успел сделать для себя какие-то вывод. Лезвие пропало.

— Как тебя называть?

— Зеоннала.

— Змеиное дитя пустыни?

— Что-то вроде, — кивнула я, оглядываясь. — Где мы?

— Это граница Аррахата, — подтвердил мужчина мои догадки. — Неприятное местечко, но и с ним тоже можно смириться.

— Тут...

— Погиб мой друг. Ты всё слышала?

— Не думаю. Кажется, я увидела тебя где-то на середине фразы. Потому что это было «пытается добраться до Али». Кто именно? Чего мне опасаться и от чего спасти его?

— Зачем ты это делаешь?

— Я не знаю, — даже не стала я лукавить. — Но я сделаю всё, чтобы защитить его. Сильные этого мира хотят, чтобы он стал новым императором. Думаю, он станет отличным лордом, замечательным правителем. Если выживет. Поэтому я хочу сделать всё, чтобы это — случилось.

— Ты странная, — в голосе лорда, двинувшегося ко мне мягкой скользящей змеиной походкой, был медовый яд сладкого очарования. Я ему нравилась.

Я ему понравилась с первого взгляда, как совершенное оружие, в ипостаси Зеона.

В ипостаси Зеонналы я была ему не менее интересна. Он разглядел во мне женщину.

А это уже обещало приличные проблемы.

— Значит, ты — отверженная.

И никто не говорил, что лорд Хан дурак. Наоборот, все повторяли, один за другим, что он чертовски умный человек, и называли его неприятным противником. Кому захочется вот с таким связаться? Правильно, никому. Жить-то хочется.

А ещё, когда он включает своё запугивание, не то что жить, очутиться где-то подальше хочется. Желательно на другом конце Раяра.

Он и сейчас меня пугал. По коже бегали мурашки, и я знала совершенно точно, что меня удерживает на месте только железный стержень под названием «Али». Я не могла отступить. Как бы мне не хотелось этого сделать. Было то, что я должна была сделать любой ценой. Было то, без чего я не могла продолжить движение вперёд. Хотя зачем туда двигаться — это тоже было большим вопросом. Просто по той причине, что я до сих пор не сделала выбор — кем жить дальше.

Хотя для того чтобы выбрать это, нужно было посмотреть, что именно мне могут предложить.

А значит, нужно было снять проклятье. Ведь это же в моих силах. Так сказал Царь Змей, а ему виднее. Правда, это не моя смерть. Если бы моя смерть могла снять проклятье, Кармин бы давно меня уже убила.

Я не обольщалась, прекрасная королева песчаных муравьёв не была человеком, ей были неведомы человеческие чувства и страдания. А не знать о том, что я та самая — она не могла. Знала. И если я до сих пор жива — чем не повод как следует задуматься?

— Да, — кивнула я, отвечая на вопрос Хана. — Хочешь убить меня для того, чтобы снять какое-нибудь проклятье?

— Нет. На нашем роду проклятий нет.

— Тебя будто это огорчает?

— Нисколько, — мужчина устроился прямо на горячем, нагретом за местный день песок, глядя в далёкое небо, уже оставленное Медой. — Просто я не понимаю, зачем это было делать женщине, что сняла с моего рода те проклятья, что уже на нём были. Прекрасная женщина, бесконечно далёкая и восхитительная. Ты чем-то на неё похожа.

— Я?!

— Да. Грацией, пластикой, улыбкой, поворотом головы, взглядом. Едва уловимое, словно ветер пустыни. Тот самый, что дует из её сердца.

— Да вы романтик, лорд.

Хан засмеялся, похлопал по песку.

— Иди сюда, Зеоннала.

В приглашении не было никакого... романтического подтекста, и я пошла, устроилась рядом, расправив удобнее боевое мужское шаосе, в которое была облачена. В небе не было ни единого облачка. Я не видела Хана, только слышала его голос. Ровный. Чёткий. За этот голос легко было держаться, балансируя на границе сна самого лорда и моего сна, уже бродившего рядом, выманивая меня обратно в мир реальный.

— Зеоннала... Ты сама выбрала имя?

— Пока — да.

— А есть ещё одно?

— Да, — я покачала головой, прикрыла глаза. — Лорд, вам не кажется, что пора заканчивать этот допрос. Я тоже хочу спросить, кое-что, немного. Но очень важное.

— Я тебя слушаю.

— Нуо IV. Расскажите мне о нём всё, что можете. Пожалуйста. Я не хочу напасть на человека, после встречи с которым могу попросту не вернуться. Я хочу жить. Долго и счастливо, конечно, может и не получится, но хотя бы не хочу умереть по глупости или, что ещё хуже, позволить добраться до Али. Так... какой этот бывший император?

— Он человек. Совершенно определённо. У него красная кровь. Горячая. Но в нём есть что-то ещё, что-то, что с каждым циклом отбирает у него крупинку человечности. Он не лорд, он не змеиный аристократ. Он не наших кругов. Когда-то говорили, что он не то сам беглый, не то произошёл от кого-то беглого. Поговорили, помусолили тему и забыли. А потом всех, кто открыл рот на эту тему — убили на месте.

— А вы не боитесь говорить сейчас это мне?!

— Это сон. Он уже не император, а я — змеиный лорд. Мы почти на одной ступеньке, а это в императорском дворе многого значит. К тому же ему сейчас не до этого — ему нужно

выжить и сделать так, чтобы наследники не добрались до нужного места. Нуо IV не нужны конкуренты. Он хочет править единолично. Знаешь ли ты, что задумал этот человек? Он решил, что амулет власти ему совсем не нужен. И Царь змей — тоже не нужен. Он собрал огромную армию, только и ждущую его отмашки, чтобы двинуться к пику Гроз.

— Ого! — не удержалась я, — он больной?! Ой!

Хан хмыкнул, и воцарилась тишина.

— Ты меня боишься.

— Да, — не стала я отрицать.

Мягко пересыпался песок, и чужие пальцы скользнули по моему лицу, убирая в сторону накидку, защищающую нос и губы от песчаного ветра. Я чуть нахмурилась, а лорд разглядывал меня словно статуэтку, не пробовал прикоснуться, просто смотрел.

— Я совсем не страшный.

— Я бы так не сказала.

— Что ж. Не думаю, что я боюсь Нуо IV так, как боишься меня ты, но мне от него зябко. Подобное ощущение рождается в душе, когда рядом агрессивная ха-змея, уже не делящая мир на «своих» и «чужих». Ты просто знаешь, что на тебя смотрят и рассматривают тебя как набор мяса. Бывший император смотрит именно так. Он сделает всё, чтобы убить Али. Он сделает всё, чтобы не допустить ребёнка ко двору. Но. И это то, из-за чего я сейчас в граде Тысячи сердец. Весь двор пришёл в движение. На твоём пути, когда ты поедешь сюда, появятся люди. Не только, чтобы убить, но и чтобы помочь. Нуо IV исчерпал терпение многих, и теперь он будет за это расплачиваться...

— А вы ему в этом поможете, — подсказала я.

Хан кивнул.

— Я выиграю для вас время. Столько, сколько смогу. Берегись моего брата. Он будет продолжать свои попытки добраться до Али, они связаны кровью только через нашего отца, да и то, как бы не нагуляла его та... гулящая... Но ещё больше берегись его внимания. Ты красивая женщина, а он на таких падок.

— Учту, — благодарно кивнула я.

А потом сон дрогнул и растаял, забирая меня в другое место.

В ещё один сон. Только этот был куда более реальным, колючим, болезненным и настоящим.

Шелестел песок. Я слышала его голос, я слышала женский голос, поющий колыбельную, но он был не в силах прорваться сквозь щиты, окружающие высокую песчаную дюну. На которой, сердце стукнуло в горле, был Али. Не один. В руках у моего чудесного ребёнка был лук. Глаза его были пустыми, так смотрят убийцы и палачи.

А вокруг были... кошмары?! Монстры?! Теневые твари?!

Я не знаю, что за гадость то и дело набрасывалась на холм, где был мальчишка.

Я видела только то, что он убивал их, сопротивляясь всем попыткам до него добраться.

И ощущала, что это то, чего происходить не должно, ни в коем случае, ни в коем разе.

Мой отчаянный крик подхватил ветер, влился в колыбельную и разбился о щит.

— Он не услышит, — нежные руки легли на мои плечи, подтянули ближе, укутывая в тёплые, успокаивающие объятия. — Моё возлюбленное дитя.

— Мама... — мой тихий голос потерялся в песке, из которого она состояла.

Дух пустыни, её воплощение, её сердце и душа звонко засмеялась.

— Я всегда знала, что мой ребёнок самый умный на свете. Зачем ты пришла, малышка?

— Я не знаю. Но я должна вытащить Али оттуда! Что с ним происходит?!

— Это кошмары. Они присланы тем, кто не может убить его, потому что ты защищаешь его. Если нельзя добраться прямым способом, всегда найдётся что-то, за что можно будет зацепиться способом косвенным. Каждый, кого он убивает — это его личный кошмар, его боль, страх, отражение. С каждым убитым, он теряет крупицу себя. Изменения ещё не зашли далеко, но недалёк тот час, когда ему уже будет невозможно помочь.

— Я так не могу! Я так не хочу...

— Тогда иди. Ты не то и не другое. Ты не принадлежишь сейчас сну, но и не принадлежишь миру настоящему. Ты идёшь по кромке и сможешь пройти. Только не оглядывайся.

Я кинула.

Не оглядываться, так не оглядываться.

— Что будет, если этих кошмаров убью я?

— Те крупницы человечности, что потерял этот ребёнок — к нему вернуться.

— Спасибо, — от души поблагодарила я. — Присмотришь потом за ним?

— Ты хочешь этого?

— Да!

— Тогда сделаю, — пустыня вокруг меня смеялась, искажая пространство. — Только сломай щит.

Щит сломать сразу у меня не получилось. Человеческие руки были недостаточно сильны, чтобы удержать оба живых меча и атаковать с достаточной силой, но у меня было то, с чем я ещё сама толком не разобралась. Тот самый облик — половинчатый, пограничный.

Змеиный хвост был довольно устойчив, я в этом уже успела убедиться. Кости стали прочнее, руки сильнее, и, ударив по щиту со всех сил, на этот раз я его разбила. А дальше не было ничего особенного, я делала то, что хорошо умела — танцевала и убивала одновременно.

Первый же убитый кошмар вызвал сверкающее ядро, врезавшееся в тело застывшего на дюне Али.

Я никогда не слышала, чтобы люди так кричали. Отчаянно, срываясь на вой и переходя на почти неслышный скулёр на одной ноте.

Второе сверкающее ядро вызвало ещё более худшие последствия. А потом я уже ничего не слышала.

Мягкие ладони плотно закрыли мои уши, а голос пустыни резонировал в моей душе:

— Так нужно. Не останавливайся.

И я не останавливалась.

В вихре стали и алых змеиных тканей мчалась вокруг песчаной дюны, возвращая ребёнку то, что он начал терять. И то, что потерять ни в коем случае не должен был. А потом сидела с ним на дюне, его голова на моих ногах, и плакала, в первый раз за... очень много лет.

— Тёплые... — Али открыл глаза, завеса длинных мокрющих ресниц скрывала ещё немного пустые глаза, в которых отражалась бездна боли.

Как же ему было больно.

— Что тёплые, Али? — тихо шепнула я, отводя с его лица влажные пряди волос.

— Твои слёзы, они тёплые... и солёные.

— Извини, — решительным движением я стёрла слезы и заставила себя улыбнуться. — Как ты?

— Лучше... Тут лучше, — мальчишка ткнул себя в район сердца. — Я снова вижу тебя, настоящую. Ты такая красивая! Я могу улыбаться, восхищаться тем, что вокруг.

— А раньше не мог?

— Не знаю. Изображал больше.

— Когда это началось? — спросила я.

— Не знаю, — мальчик покачал головой. — Я не понимал... Не понимаю до сих пор, что это было, и как оно работало. Но это было очень быстро. Всё происходило за считанные часы. Возможно, завтра я мог бы и не проснуться. Но у меня есть ты.

— Разве это хорошо? — наклонившись, я поцеловала легко Али в висок и выпрямилась.

— Да, — кивнул он, снова смежая ресницы. — Это замечательно. Теперь у меня есть ты... и ещё Ен. Вы же не бросите меня?

— Думаю, мы будем рядом столько, сколько будет нужно. Тебе. Ену. Мне. Мы будем рядом, пока нужно, а потом, даже если расстанемся, сама пустыня донесёт наш зов друг до друга, и мы на него откликнемся.

— Ты уйдёшь, — Али резко распахнул глаза, смотря на меня, и в бездне его глаз с ярко-золотыми искрами я снова увидела будущее.

— С чего ты взял?

— Потому что ты уже близка к тому, чтобы выбрать... — взгляд юного лорда скользнул за моё плечо и прикипел к кому-то.

Я поворачиваться не стала.

Дух пустыни опустился рядом с нами, коснулся меня своей рукой.

— Он прав, мой любимый ребёнок. Ты уже очень близка. Но не спеши, не торопись. У тебя есть время. А сейчас просыпайся, ты уже достаточно провела здесь времени. Амулет власти не терпит, когда кто-то злоупотребляет его силами, потом мстит, зло, сердито. Так что, открывай глаза в мире реальном и засыпай.

— Да... Мама...

— Да, моя хорошая?

— Почему я перестала слышать твой голос? В реальности?

— Потому что у человека, внимательно за тобой наблюдающего, есть таланты, о которых окружающим лучше не знать, а ему лучше не знать о том, на что способна ты. Я присмотрю за тобой во снах. А когда беда пройдёт мимо, ты снова услышишь мой голос. Я присмотрю за Али, а тебе пора.

Я кивнула, закрыла глаза.

Тёплый ласковый поток ветра и песка скрыл меня с головой, поглотил, окружил потоком бескрайней нежности, а глаза я открыла уже в спальне. На краю кровати сидел и трясся Али, уже проснувшийся раньше меня. Где это я так задержалась?! И чего мой мальчишка так трясётся? Непорядок.

А мне показали, как это делается.

Я теперь тоже так могу.

И сев на кровати, я обняла мальчишку со спины, прижала к себе крепко-крепко, щедро отдавая всё тепло, что у меня было. В конце концов, если не я, то кто же? Я ведь так его люблю.

Не меньше, чем деда.

— Зеон... — тихо прошептал Али.

— Всё хорошо, мой чудесный ребёнок. Пойдём спать, я даже отдам тебе половину своего одеяла и расскажу сказку. И больше никого не пущу в твои сны.

— Обещаешь?

— Да, — кивнула я, поцеловала его в макушку, в который раз восхитившись мягкостью его волос, — всё. Идём спать.

— Спать?

— Да.

Мы так и уснули вместе, на моей кровати, в обнимку. И тёплое дыхание Али на моей щеке было каким-то невероятно умиротворяющим...

Полагаю, круг моей семьи увеличился ещё на пару человек?

Хотя, я не возражаю. Это дело хорошее, нужное, полезное.

Следующие три дня мы вчетвером выживали. Рамира нельзя было убить заново, но при этом доставить ему массу неприятностей можно было по-прежнему.

Было всё: яды, убийцы, ловушки, шаманские проклятья — тот, кто плёл планы один за другим, отличался изощрённой фантазией и был не менее редкостной скотиной.

К концу третьих суток, мы закрылись в комнате Али и мечтали только о том, чтобы это время закончилось.

За пределами Хрустального предела можно было немного расслабиться. Можно было даже подставить обманку и двинуться к городу Тысячи сердец собственным путём.

Кстати, а кто нам мешал это сделать сейчас?

— Рамир, — протянула я задумчиво.

Призрак, успевший оценить мою увёртливость за эти дни, взглянул на меня вопросительно.

— Новый план?

— Мне пришло в голову, а чего это мы будем ждать официального объявления именно в комнате Али? Раньше времени сорваться мы, конечно, прочь отсюда не можем, мало ли, как подадут эту информации. Так что на церемонии Али должен быть сам. А вот проводить эту ночь здесь мы совсем не обязаны.

— Есть идея? — спросил Ен, потирая виски. Бедному муравьиному льву досталось не меньше, чем остальным. Постоянное применение своих способностей, привело к тому, что пару часов назад у него просто пошла носом кровь. У муравьиного льва!

— Вниз.

— Что вниз? — уточнил Рамир с ужасом.

— Вниз — это змеиные ходы и змеиные охранители, — пояснила я свою мысль. — Прихватим пару свитков, Рамир возьмёт на кухне мяса, пожарим его и отлично проведём это время в безопасности.

— Там охранители!!! — хором напомнили мне мальчишки.

— Так я потому и говорю, что там мы будем в безопасности. Соглашайтесь, змеи до нас даже не доползут. А если кто-то и покажется, что ж — ему хуже.

— Зеоннала, а как мы отправимся в город Тысячи сердец? — спросил Ен, первым двинувшись к гардеробной комнате. Внизу было холодно, а муравьёнок и без того постоянно мёрз.

— А вот об этом я подумаю, только немного позже. А пока... собираемся и пошли отсюда. Сил моих уже нет от этой комнаты и этих попыток. Сколько можно?!

Не знаю, сколько можно было, а нужно было — убить нас до официальной церемонии. До неё оставалось десять часов.

Рамир остался незримой тенью разгуливать по дворцу, когда мы внизу с мальчишками устроились в кольце моей огромной ха-змеи, дежурившей здесь уже второй день. Тихо капала где-то с потолка вода.

Али зевал, улыбаясь во весь рот.

Ен поглядывал то на него, то на меня.

Потом вздохнул, сдался и устроился удобнее, посмотрел на Али. В голове песчаного муравья бурлили мысли, планы, вопросы, наследие прошлого, но сейчас не хотелось ничего спрашивать, не хотелось ничего говорить. Хотелось вот так сидеть как можно дальше.

Я поглядывала то на него, то на Али и молчала.

— Зеон, — Али протянул мне руку, и я послушно взяла его за ладонь. — Как ты думаешь, у нас получится?

— Да.

— А что... как? Как мы будем? Уходить? — спросил он.

Я понимала, что происходит — он нервничает. Даже не потому, что его самого могут убить. Ен рассказал, что больше всего Али боится за нас обоих, что мы не успеем спастись, что мы станем жертвой тех интриг, что он — только найдя нас, может потерять. Нашего юного лорда не так пугала собственная смерть, как наша.

В результате уже нам пришлось выводить Али на откровенный разговор и честно обещать, что мы — не умрём, чтобы ни случилось, мы не можем взять и вот так умереть, у нас же ещё столько не сделано! И ещё столько предстоит сделать.

И сейчас я могла успокоить своего подопечного просто словами и рассказом:

— Я начну с конца. Мы прибудем в город Тысячи сердец тайно, под покровом набегающей темноты. Когда огромный купол уже будет покрыт рыжими и алыми разводами заходящей Меды. Будет тихо, и уже будут закрыты главные врата. Когда мы пройдем к маленькой калиточке, которой пользуется в основном Змеиное братство, падёт темнота. И никто не увидит, что за небольшая группа вошла в город. Нас встретят, и пару дней мы проведем в городе.

Караван, в котором будет твой двойник и охрана от императора, придёт через пару дней после того, как мы познакомимся с планом города, и вы оба выучите карту наизусть, чтобы знать, куда, в какую сторону и в каком случае убегать. До столицы мы будем добираться верхом на змеях. Будем двигаться параллельно с официальным караваном и делать это медленно и расчётливо, то пропуская его немного вперёд, то наоборот намеренно опаздывая. Так будет проще осматриваться по сторонам и беречь себя и друг друга.

Самое главное, нам нельзя будет позволить, чтобы кто-то добрался до каравана, поэтому вокруг нас постоянно будут змеи, змеиные проводники. Мы же будем ехать спокойно, без нападений, и я буду рассказывать вам истории и легенды о том, что же собой представляет пустыня Аррахата и что в ней нужно делать, а что делать не стоит. Собственно, здесь же, завтра утром мы пройдем церемонию, получим официальные документы, согласуем то, как будет двигаться официальный караван, проверим, чтобы всё было в полном порядке.

Караван уйдёт в тот же день, а мы уйдём вслед за ним, но не сразу — а на рассвете следующего дня. Когда рыжая Меда поднимется над золотым покрывалом Аррахата, когда её зайчики бросят отблески на хрустальный купол, зашуршит песок и верхом на трёх огромных

змеях, мы двинемся к городу Тысячи сердец. И горе тем, кто нечаянно или по какой-то причине станет на нашем пути!

...Рыжие зайчики скользили по хрустальному куполу, пели пески, перекатываясь с места на места.

Город Хрустального предела таял за нами. С чего всё началось, тем и продолжалось.

Мы познакомились с Али в путешествии, и вот снова — нас куда-то несёт песчаная тропа. И непонятно, что там — дальше, на её конце. Победа или поражение, успех или смерть. Что с нами будет, в этом Вечном городе, где у меня своя задача и своё дело. Как всё сложится, чем всё закончится и закончится ли?

Мне не было страшно. Здесь и сейчас, пока маленькой компанией мы двигались впереди каравана, страшно мне не было совсем. Пески были моей вотчиной. Сейчас я почти не слышала их, как и змей, но больше не переживала. Мама же говорила, что рядом кто-то очень опасный, кто-то, кому не след знать всего того, что я умею.

Я оставалась змеиным проводником. Даже без своих особых способностей, даже с учётом того, что я была сейчас в своём настоящем теле, с рваной грацией танцовщицы, я оставалась одним из самых опытных проводников на Аррахате.

Это был мой мир, привычный мне. За прошедшие лета я не просто его полюбила, я научилась его понимать, зачастую даже намного лучше, чем людей. Поэтому те, кто доверил мне свою жизнь, ничем не рисковали. Я не была готова ими рисковать. Только собой, только в разумных пределах.

Рамир дрейфовал в воздухе, покачиваясь сонно на волнах обжигающего ветра. Привидение чувствовало себя комфортно, и совершенно не печалилось сейчас о том, что у него нет тела. «Нет тела — нельзя снести голову», — как-то упомянул он парой дней ранее.

У нас была своя команда, у нас был свой план. За нами была сила, но против нас враги подобрались такие, что связываться с ними — сушая нелепица. Шансы выжить — стремились к нулю. Я об этом ничего не знала, мои знания об аристократах ограничивались теми точками, куда надо бить, чтобы убить их быстро и надёжно.

Я не знала, какие тайны прячутся под хрустальными куполами городов. Нет, я не оправдываюсь, возможно, если бы я знала больше, то, что случилось — не произошло бы. Возможно. А может быть, все стало бы ещё хуже. Не мне судить.

Это был полдень, жаркий, душный, когда разморённые палящим глазом Меды, мы остановились на привал. В этом уютном оазисе, который не жаловали караваны, под сенью раскидистых пальм пряталось маленькое чистое озеро, в нём можно было искупаться. Чуть в стороне был выложенный камнями колодец, где налить воды. Было здесь и дневное убежище — выкопанная в песке нора, где днём было прохладно, а ночью — тепло.

Здесь нам предстояло подождать почти двое суток, впервые пропуская вперёд основной караван.

Уставшие мальчишки завалились в убежище и, кажется, уснули, я не вдавалась в подробности, разжигая костёр, чтобы вскипятить воды. Рамир отправился изучать окружающую территорию, я же собиралась приготовить травяной чай и немного заняться собственной внешностью. Можно было обмануть тех, кто хотел быть обманутыми. Но если смотреть на меня близко — хорошо были заметны мозоли, царапины, синяки, в общем, всё то, чего у ухоженной наложницы, любимой своим господином, быть не может никак.

Именно поэтому был выбран именно этот оазис. У него не было названия, его не

любили даже змеиные проводники, поэтому мы и не рисковали здесь оставаясь. Причин на такую нелюбовь было две. Первая — это зыбучие пески. Нужно было ощущать пустыню как своё тело, чтобы пройти в этот оазис опасной дорогой по песчаным наростам. Вторая причина — местная гроль. Это было что-то вроде солёной грязи, как говорили шаманы. В пищу не годно, боевого применения не имеет. Высоко ценилось только у тех, кто занимался продажей живого товара — наложниц. Я знала про гроль от Альзин, она рассказывала, что даже такой безнадёжный случай как я хорошо поддаётся гроли. Кожа становилась упругой и бархатистой, мозоли пропадали, быстрее заживали царапины. По-хорошему мне нужно было делать аппликации. Но на это не было времени, я собиралась просто залезть в это чудо. Не с головой, но близко. Единственно, нельзя было допускать попадания бурлящей жижи на волосы.

Собственно, к гроли приползали местные обитатели... Но насколько я слышала окружающий мир, рядом их как раз и не было.

К тихому шёпоту песка, где-то на горизонте, я прислушивалась по привычке. Я не думала, что смогу что-то услышать, не думала, что что-то случится или что-то пойдёт не так. Ведь караван с «наследником» охраняли самые лучшие воины и самые лучшие люди на Аррахате — Змеиное братство.

Пески тихо пели. Я не уловила, когда в их нежную уютную песнь закралась тревога. Я сняла закипевший чайник, вытащила кружки из багажа, поставила завариваться чай и застыла.

Пески не пели.

Тишина была такой, какая воцаряется за мгновение перед тем, как на пустыню падает буря. Опасная тишина, во время которой прячутся по своим пещерам змеи, ищут безопасное укрытие песчаные бараны, прячутся люди.

Все, кто хочет жить. Буря бушевала чуть дальше от нас, нам не нужно было прятаться. Нужно было слушать. И я слушала, бледнея с каждым мгновением. Из норы выскочил встревоженный Али, не знаю, кто из них — он сам или Ен что-то ощутили. Метнулся ближе Рамир. Я слушала, собирая по кусочкам то, что неминуемо должно было произойти.

Основной караван, где был двойник моего светлого мальчишки, двигался сейчас к крупному оазису. Там они должны были встать на ночёвку, потом переждать пекло дня и дальше отправиться уже ночными переходами, что было и безопаснее, и легче для людей змей, верховых ящеров.

Люди устали, а впереди, в самом оазисе их уже ждали. Это была идеальная засада, лучше не придумать. Караван придёт туда в первых сумерках, когда неверные мазки рыжего света стирают границы между реальностью и нереальностью. Зелёные крупные листья пальм, влажный голубой блеск воды — любой в такие моменты расслабляется, понимая, что тяжёлый путь закончен хотя бы частично, что впереди отдых.

И именно в этот момент их накроют те, в кого я верила больше всех на свете. Змеиные проводники. Они подождут минуты, когда все: воины и охранники, телохранители — все расслабятся. Это будет всего лишь несколько секунд, меньше минуты, но им этого хватит.

Они убьют двойника. И вернут его труп Императору. И потом — самозванцем объявят Али, устроят на него охоту и с лёгкостью убьют. Но почему?!

Как могли змеиные предать?! Они же...

— Не в себе.

Ен?!

Я круто повернулась, молча глядя на песчаного муравьёнка и серого от испуга Али.

— Али?

Мальчишка молчал, а песчаный лев смотрел на меня с горечью и укоризной.

— Они не в себе, Зеоннала. Они гости в своих телах и ничего не могут противопоставить той силе, что заставляет их двигаться. Той, что требует напасть на караван и уничтожить абсолютно всех, кто там будет. В том числе и своих братьев из змеиного братства.

— У шаманов нет такой силы!

— А шаманы здесь и ни при чём, — на этот раз бледнеть начал уже Ен. А я догадалась, что происходит. Али не мог сказать ни слова, не потому что не хотел — потому что не мог. Кто-то взял с него клятву на амулете власти. Ен читал его мысли и озвучивал, поскольку он сам никакой клятвы не произносил! — Император. Это сила императора, Зеон.

— Он был здесь?!

— Ему и не надо быть здесь. Он не просто стар, он очень древний! И его сила... он может управлять людьми на расстоянии, достаточно иметь частицу тела или каплю крови. Кто-то взял кровь у змеиных проводников, принёс императору, и он подчинил этих людей себе, — и уже с усталой усмешкой Ен добавил: — самая охраняемая тайна Аррахата.

— Думаю, моя будет более интересной, — пробормотала я себе под нос.

Мальчишки слышали — оба, но переспрашивать, мудрые дети, не стали. Я задумалась. Так, что же делать, что же мне делать?!

Я не могу допустить гибели двойника Али. Никак. Это поставит крест на дальнейшей жизни моего светлого мальчишки. И не только на нём одном. Нужно что-то ещё. Нужно что-то придумать.

Ну же, Зеон.

Что у меня вертелось в голове, когда мы только отправились в путь? Всё точно так же, как и было. А ведь действительно! Было же! Ведь, ведь... на нас уже нападали! И мы бежали вдвоём. Именно это мне и нужно сделать. Тайно пробраться в караван и вывести во время неразберихи с нападением мальчишку.

— У тебя не получится, — мои мысли не стали тайной для Ена. Кажется, этому парнишке надо напомнить, что вредно вот так использовать свои способности направо и налево. — Я помню точно, тебе нужно сутки, чтобы твоё тело вернулось обратно, значит, свиток превращения ты использовать не можешь. Как женщина — ты просто не сможешь пробраться в караван незамеченной. Тебя схватят. К тому же, не знаю почему, но теперь догадываюсь, ты ограничена в своих силах.

— Ен, знаешь, что самое интересное?

— Да?

— Если вы останетесь здесь, под охраной Рамира, я спокойно смогу всё это сделать, потому что буду одна — раз, потому что буду знать, что вы в безопасности — два, потому что могу пройти там, где не пройдут другие — три. Ты совершенно прав, если я помчусь напролом, я как раз успею, когда всё будет закончено. И даже трупов не останется, караван просто растворится в зыбучих песках. Но если через зыбучие пески поеду уже я сама, то вполне успею.

— Змеи не могут ползать сквозь зыбучие пески... — напомнил мне Али.

— Верно. Ты помнишь, что я тебе рассказывала. Но есть исключения. Их называют панцирными змейками. Они маленькие. Примерно полметра в длину. Очень жёсткие. Их

панцири использовали в древние времена вместо ножей. Потом их стали использовать на нахлестные мечи. Технология выплавки металла сохранилась только в хрустальных городах. При этом низкокачественный металл, пока он ещё был, не мог устоять перед этими панцирями. Впрочем, первые змеиные проводники использовали их ещё в одном качестве — берутся две змеи, задаётся движение и дальше остаётся только держать равновесие. Они очень быстрые, легко передвигаются по зыбучим пескам. Поэтому — если падаешь, то твоего трупа никогда не найдут.

— Зеон! — Али замотал головой. — Нельзя-нельзя-нельзя!

— Али. Ты понимаешь, что будет, если убьют твоего двойника?

— Д... да...

— Ты понимаешь, что после этого тебе, Ену, мне, твоему брату Хану, ещё доброму десятку людей останется жить всего несколько часов?

— Несколько часов?! — вскинулся мальчишка.

— Император очень быстро убивает ему неугодных. Это не тот случай, когда можно позволить себе печалиться о том, что может случиться. Обо всём будем думать после того, как я вернусь.

— А ты вернёшься?

— Да куда же я денусь, — вздохнув, я подошла ближе, обняла Али. — Не переживай. С тобой останется Ен. У тебя есть твой лук, у него верный меч. С вами останется Рамир. Вокруг вас — зона зыбучих песков, сюда не приползают змеи. Даже ха-змеи держатся подальше.

— Почему?

— Гроль. Гроль — это место, где живут панцирные змеи. Они приползают сюда, чтобы перелинять. Без этих источников их жёсткие панцири сходят плохо.

— То есть? — Ен задумался. — Зеон! Но ведь...

— Именно, ловить их очень сложно. Без специальных инструментов, скажем так, это однозначно навредить себе. Бывало не раз, что после охот на панцирных змей охотники возвращались без рук. Долго они после этого не жили. Обычно просто уходили в пустыню, чтобы их пожрали змеи.

— Тогда ты не можешь! — вскинулся Али.

Я положила ладони на его лицо:

— Али. Ты станешь великим императором. Я верю в это всем сердцем. Возможно, ты сможешь исправить то, что наделал твой предшественник. Например, вернёшь возможность жить таким как я. До него нас называли любимыми детьми пустыни, любимыми детьми Аррахата. При нём мы стали отверженными, и каждый из всех сил старается нас убить. Нашей кровью снимают проклятья, нашей кровью откупаются, мы — жертвы слов гнилого императора. Не надо переживать за меня. Я действительно одна из любимых детей пустыни. Я создам свитки и подчиню панцирников с их помощью.

Я не знаю, почему мне не пришло в голову воспользоваться своим умением общаться со змеями, почему мне не пришло в голову воспользоваться змеезом. Я поступила как человек. Как змеиный проводник, не самый сильный, хотя и, безусловно, один из самых умелых.

Через пару часов, когда Меда начала клониться к горизонту, я уже была готова. Четыре панцирника надёжнее — два быстрее. У меня не было времени ждать, я и без того потеряла больше времени, чем могла, поэтому у меня было две змеи, возмущённо шипящие, грызущиеся друг на друга и от души скандалящие.

Мне некогда было заставлять их замолчать. Мне нужно было быстрее, вперёд. Туда, где караван двигался к привалу... Два параллельных безопасных пути — полтора дня разницы, если отходить назад, потом по безопасной дороге переходить на главный тракт, потом догонять ушедший вперёд караван. Между нами сейчас было расстояние всего в несколько часов, по зыбучим пескам. Никто. Ни один нормальный человек сюда не сунется.

Я была змеиным проводником. Но самое главное, я уже не была человеком.

— Ен. Доверяю Али тебе.

— Я не подведу, — муравьёнок прижал кулак к груди, я кивнула.

Спустя мгновение змеи сорвались прочь.

Пески пели, подгоняя меня вперёд. У меня был запас времени, небольшой. Пылевая буря сбила караван с пути, выигрывая мне драгоценные минуты.

Быстрее. Быстрее! Быстрее же!

Змеи уже не шипели, не ругались, змеи мчали вперёд со всей своей скоростью. Зыбучие пески гневно ворчали, перекатываясь пластами, недоумевая, почему вёрткая добыча в этот раз такая тяжёлая, но всё равно поймать не получается.

Вперёд.

Ещё. Ещё немного.

Я обязательно успею! Я не могу опоздать.

Осталось всего чуть-чуть, всего ничего.

Караван прошёл мимо меня, я опоздала всего немного, когда вывалилась на тракт, задыхаясь и не в силах сделать вдох. Больно жгло всё внутри, грудь сжимало тисками. Караван прошёл тут несколько минут назад. Мои панцирные змеи ушли обратно в пустыню, нырнув в пески. Обратно я собиралась возвращаться, забрав из каравана или ящера или змею.

Догонять пешком караван я не собиралась. Двигались в установленном порядке, а значит — перед караваном шли разведчики. Они уже были мертвы. Им помочь было невозможно. Даже если бы я первым делом помчалась к разведчикам. Чтобы догнать караван — мне нужно было дожждаться тех, кто замыкал караван. По идее, они должны были быть дополнительной военной силой. На деле здесь были двое предателей, собиравшихся сделать всё, чтобы охранники из арьергарда на помощь основной силе не пришли.

Я ждала именно их.

Закрыв глаза, подставила лицо ветру.

Мягкий поток воздуха покачивал янтарные пряди, теребил полупрозрачные шелка, окружая меня ярко-алым сиянием. Вокруг было мягкое золото песков Аррахата и белые полосы зыбучих песков. Очень легко произвести впечатление, когда на твоей стороне играет дух самой пустыни.

Арьергард показался, когда до оазиса каравану оставалось всего полчаса.

Змеи, верховые ящеры останавливались, ибо никто не в силах был пересечь некую черту. Кроме двоих зачарованных змеиных проводников.

— Это же...

— Да.

— Что она здесь делает?

— Убьём.

— Но?

— Не страшно. Остальных убьём тоже.

На этот раз в шок выпали все остальные, но не от моего красивого появления, а от слов проводников. Впрочем, ждать я не могла. Пылевая буря ещё не улеглась до конца, и не стоило расслабляться.

Песок, управляемый духом пустыни, обрушился на тропку, стирая её, разрушая. Кто-то кричал. Кто-то ругался. Кто-то не потерял бдительности, и к тому моменту, как я разжилась двумя верховыми ящерами, предатели уже ждали меня на правильном пути. Вот. Вот теперь я понимаю, что значит, когда в противниках змеиные проводники. Это же ужас, кошмар и беспредельщина!

Кто им разрешал так легко определить, куда я отправлюсь?

— Она странная...

— Очень.

— Может, оставим?

— Должны убить.

Странность в разговорах этих двоих я уловила, осознать — не смогла, отложила в памяти, решив вернуться позднее.

Пока кружится пустынный вихрь, мне нужно устранить этих двоих, чтобы продолжить движение дальше.

Но всё же почему они так странно говорят? Словно... Словно... Кто-то смотрит их глазами, кто-то говорит их устами. Неужели?! Неужели...

У императора есть и такая сила?!

— Кого-то мне эта девка напоминает. Не могу понять.

— Трупы никого не волнуют. Бей.

— Ты первый.

— Ты!

— Я?!

Преппирательство это хорошее дело. А талантливые наложницы-танцовщицы не просто так таскают с собой кнуты для верховых ящеров. Им ещё очень хорошо связывать отвлѣкшихся на пару мгновений людей!

Правда, вот теперь надо мчаться прочь в два раза быстрее. Эти двое... они не простые проводники. Чтобы спеленать этих, кажется, нужны цепи, заговорѣнные на ловлю ха-змей!

А теперь быстрее, быстрее! Я уже слышу крики впереди.

Беспорядки уже начались. Обычные люди ничто против воинов змеиногo братства. Сюда, я видела особое оружие, узнавала его с первого взгляда, пригнали не лучших. Но тех, что здесь есть, было бы больше, чем достаточно. Участники игр пустынь, почти все они в своё время доходили до очень высоких уровней. Пару раз я сталкивалась в пустыне с самыми слабыми из тех, что присутствуют здесь.

Если бы мы были на разных сторонах, моя история давно бы уже закончилась. Они были сильнее меня. В два, три, четыре раза. Не в десятки раз, как те, кто побеждал, кто владел живым оружием, как, например, Хан, но... нет, чтобы остаться в живых, с ними лучше не сталкиваться. Всѣ, что могли обычные люди — это выиграть несколько секунд.

Я слышала, как мечутся люди, как кричат отчаянно змеи и ящеры, как стонет воздух, разрываемый мечами. Я слышала, как трещит ткань, пожираемая огнѣм. Алое зарево сливалось с алым горизонтом опускающейся Меды, никто ничего не поймѣт.

Никто не заметит. Никто не придѣт на помощь.

Даже я, та, кто должен был бы помочь, сейчас здесь, чтобы помочь одному-

единственному человеку. Который ещё пока жив.

Смешалось всё. Крики, стоны, звон, лязг. Вокруг метались люди, кто-то пытался потушить горящих, кто-то уже был мёртв и никому не мог помочь. Я стояла ровно посреди всего этого бедлама и слушала тонкую, едва уловимую песнь песка.

Где он. Где он?

Кто-то замахнулся на меня, улетел прочь с кинжалом между глаз. У меня не было времени церемониться. Ещё кто-то кинулся сбоку и ещё один труп. Я кем-то прикрылась от следующего удара и кинулась вперёд. Дальше. Вот сюда. Здесь свернуть. Упавшая змея придавила повозку, а под повозкой.

— Эй! — наклонившись, я качнула за плечо лежащего паренька, с ужасом подумав, что он невероятно похож на Али. — Ты цел?

— Д... да... Ты кто?

— Я Зеоннала. Твоя самая лучшая наложница. Встать можешь? Я вытащу тебя отсюда.

— Ты не должна быть в караване. Ты не должна быть здесь! Уходи, скорее.

— Мал ты мне ещё приказывать, парень! — так, ну-ка, ну-ка, крови нет, между ним и телегой есть зазор, вытащить смогу. И отсюда его тоже. — Пошли со мной. Здесь небезопасно.

Мальчишка не сопротивлялся, послушно бежал за мной. Теперь, отсюда, мы отправимся в зыбучие пески уже на ящерах. Будет немного сложнее, но мы всё равно сможем пройти. Хотя и времени придётся потратить немногим больше. Но я смогу его провести. Правда, те, кто войдут в пески после меня — станут их жертвой в любом случае.

Ещё Кармина — королева песчаных муравьёв, говорила мне, что зыбучие пески позволяют по ним пройти только дважды. На третий раз, кто бы ни шёл по ним — они поглощают его. Даже если здесь те двое, от которых складывается ощущение, что они стали чем-то большим, чем просто людьми... они не смогут пройти по зыбучей топи.

— Ты...

Я круто повернулась, зажала мальчишке рот, прижав его к себе. Здесь нельзя говорить. Здесь нельзя двигаться. Самое правильное, что можно здесь сделать — это замолчать и затихнуть.

Я не слышу голосов живых людей. Не слышу голосов живых змей. Два ящера спрятаны. Там, где их не найдут и не достанут. Но остальные. Неужели в лагере остались только воины змеиногo братства? Нет. Почему не слышно и их?! Где они все? Неужели...

— Послушай меня, — я чуть тряхнула мальчишку за плечо. — Как тебя зовут?

— Дальмар.

— Ты...

— Профессиональный двойник и раб. Я... меня купили... в ауле. Я пустынный.

— Ясно. Послушай меня Дальмар, сейчас мы побежим. Очень, очень быстро. К зыбучим пескам. Чтобы ни случилось, ты не должен останавливаться. Ты не должен оглядываться. Ты должен просто бежать вперёд.

— А если я упаду?

— Я подниму тебя.

— А если тебя не будет рядом? — мальчишка цеплялся за мою ладонь и не мог её отпустить. — Что если, если ты не успеешь?

— Я буду рядом.

— Правда?

— Обещаю. Главное — беги и не поворачивайся.

Мальчишка кивнул.

Я, подхватив щит и меч одного из упавших стражников, помогла ему выбраться, а потом подтолкнула к пустыне. Пока там никого не было.

— Беги!

И он побежал.

Быстрый, ловкий, длинноногий, он промчался вихрем, нигде не споткнувшись, скрылся за телом упавшей змеи и уже был у края зыбучих песков, когда его настигли.

Те двое.

Короткий удар, даже не чтобы убить, им хотелось поиграть, и Дальмар покатился прочь. Именно в этот момент с отчаянным воплем (насмотрелась, знаю, как должны себя вести слабые женщины) я кинулась на них, получила удар и отлетела туда же, где и был двойник Али. Прижала его голову к земле, не давая поднять лицо.

Нет. Они ещё пока не знают, что это двойник. Не стоит им этого знать до самого конца.

— Та самая. Вот удачливая девка. Мало того, что от нас сбежала, ещё и наследника смогла найти.

— Тебе не кажется, что Императору не понравится, если она останется в живых.

— Да, это точно... но какая статья. Может, поиграем сначала? Такие ножки. Такая грудь. И эти черты лица. Взгляни, какие волосы!

— Пользуешься тем, что его сейчас нет с нами? Не самое умное поведение. Он может вернуться.

— Да не смейся, Ранс. В конце концов, мы зачистили всех. Сейчас заберём труп этого парнишки, и дело в кармане.

— Да ну тебя, Сантр. Болтаешь ты слишком много.

Прикусив губу, я ощутила, как по спине ползёт ледяной пот. Нет. Нет-нет-нет. Ситуация становилась хуже не придумать. Это даже хуже, чем я предполагала! Личные палачи и личные воины Императора! Эти страшнее Кита будут, которого я боялась!

— О, ты глянь, — изумился Сантр.

Второй воин всего Аррахата. На прошлых играх он уступил только одному человеку. Это сейчас я знаю кому — Хану, а тогда долго ломала голову, пытаюсь понять, кто скинул с трона победителя последних семи игр.

— Она нас знает.

— Девка-то? — не поверил Ранс.

Этот в играх никогда не участвовал. Поговаривали, что мужчины — братья, а потому одинаково великолепны в боевых делах. Проблема только одна, они не могут выяснить кто сильнее между собой. Поэтому в играх пустыни всегда участвовал только кто-то один.

Значит, Хан сильнее.

Неожиданная мысль придала мне сил.

Есть те, кто их сильнее. Я не сильнее, особенно с тем учётом, что этим двоим нельзя ни в коем случае показывать, какие змеиные хвосты за моей спиной прячутся. Но зато я женщина, а значит, хитрее, умнее и, по меньшей мере, гибче. У меня ещё есть способ отсюда сбежать. Вот только... нужно ли?

Мысли потекли вяло, голова качнулась вперёд.

— Ты смотри, какая хорошенькая и миленькая! — чужие руки скользнули по моим плечам, сдирая браслеты, удерживающие шелестящие шелка в повиновении. Чужие руки

скользнули по груди, грубо сминая, сползли на живот, на бедра, огладили. — Миленькая.

— Ранс,пусти её. Не до этого сейчас, давай с мальцом разберёмся.

— Да ты глянь!

Мои янтарные волосы, смотанные в кольца, оказались в плену чужих грязных рук, мужчина натянул, и моя голова бессильно откинулась.

Что... со мной?

Я так не хочу. Это не мои чувства. Это странно.

И мне больно. Что это за человек?

— Ну, же, малышка, как тебя зовут?

Зовут? Их интересует моё имя? Моё? Имя? А кто я?

— Видишь, она под давлением твоей силы даже сообразить не может, кто она такая, — захохотал второй. — Ты бы припустил вожжи. К тому же я люблю, — в руке Сантра сверкнул кинжал, — когда жертвы сопротивляются. Кричат там. А эта — с трупом и то играть веселее.

— У тебя дурацкие вкусы.

— У тебя тоже. Но эта малышка, кажется, нравится нам обоим. Поделимся?

— Почему нет. Мне нравится идея разделить с братом такую интересную девочку. Интересно, она северянка?

— Ты у Хана и императора не видел последних наложниц? Вот они — северные. А эта крошка... Действительно, а откуда она взялась?

Чужие голоса в моей голове замолчали. Оба.

И я, улыбнувшись, сделала плавный шаг вперёд, выбрасывая два метательных клинка. Естественно, они увернулись. Естественно, мне их убивать и не нужно было.

Огромная змея вырвалась из-под песка, обрушиваясь тяжёлой массой на этих двоих. Я не смотрела, подхватив за шиворот мальчишку, я уже мчалась к пескам, оставив там, где стояла, все свои шелка.

Сейчас не время... не до этого.

Мы уже были в безопасности, когда чуть пониже лопатки мне вонзился нож.

Рядом кричали, кричал мальчишка, а я волокла его всё дальше и дальше. В глубины зыбучих песков.

Затих Дальмар не скоро. Шёл рядом послушно, всхлипывал. Нож закупорил рану плотно, поэтому я не пролила почти ни одной капли крови. На лезвии был яд, я ощущала, как дурман расползается по моему телу. Но сейчас куда больше меня волновало то, что с этой торчащей занозой нужно что-то сделать, чем то, что на лезвие было нанесено.

Доверять мальчишке его вытаскивать я не буду. А до того места, где должны ждать нас верховые ящеры ещё несколько часов идти. Потом несколько часов по жаре... Кажется... Кажется, ничего хорошего не получится из этого.

А значит стоит остановиться на привал?

Нет. Если я расслаблюсь, если я позволю себе отдохнуть, то потом не заставлю себя подняться. Дальше. Надо идти дальше. Нас ждут Али и Ен. Рамир... И обещал вернуться: Тайпан.

— Ты? Как тебя зовут? — мальчишка, спотыкающийся, уже перестал скулить. Просто шёл, стараясь не показывать, как ему тяжело и страшно.

— Зеоннала, — повторила я своё имя. — Почему ты стал двойником?

— Я похож. Моя кровь могла звучать так же, как кровь господина. И шаман сказал,

что видимо боги на стороне господина, поэтому они даровали меня.

— И ты?

— Я решил, что должен защищать господина. Даже если для этого потребуется отказаться от жизни. Но это... так страшно, умирать...

В голосе мальчишки я слышала отчаяние. Глухое, безнадёжное. Он не думал, что идёт на смерть. Он не думал, что смерть пойдёт за ним по пятам только потому, что он сделал такой правильный, но такой страшный выбор.

— Дальмар.

— Да?

— Умирать не страшно.

— Что? — мальчишка споткнулся, повернулся, заглядывая в мои глаза. — Откуда тебе знать, Зеоннала?

— Когда ты рядом с тем, кого любишь, ценишь, уважаешь, тебе становится всё равно, что будет с твоей жизнью... — пробормотала я слова деда, потом встряхнулась и взглянула на Дальмара. — Поверь мне, бывают ситуации, когда смерть кажется не такой уж страшной штукой. Гораздо страшнее, когда ты не принадлежишь себе. Когда ты — лишь чужая игрушка.

— Слышится... знание? Ты такая же, как я?

— Возможно, даже немного хуже, — взъерошила я мальчишке волосы. — Пойдём, нам осталось дойти всего чуть-чуть.

Нужно быть осторожнее. Даже если этот парень выглядит так доверительно и мило, я не могу ему доверять. Я буду для него «такой же», я выполню всё, что я ему обещала, но именно поэтому я буду следить за ним в два, в три раза пристальнее.

Про императора говорили, что он очень умён. Куда умнее обычных людей или даже обычных аристократов. Этот гнилой человек был очень умён, с него стало бы разыграть всю эту ситуацию, как по нотам.

— Зеоннала, — повторил Дальмар, потом вздохнул. — Нет. Я не слышал твоего имени прежде.

— Ты слышал много имён?

— Да. Двойники — это мебель. Нас переставляют с места на места. Мы живём лучше чем дворцовая челядь. Можно сказать, мы что-то вроде гаремных наложниц. У нас есть всё. Нас даже обучают похожим предметам, чтобы мы могли не опозорить того, кого подменяем, если что-то пойдёт не так. Но...

— Но?

— Но мы никому не ровня. Ни аристократам, ни простым людям. Мы болтаемся между, обречённые на смерть. Но то, как мы проводим свои дни, нельзя назвать жизнью. То небольшое, что скрашивает наши дни — это слухи, сплетни, байки... Мы знаем очень много. Но я никогда не слышал твоего имени.

— Ты слышал про Ранса и Сантра?

— Конечно. Личные псы Его императорского величества. Плохо воспитанные. Видимо, их не учили, что с жертвой нельзя играть. Они всегда играют с жертвой, прежде чем её убить. Говорят, что их боятся аристократы. Совсем не обязательно в чём-то провинится, чтобы эти двое пришли ночью в твой дом. Говорят, они могут просто захотеть, и... и... вот.

— Значит, у аристократов можно не ждать помощи. Дальмар, а с ними может кто-то справиться?

— Нет. Даже убийцы из Змеиного братства, никогда не промахивающиеся, не вернулись обратно. В скрытое ото всех убежище братства доставили серебряное блюдо, на нём, под серебряной крышкой, были шесть их голов.

Ага. Эту историю я знала. Дед тогда очень сердился, что отправили самых лучших убийц, а в результате и их потеряли, и врага насмешили. Он ходил по нашему шатру, что-то проговаривая, словно что-то запоминая.

Он не рассказал мне, что именно его так рассердило. Он не рассказал мне и о том, кто именно те люди, которых не смогли убить лучшие из лучших. Дед сказал только, чтобы я держалась подальше от тех, кто приближен к императору.

Дальмар молчал.

Молчала и я.

Пустыня затихла. Не было слышно ничего совершенно. Далёкие звезды скрылись за пеленой туч. Под нашими ногами чуть слышно поскрипывал песок, но это был обыденный звук. Точно так же, как и редкие чавкающие звуки зыбучих песков. Дальмар бледнел, краснел от них, но упрямо двигался дальше. Хороший мальчишка, славный.

Жалко только, что слишком слабый. Такие не выживают. Даже если их закрывать. Даже если пытаться их спасти.

Этот тихий стон. Нет. Не стон. Что-то более грубое. Ругательство? Сквозь зубы? Откуда оно здесь?

— Дальмар, — начала было я и замолчала.

— Что? — взглянул на меня вопросительно мальчишка.

Но я не ответила, остановилась. Оглянулась назад. Тьма сейчас была помехой моим глазам, но даже так, я увидела то, что увидела.

В багряной темноте, чернилами расплывающейся над пустыней, были два силуэта, спокойно идущие за нами. Этого не должно было быть. Этого в принципе не могло быть! Но было. Палачи императора спокойно шли по зыбучим пескам, даже не выбирая путь. И пески торопливо прятались, поджимая хвосты, чтобы оказаться от этих двоих на расстоянии, чтобы оказаться от них как можно, как можно дальше.

Что это такое? Они же люди! Я не чувствовала в них зова змеиной крови!

Страх снова зашевелился в животе. Ноги на мгновение стали ватными.

Эти двое опасны. Настолько опасны, что придётся приложить все усилия, чтобы их убить. Чего бы мне это не стоило. Они не примут нового императора. Они не примут Али, даже если император назовёт его своим наследником. Даже если Али взойдёт на трон, они его никогда не признают.

Их придётся убить. И это придётся сделать именно мне.

Не потому, что это получится только у меня, а потому что никто больше не поверит в то, что они предадут нового императора.

Они будут вилять хвостами, как дворцовые псы, всем своим видом демонстрировать обожание и послушание новому хозяину, а потом просто его убьют.

— Дальмар.

— Да?

— Ты должен бежать.

— Что?

— Прямо сейчас, не поворачивайся. Беги вперёд.

— Но там же — пески!

— Верь мне. Беги прямо по ним.

Он был смертельно перепуган, этот мальчишка. Я видела это в его глазах, в том, как начал бегать его взгляд. Он устал. Он уже выдохся. У него больше не было сил бегать. Ему хотелось отдохнуть. Ему хотелось... много чего хотелось. В первую очередь ему хотелось жить.

Но сейчас это зависело только от того, как быстро он может бегать.

— Дальмар. Беги.

— Там.

— Они идут.

Мальчишке больше не нужно было слов. Он взглянул на меня и всё-таки обернулся.

Две тени стали уже ближе. Личные псы императора не бежали. Они шли медленно, с чувством собственного достоинства. Они показывали даже издалека своим видом, кто именно здесь хозяин. Хозяева ситуации — они.

— Дальмар. Если ты будешь стоять, ты умрёшь, — честно сказала я. — Я не смогу защищать тебя и сделать что-то с ними. Сейчас всё зависит от тебя. Беги. Твоя жизнь сейчас в твоих ногах. Сейчас только от тебя зависит, как ты ей распорядишься.

— Не говори так! Мне страшно!

— Я знаю, — я чуть сместила, подталкивая его.

Потревоженный нож в спине качнулся, роняя на песок ещё капли крови.

— Зеоннала!

— Беги, Дальмар.

Мальчишка кивнул, и к счастью кинулся вперёд.

Я снова повернулась. Эти двое. Они шли медленно, но это если не привязываться взглядом к окружающему пространству. Они шли чудовищно быстро. Они не шли. Они ехали. На тех же панцирных змеях, которые я использовала, чтобы подобраться к лагерю.

— О! Ты гляди, гляди! — над пустыней голос разносится далеко. И я хорошо слышала и самого Ранса, и насмешку в его голосе. — Что это она тут стоит. Собыём? Собыём её! А потом... Угх...

Всего лишь один удар локтём от Сантра, и второй заткнулся, закашлявшись. Неудачное движение привело к потере равновесия, а это в свою очередь — к утрате контроля. И змеи, насмешливо махнув хвостами, ушли в песок, как в воду.

Оставляя нас наедине.

— Стой! — кинувшегося вперёд Ранса, остановил его напарник. — Стой.

— Ты сдурел?! С ха-змея навернулся?

— Это не она.

— Что? — Ранс застыл, потом медленно повернулся.

По моим губам бродила нахальная усмешка.

Неладное ощутил и Ранс, попытался отступить и снова застыл, когда рука брата легла на его плечо и сжала.

— Не двигайся. Вокруг нас пески.

— Что?! Но ведь только что... Ах... вот как. Танцующая.

Я легко изобразила реверанс, приподняв вспыхнувший вокруг ног песчаный вихрь.

— Позови императора, — приказал Сантр и тут же передумал. — Нет, я сам.

Ну-ну. Наивное дитя. Это была опасная игра, та, что я затеяла. Но пустыня уже уловила мою идею, уже пришла мне на помощь. Отсюда вы ни с кем не свяжетесь. И дальше вы

пройдёте, только победив меня.

— Ранс, пробуй!

— Дохлый номер. Настоящая Танцующая. Кто бы мог подумать! Брат, можно я её убью?! Я мечтал об этом с тех самых пор, как услышал о ней! Пожалуйста, разреши мне!

— Нет. Не хочу тебя хоронить. К тому же у нас дело. Малец и та девка от нас сбежали.

— А я тебе говорил, — Ранс захохотал захлёбывающимся лающим смехом и замолчал резко, глядя на меня расфокусировано. — Я говорил тебе, что лучше оставить подношение пескам.

— Ещё чего не хватало, кормить трупами какой-то грязный клочок земли, который давно нуждается в том, чтобы его уничтожили и растоптали.

«Зря это он», — мысль одновременно была моя и не моя немного тоже. Тихо шевельнулись песчинки, соткавшись в длинные крылья за моей спиной. На мгновение этот светло-золотой ворох укрыв с головой и меня саму.

«Впусти меня, дитя».

«Мама?!»

«Ты ещё не выбрала сторону. Ты ещё не справишься с ними. Я — выбрала давно, как и они. И им не под силу справиться с воплощением духа пустыни. Никому из живых не справится со мной. И никто из живых не вправе называть меня клочком земли!»

Женщина, чью гордость задела?

Сейчас посмотрим заодно, насколько они умные.

Мы никогда этого не делали, но почему-то мне было очень легко отступить в своём сознании, давая место чему-то большему, чему-то, что не являлось человеком.

И это ощутили оба преследователя. Застыли на одном месте, не веря своим глазам.

— Пустыня Аррахата... — прошептал Ранс. — Не может быть.

Мама моим телом кокетливо поправила волосы, одним движением руки утихомирив всё вокруг:

— Какие проблемы, мальчики? Вы отказали мне в подношении, оскорбили мою честь и моё достоинство, а теперь ещё и удивляетесь тому, что я явилась?

Мужчины молчали. Как будто воды в рот набрали. Чего это они?

«Чем больше разговариваешь с духом пустыни, тем больше попадаешь под её смертоносное очарование. После нескольких минут человек может уйти навсегда в мои пески и затеряться там до смерти».

«Ого! А я?»

«А ты моя дочь, тебе это не грозит. Хотя мой дар управления, соблазнения тебе не передался. Но вот вполне возможно у тебя есть обратный дар. Не подчиняться чужому очарованию. Ты устояла перед очарованием королевы песчаных муравьёв и Царя змей, устояла перед его сыновьями. Кто знает, кто следующий не сможет опробовать на тебе свои чары?»

«Мама, а они!»

«Я не могу на них напасть сама, они должны нарушить спокойствие. Но... умны», — в голосе самой пустыни послышалось разочарование. — «Они не нападут. Зеон, иди, моё дорогое дитя. Тебе пора спешить дальше».

«А как же?»

«Они сейчас уйдут».

«Но...»

«Что ж, придётся уйти. Может быть, тебе они расскажут что-то интересное. Но я рядом. Здесь, пока ещё я могу закрыть тебя от взгляда императора».

«Мама!»

«Да?»

«Ты знаешь, кто он? Он же не человек!»

«Определённо, нет. Но, увы, моё дитя, кто именно он — я не знаю».

Что ж...

Моё сознание осталось только моим, псы императора переглядывались.

— О! Ушла, — пробормотала Ранс. — Значит, и нам пора. Я бы не отказался поближе познакомиться, но мы не император, мы не справимся.

— Заткнись, идиот, — Сантр оглянулся и снова замер. За их спинами была ровная полоса чистейшего песка. — Нам, кажется, указывают на наше место. Эй, Танцующая.

— Не слишком вежливо.

— Мы с тобой ещё встретимся, — пообещал Сантр.

— Безусловно, — даже не стала я возражать.

— И тогда, мы убьём тебя, — добавил Ранс.

Я только развела руками:

— Можете попробовать. Я даже не буду возражать. Но имейте в виду. Не сможете убить меня с первого раза, я получу право на то, чтобы дать сдачи. И второго шанса у вас не будет.

— Мы запомним.

А потом я просто молча смотрела, как они уходили, и песок, словно шкура змеи, за ними сворачивался, вновь становясь зыбучими песками.

Ранс и Сантр... Да уж... какое в стане врагов пополнение. Как будто нам одного императора для полного счастья не хватало.

Повернувшись, я пошатнулась, дёрнулась в досаде. Под лопаткой пекло. Не самые лучшие обстоятельства. Ладно. Здесь торчат мне некогда. Нужно вперёд.

Шагом. Бегом. Шагом. Бегом. Шагом.

Пока впереди не показалось то место, где должны были быть верховые ящеры и Дальмар.

Надо ли говорить, что «повезло» мне просто исключительно?

Ибо ни ящеров, ни мальчишки на указанном месте — не было.

Я не слишком наивна, поэтому просто порадовалась тому, что вела себя правильно и не сказала лишнего.

А теперь... Что делать? Опять бегом? Не хочу. Свитков нет. Но у меня больше нет сил быть здесь. Я хочу сама отдохнуть. Я хочу, чтобы кто-то вытащил этот кинжал.

Кинжал?!

Ледяной пот прокатился по спине. Губы мгновенно пересохли. Кровь? Ему нужна была моя кровь с самого начала?

Получится убить — хорошо. Не получится — достаточно добыть крови, и тогда уже я убью Али?! Это они задумали?

Что же делать? Мне нужна помощь — поэтому придётся возвращаться.

Но и быть опасностью для Али я не должна. Значит, они меня обездвигают. А там посмотрим. А сейчас одной раной больше, одной раной меньше. В зыбучих песках обитают панцирные змеи, как сюда добралась, так и вернусь обратно.

Караван уничтожен. Любой шаман подтвердит, что наследник там не погиб. Тело два

брата-пса не получили. Пятьдесят на пятьдесят. Полной неудачей это назвать нельзя, мы выиграли время. Но и удачей случившееся назвать язык не поворачивается.

А впереди ещё Вечный город. И никуда не свернуть. И никуда не убежать...

Панцирников я поймала быстро. Не обращая внимания на то, как сильно поранила руки, приказала им двигаться и отправилась туда, где меня ждали. Надо же, думала, что получится отдохнуть, а теперь выходит, что наоборот — нам надо как можно быстрее оказаться в Вечном городе. Там, где опаснее всего, там, где нам будет безопаснее. Что за невезение!

Я вернулась к рассвету.

Рамир, временно перешедший в человеческий облик, сидел у порога и смотрел в небо.

— Зеон?!

Он подскочил в идеальное время. Стоять я больше не могла. Змеи, обшипев меня с ног до головы, ушли в зыбучие пески. Я этого уже не увидела, бессильно падая на руки своему напарнику-привидению.

— Зеон!

Последний отчаянный окрик я тоже уже не слышала.

Горячечный бред уже затягивал меня в свои объятия.

Но страшно не было. Почему-то было весело.

Интересно, что я увижу на этот раз? И какие сны снятся большим змеям?

Ой.

Я же!

...Не успела...

Перед глазами мгновенно распахнулся мир, который я уже однажды видела, вблизи, а не издали.

Ярко-зелёная насыщенная зелень была вокруг, повсюду. Духота распирала грудь. Воздух был очень влажный, и от этой влажности даже мои волосы начали закручиваться в тонкие колечки. Я была на своих ногах. И даже в непривычных шелках, так сильно мешающихся мне. Как же я их не люблю.

Вокруг был пик Гроз.

Не самое подходящее место, чтобы бродить здесь одной, хотя с другой стороны, для кого-то это место — дом. Единственный. Из всех, что остался. Единственный, самый важный, самый нужный.

Лианы переплетались, ткали вокруг меня гирлянды паутин. Яркие вкрапления цветов радовали взгляд: алые, жёлтые, оранжевые, пурпурные — прекрасные. Где-то в стороне журчала вода, и как зачарованная, приманенная этим нежным переливом я туда пошла.

Янтарная прядь волос зацепилась за какой-то сучок, дёрнув меня, а когда я вновь перевела взгляд, чтобы увидеть стремительный водопад, он уже был занят.

Не просто загорелая кожа, а скорее даже красноватая. Широкие плечи, рельефная мускулатура, на которой я застряла взглядом. Изумительная спина с выраженными линиями. Ниже... не хвост! Длинные мускулистые ноги. Волосы были чёрными, длинными, заплетёнными в тонкие девятихвостые косички.

До меня не сразу дошло, что я пялюсь на мужчину и не могу отвести взгляд!

А потом он повернулся. Резкие скулы, квадратный подбородок, широко поставленные алые глаза. Я знала это лицо. Хотя это тело...

— Зеон?

— Привет... Тайпан, — невольно я отступила. Наступила на собственные волосы и чуть

не свалилась. Почему я не могу на него смотреть?

— Ты покраснела, — мужская ладонь легла на мою щеку. — Зеон, что ты здесь делаешь?

— Хотела бы я спросить то же самое, — пробормотала я, в панике шаря взглядом и пытаюсь понять, куда бы деться!

Тайпан тихонько засмеялся у меня над ухом, отступил.

— Ты в моём сне, верно?

— Д... да. Извини. Просто пришло в голову, что мне интересно узнать, что снится гигантским... ха-змеям. Не думала... Ой!

От крика я удержалась только каким-то чудом!

Джунгли исчезли. Пропал водопад. Мы стояли высоко-высоко-высоко. На самом краю пика Гроз, и внизу, я видела и джунгли, и пустыню, и края северных земель. Тайпан был за моей спиной, обнимал меня руками, прижимая к себе, оплетая мои ноги хвостом, чтобы я наверняка никуда не делась.

Спиной я ощущала мягкость рубашки. Он всё-таки оделся?

— Не тот случай, когда я хотел бы показать тебе это место. Но так тоже подойдёт.

Я дрогнула. Ха? Что он говорит?

— Замёрзла. Сейчас, минуточку.

Я и дёрнуться не успела, не успела объяснить, что мне совсем-совсем не холодно, как, не выпуская меня из рук, Тайпан накрыл меня тёплым плащом.

— Вот так, так будет куда лучше. Зеон.

— Можно я заткну уши и скажу, что я не хочу этого слышать? — взмолилась я негромко. — Тайпан...

— Да?

— Что я делаю в твоём сне?

— Стоишь на месте, откуда видно хорошо, что именно ты выбираешь. Человек — пустыня, ха-змея — вот эти джунгли.

Я не хотела выбирать. Я хотела вот так стоять, поддавшись минутной слабости.

— Зеон? — Тайпан встревоженно положил ладонь мне на лоб. — Да ты горишь!

— Немного. Поймала шальной кинжал, — призналась я легко. — Как-то не складывается у меня эта работа. Противники мне не по зубам.

— Ты не выбрала.

— Что? — я попыталась повернуться, но не смогла. Руки, удерживающие меня, сжались крепче.

— Ты ещё не выбрала, Зеон. Когда выберешь — всё будет легче. Как наследница пустыни, в своём человеческом облике ты сможешь многое. Как ха-змея ты сможешь не меньше. Как стоящая между ними, не поменяв шкуру, ты не можешь ничего из того, что может каждая сторона.

— Как глупо. Я умею танцевать!

— Ты волшебным танцуешь, — мужчина вздохнул, уткнулся лицом в мои волосы. — Когда я вижу тебя, когда ты мне снишься, когда я думаю о том, что ты выберешь, я боюсь, что выбор будет в пользу человеческого облика. И тогда я не смогу тебя увидеть. Ты будешь далеко-далеко, а всё, что мне останется, это смотреть на тебя с этого пика. И надеяться, что ты счастлива.

— Ты даже не будешь возражать?

— Не буду. Это твоя жизнь. Я не человек, я не могу просто явиться и украсть тебя. Я ничего не могу предложить.

— А если бы мог?

— То я бы тебя украл. Чтобы ты была только моей. И чтобы тобой не пришлось ни с кем делиться.

— Не получится! — возмутилась я от души. — У меня есть Али! И дед. И Ен. И Кармина!

— Так много необычных существ вокруг тебя. Зеон? Зеон?

Сон поблёк. Я ещё была внутри него. Но уже что-то изменилось. Пропал пик Гроз, осталась только бескрайняя белая гладь Аррахата, покрывая ало-рыжим всполохом Меды. Нигде не было видно ни единой травинки. Нигде не было ни следа другого цвета.

Только тишина, пустота и...

Человек.

Абсолютно незнакомый человек протягивал мне руку.

Я должна шагнуть ему на встречу? Да нет. Вряд ли. Я же его не знаю!

Но эта рука...

— Зеон! — всполох чешуи ударил по песку, меня обхватило длинным хвостом и дёрнуло в сторону. — Что происходит?!

— Моя кровь. Император Аррахата получил мою кровь. Он пытается, — я закашлялась, падая на колени. — Получить меня. Контроль надо мной. Чтобы я сама убила Али!

— Зеон, смотри на меня.

— Не могу. Глаза печёт.

— Хорошо...

Резкий всполох чешуи, и вот уже вокруг меня зарево. Алое, чёрное, жёлтое. Тайпан. Полная форма...

Прохладная чешуя была так приятна, что я не удержалась, прижалась щекой. Как хорошо. Как хорошо...

— Зеон!

Человек меня ещё манил, но я уже соскальзывала в глубины обычного сна, под насмешливое:

— Руки коротки её достать. А попробуешь ещё раз сюда сунуться, я тебя целиком проглочу, и не посмотрю, что ты какой-то там император...

Какой наивный ха-змея... Какой чудесный...

Взгляд поплыл, я вместе с ним, а спустя мгновение, я уже открыла глаза в мире настоящем. Где горячие лучи Меды раскаливали Аррахат, а пески пели, говоря о том, что охота на нас уже началась, что в гонке со смертью у нас пока ещё есть фора, но уже очень скоро её не станет...

...Пески шумели в отдалении, рассказывая последние новости. Рамир на ящере ехал впереди, за ним Ен и Али, я плелась в конце, вцепившись в поводья и жалея о том, что меня не привязали. Если бы сделали это (ради безопасности Али), то мне не пришлось бы держаться.

Нет, совсем уж плохо мне не было. Самое страшное не случилось, к тому же у меня с собой были и готовые свитки лечения, и все материалы для них, если ситуация станет критической и просто свитков не хватит. Мы провели в норе весь день, а выдвинулись в

начале ночи, когда я уже практически сама стояла на ногах. В конце концов, использовали на мне не только свитки, но ещё и амулеты, и травы, в ход пошла даже какая-то магия Ена.

И были только два «но». Во-первых, как остаточное явление — меня немного знобило... Ладно, ладно! Холодно мне было просто нечеловечески. Во-вторых, меня растрясло и рана, немного поджившая, снова начала кровить. Не сказать, чтобы очень сильно, но всё же ощутимо.

С одной стороны были и хорошие новости. Тайпан сообщил, что вообще-то ха-змеи не имеют обыкновения ползать по чужим снам, но поскольку я сама его пригласила (когда и как?!), он побудет в моих снах, присмотрит, чтобы наглые двуногие (это он так про императора отозвался) ко мне не лезли.

И именно Тайпан помог разобраться в том, из чего вся эта ситуация сложилась. Всё было просто и достаточно логично для высокопоставленного человека. Император выбрал из своих подчинённых человека, осторожненько его подставил Хану, причём не стал пользоваться помощью их старшего брата-предателя. Подготовив ловушку, он решил просто подождать результатов, а дальше пошла чередой случайностей.

Это была случайность, что мы вышли из города раньше. Ладно, не буду говорить окольными путями, это просто был приступ паранойи у меня. Но если бы мы остались, то в путь караван бы отправился, когда настоящий Али был бы мёртв.

А мы сбежали. И умудрились избежать весьма жуткой участи умереть в покоях наследника. Пески даже рассказывать мне не стали, что там за ловушка была. Просто сказали, что смерть была бы очень долгой и мучительной.

Что очевидно, мальчишкам о том, что чуть не случилось во дворце Хана — я не сказала ни слова.

Просто складывала загадку императора дальше.

Кстати, я была неправа. Никто не собирался убивать того мальчишку в караване. Всех должны были вырезать в караване, это правда, но только потому, что все знали, что они прикрытые, что в караване — не настоящий наследник. Интрига императора была проста и невероятно элегантна. Выживших не было бы. О Хане позаботились бы. Старший брат признал бы, что подменыш не подменыш — а настоящий его младший брат. Самого Али уже не было бы в живых.

В общем, мальчишек собирались поменять местами.

А тут вмешалась я.

Опять же. Или снова. Ничего не понимая, я влезла в красивую комбинацию и её поломала. Увела подменыша из каравана, не дала себя убить, не дала убить Али. И единственной выгодой императора в этой комбинации оказалась моя кровь. Но и моими руками убить Али не удалось.

Туда, где был вырезан караван, выдвинулись поисковые отряды. Разные поисковые отряды. В одном из них чётко прослеживалась рука деда. Потому что было сказано, что наследник сбежал до того, как караван был уничтожен. И не один, а со своей последней наложницей. Так что мальчик «жив». Замолчать эту историю не получилось бы. И подменыша не получилось бы показать публике, потому что многие — Хан в первую очередь, потребовали бы предъявить наложницу, с которой наследник бежал.

Сейчас нас активно искали по всей пустыне и свои, и чужие. Первые, чтобы помочь, вторые, чтобы убить. И самое неприятное, встречаться нам нельзя было ни с теми, ни с другими!

Не стоит бояться так врага, как стоит опасаться в неспокойное время знакомого и приятеля.

Друзей у Али кроме нас с Еном — не было.

Не положено.

И теперь становилось понятно, почему...

Ладно. Сейчас это не самое важное. Сейчас самым важным было добраться до столицы. Как ни звучало это странно, но для Али безопаснее сейчас было именно там — под хрустальным куполом, рядом с тем, кто сделает всё, чтобы его убить.

Кстати, нет, это я сама себя так запутаю. Нет в такой ситуации ничего удивительного! Император был там один. И у него были связаны руки. А пустыня сама по себе большая и широкая, умрёт кто-то и следов не отыскать.

Не в нашем случае, конечно, ищут уж больно толково и старательно. Но всё же, всё же, всё же.

— Зеоннала?

Взглянув на подъехавших мальчишек, я наклонила голову:

— Да?

— Мы отклоняемся от курса, что обсуждали во дворце Али, — метко подметил Ен.

Глазастый мальчишка! Ах, какой глазастый. Хотела бы я посмотреть, что из него получится, очень хотела. Если он остался бы рядом с Али, какая бы получилась отличная двойка напарников! Но Ен очень скоро покинет своего друга. Ему придётся возвращаться в пустыню.

И в этом что-то было, что заставляло меня нервничать и недоумевать. Почему всё должно быть именно таким?

Всё это...

— Да, — вспомнила я о том, что мальчишки по-прежнему ждут ответа. — Мы немного меняем наш курс. Проложенный маршрут мы всё-таки составляли с учётом того, что нам придётся двигаться с караваном, то пропуская его, то догоняя. Каравана больше нет, зато есть желающие найти Али.

— Меня? Не союзники... — нахмурился мой светлый мальчишка. — Те, кто хочет меня убить?

— Не только. К сожалению, там, где речь идёт о политике, причём такой... такого высокого уровня, есть кое-что куда более неприятное. Не «убийство», а...

— Они попытаются использовать меня в своих целях? — подсказал мне Али.

Я кивнула. С кем я пыталась церемониться? Он действительно всё знает сам. И это, и немного больше.

— Именно, Али.

— Зеоннала, я могу понять, откуда это знаю я — меня специально учили этому. Но откуда знаешь ты? — мальчик смотрел на меня внимательно.

— Дед, — ответила я буднично. — Он считал, что большое количество знаний не помешает. Правда, вот теперь я уже сама начинаю сомневаться, на кого он меня готовил.

— Думаю, — Рамир непонятно когда оказался рядом, скользнул вокруг. Когда мы начали движение, он снова перешёл в свою призрачную форму. — Он просто не хотел, чтобы ты всегда была проводником. Он же знал, что ты девушка?

— Конечно, — пожала я плечами. В обычное время я бы промолчала, но уже весь мир знал, что я девушка, так что... ничего страшного, если я расскажу этим двоим немного

больше. Им же это важно? — Как бы я смогла скрыть такое от него? Впрочем, даже не так. Когда я пришла к нему, я была недавней смертницей. Наложницей, которую собирались продать на одну ночь, чтобы уже на утро она не встретила рассвет Меды.

Мальчишки вздрогнули, оба. Я же говорила наоборот спокойнее, чем обычно, как-то так получилось, что самый страшный момент, самую жуткую ночь наедине с воспоминаниями я уже пережила. Когда ждала рассвета, когда ждала тот день, когда добровольно стану всего лишь товаром. Это было не просто страшно. Ощущение было такое, словно я сейчас разлечусь на осколки, словно сейчас я стану всего лишь горстью песка в Аррахате, и лишь рыжий свет Меды будет меня сопровождать...

Не самая страшная судьба, если так подумать, и она определённо ждёт меня, если я не выберу.

— Зеоннала, — Али коснулся моей руки, — прости.

Взглянув на мальчишку, я протянула ладонь и растрепала его волосы:

— Ты станешь великим императором, Али, очень великим. Поэтому не привязывайся к людям сверх всякой меры. Иначе однажды не сможешь ими пожертвовать. Рано или поздно тебе придётся это делать. Жертвовать кем-то. Потому что за тобой будет очень-очень много других людей.

— Зеоннала! — Ен нахмурился. — Ты что вообще говоришь?!

— Правду. Твои наставники вас этому ещё не учили? Дед научил меня этому в первую очередь. Важное знание проводника. Когда мы ведём караваны на наших плечах не одна жизнь, а несколько. И мы должны довести всех в целостности и сохранности. А, иногда случается, что «одна жизнь» перевешивает жизни всех остальных.

Али помрачнел, определённо вспомнив, как началось наше с ним знакомство. Тогда я оставила умирать отряд, его сопровождавший, ради того, чтобы спасти его самого.

— Но куда чаще бывает наоборот. Что одной-двумя жизнями нужно пожертвовать ради жизней всех. Проводника в первую очередь наставники учат именно этому. Жертвовать. Кем-то. Причём делать это, понимая, что действительно жертвуешь и ради чего именно это делаешь.

Али нахмурился.

— Этого мне не говорили. Хан учил, что любая жизнь — бесценна.

— Да, — я кивнула. — Верно. Но в первую очередь, бесценна — твоя жизнь. Кто бы ни был рядом с тобой, его можно заменить.

— Даже тебя?

— Даже меня.

Ен злобно помотал головой, на мгновение его кожу окутало сиянием. Потом он вздохнул:

— Определённо, я не понимаю! Ты же... ты девушка! Ты не должна так говорить!

— Я смертница. Меня воспитывали на убой. Я в принципе выжить не должна была, просто получилось так, удачно... Хотя порой мне кажется, что не очень. В любом случае, вы двое — вы будете находиться очень высоко над обычными людьми и обычными муравьями. Вы должны правильно расставлять приоритеты. Ен — ты уникален. Конечно, пройдёт ещё лет пятьдесят, сто, двести, триста — появится кто-то ещё, подобный тебе, муравьиный лев. Но не случится ли за это время трагедии? Не станет ли твой народ разменной монетой в битве городов или песчаных аулов? И к тому моменту, как боги будут согласны даровать кого-то великого, того, кто может народ повести, вести уже будет некого? Не останется

никого и нигде?

Муравьёнок опешил и от души задумался, а я уже взглянула на Али:

— Теперь ты. Представим себе, что в опасности кто-то очень для тебя важный. Ты нерасчётливо кидаешься в бой, не взвесив все «за» и «против» и погибаешь. Нет наследника, император низложен, а значит, на Аррахате начнётся смута. Сколько при этом погибнет людей, песчаных муравьёв и ха-змей разве что только Меде ведомо.

— Значит... — Али неожиданно просиял. — Мне нужно просто очень быстро думать и принимать решения! Когда я могу рискнуть, когда я могу рискнуть другими, а когда моя жизнь однозначно не будет стоять даже осколка алмазной пыли!

Вздыхнув, я улыбнулась. Это был не тот результат, на который я надеялась, но такой — тоже неплохо. А вот Ен продолжал о чём-то напряжённо размышлять, между его светлых бровей залегла тревожная морщинка.

— Зеоннала.

— Да?

— Вот смотри, допустим, я управляю войском. У меня есть обученные генералы, есть пехота. Я не могу рисковать своей жизнью из-за кого-то из пехоты. А как насчёт генералов? Например, тех, у которых есть знания, которых нет у меня?

— Здесь палка о двух концах, Ен. Сам порассуждаешь? Али, подключайся.

Мальчишки переглянулись.

— Итак, ради пехоты — это определённо не имеет смысла, — первым вынес разумное решение Али. — Если я могу отправить помощь — я отправляю, но сам лично я не должен никому помогать, если это грозит мне лично опасностью.

Ен кивнул:

— Да. Но если я могу помочь, то я помогаю.

— К чему приведёт такая помощь? — задала я коварный вопрос.

Рамир, отлетевший вперёд, оглянулся на меня с удивлением.

Ему тоже не приходило это в голову?

— Любить! — первым сообразил Али. — Для людей правильным ответом будет, что простой народ будет любить императора, посчитав даже, что он рискует собой ради простых людей!

— Но у этого есть и обратная сторона, — задумался Ен. — Простые люди будут рассчитывать, что их придут и спасут.

— Это правильно. Рассчитывать нужно на себя. Поэтому если можете помочь — помогайте, но при этом напрасно не рискуйте. Как насчёт генералов для тебя, Ен, и как насчёт аристократов в совете для тебя, Али?

Вот теперь оба зашли в тупик. Вопрос был непрост с точки зрения морали, но вот с точки зрения логики его всё же можно было разложить по полочкам.

— Так же, как и в случае с простым человеком, если это не опасно для меня, я помогаю, — первым неуверенно пробормотал Али. — Если риск слишком высок... Нет, даже не так, если я точно понимаю, что погибну — я не должен этого делать. Но если риск допустим...

— Допустим, — повторил Ен. — Но ведь риск — может быть как опасным для жизни, так и нет. Может привести к травме, может... да много чего может.

— Всё зависит от того, насколько риск оправдан, — догадался Али. — Если риск допустим, можно рискнуть. А можно и не рисковать, если человек не достоин того, чтобы

ради него оказаться в опасности.

— Верно, — согласилась я. — Но и здесь есть свои подводные камни.

На этот раз быстрее сообразил Ен, потому что о чём-то подобном мы с ним уже разговаривали:

— Человек может выжить! В первом случае мы приобретём если не преданного друга, то, по меньшей мере, союзника или того, кто будет считать себя нам обязанным. А во втором случае — всё закончится для нас очень плохо. Начиная от того, что будет подорвана репутация, заканчивая тем, что может даже начаться... смута?!

Испугавшись сказанного, Ен замолчал, Али нахмурился, я же подтвердила его предположения:

— Верно. Именно этим всё может и закончиться. Всё зависит от вашего решения, но за каждым решением — следует следствие. Невозможно что-то сделать и ничего не получить взамен: реакции, каких-то дел, слов. Чего угодно.

— У каждого действия... — пробормотал Ен.

Али задумался:

— То есть... причинно-следственная связь? Я принёс тебе заказ — это причина. Ты повела мой отряд — это следствие. Ты пришла просить Кармин за меня — это причина, а следствие уже — то, что Ен с нами.

— Верно. Я принесла тебе клятву защищать тебя, это причина. А следствие — то, что сейчас я в пустыне, и мы снова идём куда-то, когда вокруг нет друзей.

— А если бы этого не было? — встрепнулся Ен.

— То вполне возможно Али не дожил бы до этого момента. А вполне возможно, что в этой охоте я была бы на стороне императора. Или Хана. Или Змеиного братства. А может быть, меня самой не было бы в живых.

Рамир, вернувшись снова ко мне, тихо предупредил:

— Зеоннала. Впереди что-то происходит.

— Что-то?

— Да. Я слышу там крики, звон металла. Кто-то определённо попал в ловушку.

— Ну, вот, пожалуйста. У нас — практический материал, что будем делать? С чего начинаем?

— С того, что нам необходимо разведать обстановку, — тут же резко бросил Ен.

Вот уж действительно «генерал». Сказал так сказал, что и возразить не хочется.

— Рамир? — взглянула я на привидение.

— Я не помогу, — покачал головой мой напарник отрицательно. — Там чья-то сила, не то что наблюдать, она меня не пустит дальше вот того бархана.

— Значит? — взглянула я на Ена и Али.

— Сами, — резко приказал мой светлый мальчишка.

Я пожала плечами.

Да, можно было здесь и сейчас возразить. Особенно, если учесть, что впереди пески не пели и не шептались. Плотной волной лежали вокруг маленького оазиса, затихнув под чьей-то рукой.

А ещё...

В груди вдруг больно укололо, кажется, я знаю, кто там будет впереди! Потому что оттуда наряду с шаманской незнакомой силой тянуло силой знакомой и тянуло едва уловимо жаждой крови, жаждой убивать.

Мальчишки, спешившись, поползли вперёд. Я же, оставив на Рамира ящеров, надела браслеты призыва оружия. К сожалению, драки не избежать. Не битвы на жизнь или на смерть, а именно драки: грязной, нечестной.

— Зеоннала, — тихий шёпот Али дрожал от ненависти.

Ну, так и знала, сейчас что-то будет.

— Там мой шаман! И там Тачи!

Вот! За что вы так со мной боги пустыни, змеиные боги?! Ситуация хуже не придумать! Ведь Али не просто влюблён в эту девочку, мне пока незнакомую, он её любит. Нам придётся сейчас вмешаться, что бы я ни сказала!

— Ен, сколько их? — спросила я тихо.

— Шестеро. Ещё трое — ранены. Шаман их отогнал. Но эти... они ждут чего-то. И вот тот тип, в стороне. Глянь — он определённо опасен!

Перебравшись через гребень дюны, я только досадливо вздохнула. Ну, конечно, если уж не везёт, то не везти должно по полной программе.

Здравствуй, мужик, мы с тобой давно не виделись. Расстались несколько часов назад, можно сказать.

Компанию по загону в угол шамана и девочки возглавлял Сантр. Один из личных псов императора. Да, я помнила свои мысли о том, что этих двоих придётся убить. Но мне и в голову бы не пришло, что это случится так быстро.

Второй воин пустыни. Слабее Хана... И определённо сильнее меня самой.

И что он здесь делает?

Те шестеро... так, окружили вход в пещеру. Там была нора... Ах вот оно что! Эти двое — они змеиные проводники! Возможно, бывшие, но ещё не утратили своего могущества! Он призывал змей!

Если змеи зайдут в спину шаману... он спасётся. Но если змеи нападут на незащищенную девочку... всё закончится плохо.

Шестеро.

— Али.

— Да? — в голосе моего светлого мальчика прозвучала дикая неуправляемая сила, от неё мне стало зябко, озноб прошёл по коже, меня затрясло и тут же захотелось оказаться отсюда как можно дальше. Какая силища!

При этом определённо — он не из тех, кто может в будущем стать ха-змеем. Так... что же всё это значит? Он другой? Иной? Такой же как император? Поэтому и был выбран наследником?

— Все будет очень сложно. Но возможно.

— Что нужно делать? — почти хором спросили мальчишки.

— Али, ты разберёшься с теми шестерыми с помощью своего лука, я займусь вот тем типом, что находится отдельно и делает весьма мерзкую штуку. Ен, ты зайдёшь вон в ту нору и вытащишь оттуда девочку. Шаман тебя прикроет.

— Это опасно, — пробормотал Али.

— Для тебя? — возразила я. — Нет. Ты останешься здесь с Рамиром. Если что-то пойдёт не так, сядишь на ящера, и вдвоём отправляетесь отсюда. Рамир тебя прикроет, я отсюда смогу выбраться, как и Ен.

— Нет. Я буду прикрывать вас. Всех.

— Али.

— Не спорь.

Прозвучало это не самым лучшим образом. Мне приказывали подвергнуть свою жизнь опасности, указывали на моё место. Я вскинула голову и вздрогнула. Во взгляде Али не было зрачка. Была расправленная рыжая бездна, в точности как наше светило... Он вообще человек?! Этот мальчишка? Или из-за побратимства с песчаным муравьиным львом пошли такие изменения?

— Нет... — Ен чуть отступил, покачав головой. — Это не из-за меня.

Что ж... Надеюсь, мне простят... Но этот мальчишка должен находиться в своём уме, чем бы это ни было. Размахнувшись, я хлопнула ребёнка по щеке, а когда взгляд Али прояснился, тихо повторила:

— Если ситуация пойдёт по самому худшему развитию событий, ты садишься на ящера и убираешься отсюда прочь. Рамир проведёт тебя через пески туда, куда укажет пустыня.

— Зеоннала...

— И контролируй свою силу, ребёнок. То, что внутри тебя — тебе ещё не подвластно, — моими губами на мгновение заговорила сама Пустыня. — Если ты поддашься этому, ты уже не вернёшься. Император с удовольствием прихватит свеженькое молоденькое тело. С ним ты не справишься.

Али низко опустил голову.

Он всего лишь ребёнок...

Что у нас за мир, что такие светлые дети должны нести на своих плечах груз ответственности за народы?

Шагнув вперёд, я обняла мальчишку, на мгновение прижала его к себе:

— Никто не говорил, что это будет очень легко, Али.

— Я помню, — отозвался он тихо-тихо. — Просто... Я не могу оставить там Тачи, нашего шамана, Ена, тебя. Вы и Хан — всё, что у меня есть. Я понимаю, что ты пыталась сказать... Но если я позволю кому-то из вас погибнуть, что останется от меня? Кем буду я после этого? Уже не собой...

Погладив Али по макушке, я кивнула. Он был, безусловно, и вне всяких сомнений прав. Невозможно предсказать, как отразится на Али смерть тех, кого он уже впустил в своё сердце и свою душу.

— Тебе придётся повзрослеть, — в один голос с мамой сказали мы. — И очень быстро, ребёнок...

Али кивнул и отступил, глядя на меня уже своими глазами:

— Вытащи оттуда шамана и Тачи. А я, если пойму, что происходит что-то нехорошее и неправильное, отправлюсь отсюда прочь.

— Договорились. Ен?

— Я понял тебя, — согласился мальчишка.

— Рамир?

— Присмотрю, чтобы никто не зашёл сзади.

— Тогда начинаем.

К тому моменту, как мы с Еном скатились по песчаной дюне вниз (мама самым бесчестным образом подыгрывала нам обоим), шестерых охранников, сопровождающих Сантра, уже не было в мире живых.

Али очень быстро запомнил то, что я ему говорила на первом этапе — не оставлять в живых никого, кто может напасть и ударить в спину.

Шаман только дёрнулся в сторону, когда Ен скользнул мимо него в нору, а потом спохватился и кинулся следом.

Сантр же загородил дорогу мне самой.

— Ты смотри, мы опять встретились, деточка! Причём... раз здесь ты, значит, здесь не двойник, а настоящий наследник! Вот свезло-то! Убью его и притащу труп императору, он будет просто счастлив!

— Думаю, ты догадываешься, что для этого тебе придётся пройти через мой труп.

— Не угадала! Этого делать мне не обязательно. Император сказал, что готов пощадить тебя. Убьёшь парнишку своими руками и добро пожаловать в самые высшие слои общества. Даже не наложницей, станешь его женой. Представляешь, какая честь безродной смертнице? В противном случае, уж не обессудь, придётся тебя убить. Верные люди — это такая проблема. Лезут, куда их не зовут, творят, что хотят! Мешают нормальным людям.

Мешают?

Когда это я помешала императору так крупно, что он решил помимо кнута, поманить меня ещё и пряником?

Так. Сила... И что там мама сказала Али? Что император с удовольствием займёт новое тело?!

Так вот откуда взялись те страшные сны!

Император просто хотел подчинить себе Али! Занять сразу его тело! Ещё до того, как началась вся эта большая игра. Вот ради чего всё это было.

И я помешала.

Он даже не понял, что я вмешалась. Что это просто была «наложница». Я выдала себя, когда заступила двум братьям дорогу в виде Танцующей. Император ещё не понял мою точную суть, но уже определил главное, что я буду всегда на стороне мальчишки.

— Очень жаль, — вздохнул Сантр, прочитав ответ по моему лицу. — Такая девушка... такая красавица... Ты должна была стать украшением совсем другого дворца!

— Под этими хрустальными куполами тяжело дышать, там слишком много людей.

— Мы можем всех их убить, — предложил мужчина, разведя радостно руками. — И будем только мы! Император. Мы — его верные псы и ты. Драгоценный камень в оправе хрусталя. Самое главное сокровище города Тысячи сердец.

— Вынуждена отказаться. Я принесла клятву на мече.

— Слишком хороша, — Сантр поморщился.

Я улыбнулась, развела руками, позволила шелкам стечь по моей коже ярким потоком, изогнулась, позволяя драгоценным бусинам из разорванного ожерелья последовать следом. По нежной коже. Янтарные волосы были убраны в сетку, чтобы не мешались, но выбившиеся из-за долгой дороги пряди скользили по нежной шее и ключицам, щекотали, сползая к зоне декольте.

Мужчина выдохнул и тут же схватился за горло. Пока я отвлекала его внимание ситуация успела немного измениться. Шаман встал рядом со мной, растирая между ладоней корешки. Душистый порошок не давал Сантру дышать.

— Отходим, — приказал мне Чиганари-до вполголоса. — Это ненадолго его задержит.

— Он нас нагонит.

— Безусловно, — согласился мужчина, накидывая на голову капюшон. — Но это случится там, где мы примем бой в лучших условиях. А сейчас сюда стремятся змеи, поверьте, милочка... ваши чарующие движения не позволят вам задержать змей.

Первое, что пришло мне в голову, что шаман сошёл с ума. На месте. Второе — что он просто прикрывает меня перед Сантром. А потом я осознала, что он меня не видит! Не распознал во мне змеиного проводника, говорящую со змеями, Танцующую, наконец! Он видел во мне обычного человека, простую наложницу.

И ответственен за это был амулет власти...

Осколок какой-то магии, знаний, давно утерянных на Аррахате.

— Я тебя найду, — пообещал Сантр, глядя на меня с ненавистью. Зыбучие пески, по приказу шамана расстелившиеся у него под ногами, затягивали убийцу всё ниже и ниже. Сам шаман уже шёл спокойно прочь, на верх гребня, туда, где его Тачи висла на шее Али, плача и смеясь одновременно.

Наклонив голову, я согласилась:

— Да. Только право первого удара ты уже потерял. Так что не обессудь. Рядом с Али я вас не оставлю. И в следующий раз уже я атакую первой.

— Буду ждать, деточка. Буду тебя ждать.

Независимо передёрнув плечами, я подхватила шелка и двинулась наверх, прикидывая, как придётся ехать теперь...

А поднявшись, застала дивную картину того, как шаман, ни в чём не разобравшись, с ходу атаковал моего Рамира!

Да издеваются они все надо мной что ли?!

Метнувшись, я остановилась на пути атаки, сжимая кулаки. Мечи злобно вибрировали, готовясь прийти на помощь, но пока ещё оставались в своих ножнах.

— Ты, — шаман вздохнул, покачал головой и посмотрел на Али. — Ребёнок, убери свою наложницу с моего пути. Такая призрачная погань не должна находиться рядом. Это открывает путь...

Мужчина не договорил.

Моё терпение, и без того не безграничное, лопнуло окончательно. И мой меч замер в воздухе рядом с горлом шамана.

— Это «погань» — мой напарник, шаман. И если не хочешь, чтобы я отрезала тебе язык или сразу перерезала горло, придержи своё «ценное мнение» при себе.

— Али? — удивился шаман.

Мальчишка взглянул на меня, на Рамира, снова на шамана и... сделал выбор.

— Это мой друг, Чиганари-до. Не надо его трогать.

— Что-то ты расслабился, Али. Забыл всё, чему я тебя учил. Не доверять разным...

Шаман вздохнул, а я рассматривала его.

Какой же высокий! Выше меня на полторы-две головы. По виду годин сорок, а на деле мог разменять уже под сто. В его плащ можно было меня завернуть три раза, ещё и место бы осталось. Впервые вижу такую мощь в исполнении шамана. И волосы эти — ритуальная причёска вроде бы, мелкие косички, сплетённые, переплетённые, а насколько ему не идёт! Просто ужас.

Загорелый, ещё немного — и до черноты. Разве городские могут загореть? Но при этом он определённо не представитель песчаного народа. В его коже нет ни следа алого цвета. И глаза... разрез городской, глаза большие. Нос прямой. Подбородок квадратный, тяжёлый.

Девочка на него была совсем не похожа. Хрупкая, тоненькая, тронь — сломается. Волосы шамана были коричневые, с едва уловимыми, совершенно седыми прядями. И глаза — белые, с ощущением практически слепоты. А она сероглазая, и волосы — каштановая

волна по плечам, и кожа тонкая. Больше напоминает аристократов. Как сам Али, сейчас покровительственно обнимающий её за плечи, пока Ен стоял немного в стороне, настороженно глядя на шамана.

Ему этот человек не нравился.

Он был слишком... Определённо Али недостатков своего шамана не видел, а вот мы трое, да свежим взглядом...

Что ж, буду надеяться, что этот человек не предатель. Я не хочу причинять боль Али, убивая его.

— Что ж. Представь мне остальных, — приказал шаман.

Мой светлый мальчик чуть нахмурился, потом кивнул, показал на Рамира:

— Наш призрачный друг, очень полезный, собственно, сегодня мы обнаружили вас только благодаря ему. Рамир. Это Ен, мой лучший друг, мой названный брат, мы постоянно вместе. Наконец, Зеоннала. Она моя наложница, жаль, что я не встретил её раньше, была бы сейчас моей любимой старшей родственницей. Итак, теперь наоборот. Друзья, знакомьтесь, это Чиганари-до — шаман города Хана. Наш семейный шаман, он воспитывал меня, вместе с братом. А это, — с гордостью взглянул мальчишка на улыбающуюся девочку. — Тачи. Моя любимая невеста.

Мы с Еном переглянулись, Рамир предпочёл так вообще держаться за моей спиной. Но не улыбнуться в ответ на улыбку Тачи мы просто не смогли.

— Итак, — шаман поправил плащ, взглянул на меня. — Оденься. Дальше поведу я.

— Думаю, — вздохнула я, — вы немного неправильно поняли ситуацию, Чиганари-до. Здесь Я проводник. И мы идём тем путём, который я выбираю. Ничьих приказов я не слушаю и не выполняю.

— Али, заставь эту женщину замолчать, — шаман скосил взгляд вбок и замер.

Мой светлый мальчик смотрел на шамана совсем не так, как тот привык видеть. В его глазах снова разгоралось рыжее злое пламя. Шаман оставил ребёнка, но вернулся к маленькому воину, уже научившемуся выбирать и принимать правильные решения. Али сам сообразил, что шаман, который мог помочь ему самому, предпочёл спрятать дочь и спрятаться сам, даже не сказав о том, куда собирается.

— Она проводник, — подтвердил мальчишка мягко мои слова. — И это она ведёт нас к месту. Поэтому, Чиганари-до, пожалуйста, слушайте её.

Тачи удивлённо взглянула на мальчика, чуть отступила.

Молча.

А я только сейчас поняла, что не слышала ни одного слова от неё.

Пройдя мимо своего ящера, потрепав его успокаивающе по шее, я присела на корточки перед малышкой, погладила её по мягким прядям.

— С тобой всё хорошо?

Маленький кивок... и всё?!

Так.

Будем считать, что я стала бояться даже тёмных углов. Будем считать.

— Зеоннала! — Рамир отлетел в сторону и вернулся ко мне. — Тот мужик.

— Пропал, — кивнула я, поднимаясь от Тачи. — Я знаю, Рамир. Я знаю. Дальше разберёмся. Твой ящер отойдёт шаману, Али, прихватишь свою невесту. Ен, меняем порядок движения. Ты в конец. Али, ты сразу за мной. Чиганари-до, вас попрошу двигаться за Али.

— Я как обычно? — уточнил Рамир.

Я повернулась к нему, завязывая у шеи шнуровку плаща.

«Присматривай за шаманом».

«Понял», — согласился мой призрачный напарник.

На этом наш привал был благополучно закончен. Впереди была опять дорога. И что-то мне подсказывало, что теперь до города Тысячи сердец мы не доберёмся. Нас ждала новая встреча с цепными псами императора...

Но я и подумать не могла, что это случится так скоро!

Всё стало очевидным через пару дней. До столицы нам оставалось ещё четыре ночных перехода, когда стало понятно, что нас загоняют. Абсолютно спокойно и уверенно, двигаясь на нас как будто от нас нить тянулась. Чётко и с разных сторон.

Естественно, это было опасно.

А ещё — обидно. Потому что очень быстро стало понятно, что кто-то из тех, кто с нами в компании, предатель. Невольный или нет, предстояло только выяснить. Но времени на выяснение у нас не было!

Да, я была достаточно осторожна, чтобы не называть точки нашего движения, могла спокойно среди движения поменять направление. Мальчишки не задавали вопросов, доверяя мне. Рамиру было всё равно. Я присматривала за девочкой, но она держалась спокойно, как и шаман. Чиганари-до пытался ещё пару раз повлиять на Али, чтобы мой светлый мальчишка сделал со мной что-то, но момент определённо был упущен.

Али верил своему наставнику, но относился к нему настороженно, заставляя присматриваться и меня саму к происходящему.

Ничего странного не было в том, что в первую очередь именно шамана и его дочку я заподозрила в том, что один из них предатель.

Все, что я успела осознать, сложить воедино в этой истории — помогло мне сделать правильные выводы. Свиток-манок не был в одежде, на одной из стоянок все переоделись, а всю одежду мы сожгли.

Могло быть что-то в теле, но тело Тачи (по-прежнему не сказавшей ни слова) было чистейшим, а мальчишки осмотрели тело шамана. Естественно, так, чтобы сам шаман не понял, что ему не доверяют.

Оставался единственный вариант — якорь на свиток поиска был во снах и подсознании. Такой «подарок» мог быть оставлен и в ком-то из нас, если бы не одна маленькая проблема — гроль. Эта чудодейственная грязь для косметических средств имела и ещё одно побочное действие для шаманских техник! Мы переночевали рядом с гролью, если бы в нас что-то было, такой вот незримый «попутчик», он бы сразу уничтожился.

Оставались Тачи и Чиганари-до.

Я могла войти в их сон, что девочки, что шамана, но только если Тачи я могла осторожно проверить, не привлекая к себе внимания, то с Чиганари-до тихо и спокойно всё проверить я не могла. Он всё-таки был шаманом.

И от души понадеявшись на то, что якорь в девочке, я заглянула в её сон.

Лучше бы я сразу выбирала шамана, потому что я не нашла в детском сне ничего. Нет, не просто ничего предосудительного, не нашла вообще ничего! Ребёнок не видел снов. Вообще. Никаких. И это было что-то удивительно мощное, некая техника, от которой у меня задрожало всё внутри. От страха. От уважения. Кто бы это не сделал, он понимал, что именно делает, как и зачем.

Пески молчали, как человек, набравший в рот воды, в тёмно-синем небе мерцали

далёкие белые и алые звезды. Яркие крупные гроздья и узкие лучи света, соединявшие всё и вся в тончайшую звёздную паутину.

Шаманы говорили, что нельзя долго смотреть в ночное небо, можно потерять свою душу. Особенно, если слишком заглядеться на глаза Меды — два маленьких ночных светила с рыжими зрачками, в точности как глаза человека. Света Глаза практически не давали, но мы уже вошли в зону белого песка, и этого было достаточно, чтобы отражаясь от песка, вокруг нас соткались сумерки.

Можно было не смотреть по сторонам и спокойно подумать. Рамир был на страже, мальчишки тоже что-то тихо обсуждали. А я старалась понять.

Если всё сложить воедино, получалось что незримый направляющий якорь в душе и снах шамана. Добровольно войти в свой сон он мне не даст. Спеленать его и войти насильно я не смогу, слишком уж силён. Значит, единственный вариант — предъявлять амулет власти. А этого делать никак нельзя. Просто потому, что ни в коем случае нельзя показать императору, какой козырь спрятан в моём рукаве.

Ну, и что делать?

Вздыхнув, я устроилась на ящере, прикрыв глаза. Сквозь прищур, взглянула на спокойного Али.

Мальчишка сносил все тяготы пути, ни разу не пожаловавшись.

Такой сильный, такой замечательный...

Вот только...

Следующая мысль заставила меня подпрыгнуть и слишком резко дёрнуть поводья, отчего мой ящер чуть не завалился набок, а я уже с ужасом смотрела на Али, пользуясь темнотой.

Минуточку. Почему он жив?! Я понимаю, что звучит это кощунственно и возмутительно, особенно, если учесть, сколько усилий для такого исхода приложила лично я, но всё же, почему ребёнок жив?!

Одной удачей такой оправдать нельзя!

Судя по тому, что остальные наследники давно уже мертвы, а противостоял Хану всё это время сам император, тот, в чьих руках сосредоточена основная власть на Аррахате, это можно объяснить только одним! Тем, что жизнь Али была выгодна самому императору.

Более того, старшего брата моего подопечного император вызвал просто для отвода глаз. Чтобы Хан был занят и не напрягал свою светлую голову! Все при делах, а настоящий убийца тем временем — действительно рядом. Шаман!

Как Али говорил? Его, именно его, воспитывал с самого начала шаман. Значит, когда были живы родители, шаман был другой. И будем откровенны. Не похож Чиганари-до на правильного шамана, слишком уж выучка у него не воинская, а скорее — убийцы.

Проблема только одна, точнее не одна, конечно, но основополагающее «но» во всём этом звучит очень просто — обмануть детей невозможно. Если бы шаман ненавидел Али, то Хан бы давно это заметил и принял меры. Впрочем, даже не это самое важное. Самое важное, что невозможно вырастить такого светлого мальчугана, будучи типом с такими чертами характера, как Чиганари-до успел уже продемонстрировать.

Что-то здесь не так, весомо не так.

Заново. Заново. Не стоит забывать, что до того, как всё это началось, шаман покинул дворец Хана, словно знал, что последует дальше. Что из этого следует? Что он не мог предупредить, зато определённо мог сделать и сделал всё, чтобы на него не могли повлиять.

Самоустранился. Но его нашли. Его целенаправленно и специально искали.

Немножко назад. Что там с силой императора? Как сказал Ен? Те змеиные проводники, что напали на караван, они бы может и не хотели этого делать, но их заставила сила. Если допустить, что Чиганари-до тоже под управлением такой силы?

Тогда эта сила определённо во снах! Её источник. Была бы она в реальности, я бы её могла и не почувствовать. Но мы под покровительством Пустыни! И она бы уже позаботилась об этом. А ещё император пытался получить контроль надо мной! Сначала он достал мою кровь, а уже потом явился в мои сны. Как говорил дед? Сны — это тончайшая сущность, то небольшое, что нам осталось от техник древнего мира.

Тогда, чтобы помочь шаману (а помогать надо, это близкий человек Али), чтобы помочь заодно и себе, нужно было избавиться от подселенца в душе Чиганари-до.

Нужна была остановка на несколько дней. В достаточно безопасном месте, чтобы мы туда легко добрались. Но при этом, чтобы мы могли встретить гостей, которые в любом случае придут по наши души, по следам якоря.

Придётся вытаскивать на поверхность первый козырь.

Хан с самого начала сказал, что его призовут в город Тысячи Сердец, поэтому помочь лично он не сможет. Зато у него есть доверенное лицо, которое вот-вот вернётся...

Короче, меня и мальчишек ждала встреча с Китом, палачом и правой рукой Хана. Мне было немного страшно. Слишком уж тёмным был взгляд палача, когда он смотрел на меня. Слишком уж был он умён. И с тем учётом, что вопреки всему и вся, на моих висках по-прежнему были полосы змеиной чешуи, было очевидно, что личный палач повелителя Хрустального предела мгновенно поймёт, кто такая Зеоннала, и куда делся Зеон.

Оставалось надеяться, что прославленная ненависть палача к женщинам — лишь слухи, в противном случае, мне придётся скрестить клинки с Китом. А этого я бы предпочла избежать. Другие желающие, чтоб им... больно было! найдутся.

— Зеоннала, — шаман, подведя своего ящера вплотную, взглянул на меня с долей задумчивого интереса. Голос его звучал чуть мягче, чем обычное, дружелюбнее и напевнее. Как интересно! Настоящий шаман?! Это он прорвался сквозь блокаду, или император постоянно рядом быть не может? Или всё куда проще, и я в своих предположениях ошиблась? — Откуда ты взялась такая, девочка? Совершенно нелогичная, непредсказуемая, опасная. Император уже готов на голове ходить, уже и убийц по твою душу отряжал, и палачей своих, а ты как заговорённая!

— Заговорённая и есть. А вы?

— Шаман Хрустального предела. Чиганари-до. Сказал бы, что «настоящий», но, увы, я всего лишь тень самого себя.

— В остальное время вашим телом управляет император?

Шаман улыбнулся, кивнул. Но не сказал ни слова. А потом взгляд острых смеющихся глаз стал матовым, пустым, грязным. Так что же получается, вся эта ненависть, что на меня выливалась, она не от шамана, а от императора? Ну, и за что этот венценосный тип меня так ненавидит? Что я такого ему сделала?!

Только своим появлением? Да быть того не может. Судя по тому, что я увидела, а увидела я определённо только край хвоста ха-змеи, император был опасен настолько, что впору было бежать прочь и не останавливаться. А его ненависть ко мне была застарелой. Такой... как будто он знал, кто я. Чья кровь во мне бежит.

Не я сама по себе причина этой ненависти, а дорогу ему перешла, скорее, даже мама. И

не спросить же! Пески молчат... Молчат? И те слова... Значит, так оно и есть! Мама действительно знает императора. Как и он её.

В курсе ли он, что она — Пустыня, суть и сущность Аррахата? Вряд ли. Скорее, он ассоциирует её с Танцующей. Поэтому так активно желали меня убить личные псы императора, потому что это было его желанием. Его ненавистью.

Не радуется меня эта история, ой, не радуется. Только как бы с ней разобраться, чтобы ни себе, ни другим не навредить?

Как, как, по порядку!

Впереди оазис, где нас будет ждать Кит. Там я войду в сон шамана, чтобы избавить его от императора. А чтобы он не вернулся, придётся просить Тайпана перебраться из моего сна — в сны Чиганари-до.

Подумала и сама ужаснулась. Я добровольно буду кого-то просить о помощи?!

Но да. Буду. Потому что не могла по-другому. Точно так же, как до сих пор не могла выбрать, балансировала на тонкой грани между двумя мирами, не в силах выбрать один конкретный.

Мне нравилась пустыня, её шёпот, её мягкий напев, который для многих становился смертельным. Мне нравились переходы песочной гаммы и дивных зелёных изумрудов оазисов на полотне рыже-золотого песка.

Мне нравились крупные ночные звёзды, мне нравилось ощущение, что вокруг никого. Только я одна. Только ночь. Только Аррахат.

Я не могла сказать, что с первого взгляда полюбила пик Гроз, но что-то было там такое, что тянуло меня, манило обратно. И нет, чешуйчатый и хвостатый ха-змей не имел к этому никакого отношения. Было что-то ещё.

Но выбрать окончательно я не могла, и бродила как неприкаянная.

Песок чуть всколыхнулся у лап ящера. Перекатился едва уловимой волной и затих, донесся самое важное. Нас ждали.

В оазисе был Кит, один. А с востока, по караванной тропе, по которой нормальные пустынные перемещаться отказывались, ехал верхом на ящере ещё один всадник. Кажется, нас ждала встреча с Сантром.

— Зеоннала? — Ен, уловив мою тревогу, подъехал ближе.

Я взглянула на мальчишку. Кит прикроет нас от Сантра. Я разберусь с шаманом. Защищать Али придётся Рамиру и Ену. А ещё есть Тачи.

Вот кто бы мне сказал, что я буду рада прибытию в город Тысячи сердец просто по тому, что мне придётся следить за меньшим количеством людей и нелюдей?!

— У нас будут небольшие проблемы.

— Я могу помочь?

— Да. Тебе придётся присмотреть за Али. И девочкой.

— Почему? А ты?

— У меня есть одна идея, которую нужно проверить. Проблема только одна, я не знаю, сколько времени на это уйдёт.

Ен вглядывался в меня долго, словно пытаюсь забраться в мои мысли, потом кивнул:

— Хорошо. Я не понимаю, что ты хочешь сделать и зачем, но если так надо...

— Очень надо. Очень-очень. Чтобы ты присмотрел за Али, чтобы не пострадала девочка.

— А Рамир?

— Вначале поможет мне, потом тебе. А потом сразу же мы отправимся в город Тысячи сердец. Осталось пару переходов и...

— Всё начнётся по-новому, только в ещё большем масштабе, — подсказал мне Али, осаживая ящера. Тачи, укутанная в плащ, мирно спала в его руках. И я с удивлением отметила, что рядом с девочкой мой светлый мальчишка кажется куда более взрослым.

— Это да. Грязная политика, и всё такое, — согласилась я мирно. — Али.

— Да?

— Тачи говорила?

Мальчишка растерялся, потом отрицательно покачал головой:

— Мы познакомились, когда ей было три, а мне пять. Такой знаешь, уверенный в себе карапуз, защищающий маленькую девочку, — и словно спохватившись, что сказал, что-то лишнее и слишком личное, Али пожал плечами. — Но я ни разу не слышал её голоса.

Совсем хорошо!

— Ясно, — пробормотала я, кивнув. — Так, Али. Возвращайся на своё место. Ен смотри в оба. Рамир?

— Он уже ждёт.

Кто «он» объяснять мне было не нужно. Я уже знала, я уже была готова. Насколько могла подготовиться к тому, что последовало.

Во встрече не было ничего выдающегося. Я переживала напрасно. Когда нужно было, этот хладнокровный тип виртуозно держал себя в руках.

Смерил меня взглядом, хмыкнул, сообщил, что так мне идёт больше и не надо ломать голову, почему моя грация такая рваная и неправильная. И на этом дело было закрыто. К моему большому облегчению.

Пока Рамир с шаманом рассёдлывали ящеров, я тихо спросила у Кита:

— Минутка есть?

— Д... да, — порядком удивлённый палач, явно хорошо запомнивший, что я предпочитала держаться от него подальше во время пути к пику Гроз, воззрился на меня. — Что такое?

— Сантра знаешь?

— Личный пёс и палач императора, — не задумался ни на мгновение Кит. — Опасный садист. Очень любит резать по живому.

— Ты один с ним справишься?

— Нет, — последовал ответ ещё быстрее. — Я видел его в действии. Не на этих песчаных играх, где он не показывает и десятой части своих способностей. А действительно в деле. Когда он на работе, а не развлекается. Собственно, один на один есть шансы разве что только у Хана. Они один раз они сцепились на песчаных играх. Вот это была буря. Ни один не желал уступать другому! Страшно было.

— Даже тебе?

— Особенно мне. Потому что я часто видел силы Хана, когда он не притворяется. Поверь, мне с ним и рядом не стоять. Он очень быстрый, стремительный. Опасный. Он атакует с непредсказуемых углов, никогда не понять, если он ушёл тебе за спину, не атакует ли он сбоку, не обойдёт ли и не нападёт снова, в лоб. Это очень... было страшное зрелище. Я бы предпочёл не видеть этого больше никогда.

— А второй брат? Ранс?

— Ещё опаснее. У него нет слабостей. Только спокойная любовь к убийствам.

— Так, — я прикусила губу. — Ладно. Придётся, значит, немного поменять планы.

— Планы?

— Сюда направляется Сантр. И если он дойдёт до Али — то мы с тобой не вернёмся к Хану с позором, нас тут рядышком он и прикопает. Ты говорил про слабости. Что у Сантра за слабости?

— Женщины. Крики. Кровь. Есть пустынные, думаю, ты должна знать, впадающие при виде крови в боевую агрессию.

— Есть такие. А ещё такой же эффект оказывает кое-какая травка. Правда, от неё потом сухо в горле и голова раскалывается так, что не описать.

— Точно, — кивнул Кит, потом поёжился. — Ты что, её применяла?

— Не было другого выбора.

Палач промолчал, потом заговорил снова:

— На Сантра кровь оказывает другое действие. Он слабеет. Но только если это вид его собственной крови. То есть — чем больше его ранить, тем он слабее. Ранс наоборот. Если его ранить, хотя бы одна царапина, он впадает в буйство и чтобы его удержать, не хватает даже четырёх сторожевых змей.

— Восхитительно! — сплонула я. — Да что же это такое?! Жила себе спокойно, нет, стоило связаться с одним мальчишкой, а теперь, что не новый враг — так такой, хоть сразу мыль шею и на виселицу!

Кит растерянно на меня взглянул, недоумевая, что вызвало такой приступ ярости, а потом расхохотался:

— Действительно. От песчаных разбойников к кошмарам и обитателям пика, а теперь к императору и его своре. Люди опаснее ха-змей!

— Намного, получается, что даже слишком много! Не понять, как с этим справляться, и что делать нужно, чтобы выжить хотя бы. Хотя нет, кое-что мне известно, — круто повернувшись, я ойкнула, подпрыгнула на горячем песке и двинулась туда, где были остальные. Кит двигался за мной. — Так, Рамир...

— Ящеры рассёдланы, — отрапортовал мой напарник. — Я их отвёл вниз, в нору и напоил.

— Хорошо! — одобрила я, потом взглянула на Чиганари-до. Он предатель. Неважно вольный или нет, ясно только, что он опасен, что он — угроза. Если он сейчас останется с нами и Китом — он ударит нам в спину, позволяя Сантру пройти мимо. Оставим его с Али, Еном и Тачи, он убьёт мальчишку сам.

Вилка!

Что мы делаем в случае с вилкой? Просто сгибаем оба зубца так, чтобы ни один из них не мог стать реальностью.

Говоря откровенно, вариантов у меня было немного. И вообще, ещё дед говорил, что со всем нужно разбираться по порядку.

По порядку и будем.

Двинувшись к Рамиру, словно желая что-то ему сказать, я не дошла. На середине движения выхватила свой меч, круто повернулась... Чиганари-до мог увернуться, я знала это точно, видела в его движениях стать и выучку воина. Но он напряг свои мышцы и остался на месте, чтобы спустя мгновение рухнуть под моим ударом навзничь.

— Зеоннала! — крик мальчишек я пропустила мимо ушей. Отмахнулась от недоумевающего Кита и взглянула на своего призрачного напарника:

— Захвати его тело.

— Что?! — хоровой выкрик на меня тоже впечатления не произвёл. И изумление на лицах окружающих — тоже.

— Ты сейчас ничего не перепутала? — осторожно спросило привидение. — Может, ты что-то неправильно поняла?

— Я всё поняла правильно. На объяснения зато времени нет. Рамир.

— Я не смогу. Зеоннала, это шаман! Один из могущественнейших. Я к нему просто подойти не мог, а ты хочешь, чтобы я занял его тело?!

— Да. Более того, я хочу, чтобы если он придёт в себя, ты это тело не отдал.

— Это определённо невозможно, — подключился Кит. — Как ты себе представляешь это?

— Мне всё равно, как ты это сделаешь, Рамир. Просто пока мы разбираемся с проблемой, которая уже близко, я хочу, чтобы ты занялся этим.

— Не... — привидение резко замолчала.

Тачи, всё это время прятаясь за спиной Али, шагнула вперёд, дёрнула меня за край рукава.

— Да, малышка?

Девочка показала на себя, потом на лежащего отца.

И только сейчас до мальчишек дошло, что она не кинулась ему на помощь, более того, всё это время пряталась за своим женихом, словно опасаясь своего самого родного человека.

Зафиксировав эту мысль, я отложила её в памяти, но сейчас было не до этого. Кажется, девочка предлагала мне... руку помощи?!

— Ты можешь помочь?

Тачи обрадованно кивнула.

— Рамир.

— Я понял, понял, я сделаю это! Ну, надо же, — забурчал он, — когда я согласился уйти с тобой, я и не знал, что впереди такие приключения. Знал бы, остался б на месте! Целее шкура была бы.

— Конечно-конечно, — кивнула я.

Тачи положила ладошки на плечо отца, и... её руки засветились.

Девочка-шаман?! Да вы издеваетесь что ли?!

И пока я предавалась шоковому состоянию, Рамир стал тонкой струйкой дыма и вошёл в тело шамана.

— Али, Ен, уходите вниз. Тачи...

Девочка, посмотрев на меня строгими, совсем не детскими глазами, кивнула.

Как же страшен наш мир, когда такие вот дети вынуждены раньше времени становиться взрослыми!

Дети вместе с шаманом, Рамир даже смог передвигать ноги захваченного тела, ушли вниз — в пустую сейчас нору одной из гигантских змей. И тут же, не рассуждая, я обрушила за ними пески.

Вот так.

Теперь можно зайти с другой стороны — а это ещё попробуй, найди вход.

А можно убить меня.

— Смена приоритета, — ухмыльнулся Кит, с интересом наблюдающий за моими действиями.

Я кивнула.

Именно. Если Сантра прислали сюда убить Али, не размениваясь на окружающие живые мелочи, то теперь ему придётся начать с нас. Подстраховка, так сказать. Добровольное приглашение смертельно опасного типа к нам двоим.

— Цель проста, — тихо заговорил Кит. — Задача нанести ему как можно больше мелких ран, чтобы крови было как можно больше. Соответственно, не подставляйся под удар сама. Силы у него такие, что тебя, такую хрупкую, просто унесёт в сторону.

— Спасибо, — поблагодарила я тихо. Предупреждение было более чем своевременное.

Жаль только, что я не знала об особенностях Сантра раньше.

Если бы знала, можно было бы приготовить ловушку — песчаные лезвия. Но для того, чтобы их призвать, мне-Танцующей нужно было танцевать несколько часов. Такое количество времени выиграть мы уже не могли.

Сантр был очень, очень близко.

Ну, вот, помяни панцирную змею, она тут как тут!

— А кого это вы тут ждёте?! — обрадовался этот тип, — не меня ли?!

Кит заговорил, а я, я не могла оторвать взгляда от змеи, верхом на которой прибыл Сантр. Громадной змеи, покрытой броней. Сторожевой змей. Огромный. Мощный. Опасный.

Да он один раз ударит, от нас обоих мокрого места не останется!

И внутри свиток подчинения...

Бесполезно пытаться переговорить и переманить.

Бесполезно?!

— Не стоит так бояться, — с довольной усмешкой сообщил Сантр. — Вот эта красота серебряного цвета с вкраплениями чёрных полос — уникальный боевой змей, лично выпестованный императором! Какой яд, какие пропорции, а скорость! Вы не представляете, сколько восхитительно это создание.

Я могла себе представить.

Потому что совершенно определённо, перед нами была не просто гигантская змея. Перед нами был ха-змей!

— Император очень просил, чтобы я с тобой не играл, детка, — Сантр смотрел на меня почти что с сочувствием. Только на дне его глаз я видела не просто безумное желание причинить боль, я увидела желание ощущать чужую боль. — Собственно, в другое время я бы предпочёл с тобой поиграть, послушать твои крики, посмотреть, как ты выгибаешься от боли. К сожалению, такого удовольствия мне не выдастся. Но впрочем, мне хватит и того, что ты умрёшь на моих глазах. Я буду вспоминать это в своих снах.

— Кит, — дёрнула я едва уловимо стоящего рядом палача. — Сколько времени ты против него продержишься?

— Если он будет играть со мной — минут пять. Если будет убивать сразу — минуты две.

— Это вот ты сейчас себе польстил, — сообщил Сантр.

Мгновенно. Он двигался с такой скоростью, какая недоступна людям.

И бил так, что второй раз подняться было невозможно.

Кит улетел в одну сторону, приземлился, правда, удачно — на грудь поклажи. Я отлетела в другую сторону, с приземлением неудачным. Потому что мало того, что я налетела на ха-змею, я ещё и порезалась об его броню.

— Кровь! — прошелестела надо мной змея.

Сантр, уже наклонившийся добивать Кита, круто повернулся.

Говорящий со змеями?! Неужели?!

— Ты ударилась? — опять то же мгновенное перемещение, и вот уже Сантр навис надо мной. Его рука скользнула по моей щеке, очень осторожно, нежно, ласково. — Бедная малышка. Я был столь неосторожен, прости!

Это насколько он неадекватен?!

Задавать себе подобные вопросы не стоило. Нужно было пользоваться моментом и пытаться убежать, вот только...

Я об этом не знала, а сообщить мне, естественно, никто не удосужился.

Всё с той же пугающей нежностью и осторожностью мужчина поднял меня на ноги, помог устоять и швырнул в ту же сторону, откуда и поднял.

Снова на броню ха-змея.

Кровь хлынула потоком. По спине, шее, плечам.

И тут же тоненько завизжав, в сторону прятнул Сантр.

На его собственном плече появилась длинная царапина, недостаточно глубоко, чтобы он не смог пользоваться рукой, но достаточно, чтобы хлынула уже его собственная кровь.

Ха-змей за моей спиной нервничал.

Острые чешуйки брони распороли уже начавшую подживать ранку, и теперь моя кровь лилась по броне ха-змея, затекая между сочленениями чешуек.

— Кровь, — снова раздалось над моей головой шипение. — Кровь. Детёныш...

Подняв голову, я слабо улыбнулась.

Надо было сказать змею, что всё хорошо, что я справлюсь, это не страшно. Это...

Больно! Как же больно!

Кит отлетел в сторону и уже не поднялся, а Сантр двинулся ко мне, напевая что-то себе под нос. Я даже не стала вслушиваться, потому что в следующий миг уже отчаянно кричала от боли.

Этот садист извлёк несколько потайных кинжалов и сейчас загонял их в моё тело, один за другим, наслаждаясь моими криками.

В глазах мучителя не было ни единого проблеска разума. Он действительно наслаждался...

Интересно, а остановить это безумие как-то можно?!

Нельзя! Нельзя, ни в коем случае пускать этого типа к Али!..

Хотя, тут скорее мне о себе волноваться надо, чем о других.

Что же делать?! Что делать?!

Над головой тревожно зашипел ха-змей. Грудь обожгло болью, когда сверху закапал яд... прямо на мой амулет власти, стирая маскировку, разъедая её...

А в голове всплыло:

«Амулет власти — это не просто подтверждение твоей силы. Это даже не показатель того, что ты получила доступ к древним силам. В первую очередь это знак того, что у тебя есть право приказывать, даже ха-змеям».

Я могла бы попробовать приказать Сантру, но у императора тоже был амулет власти. И этому человеку он вполне мог приказать подчиняться ему до гробовой доски. С ха-змеями же всё было интереснее. Амулет императора больше был не действителен, а мой — то, да!

— Убей его! — не крикнула, а прошипела я, перейдя на змеяз.

Мимо взгляда мелькнул огромный хвост, покрытый шипами. Алое, алое...

Всё. Дальше ничего не помню.

Разве что успела подумать, сползая без сил в объятия сворачивающегося клубком ха-змея, что до сна шамана я так и не добралась...

Наверное, надо у себя на лбу написать, что амулет работает очень примитивно. Раз прозвучало внутреннее желание, значит нужно его исполнить!

Потому что когда я открыла глаза, я была опять вне реальности. Я опять была в мире, для обычных людей не существующем. Я была во сне.

А попробовав двинуться с места, обнаружила, что не могу этого сделать. Причин было две. Во-первых, под ногами была чёрная гниlostная... грязь?! Гроль?! По которой невозможно было сделать ни одного шага. А, во-вторых, если бы даже я захотела это сделать, у меня бы не получилось. Потому что вокруг моих ног был обвит хвост. Чужой хвост, между прочим!

А его обладатель стоял ко мне спиной чуть впереди и что-то рассматривал.

— Тайпан?

— Ш-ш, — змей, опять находящийся в форме получеловека, полузмея, отмахнулся от меня, — подожди. Здесь кто-то есть.

— Ещё бы. Мы в чужом сне.

— Я понимаю. Но не только мы. Здесь есть кто-то ещё. И не один! Посторонних здесь двое. Помимо нас.

Порядком удивившись, я не ощущала, не слышала и не чувствовала вообще ничего, я попыталась сделать шаг и опять у меня ничего не получилось.

— Ты можешь проводить меня туда, где ты... ощущаешь чужаков?

— Они в разных местах, — сообщил мне Тайпан задумчиво, поворачиваясь, подползая ко мне и беря на руки.

— Эй! Ты что творишь?!

— Беру тебя на руки. Ты здесь не пройдёшь. Человеческое тело не предназначено для перемещения по серой гнили.

— Она чёрная вообще-то! — огрызнулась я невольно.

— Да хоть рыжая, — Тайпан взглянул на меня с усмешкой. — Тебя смущает, что тебя носят на руках, Зеон?

— Да! Очень! Так что поставь меня обратно!

— Выберемся отсюда, поставлю. А пока не шуми.

Ощущение было такое, словно я от неожиданности потеряла дар речи. Минуточку! Это вообще, что такое происходит?! Мной командуют?!

...Нет, кажется, обо мне просто заботятся. И мне придётся эту заботу принять, потому что тело болит. Даже здесь. Несмотря на то, что всё-таки это более чем реальность, эта сонная хмарь...

— Тайпан.

— Да?

— Ты... можешь мне помочь?

— Чем?

— Остаться именно в этом сне, а не в моём, когда мы уберём отсюда посторонних? — попросила я тихо.

Ха-змей даже на мгновение сбился с движения, потом потряс головой:

— Подожди, я думал, опасность грозит тебе?

— Мы сейчас во сне шамана. Убийцы, посланного императором за Али, но при этом сам убийца не пожелал причинять вред своей жертве... Короче, это сложно. Но нужно, и куда важнее, чтобы ты остался здесь.

— Кому важнее?

— Али. Мне. Всем.

— Император воспользуется этим, чтобы добраться до тебя, — сообщил Тайпан негромко. — А ты останешься без защиты.

— Да. Именно это мне и нужно.

— Тебе?

Я кивнула.

У меня была идея, рискованный план, но для этого нужно было выполнить и привести к единому образу очень много мелочей. Наличие Тайпана в снах Чиганари-до — было одним из них.

Точно так же, как и моя собственная незащищённость.

Тайпан молчал.

— Это опасно для тебя?

— Немного, — честно ответила я. — Но это один из самых быстрых способов сделать так, чтобы опасность мне не грозила.

— Хорошо. Тогда я сделаю то, что ты хочешь.

— Спасибо, — тихо шепнула я. — Правда, это очень... очень... важно для меня.

Тайпан промолчал.

И только глянув на него краем глаза, я поняла, что принятие такого решения далось ему исключительно тяжело! Он не хотел, чтобы я подвергала себя опасности. Он не хотел, чтобы я делала что-то...

Но это было для меня важно, и он согласился.

А так бывает?!

— Тайпан.

— Мы почти пришли, — мужчина осторожно спустил меня на обычную землю, оглянулся. — Стоит поспешить. Сон начинает таять.

— Думаю, долго мы здесь не задержимся... Подожди! — наконец, сообразила я. — Ты не удивился, увидев меня во сне! Значит, для тебя это не... что-то новое, выбивающееся за рамки привычного?!

— Ха-змеи спят долго, бывает очень долго, поэтому нам тоже нужен способ общаться. Мы научились ходить во сны друг друга и управлять своими снами.

— Управлять?! Научи меня! Пожалуйста!

Тайпан взглянул на меня удивлённо:

— Зеон?

— Пожалуйста, пожалуйста! Это очень-очень важно.

— Хорошо. Сейчас?

— Н... нет. Сейчас ты сам говоришь, что времени всё меньше и меньше... Потом!

Змей как-то странно качнул головой, потом протянул мне руку.

— Идём?

Задумавшись над тем, что можно будет скорректировать через сны, я кивнула и оперлась на его ладонь.

Идти в темноте, опираясь на того, кому она не была проблемой, было легко. Да и далеко идти не потребовалось, через минут пять, может десять, мы увидели и тех, кто здесь был.

Хозяин, двое посторонних...

Шаман был здесь. Вот только Чиганари-до был заперт внутри огромнейшей клетки из льда, повис там бессильно, обвитый рыжими-рыжими лучами. А перед ледяной стеной стояла девочка. Тачи.

Перед ней, отступая шаг за шагом — неизвестный мужчина.

Император? Отступает перед ребёнком? Вряд ли. Даже если здесь только часть сознания этого могущественного тирана, то это всё равно невозможно. Вот если только... если только гибель Сантра не ударила по нему сильнее, чем я подумала. Тогда возможно и такое.

Пожалев о том, что у меня нет копья, сейчас бы оно очень понадобилось, я неожиданно ощутила его в руке. Копье из песка, бьющееся в моих руках, с нетерпением ожидая того момента, когда можно будет впиться в тело врага.

Вот только для меня копьё было слишком тяжёлым! Зеон может быть и справился, а вот как Зеоннала, я могла только бессильно удерживать огромную бандуру двумя руками.

Поверх моих ладоней легли мужские, змеиный хвост придержал кончик копья. И стало легче. А потом копьё стало весить с каждым мгновением всё меньше и меньше, пока не осталось ощущение, что в моих руках лишь тонкая тростиночка.

— Так лучше? — спросил серьёзно Тайпан.

Я кивнула, размахнулась и метнула копьё.

Что было дальше — не знаю. Один нахальный змей круто повернул меня к себе, заставив уткнуться ему в грудь, и заткнул мои уши, не давая слышать ни звука.

Когда же мне было разрешено снова повернуться, мы остались в этом месте втроём.

Я, Тайпан и Чиганари-до, устало сидевший...

Где-то?!

Мир вокруг начал обретать яркие краски, одна за другой. Они словно вливались разноцветным каскадом искр в эту тьму, создавая очертания вещей и окружающего мира.

Проступили толстые змеиные шкуры, зазвенели у входа в шатёр ловцы ветра. Расстелилась по песочному бело-алому ковру толстая шкура барана. Появился низкий столик и очаг.

На теле шамана не было живого места...

Его пытали. Год за годом, месяц за месяцем... Не его тело — его душу. Но он не сдавался?!

— Зеоннала, Тайпан? — в голосе шамана звучала сила и свет.

Рухнув на шкуру, я потрясла головой и засмеялась:

— Это насколько вы сильны Чиганари-до?

— Не слишком, Зеоннала. Если бы не моя дочь, то думаю, я бы не дожил до этого момента. Зеоннала. У тебя не слишком много времени. Скоро тебя вернёт в реальность. Что ты хотела?

— Ничего, забрать вас отсюда и позаботиться, чтобы император не тянул к вам свои грязные ручонки, — улыбнулась я, опираясь на прохладный бок Тайпана.

Змей, приобняв меня, едва-едва, кивнул:

— Я останусь в вашем сне, Чиганари-до.

— Вы знакомы? — вскинула я к нему голову.

— Виделись, — почти одновременно сказали мне мужчины.

— Когда Хан приходил за своим амулетом власти, — пояснил Тайпан.

— Я его сопровождал, потому что тогда опасность грозила Хану. А Али ещё на свете не было, — добавил шаман, формируя картину полностью.

— Ясно! Тогда будет легче.

— Легче? — шаман покачал головой. — Зеоннала, столько всего вынесла и до сих пор не понимаешь?! Дальше будет только хуже.

— Нет. Уже не будет. Сантра больше нет. С его братом, думаю, разберёмся на территории дворца. Если император не заберётся в ваши сны, значит, у меня будет немного больше времени, чтобы обеспечить безопасность Али и изучить обстановку. Всё хорошо.

Чиганари-до покачал головой, взглянул на Тайпана:

— Она не понимает?

Змей пожал плечами.

— Чего я не понимаю? — нахмурилась я.

— Во дворце Тысячи сердец ты будешь одна. Никто не придёт тебе на помощь. Даже если тебя будут убивать на глазах всего дворца, никто, ни один аристократ не сделает шага, чтобы тебе помочь.

— Это их проблемы. Кто сказал, что я не смогу и не буду защищаться?

— Ты — девушка.

— Я песчаный воин, — вспыхнула я до корней волос. — Я змеиный проводник! Понадобится, вытащу из потайных ходов всех сторожевых змей, и посмотрим, кого и как убивать будут!

— Зеоннала, ты...

Тайпан, прикрыв мои губы ладонью, не дал мне сказать лишнее, зато сказал сам кое-что, отчего в моей душе вдруг всё вспыхнуло рыжим заревом восхода:

— Она справится. Уж поверь мне. Девушка, прошедшая к пику Гроз сразу трёх носителей амулета власти, справится с чем угодно.

Шаман взглянул на меня с удивлением:

— Она?

Тайпан кивнул:

— Да. Держала сама трёх ха-змей.

— Вы с братьями что ли?!

— Точно. И она без труда удержала всё и вся. Так что... Не обижай красавицу Танцующую.

Чиганари-до застыл, потом осторожно переспросил:

— Ты? Танцующая?

Получив свободу, я кивнула:

— Да. Станцевать?

— Нет, спасибо! — мгновенно отреагировал шаман.

Тайпан ухмыльнулся, правда, спрятал улыбку в моих волосах, прижимая к себе крепче.

— Чиганари-до, — спросила я негромко. — Скажите мне, пожалуйста, император — не человек определённо. С тем учётом, сколько вы пробыли с частью его личности, может быть... знаете, какие-то... подсказки? Хотя что-то?

— Не подсказки, я знаю точно, — шаман сгорбился, мгновенно старея обликом, — знаешь, Зеоннала, когда-то Аррахат был не пустыней, и здесь жили не песчаные муравьи и

не гигантские змеи, а три народа...

— Знаю, — перебила я резко. — Один народ стал ха-змеями, второй — песчаными муравьями, а люди потеряли очень много из того, что у них было. Все они были наказаны богами.

— Верно, — шаман удивился моим познаниям, потом грустно улыбнулся. — Ты, правда, знаешь!

— Да.

— Хорошо, тогда поймёшь, почему победить императора невозможно. Он — жрец этих богов.

Ох! От неожиданности я прикусила губу, потом вскинула голову к Тайпану, ощущая, что начинаю таять, возвращаясь в реальность:

— Ты здесь останешься?

— Да, — твёрдо кивнул змей.

— Спасибо, — снова прошептала я, потом взглянула на шамана. — Чиганари-до, вы уверены?

— Да. У меня ушли года, чтобы убедиться в этом, а заодно узнать, что ни один человеческий способ не поможет убить императора. Так что... лучше думай, как выжить, Зеоннала, не думай, что у тебя получится изменить судьбу Али. Он — уже обречён, и все наши попытки только усугубляют ситуацию.

— А это мы ещё посмотрим, — прищурилась я. — Чиганари-до, если боитесь — просто уходите. А я буду сражаться за Али до самого конца. Потому что этот ребёнок станет великим императором Аррахата. Я верю в это. Я знаю это. Так что, если вы с нами — то увидимся в реальности. Если же нет, было приятно с вами познакомиться.

Ответа я не услышала.

Уловила ещё во сне мягкое касание губ и открыла глаза в реальности.

— Зеон! — перепуганный Али бросился мне на грудь. — Зеон!!! Ты проснулась!!!

Зарывшись пальцами в мягкие волосы мальчишки, я кивнула и улыбнулась:

— Я вернулась, мой светлый мальчишка. Долго спала?

— Пару суток! Мы уж не знали, что и делать!

— Я знаю, что делать. Отправляемся в город Тысячи Сердец. И кажется, — взглянула я вбок, где осторожно, то и дело заваливаясь на стену хода, сидел шаман. — В числе наших союзников прибавление!

Али оглянулся на шамана, расплылся в улыбке, но меня не отпустил, продолжая обнимать.

Его трясло и колотило, а я, обнимая его за плечи, думала только о том, что императора мне убивать и не надо будет.

Об этом позаботятся те, кому убить его под силу.

Мне же достаточно побыть просто промежуточным звеном...

И план, который позволил бы мне это сделать, уже начал обретать очертания.

А до Вечного города, я знала это точно, теперь мы дойдём безо всяких проблем. Закованный в броню ха-змей — достаточный аргумент, чтобы даже самые неразумные убирались с дороги прочь!

Два перехода, и я смогу нормально вымыться.

Пески шептались, перекатывались, смеялись. Император потерпел неожиданное и унижительное поражение, мы приобрели союзника, а я... обнимала своего подопечного,

удивляясь тому, что мы неожиданно выиграли этот раунд.

Пусть ещё не бой...

Но хотя бы раунд. Впереди были несколько переходов и политика самого высокого уровня. Общество, где я никогда не была, общество, от которого не знала, чего ждать.

Придётся познавать на практике.

А впрочем, где наша не пропадала?

Я же змеиное дитя, Зеоннала! Жди город Тысячи Сердец, мы уже идём!

Я была неправа до бесконечности. Почему-то мне, что выросшей, что воспитывающейся вне стен душных городов, аристократы казались чем-то необычным, непривычным, чем-то намного более страшным или непонятным. Как я представляла себе столицу Аррахата? Как что-то бесконечно красивое, что-то особенное, что-то, что позволило бы как-то объяснить все те правила, мешавшие войти обычным людям в город Тысячи сердец. Мне хотелось, чтобы легенды, которые я слышала про этот недоступный город, оказались правдой.

Да что говорить! Мне даже люди здесь казались и умнее, и могущественнее...

Да, одним словом, я много о чём думала. Правдивости и точного попадания в этом было, ну... как воды в пересохшем колодце.

Люди здесь были абсолютно такие же, как и в аулах, ничем они и не отличались, эти аристократы. Разве что было единственное важное отличие: аристократы были людьми худшими, чем даже Змеиное братство, запачкавшее свои руки в крови по локоть.

Деньги и могущество — аристократы ощущали вседозволенность, и под молчаливое одобрение императора творили всё, что им хотелось. Они покупали рабов в бесчисленном количестве, выкидывали человеческие жизни на ветер, просто подчиняясь собственной прихоти, мимолётному капризу! Я встретила здесь, в городе, девочек-наложниц. И с ужасом подумала, что если бы не мой характер, выведший меня в «смертницы», я бы жила так же! Живой игрушкой человека, в котором и человеческого остались разве что голова, руки и ноги! Само тело было лишь соединительным элементом, для жадных, загребущих рук, завистливых глаз, ненасытной утробы. Головою большая часть аристократов просто не думали! Они ею ели и всё.

Такое понимание мне помогло. Я перестала воспринимать аристократов, как монолитную вражескую массу. Неприятности могли доставить только отдельные личности, и достаточно быстро я узнала всех их наизусть.

Выучила в лицо их самих, их прихвостней, их карманных убийц, их семьи. И поняла, что опасности в большей своей степени они не представляют. Всю эту мелочь отсекали без труда Хан и его шаман. Всё, что нужно было, всё, что предстояло сделать именно мне — это не дать добраться до Али императору Нуо IV.

«Человеческое оставь людям», — шептало нечто в моей душе. — «Сосредоточься на главном, отдайся зову крови. Отдайся ему».

В такой задаче, разве что без последнего пункта, ничего не было невозможного.

Я подстраховывала Али от яда, этим же занимался и Ен.

А между делом...

Между делом я прощалась со своими мечтами.

Город Тысячи сердец должен был быть совсем другим. Зелёным, с хрустальными водопадами чистой воды. С фонтанами. А на деле здесь даже колодцев было меньше, чем в других аулах. Воду во дворец доставляли каждый день из пустыни. Город весь целиком:

серый, пыльный, грязный — стал для меня самым большим разочарованием.

Ещё одним фактором, порядком отравляющим мне жизнь, стал Хан.

Что уж он там себе возомнил, большой вопрос. Зато о своих намерениях он сказал чётко и очень-очень кратко. «Хочу тебя» и всё. Вот очень мне хотелось это слушать! Как будто других мужчин больше на Аррахате не существует! Даже сама себе я бы не смогла объяснить, почему так не хочу привязываться к человеку. Даже не так, не столько к человеку, с этим-то как раз никаких проблем и не было. Зато дело было в другом. Я не желала привязываться ни к кому кроме Али. Мой светлый мальчишка был отдельной категорией, скажем так. Я не могла объяснить даже себе, почему отдельная, но что было, то было.

Стоя у зубцов высокой дозорной башни, я смотрела туда, где за хрустальным куполом начиналась пустыня. Я устала. Я больше не хотела быть в этом душном городе, где почти каждый был не тем, кем притворялся, где каждый скрывал грязные помыслы и не менее грязные тайны. Вокруг престола нынешнего императора собралась отъявленная мерзость. Не нужно искать, выжигать отдельно по городам, да аулам, но как же здесь тяжело! Как же мучительно...

— Прячешься?

Вот помани же ха-змея, он с удовольствием и появится! Только... Тайпана это не касалось...

— Нет, дышу свежим воздухом, — вежливо ответила я, скрывая лицо за покровом. Ну, его, этого мужчину. Не сказала бы, что Хан мне был категорически неприятен, он просто категорически меня пугал.

— Скажи мне, о прекрасная Зеоннала. Каким образом вы смогли справиться с одним из самых верных слуг императора?!

— Он был слишком большой на голову, — вежливо сообщила я.

Хан хмыкнул.

— Слишком? А императору могут служить другие?

— Так, это смотря, какой император, — отозвалась я задумчиво, настораживаясь с каждым произнесённым словом. Выражение глаз Хана было тревожащим. Что это с ним такое? Сразу к делу? Да ещё и разговор про императора и его слуг?! Я думала... ах! — Ваше императорское величество, Нуо IV, вам этого не понять.

— Ты смотри! — неприятно удивился император, глядя на меня сквозь пустой взгляд Хана. — Как ты догадалась, янтарная красавица?

— Вы не пугаете так, как он сам.

— Надо же. Давненько меня не укоряли в том, что я не пугаю. Скажи мне, прекрасная Зеоннала, что тебе предложить, чтобы ты была на моей стороне? Я устал от этих людишек, не видящих дальше собственного носа, я устал от тех, кто говорит одно, но делает совершенно другое. Я устал настолько, что это не передать словами, так... почему бы тебе не стать моей спутницей? У императора не бывает гаремов. У них может быть только одна наложница и жена. Жена у меня уже была, а вот наложницы — никогда не было. Становись моей, и я сделаю тебя — бессмертной.

— Такой же, как вы? Бессмертие с прыжками из тела в тело?

...На этот раз император молчал долго. Смотрел на меня и молчал. Потом кивнул.

— Действительно. Именно такое бессмертие. Ничем не хуже других. Не нужно заботиться об одном дряхлеющем теле, не нужно ни о чём думать. Можно спокойно

выбирать себе молоденькие тела и наслаждаться молодостью в них. Разве ты не хочешь?

— Нет.

— Ты же женщина, разве для вас красота не главное?

Я пожалала плечами. Я, может, и женщина, но для меня главным точно было совершенно другое. Например, быть в другом месте. Император не случайно заговорил про одного из убитых. Второй братец из той чокнутой парочки, был жив. И не просто был жив. Пески донесли, что он вошёл в город вчера на закате. Раз здесь император, причём в голове у Хана — значит, убийца сейчас идёт к Али. Меня же император отсюда просто не выпустит. Чтобы я в очередной раз не помешала его планам.

Это не было разведкой боем, он до сих пор не видел во мне сколько-нибудь достойного противника. Он вообще меня рассматривал как досадную мелкую помеху и не более того. Я же... А что я?! Я была только за подобное отношение. Чем меньше он обращает на меня внимания, тем мне легче работать. Правда, вот сейчас, я могу сказать, что на меня обращено слишком много императорского внимания!

Заодно вот сейчас решилась ещё одна загадка, крившаяся в словах хранителей могил. Если он постоянно, чтобы куда-то выйти и с кем-то поговорить, ныряет в чужие тела, то каким образом до него добраться?! До него самого?

Вот только интересно, сколько времени могут существовать два сознания в одном теле? Если император погрузится в тело Али, сколько будет жива душа Али? Достаточно или... Нет. Вряд ли. Если бы душа «жертвы» жила чуть больше времени, то императора уже нашли бы способ убить.

Придётся придумать что-то ещё. Мне нужен способ, благодаря которому он призовет меня к себе, чтобы он сам меня привёл к своему телу.

Сложно, невозможно?! Мне придётся сделать это возможным. Даже, если потребуется подставиться при этом самой.

А теперь...

— Мне придётся покинуть ваше общество, ваше императорское величество.

— Ты думаешь, янтарная красавица, что этот человек тебя не убьёт? Что ты сильнее его?

— Нет, так далеко моё самомнение не заходит, — открестилась я перепугано. Ну, его, этого Хана, а если слышит и запоминает, даже с тем учётом, что он — кукла императора?! — Если я попробую пройти мимо... этого человека, то он, безусловно, меня убьёт. Даже с тем учётом, что чисто из принципа он постарается не только сопротивляться, но ещё и ранить каким-нибудь образом вас. Другое дело, что я пойду в другую сторону.

— В другую? За тобой обрыв.

— За мной стена вашего же дворца, ваше величество. Стена — не прямой отвесный обрыв.

— Ты же не...

Дослушивать императора до конца я не стала. Мне было неинтересно то, что он может мне сказать, тем более, мне было совершенно неинтересно то, как и почему он решил лично продемонстрировать одну из своих ужасных способностей. Чтобы я посчитала, что это самое страшное, что есть в его арсенале? Или чтобы...

Слишком много вопросов. Мне пока не до этого.

Не сводя взгляда с императора, я шагнула назад, ухватила за тонкую балку, на которой вывешивались штандарты, зацепилась за красивую и главное, прочную! тряпку (не понимаю

я смысла этого всего) и скользнула вниз.

...Я ошиблась дважды. Император не собирался вредить Али, в конце концов, если пострадает его драгоценное будущее тело, что он будет делать? А я при этом ему мешала. Достаточно, чтобы он рассердился, достаточно, чтобы решил принять свои разрушительные меры. Убийца был послан не по душу моего солнечного ребёнка. Всё было куда проще и куда изящнее. Убийца был послан по мою душу.

И судя по тому, как смотрел на меня Ранс... Моя смерть обещала стать очень и очень нелёгкой. Потому что я убила его брата. Технически говоря — совсем не я. Об этом позаботилась змея, но неумняемый Сартр не вернулся обратно из-за меня.

— Так-так-так... Вот мы снова встретились. Удачливая девка, бежавшая от нас в пустыне, а потом ставшая вместилищем для духа Танцующей в песках. Красивая наложница, совершенно неожиданно появившаяся рядом с юным наследником и защищающая его. Хозяин хотел знать, откуда ты такая взялась. Ему нужны ответы, потому — не обессудь, смерть твоя будет долгой. Я так хотел убить тебя в песках. Я хотел насладиться запахом и видом твоей горячей крови. Восхитительным ощущением того, что убил Танцующую. Но мне помешал брат. Он не хотел, чтобы я играл с Танцующей. А ты — ты устояла перед напевом Сирены, ты сама добровольно не шагнула в мои объятия, хотя я звал тебя.

Вот! Вот! Вот опять, я слышу мягкий напев внутри головы. Я слышу, как нежный голос заглушающий мой разум, уговаривает меня сдаться. Но в этот раз всё было немного иначе. Зов был куда слабее, чем тот, что я уже однажды слышала.

— Да, ты неприятный соперник, — пробормотал негромко Ранс, чуть качнувшись на мысках сапог. — Император приказал с тобой не играть. Император приказал держаться от тебя как можно дальше. Ты же... Ты смогла соблазнить моего брата. Очаровать его настолько, что он пошёл против воли императора, лишь бы только услышать твою боль. Это заставляет задуматься, что в тебе такого. Что заставляет других из-за тебя сходить с ума. Что привлекает к тебе других. Что они видят в твоих глазах? Ты...

Я молчала. Как Кит сказал? Любая царапина, и Ранса удержать будет невозможно. Единственный вариант — убить его мгновенно. Мне, девчонке! Да, я Танцующая. Да, в мужском облике я достаточно хороший воин. Но... боги Аррахата, что мне делать с тем, кто сильнее меня в десятки раз?!

— Ты боишься? Это правильно, ты должна меня бояться. Ты должна бояться меня так сильно, как не боялась никого до этого.

— Это не получится, — опомнилась я. — Видишь ли, какая проблема. Есть человек, которого я безумно боюсь. И это определённо не ты. Хотя у твоего брата с его кровавыми замашками были все шансы перепутать меня до полусмерти. Он не успел. Умер раньше. Превратился в кровавые брызги.

— Исполнилось обещание, — хмыкнул Ранс. И в его голосе я слышала равнодушный смех ко всему, что случилось с Сартром. Ой, что-то это мне не нравится теперь ещё больше!

— Обещание?

— Однажды, — убийца сделал несколько шагов в мою сторону и остановился, разглядывая меня с интересом, — император рассказал, как мы умрём. Он сказал Сартру, что когда тот умрёт, вокруг будет очень много крови. От него самого ничего не останется, а кровь — будет. Кровь впитается в пустыню, и пустыня пожрёт его душу, чтобы он больше никогда не возродился.

— А тебе?

— А меня убьёт Змеиный лорд, — спокойно сказал Ранс.

Хан?! Он же — Змеиный лорд. И он единственный, кто пришёл мне в голову... Но он вряд ли сможет освободиться из-под страшной власти.

— Поэтому император и придержал этого типа с опасным взглядом.

— Соглашусь с тобой, — кивнула я. — Взгляд у него... до костей продирает.

— Ты же женщина! Ты не должна его бояться, — убийца смеялся теперь надо мной. — Достаточно просто умоляюще на него посмотреть, и он будет ласковым. Верёвки из него вить можно будет. Как вот делает его северная наложница.

— Когда не боится его до полуобморочного состояния, — согласилась я насмешливо. — Что бывает очень редко. Это ведь император позаботился, чтобы у Хана появилась такая наложница?

— Конечно. Мы лично ездили её встречать. Её передали как «особый подарок». Я не собирался тебе этого говорить. Ты тянешь время?

Я задумалась, потом пожала плечами.

— Да зачем бы мне это делать? Никто не придёт.

Тихий шорох коснулся моего уха. Ткань чужого покрывала скользнула по ноге, когда мимо меня прошёл... Хан. Он смог скинуть с себя власть императора? Или же ему помогли? Ведь шамана и его дочь мы протащили в город контрабандой, отправив вместе с моим трофейным ха-змеем подземельями, мимо других сторожевых змей!

Подождите! Почему он здесь?! Зачем он вообще пришёл?!

— Некоторые считают, что они должны прийти, чтобы по этому поводу не думали... — бросил он на меня сердитый взгляд, — нежные особи...

Кажется, он хотел сказать что-то грубее. Кажется, мне сейчас не повезёт. Мало приятного смотреть на происходящее со стороны и не иметь возможности принять участие. Особенно, когда его принимать совершенно не хочется, а хочется свалить отсюда и подальше!!!

— Змеиный лорд. Император же должен был подчинить тебя, разрушить твоё сознание.

— Мне помогли, — насмешливо взглянул на него Хан. — Мы знали о ваших возможностях, о ваших умениях, поэтому заранее позаботились о том, чтобы вы не помешали нам в самом важном. Зеоннала.

— Да?

— Иди. К своему... хозяину.

Не, ну я-то, безусловно, пойду. Со всем своим удовольствием. Но вот кто меня отпустит?! К тому же...

— Она никуда не пойдёт, — сообщил весело Ранс. — Я позаимствовал у императора одну интересную игрушку. Вот такую!

Правильно. Действительно. Зачем о чём-то думать и сомневаться! Зачем вообще выбирать удачные места?! Крыша небольшого перехода между высокими башнями самое правильная арена, чтобы устраивать бой насмерть. Особенно, когда ты приказываешь на неподтверждённом у Царя змей амулете власти, чтобы твои противники и не думали бежать.

Закат давно уже окрасил крыши города в грязные серые тона. Ещё полчаса, и на улицы выйдет стража, наблюдающая за порядком, а в кварталах, вплотную прилегающих к стенам и воротам, на промысел выйдут ночные стригальщики — убийцы и воры. В пустыне утихомирится песок, на перешёптывающуюся рыже-золотую массу опустятся бархатные сумерки, и на поверхности появится мелкая живность.

А мы тут драться будем.

Вдвоём.

Самое обидное, что Хан тут исключительно добровольно. Ему этот амулет, что шёл, что ехал. (Особенно, если вспомнить, что такой амулет есть у него самого).

У меня тоже есть этот амулет, но вот это ни в коем случае нельзя показывать!

Потому что, может статься, этот амулет — мой запасной ход и моя козырная карта. И её нужно, желательно, правильно... Короче, не хочу я как-либо показывать императору существование амулета! Потому что с ним можно много чего сделать, и Нуо IV тот, кто хорошо об этом знает!

Ну... Скосив взгляд под свои ноги, я вздохнула. Отлично. Под «уздечкой» амулета я дошла на самый-самый край этого перехода, стою тут. Под шелками брюки, то есть вроде как не очень и смущающе стоять на краю. Но с другой стороны — шаг влево, шаг вправо, и я отсюда полечу. Вниз. А лететь далеко. И рядом нет ничего, за что можно было бы уцепиться.

В общем, стою хорошо. Вне всяких сомнений. Особенно, если учесть, что Ранс был столь любезен, что повернулся ко мне спиной. И даже не изъял парочку кинжалов. Соответственно, если выбрать момент... Он будет у меня только один-единственный. Второго — не выдастся.

Да, император сказал, что Змеинный лорд убьёт Ранса... То есть Хан? Но что-то меня смущает во всём этом. Да и зачем бы... Стоп! Стоять! Я же... я же... я же тоже змеинный лорд! В том смысле, что... а как будет для женщины «лорд»?! Лордесса?! Звучит как-то неуместно. Лордица звучит совсем как ослица!!! Ладно. Неважно! Но у меня есть амулет власти, данный змеиным Царём. А значит я тоже змеинный лорд.

И значит...

Подняв глаза, я улыбнулась Хану. Мужчина, разглядывающий не столько своего противника, сколько меня, едва заметно хмыкнул. Да, верно. Я не сдвинулась с места ни на мгновение, ни на малый шаг, я сдвинулась с места только тогда, когда у меня будет возможность убить Ранса. А до этого развлекать невменяемого слугу императора предстоит как раз самому Хану.

А я девочка, между прочим! Я и не должна в такие дела вмешиваться. И вообще!

Облизнув губы, я взглянула снова под ноги. Долго я здесь не отстою. Так что теперь всё зависит только от того, насколько хороший воин Хан. Как много того, что о нём говорили, действительно, правда. И, главное, что из этого арсенала он захочет использовать, чтобы защитить одну безголовую девчонку, которую...

Мой взгляд полыхнул яростью, и усмешка Хана определённо переросла в нежнейшую усмешку, полную собственного превосходства. Он просто меня подставил. Он с самого начала вился вокруг меня, чтобы заронить тень сомнения в окружающих.

Что ж... У меня найдётся, чем тебе ответить, змеинный лорд. Так что занимайся своим делом, развлекай моего убийцу своим талантом, а я... я пока подумаю. Потому что в моей груди ощущение, что вокруг — слишком много всего. Что вокруг всё сжалось в единую пружину. Что ещё немного, и всё закончится, потому что всё пришло в нужное время в нужное место.

Осталось только правильно разыграть сданные карты. О сложившейся ситуации знают заинтересованные и с одной, и с другой стороны!

Вот только, из них из всех... почему у меня ощущение, что не стоит примыкать ни к одной, ни ко второй группе?

— Эй!

Кинжал взвизгнул, распарывая воздух и шёлк у моего лица. Ранс сердился.

— Смотри сюда!

Я должна смотреть, как они сражаются?! Зачем мне это? Это совершенно неинтересно. Я уже знаю, кто победит здесь. Наш временный союз, союз двух змеиных лордов. Но...

Вот чего я не могла себе представить и вообразить заранее — это как... сражаются те, в чьих руках живое оружие не просто оружие, а часть тела.

Я не могла себе представить, что собой представляет бой на такой скорости, в настолько ограниченном пространстве, когда один неверный шаг приведёт не просто к смерти, а к чему-то куда более страшному. Они сражались... Ладно-ладно, если Ранс сражался за свою жизнь, то Хан сражался за свою душу. Не знаю, каким образом они с шаманом выбросили императора из тела старшего брата моего солнечного ребёнка. Но это было временное решение.

Слишком временное, если судить по тому, с каким напряжением в первый момент оглянулся Хан. У него нет времени, а Ранс настроен на то, чтобы поиграть со своей жертвой. Вот только, кто из них будет жертвой, а кто палачом?

Они больше не говорили ни слова. Они не сходились, не испытывали друг друга. Просто стояли и смотрели друг на друга. Они даже не встали в формальные стойки, не вытащили своих мечей. Они просто стояли! И я понимала почему, здесь и сейчас... Кто из них первым сдвинется с места, кто первый потеряет контроль над собой — потеряет контроль над ситуацией.

Я не могу никак повлиять на происходящее, даже если сдвинусь сейчас я, никто из них больше не отреагирует на это. Зато я потеряю выигрышное положение. Ведь до сих пор же Ранс считает, что я под властью его недоамулета... Я не могу сдвинуться с места без его приказа. Более того, если бы я сейчас отвела взгляд, я бы просто-напросто выдала себя! Ведь он приказал — я должна выполнять.

И я посмотрю...

Тихий шелест песков скользнул где-то в стороне за куполом. Надвигалась страшная песчаная буря. Подобной которой не было уже несколько циклов... Что-то страшное, что-то душное. Тьма клубилась у края горизонта, прибывая к пескам пыль.

А потом оба мужчины сорвались с места. Мгновенно и очень страшно.

Они вызывали и прятали оружие, сталкиваясь с какой-то непостижимой скоростью. Мгновенно. Пугающе. Чертовски страшно!!!

Вспышки лезвий. Они не применяли свои способности... особые, хотя у обоих они были. Это был простой бой. Слишком простой, чтобы в это можно было поверить. Слишком страшный.

От происходящего, от разворачивающегося на моих глазах, волосы встали бы дыбом по всему телу, если бы они где-то были. Губы затряслись. Нервно закусив губу, я могла только смотреть, и всё равно не успевала. Они проверяли друг друга. Скорость, на которой я уже не могла их рассмотреть, была только началом! Они только разгонялись... только начинали прощупывать друг друга, выяснять слабые места. То, на что способен другой на самом деле, защищая свою жизнь, а не на потеху публике.

Я была двуручной танцовщицей с клинками. Я могла в равной степени пользоваться облегчёнными полуторниками и левой рукой, и правой. Но эти двое... они перекидывали из руки в руку тяжеленные двуручники, словно вот эти вот дрыны ничего не весили. Да простят

мне кузнечные песчаные мастера такое сравнение!

Удар, удар. Удар. Страшный удар по ушам, нереальный, но оттого не менее болезненный, промчался мимо меня, заставив пошатнуться, и помчался дальше.

Если достигнет хрустального купола, купол просто треснет! Эти двое... Они не собираются сдерживаться. Если Ранс просто хочет доказать тому, кто уже обыгрывал его брата, что он — лучше, ущемлённая гордость, кажется так, это называл дед. То вот что задумал Хан — я не могла понять.

Что было куда более страшным, я не могла понять, что мне делать. В такой бой я просто не смогу вступить.

Я?!

«Танцуй».

Подсказка дотянулась до меня из-за хрустального купола. Человеческое тело не способно выдерживать такую скорость. Но во мне человеческого (и то условно!) ровно половина. Я могу танцевать. Танцуя, я смогу вступить в этот бой... и проиграть его.

Нет. Нет...

Не танцевать. Нельзя.

Управлять змеиной сущностью, как я уже делала? Натравить на Ранса кого-то из змей?

Нет. Это бессмысленно. Бой может повернуться десятки раз, пока я буду искать подходящую змею. И ещё столько же раз Ранс успеет убить меня, пока я буду затаскивать змея сюда!

Нужно придумать что-то ещё.

А бой вопреки всему только убыстрялся. Куда?! Куда?! Ещё быстрее, и они просто сами не выдержат эту скорость! Ещё немного, и они будут истощать себя и свои силы... Ну, конечно, это не просто бой на скорость, это бой, в который они вкладывают всё, что у них есть. Здесь не только скорость и сила, здесь ещё и выносливость. И умение терпеть боль.

Алый всплеск крови обагрил крышу. Ещё один алый всплеск остался на лезвии меча.

Мужчины отпрянули в сторону друг от друга, глядя не с яростью, с бесконечным спокойствием змей.

Ранс тоже такой же?! Как мы с Ханом? Мне ведь уже приходила в голову эта идея. Но тогда... тогда как и почему... император подчинил его?! Если только сущность не проснулась...

Что мне делать?! Что мне делать?

Время уходит. Я почти ощущаю, как оно утекает сквозь пальцы. Близится буря, буря призванная, буря, которая скроет все следы, буря, которая манила меня. Манила танцевать. Танцующая в моей душе рвалась на свободу, на волю. Куда-то ввысь и в то же время ближе к земле. Меня раздирали на части два противоположных желания.

Отправиться к Али, как можно быстрее, обнять моего светлого мальчишку, прижать к себе, укачивая в объятиях, нашептать ему на ухо, что всё будет хорошо, не дать ему услышать бурю.

Второе желание было сильнее, оно звало меня танцевать. Раскрыть шелка, зазвенеть браслетами, шагнуть на раскалённый песок, взметнуть бурю вместе со своими движениями.

«Зеоннала».

Голос императора отдался резонирующим раскатом в моей голове. И всё затихло. Мгновенно. Бой прекратился, улеглись пески за куполом, и даже капли крови застыли в воздухе, словно само время на мгновение приникло к пескам, бессильно боясь шевельнуться.

Какая же власть у этого... не человека?!

«Огромная».

Он слышит ещё и мои мысли?

«Более чем. Оставь этих двоих».

Не хочу! Вот ещё чего не хватало! Я не досмотрела, кто из них кого убьёт.

Император засмеялся.

«Ты чудесный ребёнок, Зеоннала», — обертоны его голоса стали мягче, голос ниже, ласкающим потоком чего-то бесконечно пушистого он обволакивался вокруг меня, лаская. — «Ты прекрасна. Оставь их. Приди ко мне».

«К тебе?» — удивилась я. — «Ты опять спрячешься в другом теле. Это неинтересно».

«Ты хочешь, чтобы я был в своём теле?»

«Мне интересно», — согласилась я. — «Меня уже все запугали, кто ты, что ты, насколько ты опасен, а сколько вот смотрю... Не вижу ничего подобного».

«Ты не видишь, что я опасен?!»

Яростный голос прокатился по моей спине раскалённым крупным песком. Император был в ярости. В неподдельной ярости. Какая-то девчонка, песчаная дикарка, смела сомневаться в его величии. Проблема была в том, что я действительно сомневалась.

Много страха — это тоже плохо. В какой-то момент страха становится слишком много, и он пропадает, весь, целиком, до основания.

Меня так старательно запугивали личностью императора Нуо IV, в том числе и его слуги, что я в какой-то момент просто перестала бояться. И засомневалась. Если бы он действительно был так страшен, этот человек, разве нужно было бы устраивать такое количество пугающих явлений? Разве ему, действительно, нужно было настолько подавлять и притеснять всех, чтобы никто и думать не смел о том, чтобы бросить ему вызов?

Раз нужно было настолько запугивать, не значит ли это, что сам по себе император на деле ничего из себя не представляет?!

«Ты...»

Он не говорил! Он рычал!!! Словно бы его горло немного видоизменилось.

Да я же ничего такого, между прочим, и не сказала!

«Иди».

«Иди сюда».

Голос в моей голове раздвоился, потом расстроился, потом превратился в целый сонм, и все они, все до одного, звали меня к себе. И я пошла.

Ранс что-то выкрикнул, я не услышала.

Хан кинулся мне наперерез, но голоса, ставшие объёмными, оттолкнули его прочь, в сторону. Кажется, ему даже не повезло, и мужчина полетел с крыши. Этого я уже не увидела.

Наперерез мне кинулся Ранс.

Я могу его убить? Он мне мешает.

«Не трогай».

«Пусть его».

«Да ладно».

«Он бессмысленный».

«Он не опасный».

«Он глупый».

«Убей. Убей. Убей».

Последний голос выделялся из сонма, звучал в неправильной интонации, звучал в неправильных тонах. Но он говорил вещи, которых хотелось мне, и я послушалась именно этого голоса.

У меня тоже было живое оружие. Мне вручила его Кармин. Моя восхитительная Песчаная королева вручила мне левый клинок. Правый клинок мне вручил Царь змей. Они не были живым оружием в той мере, что у Хана или Ранса. Моё живое оружие не действовало само, не подсказывало куда бить. Из живости в нём было разве что то, что оно само натачивалось до пугающей остроты, само прыгало в руки и само исчезало, когда в нём пропадала нужда.

Зато оно звучало в одном ритме со мной. Мягким напевом, соединяющимся с моим танцем. Да, моё оружие не было таким опасным, как у других. Моё оружие было только моё.

Ранс дёрнулся в сторону, пытаюсь уйти от удара. Он ещё не понял, в какой момент, что изменилось, когда из испуганной жертвы, стоящей на краю перехода, я превратилась во что-то, что его испугало. Отдавал ли он себе в этом отчёт? Большой вопрос. Ответ, на который, строго говоря, меня совершенно не интересовал.

Голоса в моей голове ссорились. Ссорились от души, кто-то пытался меня остановить, кто-то пытался меня подшпорить. А потом они замолчали абсолютно все, давая мне несколько мгновений затишья.

— Хах, — Ранс смотрел на меня со смехом. — Вот оно что! Он не смог захватить Хана, захватил тебя? Ты принесёшь смерть лично тому, кого защищаешь!

— За... чем? — спросила я ровно, снова ощущая, что могу говорить, говорить то, что хочется мне, что интересуется именно меня.

— Чем дороже жертве была рука, пролившая кровь, тем быстрее пройдёт замещение. Менее болезненно, так сказать. Ты красивая девочка, даже жаль.

— Жаль? — спросила я, глядя с недоумением на оружие в собственной руке. Почему оно вибрирует? Почему у меня такое ощущение, что я уже успела напиться его кровью?

— Представляешь, что с тобой сделают после покушения на жизнь наследника? Тебе придётся бежать из дворца, так быстро, как ты никогда не бегала. Тебе придётся кинуться прочь, чтобы тебя сразу же поймали. Здесь никто не придёт тебе на помощь. Даже если тебя будут тащить за волосы по всем переходам, никто не заступит твоим мучителям дорогу. Но ты не бойся, император хороший, он возблагодарит тебя за то, что ты стала его рукой смерти. Он убьёт тебя лично, и это будет очень, очень быстро.

Лично? Меня? Танцующую?

Смешно. Очень...

Но я не тронулась с места.

Ранс рухнул. Кровавый разрез, распахавший его почти на две ровных половинки, остался от меча тяжело дышащего Хана. Живой? Это хорошо.

«Убей его!» — голоса снова змеиным перекатом подняли свои голову, пытаюсь захватить моё тело.

«Убей его!»

«Растерзай!»

«Разорви».

«Он не должен жить».

«Иди».

И вновь последний голос был более правильным, более настоящим. Именно к этому

голосу я была так близко и так далеко.

Раз этот голос хочет, значит, я оставляю в живых этого человека.

Другие голоса бесновались, но я их уже не слышала. Шагнула с переборки, и воздух, дрогнув, взметнулся вокруг моих ног сердитой змеей и выдержал.

Я шла не по своей воле.

Шагнула на балкон императорского дворца. Стража, заметившая меня, кинулась вначале ко мне, а потом с ещё большей скоростью — уже от меня. Скольких они уже видели таких? Полусонных? Себе не принадлежащих? Идущих по этому дворцу так, словно зная все его тайны, а на деле поднимаясь на свой эшафот?

Скольких людей видели стены дворца, идущих к тому, кто стал чем-то куда более страшным, чем даже Царь змей. А может быть, таким бывшим.

Голоса вновь потребовали от меня чего-то, я вновь не услышала, не ощутила. И тогда они накинудись на мою память. Как свора щитомордников, добравшихся до своей жертвы... Раздирая всё на мельчайшие кусочки, чтобы выпотрошить оболочку, чтобы добраться до самого нежного, самого скрываемого.

Но и здесь голоса поджидала неудача. Боль и песчаный покров раннего детства надёжно запечатали доступ им к настоящему. Когда-то об этом позаботился дедушка.

«Чтобы потом кто-то говорил, что дед Ассан о единственном внуке позаботиться не смог?!» — сердился он, нанося на мою спину тончайший узор калёной иглой.

Никому другому не доверил, а я была только и рада.

Обо мне заботились, именно обо мне.

Кто из тех людей, что мне встретился, не внёс своего вклада в то, чтобы я сейчас была здесь? В этом коридорчике, ведущем прямо к императорской спальне?

В сторону от меня метнулась стайка девушек в струящихся шелках, звякнули браслеты. Кажется, я увидела заполошный испуг в знакомых глазах. Здравствуй, Ремес. Ты уже здесь вместе со своим новым хозяином? Я не увидела на тебе клейма, значит, по меньшей мере, ты относительно свободна. Лорд Вессен сдержал своё слово.

Вот только отчего с таким страхом и тревогой ты смотришь сейчас на меня? Не надо. Я в порядке. Иду не своими ногами и не по своей воле, но это ничего не значит. Это никогда ничего не значило. Все мои поступки складывались в цепь, выгодную совсем другим... не людям.

Я не буду обольщаться. В том, что я натворила, и в том, что я сотворила — моей заслуги не больше половины. Всё остальное было чужим влиянием, чужим приказом, чужой охраной.

Ещё шаг, я уже близко!.. Толкнув обе створки императорской спальни, я вошла внутрь и плотно закрыла за собой дверь. Нуо IV, а точнее его очередное тело, какое-то там по счёту, уже умирало.

Он потерял очень много сил, этот страшный не человек. Он так старался...

А потом явилось какое-то чучело, и...

— Откуда ты взялась? — голос императора, звучавший в реальности, был слабым, тихим. Вся его власть лежит в мире, находящемся внутри тел, внутри душ, внутри сознания, верно? Он не похож на наших шаманов. Он нечто совсем-совсем иное.

— Из пустыни, — сообщила я. Моё тело двигалось к императору, как будто я была пленена, полонена, как будто меня заковали в змеиную упряжь и позаботились о том, чтобы я никуда не делась.

— Пустыня... Оттуда, куда мне нет хода. Странная девочка. Зачем ты пришла в этот город? Чтобы полностью оказаться в моей власти?

— Не знаю, — честно призналась я, а потом вспомнила. — Да, знаю. Я не хотела отдавать тебе своего светлого мальчика.

— Ребёнок?

— Конечно, — кивнула я. — Али.

— Мальчик Али. Младший брат Змеинового лорда Хана. Единственный брат.

— Единственный?

— Конечно, раз уж я заберу младшего брата, я и старшего прихвачу, — Император поманил меня к себе. — Иди ещё ближе, Зеоннала. У тебя красивое имя, у тебя красивая внешность. Как ты дожила до своих лет, так и не став ничьей игрушкой? Как ты дожила до того, чтобы тебя нашёл Али?

— Я сама его нашла.

— Ты? Сама?

— Конечно. Ему нужно было туда, куда я могла его проводить... — устроившись рядом с императором на краю его роскошной кровати, я выдохнула. Спокойствие. Только спокойствие. — Скажите, ваше величество, вы сейчас захватите моё тело?

— Конечно. Это не слишком сложно. А мне нужно, чтобы именно ты убила мальчишку. Смерть, принятая из твоих рук, сделает его слабее. А у меня хватит сил, чтобы залечить смертельную рану в сердце. Сердца при этом приходится лишиться, но жить без него даже проще.

Именно в этот момент я осознала кое-что удивительное. Нуо IV мне рассказывал то, что не собирался никому рассказывать. Нет, сам не удивлялся. Он смеялся надо мной, насмешничал, готовя почву для того, чтобы занять моё тело. Пока ему что-то мешало. И нужно было любой ценой разбить вот это спокойствие, меня окружавшее как бы... отдельно от меня?!

— Вы кого-нибудь любили?

— Женщину. Она меня отвергла. Предпочла мне моего советника... В те годы. Он был хорошим человеком, а она хорошей и красивой женщиной. Вот только она человеком не была. До того, как я это узнал, она уже выскользнула из моих рук.

Я не слишком хорошо разбиралась во всех этих делах любовных. Но даже меня хватило на то, чтобы разобраться в том, о ком именно говорил Нуо IV. Он был влюблён в мою маму. В живое олицетворение духа пустыни!

— Вы хотите её вернуть?

— Я это сделаю.

Ни тени сомнений в голосе. Император даже не допускал возможность, что у него что-то не получится.

— Договор закончился, милое дитя. Очередной срок наказания. Раньше боги прислали бы посланника, чтобы продлить наказание для своевольных гордых народов. Или прислали бы войска, чтобы зачистить весь Аррахат. Но прошло слишком много веков, забыли даже богов, когда-то ополчившихся на эту землю... — император замолчал, глядя на меня. — В тебе есть очарование пустыни, Зеоннала. Я слышу в тебе зов песков, шелест песчаных дюн и музыку этого рыжего раскалённого покрывала.

— Я Танцующая...

— Так вот почему! Тогда я тебя тоже не убью. Ты тоже останешься жить. Мне нравятся

красивые вещи, мне нравится, когда они меня окружают...

Вещи? Он посчитал меня за вещь?

Мысли начали гаснуть. Одна за другой...

Пока я слушала императора, он умудрился разрушить все щиты, всё, что защищало моё сознание... Я осталась с самым могущественным владельцем на Аррахате наедине. И это было не то, что можно было вынести.

— Почему? — спросила я, слабея. — Почему богов забыли?

— На смену одним богам пришли другие. Старых забыли. А новые и знать не знали о том, что когда-то случилось в Пустыне смерти.

— Что... что вы будете делать?

— Теперь, когда нет надо мной власти договора? — Нуо IV подумал, ещё немного подумал, потом пожал плечами. — Я принесу в жертву всех жителей пустыни. Каждого. Я залью пустыню Аррахата кровавым потоком. Заставлю женщину, бежавшую от меня, кричать от ужаса и горя. А когда она сдастся, когда она захочет остановить этот кровавый разгул, этот смертельный марш, я потребую её. Я не буду слишком жестоким. Если она будет покладиста, я не буду убивать всех. Оставлю ей немного людишек... Смотри на меня.

Всё? Сейчас он войдёт в моё тело окончательно и потребует убить Али?

Потребует убить моего солнечного мальчика...

Что ж... Мне остаётся только смириться? Я всё равно не смогу ничего сделать, даже если захочу? Кто я... просто дикарка, дочь пустыни и змея, змеиное дитя, и дитя пустыни. Я не человек, но и назвать меня не человеком — нельзя. Я была где-то посередине, так же, как и император.

Улыбнувшись, я шагнула назад.

Император нахмурился.

— Зеоннала?

Он не был тем, кто мог заставить меня покуситься на моего светлого мальчишку. Нет, не он. Никто в мире не заставит меня тронуть ребёнка, заставившего меня вспомнить о том, что я не просто «Зеон», а девушка, у которой тоже есть шансы на счастье, вопреки политике, насаждавшейся в пустыне Аррахата. Вопреки тому, кем я родилась, а скорее даже — благодаря этому.

— Зеоннала... — мягкий голос рождал внутри болезненное влечение, к этому человеку, что меня манил, звал, уговаривал приблизиться. Он показался самым красивым человеком на Раяре. Но... в моём сердце засела чешуйчатая заноза. Не человек, не змея — полузмей, нахальный, чешуйчатый. Украл сердце и сбежал! А кто будет брать на себя ответственность?!

Отступив ещё на шаг, я чуть не упала. Ног не было...

Больше не было! Был хвост. Массивный хвост уже знакомого мне окраса.

Император дёрнулся, а я только сейчас осознала кое-что очень простое.

Я была в ловушке, из которой было невозможно выбраться! Здесь не было вообще ничего, через что можно было выбраться. Не было окон. Не было дверей. Не было даже шкафов, в которых мог бы начинаться ход. Не было потайного люка.

Были только стены, сплошные стены!

Как по велению наших шаманов расходился песок, так по велению императора расходились стены?!

Страх не было. Что ж, никто не говорил, что это будет легко. Никто не говорил, что

мне выдастся возможность сделать нужное и выжить. А сделать нужно было очень просто. В конце концов, я была змеиной погонщицей, разговаривающей со змеями, мне ли не знать мощь, скрывающуюся в змеином хвосте?

Старуха-падальщица возникла перед глазами, словно я вновь стояла на том могильнике, внутри круга из этих созданий. Когда серая хмарь поднималась от земли, обнажая страшных тварей.

И её тихие слова.

«Ты наш единственный шанс. Тебя любит пустыня, она проложит тебе дорогу туда, куда надо и нам. Люди называют этого обманщика своим императором...»

В некотором роде обманщицей была и та старуха. Тридцать циклов — это всего девяносто лет. Они ждали случая много, много больше...

Как долго они ждали этого!

А я... постараюсь сбежать. Хотя бы это... я могу сделать для Али. Не вынуждать его выносить мне смертный приговор, потому что убийцу действующего императора не может пощадить даже следующий император.

Ударив хвостом в стену, я улыбнулась трещинам, разбежавшимся по белоснежному покрову. Император за моей спиной кричал, но я не слушала, я не слышала. Ещё удар, ещё удар!

И появилась трещина. Небольшая, совсем маленькая, щёлочка. Но этого было достаточно.

— Призываю вас, стражи могильных холмов! Передаю вам жертву, вами отмеренную, вами выбранную! Забирайте!

Ноги подкосились, я осела на пол, хватая ртом воздух. Мне было жутко страшно смотреть на то, как узловатые пальцы монстров раздирают трещину настолько, чтобы я могла пройти.

— Беги, — шепнула старая седая падальщица, поднимая меня. — Беги. Пустыня укроет тебя. Ты будешь скрываться целую вечность, но это не слишком дорогая цена за то, что ты сотворила. Беги, Танцующая. И пусть пески укроют твои следы. А о твоём мальчишке теперь позаботятся другие. Беги, беги.

И я побежала.

У меня было всего несколько секунд до того, как на уши станет абсолютно весь дворец. У меня было всего несколько секунд до того, как вспомнят, кто последним входил в место, закрытое ото всех. У меня было всего несколько ударов сердца до того, как сообразят, что император мёртв. Да здравствует император.

Душу жгло пониманием того, что я не попрощалась. Но так было надо... Если я сейчас не окажусь отсюда дальше, как можно дальше, то попрощаться Али не удастся даже с моим трупом.

Вперёд. Вперёд...

Дальше отсюда...

Как можно дальше!

За прошедшее время, пролетевшее пыльным саваном, я успела запомнить все тайные ходы, все до одного, но этого было бы недостаточно.

Криков ещё не было, я отсчитывала накатывающее напряжение собственным телом. Змеи по малейшему сотрясанию песка улавливают чужие шаги, а я ощущала страх и ужас, витающие в воздухе. Тело императора нашли.

Ещё несколько минут... Ещё несколько минут мне нужно, чтобы добраться до тайного выхода из замка, туда, где сейчас должны сходить с ума сторожевые змеи.

Я споткнулась на середине движения, когда впереди, неожиданно и пугающе для себя... я увидела — себя же! Я стояла посреди коридора, в своих восхитительных шелках, только не тонких, а была закутана в них с головы до ног. Но однозначно это была именно я...

А потом застывшая фигурка шевельнулась, и я выдохнула.

— Ремес?!

Девушка, которую я забрала из аула беглых рабов, вопреки собственному же желанию. Девушка, влюбившаяся в лорда Вессена, сейчас стояла в коридоре в точной копии одного из моих шаохе, в котором я уже успела примелькаться при дворе императора.

— Мама сказала, — Ремес тяжело дышала. Она была испугана до невозможности, я видела это в её движениях, в её глазах, я слышала это в её срывающемся дыхании и в её загнанном сердцебиении. Она боялась так сильно, что ей было тяжело стоять, а не только танцевать! Но она была сейчас здесь. — Что ты, что в твоих глазах, в том, как ты танцевала, она видела змеиную грацию. В том, как ты тренировалась с мечами, она видела рваную грацию Танцовщицы, страшного духа из песков. Слова мамы слышал наш шаман. Наш шаман пел с духами три дня и три ночи. И он потом сказал, что если ты доживёшь, что если ты доберёшься до города Тысячи сердец, никто не сможет предсказать, чем всё закончится. Всё будет зависеть от того, кто успеет первым. Кто первым втянет тебя в круговёрт всего страшного... Среди того, что он сказал, был только один вариант, почему-то мне запомнившийся. Самый невозможный. Если ты прибудешь во дворец с ребёнком, то император умрёт, да здравствует император. А ты пришла с ребёнком, — девушка задохнулась и снова затараторила. — Лорд привёз меня во дворец сюда, немного раньше, чем приехала ты. Прекрасная наложница. Я тебя не узнала! Я... Мне было так страшно...

Я молчала. Наруч на правой руке пульсировал, подсказывая, что он — рядом, что оружие, если оно мне понадобится, само прыгнет в мою руку. Но атаковать пока я не спешила, это успеется. Это всегда успеется. Убивать я научилась за эти годы хорошо. Я не научилась оставлять врагам и возможным проблемам жизнь.

— Она рассказала мне.

Ещё одна неожиданность. Для меня сегодня вечер неожиданных появлений? Иначе, как объяснить то, что передо мной из тени коридоров вышел не только лорд Вессен, но и рядом с ним переминался с ноги на ногу огромный детина.

— Не иначе сегодня день встреч, — пробормотала я, созерцая своего «продавца». Астагард. Я назвала его Гард. Мы были на пути к пику Гроз, нам пришлось задержаться всё в том же ауле рабов. И когда утром мы уходили, я уже забрала Ремес, он заступил мне дорогу.

Сказал, что не отдаст мне Ремес, что эта девушка принадлежит ему. На самом деле, девушка ему особенно то и не была нужна. Мы смогли поговорить всего несколько часов. В ночь, перед моей «продажей». Я сидела в ванне с грязью, он сидел рядом.

Прислонившись спиной к грязной стене маленького домика, он тихо рассказывал. Да, он считал, что Ремес — одна из тех, с кем он мог бы создать семью. Если бы сдался. Если бы позволил себе оставить в покое прошлое. Простить убийство всего своего аула. Простить, что на его глазах — молоденького главы аула, вырезали всю его семью.

Обидчик был слишком высоко, но Гард не сдавался. Он был достойным воином, но император Нуо IV был ему не по зубам, как и те, кто выполняли приказ — двое сумасшедших его подчинённых.

— Я отдам свою жизнь, — воин встал передо мной на одно колено, прижав кулак к сердцу. — Я выиграю для вас время.

Он обращался ко мне так, как обращались к песчаным аристократам. Я — проданная живая игрушка таковой не была. Но приняла его уважение, взглянула на лорда Вессена. Глаза Грэсса смеялись. Ну, хоть кто-то с юмором отнёсся к ситуации.

— То-то ты от моей дочери так шарахался... шарахалась, — поправился он, вперив взгляд в чешуйчатые узоры на моих висках. — Но кто бы мог подумать! Дед Ассан, ай, да хитрец, ай, да умник!

— Ты знаешь деда?

— Хорошо знаю, прекрасная Зеоннала. Но если выдастся возможность, мы поговорим позднее, — Вессен отошёл обратно в нишу, где была устроена на скорую руку картина аристократа, решившего развлечься со своей наложницей в необычном месте. Острых ощущений захотелось. — Беги.

«Беги».

«Беги».

Я ощущала за своей спиной десятки рук, меня поддерживающих, меня подталкивающих. Словно всё воедино собралось для того, чтобы я могла стать той самой точкой отсчёта, пугающей, но единственно верной, тем самым барабанным боем, с которого начинается любая песчаная буря.

Шум за спиной смолк очень быстро, но я не обольщалась. Ремес со своим танцем, лорд Вессен и Гард могли мне выиграть всего несколько минут. От силы три-четыре. Если вдуматься, не так уж и мало. Если рассчитать дорогу, бесконечно много! Мне и надо то всего немного. Оказаться как можно дальше отсюда! Ещё дальше и ещё...

Шум впереди заставил меня содрогнуться и прижаться к стене. Вдох, выдох. Шаги? Трое? Нет, там, четверо. Шаги тяжёлые. Это не лёгкое шаохе, это утяжелённая одежда. Металлический звяк? Это броня, утяжелённая стальными пластинами. Стражники.

Что они делают здесь?! Рядом с входом в тоннели к сторожевым змеям? Кто-то проговорился? Нет, у них слишком спокойное дыхание. Они и знать не знают, что убит император. Стандартный наряд?!

Я не услышала ни шороха ткани, ни движения, я настолько погрузилась в наблюдения за четырьмя стражниками, что не уловила вибрацию воздуха от движения ещё одного тела. Всё произошло быстро. Вот я ещё слушаю мир вокруг, а вот уже прижата к стене, и грубая рука зажимает мой рот, чтобы я не вскрикнула и не выдала себя.

А глаза, изучающие меня с яростью, были мне хорошо знакомы. Значит, как ни крути, а хоть в чём-то слухи были правы про этого типа. Женщин он терпеть не может.

— Зеоннала.

И голос какой! Шипящий! Ещё немного, и перейдёт на змеяз. Кстати, минуточку... Не перейдёт! Он же на нём и говорит?! Как так?! Почему?! Он же человек! Стопроцентный человек. И он сам говорил, что... А кто сказал, что он мне говорил правду? Кто сказал, что он с самого начала собирался сказать мне что-то в достаточной степени правдивое?

...Эх. Сколько времени прошло, столько времени разгуливала в шкуре змеиного проводника, а понимать людей так и не научилась. Да не просто понимать, адекватно их воспринимать. Соображать, что происходит, как такое может происходить. И почему.

Личный палач лорда Хана. Здравствуй, Кит, давно не виделись. С того самого дня, когда мы с тобой успешно оборонялись от одного невменяемого типа. Когда ты встретил нас.

Когда ты был нашим союзником и нашим защитником. Но не «моим», нужно правильно расставить акценты. Он пришёл защитить Али, и только. Я была для него лишь дополнительным грузом.

Грузом, который сейчас он очень хотел убить, я читала этого в его глазах.

Это тоже цена? Тоже плата? За что я должна платить?

— Он сказал, чтобы я тебя не тронул, — шипение стало спокойнее, не слишком, но достаточно, чтобы уже насторожившиеся стражники расслабились и снова заговорили о доме удовольствий, куда завезли совершенно очаровательных девочек! Молоденькое мяско, ещё толком не тронутое.

Я видела в глазах Кита, что он очень хочет меня убить. Что то, что я молчу, то, что он не даёт мне говорить, не даёт мне никакого права на снисхождение. Он просто очень хочет меня убить.

Ну, нет, он, конечно, может попытаться. Вот только у меня умирать нет никакого желания. Придётся, конечно, прорываться с боем, теряя минуты, что выиграли для меня другие. Но моё время уходило. К тому моменту, как меня объявят в розыск, к тому моменту, как меня в лицо будет знать каждая змея, а не просто человек, к тому моменту, как плакат с моим лицом окажется в змеином анклав, я должна быть как можно дальше от города Тысячи сердец. Я не знала, куда я пойду, но я не могла оставаться в городе.

Просто потому, что я не хотела, чтобы ребёнок, которому предстояло взойти на трон, которому предстояло стать новым правителем, не просто отдавал приказ о моей поимке, но и лично приводил его в исполнение...

Да. Это тоже было правило, из тех самых, непреложных. Неважно, какие отношения связывали тебя с убийцей твоего предшественника. Даже если ты сам заказал это убийство, если убийцу поймали — убей его. Лично.

Я не хотела такой судьбы для Али. Я не хотела такой судьбы вообще ни для кого. Потому что это было слишком страшно. Слишком горько. Это оставляло оскомину не на языке — на душе. И это было гораздо хуже.

— Думаю, в другой раз мы встретимся всё-таки там, где ты сможешь защищаться. Там, где мы сразимся с тобой на равных. А пока — беги. Я прикрою тебя от живых.

Он?! Прикроет меня от живых?

Что происходит в этом мире?! Весь Аррахат сошёл с ума целиком и полностью?!

— Беги.

Кит отпустил меня и растворился в тенях. Спустя мгновение до меня донёсся глухой удар. Один. Второй. Третий. Четвёртый...

Четыре бездыханных тела (он никого не убил!), мягко опустились на пол земляного коридора.

Итак. Чего здесь жду я?! Той славной минуты, когда что-нибудь ещё успеет меня удивить настолько, что я полностью потеряю дар речи?! Спасибо! Это меня совершенно не радует и не интересует. Я хочу оказаться отсюда, как можно дальше!

Я бегу?!

Да. Я убегаю. Как презренный вор в ночи. И пусть моё воровство куда страшнее, мне нужно оказаться как можно дальше отсюда. Там, где меня не найдут, там где меня никто не достанет.

Сторожевые змеи не отреагировали на моё появление. В любое другое время я бы прихватила с собой змейку. Но в этот раз любая змея — это огромный след, который я не

могу оставить. Мне нужно идти пешком. Мне придётся идти пешком. Минимум еды, минимум воды. И дальше, дальше...

Дальше в пустыню.

Куда-то, куда?..

...Мысль оборвалась. Вздвогнув, я запуталась в неудобных тряпках, подпрыгнула на одной ноге, чтобы не завалиться окончательно, и с удивлением воззрилась на своё шаохе. А чего это я ещё в этих тряпках бегаю?! В них неудобно, холодно, и я только привлекаю внимание!

Мне нужно во что-то переодеться. И кстати, мне не просто нужно во что-то переодеться. Мне нужно найти что-то достаточно удобное и мужское. Потому что свиток превращения при мне. А мужское тело куда удобнее для долгого путешествия.

Время у меня есть, но всё же, я хорошо помню, что после этого свитка знобит. Переоденусь в песках. Значит, пока мне нужно найти только мужскую одежду. О! А ещё я слышу шаги. И даже не позвякивающие. Извини, мужик, не знаю, кто ты, но мне одежда определённо нужнее.

К тому же, под женскими шаохе не замёрзнуть.

А сколько потом воспоминаний для дружеских пьянок будет!

Скользнув в темноту, я вынырнула рядом с каким-то припозднившимся стражником, возвращающимся после хорошего выходного. По крайней мере, брагой от него несло за ползмеиных шагов! Немудрено, что он сунулся в ходы сторожевых змей. Ни одна адекватная змея и близко не подползёт, побоится отравиться. Не человеком, а сочетанием крови и паршивой браги!

С хорошим песчаным вином даже ха-змей человеком закусит с удовольствием. Хотя, лучше вина без человека.

Ладно, что-то мне в голову совсем странное в голову лезет.

Я уже почти у выхода. Заблаговременно разведанные пути отступления — милое дело! Осталось только воспользоваться ими! Любой змеиный проводник хорошо знает, что разведанные пути — это то, без чего невозможно выполнить хорошо свою работу.

А что, что, в плохом выполнении собственной работы меня ещё никто не упрекал. И не упрекнёт! Ещё чего не хватало... Хотя, уже и упрекать по сути некого! Зеон больше не вернётся, а Зеоннала станет пропавшей легендой. Я же, как дед когда-то и предсказывал, стану Танцующей в песках...

Дед, где ты сейчас?! Как никогда мне не хватает твоего спокойствия и твоей подсказки. Как никогда...

Накинув на голову глубокий капюшон, я выскользнула сквозь проход на улицы города и смешалась с редющей толпой. Мне не пройти напрямик, да и не надо. Есть тайные ходы, которые хорошо знают грабители, убийцы и мёртвые.

Мне рассказал про этот ход Рамир. А значит стоит ли удивляться тому, что именно здесь он меня ждал? Спокойный, скрестив на груди руки, рядом с ухоженным ящером и уже в своём призрачном облике.

— Рамир?!

— Они сказали, что ты будешь здесь. Что это единственное место, куда ты отправишься. Поэтому я ждал тебя здесь. Ящера отдал Кит... Поэтому... Отправляемся? Что может быть лучше пустыни, где жаркие пески, где воздух плавится от жары, где всё тихо и только пески укачивают тебя — любимую дочь?

— Только объятия деда, — нашлась я с ответом, подходя ближе. — Ты пригнал мне любимого ящера Кита?!

— Он сам отдал! — похвастал привидение, потом чуть отступил, протягивая мне руку, — я помогу забраться.

— Спасибо, — улыбнулась я, усаживаясь в седло. Рамир парил рядом.

Всё было так просто. Всё было так легко. Ничего не изменилось.

Пески шелестели.

«Погоня! Погоня уже рядом! Беги! Беги! Скорее...»

И я бежала. Под бой песчаных барабанов, под вой разгорающейся песчаной бури ящер мчался на восток, туда, где лежала проклятая земля, туда, где я собиралась встретить деда. Туда, где должен был прозвучать какой-то вопрос, который...

Мысли снова обрывались.

Ящер сноровисто бежал вперёд, а вокруг ластились пески, замечая следы, укутывая нас своей восхитительной пеленой, рассказывая обо всём, что успело уже случиться, и что только должно было случиться.

«Мама».

«Моя дорогая».

«Я так устала».

«Я понимаю», — пески укачивали меня в нежной колыбели, уговаривая, что теперь можно расслабиться, можно так не переживать и не сходить с ума, — «но скоро всё закончится».

«Что там происходит?»

«Уже началась паника. Уже нашли мёртвого императора и провозгласили нового. Церемония ещё не прошла, церемонию только назначили. Хан уже окружил брата огромной командой. Старший брат, который строил активно планы, и северная любовница — уже мертвы. Хан постарался».

Пески шумели, покачивались, тянулись, рассказывая тысячи сказок, тысячи историй.

Хан делал всё, чтобы его брат даже не подозревал о том, что происходит вокруг. Выстроились вокруг него защита человеческая, защита шаманов, защита змеиная. Всё слилось воедино, всё стало простым и понятным. Но вместе с тем, всё стало слишком болезненным.

«Грэсс схватил Ремес в охапку, утащил из императорской столицы и сейчас движется обратно к тому аулу, откуда она родом. А вот Гард не с ними. Он возвращается в тот аул, где твой дед велел ему ждать его. Будет защищать его, как и клялся когда-то».

«А Али?»

«Ему сейчас плохо. Но он понимает, что по-другому быть и не могло. Старуха-могильщица ждала его, сказав, что он имеет право на три желания. Так первым же желанием мальчишка освободил их. Она смеялась так, что начала заикаться. Потом сказала, что вы обязательно встретитесь, но не сразу, тебе сначала нужно в другое место. Место, о котором никто не сможет сказать. Милая...»

«Да?»

«Ведь ты же до сих пор не выбрала?»

«Нет. Я не могу выбрать. Я не могу понять, что происходит, не могу понять, какая я настоящая, какой я должна быть. Танцевать в песках, чтобы развевались шелка, чтобы звучали барабаны или скользить на своём хвосте в глубину пустыни. Просто... Не могу

выбрать».

«Тогда пока не выбирай».

«Мама?»

«Пусть всё идёт, как идёт. Мчись туда, куда тебя зовут барабаны. Мчись туда, куда тебя зовёт будущее».

«Мама...»

Пески шептали, укачивали меня.

Впереди было ещё несколько дней пути...

...Они практически не остались в моей памяти. Только песок, только тихий шелест. Рамир вёл ящера, я больше дремала в седле, пытаюсь справиться с отчаянной болью. Свиток изменений, который я всегда так легко принимала, в этот раз не пожелал стать моей частью. Дикая боль разрывала меня в клочья, куски свитка слезали с меня, отрезая мне возможность притвориться «Зеоном» ещё хоть на какое-то время.

Почему-то я могла быть теперь только собой и больше никем и ничем другим.

К сожалению, бед я уже натворила, поэтому больше корчилась от боли, чем слушала себя, других или кого-то ещё. Чем пыталась что-то понять или кого-то отыскать. Мне было бесконечно плохо, и я таяла в успокаивающих объятиях пустыни.

А ящер уносил нас всё дальше и дальше. Где-то в стороне мелькнул круг забвения, но ловил в этот раз он совсем не нас. Кого-то за нами? Не знаю. Не знала тогда, не могла уловить. В эти дни и минуты я была больше частью бескрайней пустыни. Так было легче переносить боль. Так было легче осознать, что на самом деле — я это я. Да, я всего лишь песчинка в чужих играх и игрищах, но для огромного политического жернова даже такая мелкая пылинка, как я — могла стать и стала хуже камня, сломав всё...

Моё имя. Плавая в мареве, где не было ничего, кроме песка, я никак не могла уловить ритм жизни, никак не могла собраться с мыслью, чтобы понять, что именно мне действительно важно. И важно ли что-то! Что я. Кто я. Как меня зовут?

У меня были янтарные волосы и янтарные глаза, прошлое неприкаянного ребёнка, детство будущей наложницы-смертницы и юношество змеиноного проводника и говорящей со змеями. Я танцевала на песках, говорила со змеями и запросто заходила в гости к королеве песчаных муравьёв. Но где-то между всем этим я совершенно потеряла себя. Даже не так, я и не подумала найти своё место. Словно, с самого начала, когда я пришла к деду с тихим «помогите, мне больше некуда идти», это так и не изменилось.

Мне по-прежнему было некуда идти.

Меня никто не ждал. Были люди, теперь я знала это точно, которые были бы рады меня видеть. И не люди тоже. Но места, того места, о котором я мечтала, того места, которое я искала даже, того места, где я могла быть счастливой, ничего не боясь — не было.

Особенно теперь, когда за мной в скором времени должны были отправить всех убийц Аррахата. Да, на моей стороне всегда будет мама. Я чувствовала, даже когда она занималась другими делами, её поддержку. Её спокойную и оберегающую защиту. Но бегать всю жизнь?

Я уже столько бегала! Я уже так устала. Мне хотелось уюта. Мне хотелось спокойствия. Мне хотелось ощущения того, что я защищена!.. Я ощущала такое только один раз, когда спала в кольцах Тайпана. А сейчас — спит он сам, а я где-то... где-то...

Встряхнувшись, вынырнув из своего болезненного забытья, я тревожно огляделась. Действительно, а где это я?! Что я здесь делаю? И где это «здесь»?

— Рамир?

Привидение, сонно дремлющее у поводьев, встряхнулся и повернулся.

— Зеон! Ты пришла в себя.

— Да, — согласилась я, чуть поморщившись. Мужское имя неожиданно покорило слух. — Где это мы?

И мой мёртвый напарник, уловив это, торопливо поправился:

— Всего пара часов, и скоро покажутся проклятые земли. Неужели, ты их не ощущаешь, Зеоннала?! Я думал, змеиные проводники ощущают эти земли, как и змеи. Своей кожей.

Я задумалась, прислушалась к себе. Неужели, плавая в мареве боли, я потеряла ощущение опасности?! Нет... Не потеряла. Его по-прежнему не было! Но тогда почему проклятые земли ощущает Рамир?!

— Мёртвое — мёртвым, — прошептал неожиданно Рамир. — Держись крепче!

Крепче? У него снова есть тело?

И зачем он так погнался за ящером? Что-то случилось? Что-то может случиться? Что-то, о чём я не знаю?

Я не могла найти ответы на эти вопросы, поэтому крепче обхватила привидение, снова уплывая в марево, где не было боли, где не было громких звуков, где не было странного танцующего ощущения на коже. Такое ощущение у меня было на пике Гроз незадолго до того, как собиралась пролиться на землю небесная влага...

...

Распахнув глаза, я вскинула голову. Небо! Привычное небо моего мира, которое всегда радовало своей чистотой, затягивалось пеленой! Мрачная, тёмно-серая, торжественная, она собиралась в некую массу из разрозненных клочков, соединялась, сплеталась. Словно бы шуршала. Как клубок змей, пока не стала единой плотной массой.

Пески пугливо молчали.

Что?! Что это такое?!

«Мама?!»

«Ш-ш. Дождь. Это называется дождь, моё любимое дитя. Небесная вода проливается сверху».

«Откуда она в пустыне?! В пустыне никогда не было небесной воды!»

«Была. Когда-то. Очень давно. Когда Аррахат не был пустыней. Границы, окружавшие раньше меня стеной, сквозь которую не перейти, не перебраться было, треснули... Это первый гонец, моё дитя... И кто знает, что придёт за ним потом. А пока — поспеши. Ты слишком вымоталась, а дождь лучше переждать там, где тепло. Ты уже очень близко».

Очень близко? Но проклятые земли...

Ящер споткнулся так резко, что я чуть не вылетела из седла. Меня придержало привидение, и очень вовремя. Потому что не будь его — я бы свалилась, руки разжались сами собой. Проклятых земель больше не было.

Было серое спёкшееся поле чего-то крупного, крупнее песка, жирно лоснящегося. Чего-то не очень понятного. Чего-то, что я никогда не видела.

— Скорее! — Рамир, неожиданно схватив меня за руку, снял меня с ящера. — Отпустим его в пески. Пустыня заведёт следы в сторону. Здесь лучше пешком.

— Здесь? — я осторожно попробовала ногой то странное, на что предлагалось встать. Встала твёрдо на две ноги. Под ступнями было что-то непонятное. Не пружинящее, не рассыпающееся, но не твёрдое. Чуть приминающееся. Я ступила ещё шаг и увидела

собственный след.

— Это!

— Они исчезнут, — Рамир, удерживая меня в вертикальном положении, ободряюще улыбнулся. — Это называется «земля». В оазисах, например, она есть.

— Там совсем другое!

— Да, — согласился со мной напарник. — Зеоннала, нет времени, идём. Скорее. Скорее? Идём? Но...

Вялость. Во мне расплывалась вялость. Душная, тяжёлая, подобная смертельному оцепенению. Перед глазами мелькнул алый всплеск гигантской чешуи. Змез коснулся ушей, но не оставил понимания. Зато я резким рывком оказалась на поверхности собственного сознания. Больше не было слабости, больше не было боли и вялости. Было только чёткое понимание того, что только что меня защитили. Защитил тот, кто, как я считала, пропал. Тайпан.

Это не было сном, сны мне сейчас не снились. Это не было бодрствованием. Это было чем-то посередине.

— Зеоннала?

Выпрямившись, я улыбнулась встревоженному напарнику.

— Всё хорошо. Спасибо, что поддержал. А теперь... Я здесь совершенно ничего не ощущаю. Как будто бы мои все чувства выключили. Ты можешь сказать, куда нам надо?

— Конечно, — Рамир осмотрелся, прислушался к себе и твёрдо ткнул в сторону, противоположную той, куда мы прибыли. — Там живые. Не скажу, что много. Человек семь-восемь. Но они есть.

Люди?! Пусть это будут не враги, пожалуйста. Я не хочу больше драться. Ни с кем. Подняв руки, я взглянула на собственные запястья. Подаренные оружия... подаренные мне живые оружия. Они погасли. Их больше не было со мной. Я заплатила чем-то очень дорогим за гибель императора, и до сих пор не знала, как к этому относиться.

До сих пор не знала, что я натворила! И что я должна сделать.

Я мчалась куда-то, не разбирая дороги, чтобы понять, что этого делать, возможно, мне совсем не стоило.

— Зеоннала...

Тихий шёпот деда донёсся до моего уха, и я кинулась вперёд — в его объятия, в его знакомые руки. Рядом были друзья... Хотя бы на какое-то время я была в безопасности.

А потом я спала. Сутки, двое, трое — в пустыне вокруг меня такое происходило! Всё вверх дном стояло! А я — спала.

Али провозгласили императором — я спала.

Грэсс женился на Ремес, выкупленной самим лордом Хрустального предела и освободившего её, — я спала.

Астагард, получивший землю под новый аул, под давлением деда согласился её принять — я спала.

За мгновение встречи с императором лицом к лицу я заплатила страшную цену.

В те редкие минуты, когда я просыпалась, Рамир, неотступно караулящий меня, вливал в меня питательный бульон на змеиных травах и пустынном яде, и я засыпала снова.

В редкие моменты просветления, я пыталась понять, что со мной, что происходит. Но понимание где-то задерживалось и ко мне не спешило.

Пояснил дед. Он успел прийти в тот самый момент, когда я хоть ещё и не бодрствовала,

но и уже не спала.

— Это плата, Зеоннала, — шепнул он, перебирая мои волосы. — Плата за то, что ты сразилась с самым страшным порождением из тех, что были в пустыне и победила.

— Это не я... — пересохшее горло отказалось исторгать хотя бы звук, но дед меня понял.

— Я знаю, кто убил императора, я знаю, что его душа, порванная в клочья, уже больше никогда не сможет возродиться. Но также я хорошо знаю, что не ты первая, кого могильщики просили провести к императору.

— Не первая?

— Конечно же, нет. Не раз и не два могильщики специально прилетали к аулам и городам, чтобы найти очередного человека, у кого это получится. Ты — далеко не первая. Но последняя. Ты та — у кого получилось это сделать.

Я пожала плечами и закрыла глаза. Какая разница? Императора Нуо IV больше нет. На трон взошёл мой светлый ребёнок, а у меня ощущение, что я что-то забыла, что-то упустила из вида.

Соскальзывая в глубины царства без снов, где на границе бдел Тайпан, я задумалась лишь о том, что не отказалась бы вспомнить то, из-за чего ощущаю лишь режущий дискомфорт.

И в который раз я попалась на удочку собственного амулета власти. Стоило вспомнить, насколько буквально он понимает мои отчётливые желания и молчать-молчать-молчать.

Вот только я была в таком состоянии, что вспомнить об особенностях собственного амулета, может, и вспомнила бы, а правильно себя повести — уж очень вряд ли.

Так что, по большому счёту, стоило ли удивляться, когда открыв глаза, я обнаружила, что я снова немного не в реальности.

Это не было чужим сном, это было воспоминанием. При этом, и именно поэтому, полагаю, не смог появиться здесь Тайпан, воспоминание было как раз — моим.

Буря шептала на тысячу змеиных голосов, песок монолитной массой бился в стенки шатра, но завалить шатёр Кармин — королевы песчаных муравьёв, был не в силах.

Это было в то время, когда Кармин уже знала, что я только притворяюсь мужчиной, и поэтому категорически потребовала, что на «их» глаза я появлялась уже в нормальном и адекватном виде.

Именно в ту ночь, пока пески ревели, Кармин, глядя на мой танец, решила, что надо чем-нибудь отплатить. С той ночи при наших встречах она рассказывала мне сказки и легенды.

О том, что слышала за долгие годы своей жизни...

В числе того, что она рассказала в ту первую ночь, я услышала историю о границе.

Кармин устроилась на груде выделанных шкур песчаных баранов, посмотрела на меня не слишком одобрительно — я сидела на своём чешуйчатом шаосе, а она не любила чешую ни в каком её проявлении.

— Что ты знаешь о границе, змеиное дитя?

На тот момент знала я не слишком много, о чём не замедлила сообщить.

Кармин засмеялась, моя честность ей понравилась с первого взгляда. И если бы я не сидела на чешуе, у меня были все шансы потонуть в её объятиях.

В общем, поскольку я хрупкий человек, то я решила, что будет куда лучше, если я буду немного держаться на благополучной дистанции, пока не научится Кармин соизмерять

немного свою силу.

Это было, как показали последующие годы, правильное решение.

— Немного, значит, — пропела она. — Что ж, я расскажу тебе больше. Если ты выйдешь с аула и пойдёшь на юг, и пойдёшь прямо-прямо, никуда не сворачивая, то однажды, через много-много дней, ты подойдёшь к тому же аулу, откуда вышла, только с севера.

— Как?! — ахнула я.

— Если ты пойдёшь в любом направлении, — продолжила смеющаяся королева, — через много-много дней ты выйдешь к тому же месту, откуда ушла, только с противоположной стороны. Поэтому у Аррахата нет границ, поэтому отсюда невозможно сбежать или найти какие-то пути к спасению. В пустыню можно попасть только извне. И только один раз.

— Что это? Почему это?!

— Это граница, это то, чем заперли пустыню, чтобы мы, её жители никуда-никуда не делись. Ведь пустыня — место, где нас бросили умирать...

Я кивнула. Это я знала. Это было первым, что мне рассказал дед, потому что объяснял, почему так важны змеиные проводники, почему во всех аулах, во всех городах не найти никого нужнее, чем проводник.

— Какие интересные у тебя знания! — восхитилась Кармин, — то, что знают все — не знаешь. То, что знают считанные единицы, знаешь.

— Так получилось, — пробормотала я смущённо.

Королева криво усмехнулась, и в её голосе я услышала впервые самую настоящую горечь:

— Если вспомнить, кто взялся за твоё обучение — ничего удивительного.

— Кармин...

— Да?

— А есть кто-то, кто видит эту самую границу? Раз про неё говорят, значит, кто-то её видел?

— Конечно. Люди бывают разные. Есть потерянные дети.

— Потерянные? Как это?

— Это... — Кармин неожиданно беспомощно замолчала, потом отвела взгляд в сторону. — Как ты. Люди, которым нет нигде места. Кто живёт на границе между двумя... Мирами. Как змеиные проводники, говорящие со змеями. Их высоко ценят, но им нет места нигде. В городах им душно, воздуха не хватает. Они руками хватаются за шанс, им выпавший, чтобы остаться в городе, а потом проходит всего несколько недель, и они бегут прочь.

— А пустыня? — не столько оскорблённая, сколько скорее испуганная, я схватилась за самое очевидное, за то — как жила сама. — У нас же есть свои аулы...

— Где от силы несколько человек, — напомнила Кармин. — Я знаю, как вы живёте, Зеон. Знаю, ваш быт. У вас нет личных вещей. Все ваши драгоценности можно бросить в верховые сумки для змеев и отправиться далеко-далеко. Всё, что вам надо — это только ваш талант, ваш дар, а устроиться заново для вас не составляет никакого труда. Нет, это не в укор, просто... Это ваша жизнь, вам нигде нет места. Ни в одном мире. Ни человеческом, ни пустынном. Такие как ты, именно ты — потерянные дети, вы хорошие, но каждый раз, когда вы пытаетесь найти своё место, вы сталкиваетесь с тем, что у вас его нет. И быть не может.

Даже рядом со своим наставником ты не ощущаешь своей принадлежности.

— Значит, я потерянное дитя?

Кармин кивнула.

— Почему-то теперь мне кажется, что не стоило тебе этого говорить, но что сказано, то сказано.

— И потерянные дети могут видеть границу?

— Не только видеть, — начала было королева и резко замолчала, уловив что-то мне недоступное.

После этого любая попытка её вывести на разговор о потерянных детях неизбежно заканчивалась полным провалом.

Чтобы не скрывала Кармин, она собиралась скрывать это до самого конца...

Открыв глаза, я всхлипнула и обнаружила, что снова могу дышать.

Рамир стоял надо мной с клинком в руках. Оборванные полоски материи, которыми меня обматывали, были разрезаны.

Происходило всё же что-то, чему я не могла найти объяснений в словах деда.

Что-то, что было и куда проще и куда сложнее, чем его слова.

— Я сейчас его позову, — Рамир отступил, но протянув руку, я успела схватить его. Ладонь скользнула сквозь его тело, но задержалась на браслете.

— Не надо, Рамир. Не стоит. У меня такое ощущение, что это не поможет. Сейчас пока ничего не поможет.

— Ни... чего?

— Да, — кивнула я, снова взглянула на браслет, за который удерживала мёртвого напарника. И загорелась идеей: — слушай! Раз уж Али нам пришлось покинуть, давай найдём твоё тело?

Привидение взглянул на меня не обрадованно, моё предложение ему не просто не понравилось. Оно его бесконечно испугало.

— Рамир?

Напарник молчал.

Замолчала и я, отдаваясь во власть мягких волн забвения и спокойствия. Если он не хочет говорить, я же не могу его взять и заставить?

Если он хочет что-то скрыть, то я не буду настаивать, я послушаю возмущённый ропот промокшего песка, рассказывающего байки обо всем на свете...

— Я знаю точно, где моё тело. Но обычным людям нет туда хода.

— А кому есть?!

Рамир помолчал. Песчинки за шатром замерли, прислушались и подхваченные ветром помчались прочь, дальше от шатров и дальше.

— Потерянным детям. Слышала о таких?

— Об отверженных слышала. Сама к ним как-никак отношусь. А вот о потерянных детях — никогда, — неожиданно для себя sluкавила я. — Кто они?

— Дети двух миров, не принадлежащие толком ни одному, ни другому, и не сделавшие выбор, когда сделать его надо было.

— Выбор? Зачем делать выбор?

— Невозможно быть и тем, и тем сразу, нужно выбирать что-то одно. Тот, кто не выбирает — умирает.

— Почему?! — неподдельно изумилась я, ощущая, как мысли начал подтачивать

неприятный червячок сомнений. О чём сейчас говорит мой мёртвый напарник? Что именно имеет в виду? О чём таком опасном он говорит?

— Шаманы могут объяснить лучше, но... Представь себе, воду из кувшина льют в чашу. Вода между кувшином и чашей льётся всего несколько биений сердца. Так и Потерянные дети. Как вода, они — меж двух берегов. Нужно выбирать, потому что если этого не сделать, сила уничтожит своего хозяина. И ничего хорошего не получится...

Я не слышала очередную страшилку, обещающую мне, что всё будет плохо-плохо. Я слышала другое, что детям можно пройти туда, где обычным людям делать нечего. Граница.

Рамир сейчас говорил о границе пустыни!!! Там, где был Хан, где белые мухи парили над снегом, превращая в алое крошево каждого, кто осмелится перейти через страшную границу...

— Что ты делал на границе? — резко спросила я.

Надо было спокойнее, плавнее, но всё во мне кричало, что я нашла нужное, что я нашла то самое главное, то важное, что искала!

И теперь нужно было только не свернуть! Только не сворачивать.

Вперёд.

Сила, которую я уже и не чаяла услышать, снова побежала по жилам, заставляя сердце заходиться в отчаянном стуке. Я снова слышала пустыню. Её недовольный рокот. Я слышала каждую песчинку, не только слышала, но и понимала змей.

Их слова, их тревогу.

Я ощущала кожей, что рядом с моим шатром трое воинов, и нет в этом маленьком ауле деда. Песчинки-ябеды подсказали, что охраняют здесь не меня от окружающего мира. Воины здесь для того, чтобы я никуда не делась!

Дед своими какими-то методами понял, что я ещё не сделала выбор, и собирался сделать всё, чтобы я никуда не делась, пока не приму решение, жить мне как человек или змея.

Но чтобы змеиное дитя приемлемыми считало полумеры?! Нет! Нет.

— Рамир?

— Я был вором и убийцей, — усмехнулся мне в лицо мёртвый напарник. — Я был одним из потерянных детей. Я был учеником твоего деда. Он рассказал мне однажды легенду о Сердце пустыни — огромном алом камне, продав который, можно купить себе целый город и ещё на безбедное существование останется. Я решил, что зачем этот камень будет валяться где-то там, в груди костей. Ну, и подумаешь, до меня взять этот камень пробовали сотни людей. Я считал себя лучшим.

— Ты пошёл на границу.

— Конечно. Я пошёл на границу... Я пошёл туда пешком. Это было не слишком далеко от того места, где я жил... Дошёл. Я увидел белый песок... — Рамир замолчал, собираясь с силами, собираясь с храбростью, — костяной песок, мелкий-мелкий. Я увидел души павших, привязанных к границе. Я увидел камень. Сердце пустыни казалось живым и страдающим, я протянул к нему руки, желая помочь.

— И?!

— И умер, — просто сказал Рамир. — Мои кости сейчас так и лежат в костяной долине. Невозможно дать мне возможность отправиться на перерождение, не уничтожив границу, а граница — вечна.

Граница не была вечной, больше не была! Но из всех на Аррахате об этом знала сейчас только я одна.

Можно было найти другого потерянного ребёнка и отправить туда, но зуд во мне уже разгорелся до пожара.

— Отведи меня туда!

— Что?

— Отведи меня к границе! — потребовала я, лихорадочно сверкая глазами.

— Зеоннала. Ты не пройдёшь. На границу пройти может только потерянное дитя.

— А это мои проблемы.

— Моё тело хоронить все равно бесполезно.

— Рамир, просто отведи меня туда.

Но напарник униматься и не подумал:

— Там опасно!

— Это мои проблемы.

— Тебе ничем не поможет... — наткнувшись на мой яростный взгляд Рамир отшатнулся, потом нашёл ещё один довод. — Ты на ногах не стоишь! А там — зыбучие пески.

— Пройду.

Убедить привидение я не смогла, но послушаться ещё больше он не мог — браслет, с каждым мгновением сжимающий его руку всё сильнее, был на моей стороне.

И Рамиру пришлось сдаться:

— Я проведу тебя. Всё равно ничего не получится, мы вернёмся быстрее, чем вернётся твой дед.

Я молчала.

Почему он так уверен в том, что я не смогу? Почему он так уверен в том, что я слабее?! Как же так? Мы уже столько времени вместе... А всё, что Рамир видел — это женщину, в шелках, прекрасную Танцовщицу.

И не более того.

Он не видел во мне змеинового проводника. До сих пор.

Я до сих пор оставалась для него всего лишь той, что сказала так, той, что сказала ну, не совсем неправду, а просто выдала желаемое за действительное!

— Куда нам нужно идти? — спросила я.

Рамир помолчал, потом покачал головой:

— Это билет в один конец. Ты, как и я — не вернёшься обратно.

— Что мне делать, — огрызнулась я, — решу сама. Куда нам?

— В центр Аррахата. Там, где зыбучие пески кольцом непроходимых топей охватывают костяную долину Смерти.

— Отлично. Отправляемся немедленно, — постановила я и... Немного поторопилась, заодно переоценив свои возможности.

Как-то не пришло мне в голову, что после стольких дней на шкурах, я просто не смогу подняться. Что тело, которое долгое время было моим оружием и моим единственным союзником, откажется хотя бы просто двигаться.

— Что это такое вообще? — рассердилась я от души. А потом осознала. Хвост. Там, во дворце, единственным шансом на побег — было стать единой в двух ипостасях. Женщина с змеиным хвостом. У меня хвост был всего несколько мгновений, но этого оказалось

достаточно, чтобы моё обычное тело кричало от боли. И «обычное» ли?!

«Когда поменяешь шкуру, поймёшь».

Может быть, человеческий облик — это и есть моя шкура? И тогда я настоящая, вот такая — двуединая? Но тогда мне не будет места даже в Аррахате. Какая разница тогда? Ощущая, что мир вокруг стал для меня пустым и бессмысленным, я содрогнулась, обняла себя за плечи.

— Зеоннала.

— Извини, — пробормотала я, поднимая на Рамира взгляд.

Потерянные дети. Вот что имела в виду королева. Вот что! Мы можем пойти и туда, и туда — и в одно место, и в другое, но при этом нам нигде нет места. Нигде нас не ждут с распростёртыми объятиями. Нас готовы принять, но при этом — мы всегда чужеродные элементы. Мы всегда выбиваемся из общей толпы. Экзотической внешностью, как я. Опасной внутренней силой, как Хан. Раз он был на границе, значит — он же тоже потерянное дитя! И... вот почему его Хрустальный предел так отличается от других городов. Ему самому нигде не было места. Он просто создал его для себя сам.

Я тоже так могу. У меня есть амулет власти. У меня есть возможность создать вокруг себя аул. Например, там, где я забрала жизни песчаных разбойников. Место осталось вакантным, и вполне можно забрать его себе. Выстроить свой собственный мир, не найти — создать его. Но нужно ли мне это? Ведь в таком мире не будет тех, кого мне хочется в нём видеть. Тех, кого я... люблю.

А значит встать, подняться! У меня нет времени лежать. Мне нужно быть в другом месте. Мне нужно хотя бы попробовать...

— Зеоннала! — Рамир кинулся и поддержал, не давая завалиться. — Пожалуйста, в другой раз.

— Нет. Нет. Не будет другого раза. Нужно отправляться сейчас. Чтобы... чтобы... Сколько туда идти? Где мы сейчас?!

— На окраине проклятых земель. До центра — несколько дней пути на ящере. Или от силы полтора дня на верховой змее. Но змей здесь в ауле единственный и тебе его точно не дадут.

— Дед сказал, чтобы меня не выпускали за периметр, — сердито буркнула я. — Я знаю. Ладно... Придётся... Ах! Тут есть ещё один говорящий со змеями. Он и про это подумал! Даже змею сманить не удастся тайно! Нет, ну, никакого спокойствия. Как в таких условиях прикажете работать?!

— Работать?! — взглянул на меня вопросительно Рамир.

Я косо усмехнулась:

— Если начну думать об этом, как о личном — то... я попробую отказаться. Я всегда отказывалась от чего-то, если это было именно для меня. Лучше обману себя, всего немного.

— Зеоннала. Даже если я помогу, даже если я разберусь с одним или двумя... ребятами из змеиногo братства, ты не справишься с остальными!

— В меня стоит верить иногда хоть немного, — криво усмехнулась я.

Силы возвращались в тело. Медленно, капля по капле, можно даже сказать, что неохотно, но возвращались. Я уже могла стоять сама, без поддержки. Правда, даже думать о том, чтобы взять в руки оружие — не хотелось. Как и безумно не хотелось состязаться с другим говорящим со змеями...

А зачем состязаться?! В конце концов, я знаю, кто я. А вот про него особенно не

слышала. Я ощущаю ток крови в его жилах. Я ощущаю силу, разлитую вокруг него. Но как дед однажды сказал: «Я сделаю тебя лучшим змеиным проводником на Аррахате».

И он выполнил свои слова. Подтвердил их — делом. Да, есть те, кто лучше меня в ряде вопросов, благодаря опыту. Но сейчас, здесь и сейчас, после всего пережитого — лучший змеиный проводник именно я. Не кто-то ещё, а я и никто другой. И я не буду принижать свои способности и возможности только из-за того, что ощущаю себя полумёртвой от накопленной усталости.

К тому же не мне, Танцующей в песках, считать кого-то лучше себя самой.

— Зеоннала...

Рамир сдался. Я услышала в его голосе усталую обречённость и только порадовалась тому, что он не будет мешать, не будет ставить мне препоны. И достаточно терять время. У меня не так уж и много его. А ещё мне нужна верховая змея.

Я не буду ни с кем сражаться. Змея просто приползёт сама к моему шатру. В ней, юной младшей сестре-по-духу, нет свитка подчинения, она свободна. Как и я. Мёртвые наручи от живого оружия я стряхнула с запястий, проследив пустым взглядом, как они втянулись в землю лужицами грязной воды и крови.

Что ж... У меня есть мои старые мечи. Я ощущаю их звон. Ощущаю их нетерпение. Они тоже хотят отправиться со мной в последнее путешествие. Мы начинали вместе. Они были со мной ещё до того, как я познакомилась с Али, до того, как меня затянула в свой водоворот история.

Распахнув руки, я позволила тонким шелкам ночного шаохе расплескаться по телу, закрывая меня. Я даже не буду переодеваться. У меня есть в моей котомке смена, я переоденусь в пустыне. Здесь и сейчас...

Змез сорвался с губ легко и естественно. Я манила змею к себе. Я манила младшую сестру-по-духу ко мне. Забрать меня отсюда и унести далеко-далеко. Туда, где зыбучие пески так хорошо отполируют шкуру. К тому же я знала два отличных местечка, где пасутся песчаные бараны, и на обратном пути обещала змее парное мясо. И немного мяса на пути туда, чтобы было легче двигаться.

Я шептала, рассказывая о том, как прекрасна ночная пустыня. О том, что бояться не стоит. И змея откликнулась. Я ощущала кожей, как и она, что надвигается буря, но именно буря нам сейчас и была нужна.

Именно буря, накатывающая и сметающая всё на своём пути. Поднятый песок должен был укрыть наши следы. Поднятый песчаный шлейф должен был стать нашей защитой и нашим пологом.

Я ощутила где-то едва-едва, как второй говорящий со змеями, попытался перехватить контроль, ощутила и как насмешливо огрызнулась змея. Я была не просто сильнее, я была родной-по-духу. Я была старшей. Ведь я была принята в семью Царя змей. Самой было... Нет, смешно не было. Страшно настолько, что даже дыхание перехватывало.

Как сильно изменилась моя жизнь! Как быстро и как страшно она перешла от совершенно обычного размеренного существования хорошего змеиного проводника к чему-то несоизмеримо большему. Но я по-прежнему оставалась лишь песчинкой в Аррахате.

Рамир смотрел на происходящее удивлённо и терялся в догадках, где всё это скрывалось. Я ощущала его изумление и недоумение как своё собственное и могла его понять. Действительно, сложно было себе представить, что вот такое кроется за непримечательным внешне фасадом... Танцовщицы!

Захохотав от собственных мыслей, я запрыгнула на шкуру змеи, протянула Рамиру руку.

— Конечно, я найду и без тебя. Но всё же лучше идти туда, не знаю куда, с проводником. И хочешь ли ты действительно прервать своё пограничное состояние и стать частью бесконечной силы? Или ты хочешь продолжать жить, как есть? И мы совершим такую поездку немного позднее?

— Когда ты так говоришь... Мне хочется верить, что это возможно. Что ты можешь... пройти туда и увидеть то, что там сокрыто, — Рамир рвано оглянулся за плечо, принял мою руку. — Поверим тебе и твоему обаянию ещё раз, Танцующая Зеоннала.

Змея торжествующе махнула хвостом, я проследила, как разлетаются в разные стороны члены змеиногo братства. Серьёзных ран — ноль. Но пока они соберутся с силами, мы будем уже очень далеко. А там зазвучит буря...

Я слышала молчаливую просьбу всей пустыни не ходить, вернуться. Кому как не маме было знать, что я действительно потерянное дитя, что я пройду к границе.

Но при этом она не просила меня остаться. Она не просила меня вернуться. Она молчала. И в этом молчании я чувствовала отчаянную мольбу, отчаянную тоску...

Но вернуться я не могла. Уже не могла.

Только тёмный хвост змеи мелькнул в накатывающей волне душного пылевого облака. Буря шла вначале по нашим шагам, потом пошла рядом, укутывая своим покровом и размывая мир вокруг. А потом стала нашей частью.

«Это — то немного, что я могу сделать для тебя», — шепнула мне пустыня.

Я улыбнулась. Кому как не маме было понять, чего мне хочется? Она прочитала в моём сердце отчаянное желание — и... выполнила его.

Буря влекла нас туда, где всё могло обрести своё логичное завершение — к Долине смерти. То самое, единственное желание, которое было во мне — это чтобы всё закончилось. Так или иначе, с тем или иным результатом. Но просто закончилось.

Оставив на управлении Рамира и змею, я просто спала, укутанная вихрем песка. Позволив себе ни о чём не думать, я отдалась во власть стихии.

Всю ночь змея летела на крыльях бури, а утром мы уже были на месте.

Рассветные краски рыжей Меды красили серые топи в едва уловимый оттенок янтаря, такой же — как мои волосы. И серо-янтарные поля простирались далеко-далеко, насколько хватало взгляда. У края горизонта они переходили во что-то сияющее, белое, колющее. На что смотреть было больно и страшно.

Змея урчала, увидев уже маленького песчаного барашка, приготовленного для неё.

А Рамир, сняв меня на край зыбучих песков, тихо сказал:

— Дальше только пешком.

Пешком так пешком. И мы пошли.

Пошли оба. Что я, что Рамир. Здесь ему не помогало то, что он мёртвый. Некие силы притягивали его к земле, удерживая его во власти песков так же, как и меня. И боль мы ощущали одинаковую: разве что только от него не оставалась цепочка кровавых следов.

А от меня оставалась.

Острые сколы, спрятанные в зыбучих песках, больно ранили. Вначале это были лишь царапины, затем — ранки, затем уже рваные раны.

Кровь я ощущала, а вот боли — нет.

Кажется, она была, но недостаточная для того, чтобы я в полной мере прочувствовала всё, что она несла в себе.

Рамир молчал. Молчала и я. У нас было столько тем для разговора! Но в этом окружении разговаривать не хотелось.

Было вокруг такое — давящее ощущение, здесь не любили чужаков, особенно живых. Особенно женщин. Особенно таких, как я. Я ощущала зло вокруг, ощущала равнодушие и чужой тупой интерес.

Рамир этого не замечал, видимо, из-за своей природы. Мне же было отчётливо всё равно. На основе слов привидения, на основе того, что я видела в том — чужом сне, я предположила, что увижу и по сторонам особо не смотрела. И всё же — этого было недостаточно. Чужих слов, собственного представления.

Здесь не было ничего особенного. Совершенно.

Была только белая-белая пустынная гладь, тянущаяся ровной поверхностью шуршащих окатышей, костяных осколков, костяной пыли. Когда мы смотрели на это место со стороны зыбучих песков, оно казалось маленьким-маленьким. А когда вошли внутрь — бесконечным.

— Это шаманы... так сделали... — дыхание начало сбиваться уже даже у Рамира, хотя мы ещё не прошли и половину пути. — Надеялись защитить тех, кто живёт в Аррахате. Зеоннала, зачем тебе сюда?

Я молчала. Я не знала сама. Но чем ближе мы подходили к центру, тем чаще я слышала чужие злые слова, чужие голоса, то требующие от меня чего-то, то о чём-то просящие. Рамир их слышал, я видела, как он то и дело вздрагивал. Но для меня, сейчас сосредоточившейся на том, чтобы пройти, слова были чем-то вроде змеяза для не говорящих со змеями. Понятно, что есть звук, есть его источник, но что именно этот самый источник от тебя хочет — большой вопрос.

Рамир мрачнел. Я шла вперёд.

Костяная пыль под ногами становилась всё крупнее, крупнее, крупнее. Скоро стали встречаться кости целиком. А потом я увидела границу.

В царстве белого-белого круга была пустыня. Совершенно обычная пустыня, в воздухе над которой висела сетка белоснежных хлопьев. От них — было холодно. От них так и тянуло отвернуться в сторону.

Вдоль этого маленького круга пустыни были кости. Аккуратно сложенные, косточка к косточке, они смотрели на проходящих мёртвыми глазами.

И тишина. Если мгновением раньше голоса этих павших уже стали настолько громкими, что игнорировать их практически не получалось, здесь царила тишина. Гробовая. Рамир, я видела это краем глаза, открыл было рот и закрыл. Просто подошёл к одной из таких кучек костей и присел рядом с ними на корточки.

Итак. Мы нашли его тело.

Чудненько.

А... я сюда зачем пришла?!

Ну, вижу я эту границу. Количество мёртвых тоже вижу. А где камешек из-за которого тут такой костепад?!

Осмотревшись внимательнее — камешка я не обнаружила. Ну, не было его и всё тут!

Я осмотрелась ещё раз — результат был тот же самый.

— Рамир!

Повернувшись, я не увидела и привидения.

И как это называется, хочу я спросить?!

Круто повернувшись обратно к границе, я вздрогнула. По ту сторону белых хлопьев

стоял уже знакомый мне чело... кстати, а Нуо IV точно человек?!

— Твою душу могильщики всё же не смогли уничтожить до конца, — пробормотала я.

— Мне пришлось оставить часть души разъединённой, — согласился со мной император, глядя на свои пальцы. — Не на такой случай, конечно. Часть души была здесь как страж для сущности пустыни. Чтобы эта божественная идиотка не наделала дел.

— Божественная?! — растерялась я.

Нуо IV усмехнулся.

— Четвертая часть крови богов. Видишь ли, глупая Танцующая детка. Когда-то на Раяре было богов много, много больше. Кто-то пришёл. Кто-то здесь родился. Но один из богов влюбился в смертную. Да, она была одна из рас долгожителей, теоретически бессмертная. Она была могущественна. Но на любые отношения со смертными у богов был запрет. А он его нарушил. И тогда бога и смертную заточили в месте, где они никогда не могли быть вместе, и отобрали у них человеческий облик. Место, где они были запечатаны, не было изолировано от других. Народы могли торговать друг с другом. Ну, подумаешь, были полулюди, полужмеи — что тут такого? Да второй народ получил частички муравьиной сущности. Вроде чувствительных антеннок. Боги не рассчитали, что к этому времени у нарушителей появится ребёнок. Ребёнок-полукровка, с половиной божественной крови. Он умудрился сотворить многое. Распечатал родителей, привёл их внешний вид в порядок. Сам завёл свою семью. И тогда боги атаковали вторично. Бог превратился в змея. Смертная слилась с песчаным муравьём, приобретя черты одинаково отталкивающие и прекрасные. Она была обречена отныне навечно убивать своих детей. Полукровку боги вознесли наверх и убили предательски. Попытались отыскать его дочь, но она уже спряталась. И тогда они запечатали всё и вся, чтобы никто не мог покинуть Аррахата. Никто и никогда. Все должны были здесь умереть. Здесь не хватало еды, воды, здесь не хватало комфортных температур. Но это место поторопились назвать Пустыней смерти. Часть пустыни, его сущность — девка с четвертью крови богов защитила нескольких людей, взлелеяла их. И ждала. Затаившись. Ждала шанса разбить границу. Но у неё это никогда не получалось.

— Потому что ты оставил здесь часть себя. Этот камень, который все видели — это была совсем не сущность пустыни, это был ты. При этом каждый, кто умирал — отдавал тебе свои силы. Усиливал тебя!

— Именно, — обрадовался Нуо IV. — Именно! Всё так и было. А потом появилась ты. Надо было убить тебя ещё в детстве. Но тебя защитили змеи. Змеи, змеи. Нужно было догадаться, что с тобой что-то не так. Но ты не попадала в сферу моего интереса. Нигде. Никогда. Даже когда тебя взял на воспитание мой Змеинный взор, Ассан, он должен был воспитать тебя и отдать мне на прокорм. Как делал до этого десятки раз с другими. Но тебя он сюда не отправил. Он скрыл от тебя информацию об этом месте. Тебя скрывала пустыня. Тебя скрывали змеи. И вот ты — потерянное дитя, вопреки их желанию, здесь. Я могу тебе помочь покинуть это место, тебе одной. Мы выйдем в тот, другой, внешний мир. Конечно, там тоже может быть не сахар, но ты... с твоими умениями и способностями...

— И твоей душой в моём теле, — подсказала я.

Император замолчал.

Ну, он же не думал, что я на эту удочку попадусь? Он душа. Он больше не может покинуть это место. Ему нужно тело. А тело здесь живое только одно. Моё. Сама пришла, никто не звал.

Скорее даже, все пытались препятствовать. Вот только... Зачем я с ним разговариваю?

И ещё кое-что, если я здесь живая. А он здесь мёртвый. А у меня есть клинки. Интересно, убить его я смогу?

— У тебя странный взгляд.

— Ты же успел покопаться в моей душе, — сообщила я задумчиво, двинувшись вокруг круга. Нуо удивлённо на меня посмотрел.

— Ты слышала все голоса?

— Да.

— Ты же не слушалась!

— Был ещё один. Более важный. Он говорил куда более правильные вещи.

— Надо же, — удивился Нуо IV. — А почему он сейчас не с тобой? Этот твой «голос».

— Потому что здесь я должна быть одна. Разобраться одна. Это интереснее. Это правильнее, — вызвав меч, я крутанула его в пальцах, взглянула на белые костяные искры, мелькнувшие по лезвию меча и втянувшиеся в него. — Ты смотри. Кажется, мёртвые решили принять участие в нашем маленьком тет-а-тет разговоре. Сколько ты жил?

— Долго. Достаточно долго, чтобы научиться многому.

Сила рванулась от императора ко мне и разбилась о всполох чешуи. Мы были не в реальности. Мы были там, где могли многое не только мёртвые, но ещё и мои защитники. Я была не одна.

Взглянув на императора с ласковой улыбкой, я сорвалась с места с единственной мыслью. Всё, что мне нужно, всё, чего мне действительно хочется — это убить этого типа. А то, что будет дальше... да пусть хоть пески цветут! Мне всё равно.

Чем-то император первый удар парировал, а потом и второй. Далось ему это нелегко, я впервые увидела гримасу боли на его лице. Но меня это не остановило. Даже если он будет просить пощады, предоставить её ему я не захочу. И не буду. И не стану. Я просто хочу его убить. Просто так. Или не просто так.

Неважно, чьё это желание, как было неважно, чьё желание я осуществила, не дав Нуо IV добраться до Али. Я просто хочу этого вместе с кем-то. Так что я предпочту подумать, что это моё желание, а кто именно к нему готов присоединиться — не слишком весомая разница.

Удар. Удар. Удар.

Не сбавлять скорости, не позволять мечу выскользнуть из рук.

Правда, держать его мне пришлось вначале одной рукой, а потом уже — двумя. Количество мёртвых душ в лезвии прибавлялось. Мёртвые пылали яростью, мёртвые тоже хотели смерти своего обидчика. Тому, кому сначала отдали все свои силы, а потом раскрыли обман.

Я не могла принять их чувства, не могла впустить их в себя. Но могла донести до обидчика.

Если мёртвые же перестанут мне мешать!

Новый удар. И на этот раз я достигла цели, зацепила императора. Пока не сильно. Полоска, из которой показалась серебристая жидкость, осталась на плече и на руке. Но я убедилась, что могу его ранить.

А куда более интересным последствием было то, что часть белых искр перешла на кожу императора, мешая заживлению ран. Чудненько как! Чудненько!

Удар. Ещё один удачный. Опять удар — увернулся. И снова я попала.

Дальше я уже просто не задумывалась. Нуо IV пытался увернуться, пытался сбежать, но

я не обращала на это внимания, просто была. Била. Била.

А потом бить стало нечего... Он рухнул в границу — порождение его богов. Мощная магия, которую он накопил за долгие века сложилась с божественной, и вошла в резкий резонанс.

Сила на силу вначале сложились, а потом началось отторжение. Граница шла волнами, вспучивалась и снова застывала.

До моего уха донеслось перепуганное: «ложись»!

Но выполнить приказ я не могла, хотя и видела, чем мне грозит накатывающая волна — смертью. Не хватало минимального, не хватало усилий с внешней стороны, чтобы уничтожить эту границу раз и навсегда.

Меч стал совершенно неподъёмным. Белые искры облепили мои руки, помогая удержать его наверху. И став начальной движущей силой, я вонзила меч в границу. Белые хлопья ринулись в мою сторону. Белые костяные искры — им навстречу. Я сползала на песок с шальной улыбкой, ничего не замечая и не видя, обкрученная покровом змеиного тела и пустынным шлейфом.

...Что было дальше — не знаю...

Кажется, что-то страшно грохотало, визжало, я слышала крики, вой, слышала, как воздух стонет. Слышала тихое «Спасибо» от Рамира. А потом всё закончилось.

— Встать можешь? — чужая рука маячила прямо перед моим носом.

Схватившись за неё, не глянув, я кивнула, прислушалась к себе и... отрицательно покачала головой. Встать я не могла.

Хвост в знакомой расцветке обкрутился вокруг меня и приподнял. Попробовав устоять, я поняла, что ничего у меня не получается. Подняла глаза на того, кто меня поддерживал.

Я его видела. Я запомнила этот насмешливый взгляд и эту расцветку. Получеловек, полужмей. Я его видела уже однажды таким. Тот самый камень, который я принесла из блуждающего круга. Он позволил Тайпану ненадолго стать таким, какими они уже были — полулюди, полужмеи...

— Привет, — улыбнулся Тайпан, поддерживая меня.

— Привет, — кивнула я, цепляясь за его плечи, хотя хвост сам по себе был уже достаточной поддержкой. — Что ты здесь делаешь?

— Когда стало понятно, к чему идёт дело, меня подбросили на крыльях бури. Ты опередила меня всего на несколько минут. Причём когда ты вошла — уже никто бы не смог войти. Впрочем, я не потерянное дитя. Мне не дано было пройти физически. Пришлось срочно ложиться спать. И защищать тебя...

Я кивнула благодарно. Подняла взгляд и застыла. Вокруг не было пустыни. Не было. Костяной круг был. Но он уже таял, пропадал, исчезал! Стираемый чужой силой. Души павших распадалась гроздьями искр, больше ничем не удерживаемые, больше ни к чему не привязанные.

Вокруг нас — была зелень. Яркая до невозможности, буйная, пышная. Я слышала где-то в стороне зов прохладного ручья.

— Хочешь увидеть? — повернув меня и прижав к себе, обнимая за плечи, шепнул Тайпан. — Всё меняется.

Всё? Меняется?

О чём он говорит?

— Хочу, — согласилась я, недоумевающая.

Тайпан усмехнулся. Широкая ладонь легла на мои глаза, закрывая их. А вместо того, что было перед моим взглядом напрямую, я неожиданно увидела — другие места. Пустыня исчезала, песок заменялся землёй, уже знакомой мне — по оазисам. Землю пробивали ростки деревьев, которые я никогда не видела. Мелкая зелёная трава, масса трав, кустарники. Зелень катилась, катилась, катилась вперёд. Пока не докатилась до того города... до столицы, где сейчас был Али.

И...

Волна изменений затронула купол, но не разбила. Купол изменился. Из гладкого и широкого он получил сложный узор по поверхности купола, где заиграли лучи Меды. Домики остались неизменными, но те места, где были бледные подобию садилов, заиграли ярко-зелёными цветами. А вместе с ними — по всему городу появились хрустальные ручьи, фонтаны и декоративные водопады.

Город заиграл тысячами хрустальных водных красок.

Что-то, чему я не могла отыскать названия, снизошло в город! И он звучал! Словно тысяча хрустальных сердец звучала в куполе, порождая мелодию!

Выдохнув, я открыла глаза, повернулась:

— Так будет везде?!

— Да. Пустыни больше не будет... — Тайпан помолчал, прислушиваясь к чему-то. — Подруга говорит, что парочка твоих знакомцев прибыли в небольшой аул. Отправимся?

— Пешком?!

— Зачем же? — удивился змей. — Это в виде... ущербном мы много чего не могли. А теперь можем куда больше.

— Куда? Больше? Подожди! Да ты меня вообще запутал!!! — возмутилась я и тут же пожаловалась. — Да я вообще ничего не понимаю!

— Границы нет. А значит то, что раньше было «пустыней», вернулось к своему настоящему виду. Полагаю, с потерями, но для начала придётся пообщаться с отцом. Он должен лучше знать, что тут такое происходит. Я сам не очень понимаю.

— А как мы туда попадём... И... подруга?! — я сама не заметила, как в голосе зазвучали ревнивые сердитые нотки.

Змей усмехнулся, но комментировать не стал. Кивнул:

— Свитки — лишь часть наследия того, что раньше умели жители разных народов. Кому-то придётся учиться этому заново, кто-то и не будет. А кто-то хорошо помнит, что было и что можно использовать.

— Помнит?!

— Конечно. Например, можно сделать вот так, — Тайпан нарисовал на земле что-то, потом хлопнул кончиком хвоста по нарисованному. И я обнаружила, что мне в руки упал влажный-влажный платок. — Советую умыться, — по-доброму порекомендовал мужчина. — А потом я перенесу тебя туда, где тебя уже ждут.

— Кто и зачем может меня ждать?! — недоуменно спросила я, выполняя сказанное.

Тело двигалось на автомате, и я никак не могла в достаточной мере собраться с силами и с мыслями, чтобы начать соображать и думать. Ощущение было такое, словно я плыву под водой. И вместо того, чтобы подниматься к поверхности, тону с каждым миготом всё больше и больше.

— Ты ещё не выбрала, — серьёзно заметил мне Тайпан. — Ты ещё — «потерянное дитя». Ты можешь остаться и так, можешь выбрать любую сторону. Но всё же... центр...

бывшей пустыни для этого не самое подходящее место.

— Для начала, — буркнула я сердито. — Мне нужно вымыться. И переодеться. Поесть. Отдохнуть. И поспать!

— Вот теперь я слышу в твоих словах мудрость, — хмыкнул противный змей, подхватывая меня на руки. Нарисовал на земле несколько рун, ударил по ним хвостом в каком-то недоступном мне порядке и... всё пропало.

Вокруг нас опять было совсем другое место.

Судя по обстановке — это была одна из гостиниц под куполами. Судя по истерике вокруг — она была достаточно близко к центру изменений. Потому что люди паниковали и пытались узнать друг у друга, что вообще случилось!

Принять участие в общей истерии мне не довелось. С тихим сдавленным криком мне на шею бросился... Али.

— Зеоннала!!!

Вслед за ним поднялся с места мрачный Хан и сонный-сонный Ен.

— Это не место для подобного разговора, — постановил лорд. И за нами закрылись двойные двери полностью оплаченного лордом зала для встреч.

Когда стало понятно, куда я помчалась, дед передал сообщение именно Али. Какими уж он там методами его доставил — мне не рассказали, но следующие несколько суток (а я пробыла внутри границы далеко не пару минут, как мне казалось, а почти седмицу дней). Ен почти не спал, карауля Али. Али занимался императорскими делами, не зная толком, за что хвататься. В разрухе было очень многое из того, что должно было быть на лучшем уровне. За те несколько дней, что я пробыла в несуществующем месте, он повзрослел на добрый десяток лет.

И сейчас жался ко мне, отчаянно цепляясь за руку. Разбитая граница добавила ему работы, бесконечно много, но вместе с тем, всё обещало стать намного лучше, чем было. К тому же теперь, с разбитым проклятьем с песчаных муравьёв и змей — под его руку переходили оба народа. До обращения в проклятье, народы же были едины!

Обнимая его за плечи, я внимательно слушала, что вообще происходило в мире, пока я где-то болталась. Происходила в основном истерика, паника. Шаманы пытались утихомирить, успокоить людей, говоря, что это благоволение богов, на смену нового императора. Но должно было пройти время, прежде чем эти убеждения дойдут и впитаются, станут частью людей.

— Итак, — взглянув на придремавших мальчишек, спящих на моих плечах, я взглянула на Хана. — Тяжело тебе приходится?

— Пройдёт ещё лет тридцать, прежде чем всё утихомирится в достаточной степени, — пробормотал Хан, залпом выпивая остатки вина в бокале. — Проблема в том, что придётся их урезать в срок куда меньший. Твой дед уже отправился на разведку и уже донёс, что с внешней стороны — война с переменным успехом идёт уже шестой десяток лет. Мы оказались как раз на границе конфликта. Так что, или воевать, или договариваться — сложно сказать. Но деньки впереди не из лучших. Невозможно сказать, чем закончится дело или с чего начнётся. Так что... Доверенные люди не помешают. Ты... останешься с Али?

Я отрицательно покачала головой:

— Да меня любой узнает! Такую приметную...

Хан дёрнулся, досадливо зашипел. Тайпан, сидящий в стороне, взглянул на него с лёгким раздражением, потом снова на меня — уже спокойно-спокойно.

— Чужак никогда тебя не узнает, даже если пройдёт рядом, Зеоннала.

— Почему?! — взглянула я вопросительно на Тайпана (ему я как-то привыкла доверять больше, сама не заметив этого).

Змей вздохнул, снова то, что я уже видела — рисунок хвостом, щелчок по нему и передо мной зависло зеркало.

Та, что смотрела из него, мной не была... Осторожно отстранив мальчишек, они так и не проснулись, я встала. Подошла ближе, глядя не с изумлением — с ужасом.

Не было больше раздражающего цвета янтаря — был белый-белый цвет, цвет костей. Волосы, брови, ресницы — всё было белым. Полагаю, что если бы у меня был хвост, чешуя тоже была бы такого цвета. Цвета костей...

— Я... — схватившись за горло, я увидела, как та, незнакомая, постаревшая за одно мгновение, повторила моё движение.

— Невозможно совершить то, что совершила ты, и не заплатить за это, — сообщил Тайпан, подползая ближе и обнимая меня за плечи, прижал к себе. Я не хотела плакать, но мне было смертельно обидно. Как же так!

Как же так... Мой янтарный цвет...

Мужские руки на моих плечах сжались ещё немного.

— Не переживай так сильно. Я тебя любой любить буду, — шепнул мне Тайпан.

Вскинув на него голову, я вздохнула:

— С такой вот спутницей, как я, ты ни в одном приличном обществе не покажешься.

Змей пожал плечами:

— Значит, я просто изменю мир, чтобы приличное общество такую, как ты, не просто принимало, но и делало это с восхищением и полагающимся тебе уважением.

В слова Тайпана почему-то верилось. Почему-то хотелось верить. А... Какая мне разница, где быть, если он смог переместиться мгновенно на множество змеиных шагов, то получится это и у меня. А значит, какое бы ни было расстояние — мой меч по-прежнему будет готов защищать Али.

Сторона... Я же могу выбирать?

Мне сложно стоять на двух ногах. И песков больше нет, где я бы могла танцевать. У меня больше нет того мира, который я знала и которому никогда не принадлежала.

Другой мир, в котором мне совершенно неожиданно захотелось остаться, поманил меня яркой зеленью и всплеском змеиной чешуи. Значит...

Чуть отступив, я взглянула в глаза Тайпана:

— Обещаешь?

И серьёзно кивнув, он повторил:

— Обещаю. Я всегда буду рядом с тобой. Я буду любить тебя. Любой.

И этого мне оказалось достаточно. Я не видела своего будущего с людьми, вне зависимости от того, как сильно я любила Али, деда. Как сильно бы я хотела танцевать в песках с мамой.

Я видела своё будущее только с этим непостижимым змеем.

Волна изменений прокатилась по телу, вместо ног плеснул белой костяной чешуёй хвост, и, выбрав одну сторону из двух, я свалилась на руки Тайпану. Получеловек, полужмея. История змеиного дитя подошла к концу.

Моя история, история Зеонналы, только начиналась...

На стене висела листовка. Янтарная красавица-девушка смотрела прямо на того, кто останавливал взгляд на листовке. Пересекала её сверху огромная надпись «Живой или мёртвой».

— Ты смотри! — удивился проходящий мимо парень, непосредственно засунувший руки в карманы. Какая-то девушка остановилась, загляделась, смутилась и тут же побежала дальше. — Ты разорился даже на магического живописца?

Второй парень рядом с ним, кутающийся в глубокий плащ, устало пожал плечами:

— Это долг юного императора. Разве ты сам не слышал, что они мне говорили, Ен?

— Слышал, слышал. Но ты выглядишь таким усталым, что я просто не удержался, — засмеялся Ен. — Итак, что мы делаем в этом маленьком городке на противоположной границе от военных действий? Или ты надеешься здесь кого-то встретить, а я и не знаю?

— Если ты намекаешь на мою невесту, то она вместе с отцом, на границе. Пока мы не перешли к активным военным действиям, они там, на случай непредвиденных обстоятельств.

— Она вообще собирается домой?! — удивился Ен.

Али в ответ пожал устало плечами.

— Ты же знаешь, она смотрит своими сверкающими глазами. И отказать ей не получается. Я надеялся, что она остепенится, когда побудет на границе пару лет. Но каждый год, что она проводит вдали от дворца, только заставляет её сверкать сильнее. Она ненавидит эти стены. Этих лордов. Даже с тем учётом, что их стало намного меньше, она готова на всё, чтобы держаться от них подальше. Даже отказаться от меня и нашей любви. И чем больше времени она на границе... тем чаще эта мысль заглядывает ей в голову. И, Ен, у тебя разве не так? Сам-то едва выбрался.

— Едва, — согласился парень с кривой усмешкой. — Но до сих пор не понимаю, почему именно это место. Не какое-то другое. А сюда, на границу с непроходимыми топями Лирандских болот, — Ен потянулся, снова поймал пару чужих взглядов, брезгливо дёрнулся. Чувствительные антеннки качнулись, ловя чужие мысли, но ничего хорошего там не было.

Али, император Аррахата, взглянул на своего друга:

— Я бы предложил тебе прогуляться до болот непосредственно. Но там слишком опасно. Особенно сейчас.

— Особенно?

— Период размножения квертеров.

— Ой, — Ен поморщился. — Не надо про них! Так... Подожди, если сейчас здесь самое опасное время, почему я не вижу отряда наг?!

— Потому что они уже там, — махнул Али головой на леса. — Приходится вырезать каждые три года семьдесят процентов. Оставшиеся тридцать умудряются восстановить свою численность до опасных пределов.

— Подожди! Ты же не...

— Ну, да, — император расплылся в счастливой улыбке. — Сказала, что ей некогда-некогда, так некогда... — договорить он не успел.

Всплеском белой как кости, белой как снег чешуи, из леса, к которому они подошли, неожиданно показалась прекрасная нага и кинулась к подошедшим. Обняла обоих, и хоть

Али и Ен пошатнулись — впервые им удалось выстоять, а не рухнуть на землю.

— Привет! — хором сказали они, переглянулись и засмеялись.

Повернув на мгновение голову и определённо показав кому-то язык, змеиная красotka расплылась в счастливой улыбке:

— Рада вас видеть, мальчишки!

— Зеоннала! Ты не меняешься, — рассердился Ен, потом вздохнул. — Ну, ты хотя бы предупреждала!

— Сюрприз! — пропела нага, отступила, разглядывая. — Ух! Повзрослели, заматерели, красавчики какие стали!

— Ты бы ещё реже выбиралась к нам навстречу, ещё и не такие изменения пропустишь, Зеоннала! — продолжил сердито Ен.

Весело улыбнувшись, нага взъерошила волосы, избежав касания к чувствительным антеннам.

— Али?

— Соскучился, — ответил тот, протягивая руки и снова обнимая нагу. — Безумно. Столько времени уже не виделись.

— Четыре года практически. Но мы во снах же встречались!

— Этого недостаточно! — возмутился парень. — Ты надолго?

— Всего на пару часов. Нашли лёжку, будем зачищать сегодня. Планируем поймать парочку для изучения.

— Тайпан не с тобой? — уточнил Ен.

— Нет, там, — махнула Зеоннала рукой. — Как обычно, он на лезвии атаки. А когда всё заканчивается, следит за тем, чтобы все отдохнули. Что вы его, не знаете что ли? Ну, рассказывайте, как сами! Мои новости вам доносят разведчики, и зачастую о том, что творится на границах здесь, вы знаете лучше меня, даром, что я тут лично — а вы через вторые руки получаете информацию.

Парни переглянулись, нашли место посуше и устроились. Предстояло столько обсудить, столько рассказать!

Время пролетело очень быстро. Расставаясь, и император Аррахата, и генерал Песчаных львов, главного воинства Аррахата, ушли мгновенным перемещением. Зеоннала ненадолго осталась одна.

Чужие руки обняли её за талию. Чужой хвост обвился вокруг её, удерживая на месте.

— Ну? — спросил Тайпан строго. — Насмотрелась? Мы можем возвращаться на границу?

— Нет, — отозвалась я, запрокидывая к нему голову. — Хочу постоять тут ещё немного.

— Надо освободить время, чтобы ты могла с ними увидеться нормально, — пробормотал змей устало, поднимая меня на руки.

— Тай, поставь на место! — возмущённо буркнула я.

— Вот до места доберёмся и поставим, — пообещал мне муж равнодушно.

Вот что за дела?! Никогда он меня толком не слушает. Делает, что хочет, и ещё прикрывается при этом моими интересами! Нет сил моих!

— Нэли? — Тайпан поставил меня на ноги, я осмотрелась. Маленькая полянка, шатёр и озеро. Милое место, отлично подходящее для того, чтобы спокойно отдохнуть. И снова окунуться в такую изменившуюся жизнь.

«Стражи границы». Это про нас.

Аррахат оказался не просто на границе с военным конфликтом! Всё было гораздо хуже. С юга — фанатики. С севера — инквизиторы. С запада они сцепились. А с востока были болота. Проблема была в Аррахате. Став замкнутой системой, особенно с настолько выпученными размерами некоторых созданий, мы влияли невольно на окружение.

В мирном мире, вне Аррахата — мы задели именно восточные, Лирандские болота. Местные твари увеличились в размерах очень значительно. Одни болотные вараны чего стоили. И нам... нагам, пришлось заняться этими ребятами. Потому что только у наг были сразу и магия, и воинские способности, и выносливые тела.

А потом Ену, генералу императора Аррахата, пришло в голову, что хорошо бы нас приберечь и не выпячивать на первый план. Поэтому на границе с военными действиями караулили Песчаные львы.

Люди были на страже с юга и севера. Там, где нас охраняли неприступные горы и глубокая стремительная река, с очень голодными (и тоже искажёнными) плотоядными обитателями.

Хан пробовал разрулить ситуацию дипломатическими способами, но пока особых подвижек у него не было. Несмотря на то, что на его стороне был Змеиный взор Аррахата Ассан — лучший разведчик. Даже сейчас.

Информационная сеть деда могла заткнуть за пояс одновременно и фанатиков, и инквизиторов. Дед говорил, что ближайшие ещё лет десять всё будет тихо, а потом всё или успокоится окончательно, или рухнет лавиной.

— Итак, зачем мы здесь? — уточнила я изумлённо.

— Нормальная еда, нормальный сон. Я не могу позаботиться о своей жене? — изобразил удивление Тайпан.

Я нахмурилась.

— Ты ничего не делаешь без двойного умысла!

— Конечно-конечно,ставляй меня теперь злом!

Сердитая резкая подножка, и вот уже я лежу на траве, глядя на него возмущённо снизу вверх. И вот это чудо мой муж?! Сплошное безобразие!

— И? Рассказывать будешь?

— Не буду, — отозвался Тайпан насмешливо. — И лежи так. Не вставай!

Ну, хорошо. Не вставать...

Закрыв глаза, я позволила себе ненадолго расслабиться. Это были очень выматывающие две недели. Две недели по этим болотам. Две недели комарья. Покусать нас они не могли, но эти с кулак взрослого мужчины создания премерзко жужжали! К концу второй недели я готова была охотиться по всем болотам исключительно на них.

«Устала?»

Мягкий голос коснулся меня, погладил.

Ах, он! Что скрыл!!!

«Извини, что он не сказал, я не знала, получится ли у меня собраться, дотянуться до тебя. Поэтому попросила его молчать».

«Мама...»

Сущность пустыни Аррахата, а вместе с тем — одна из живых свидетельниц страшного проклятья, превратившего прекрасное место в Пустыню смерти, исчезала и таяла. Её время прошло. Мама говорила, что скоро, наверное, переродится. Но во что или в кого — она пока не знала.

«Я скучала по тебе, милое дитя. Ты столько всего успела».

«Очень мало, на самом деле».

«Это тебе так кажется. Со стороны виднее».

Мы помолчали. Столько всего случилось за это время...

«Мама».

«Да?»

«Ты пришла попрощаться?»

«Да, моё догадливое дитя. Эпоха Пустыни смерти закончена. Та, что придёт ей на смену — будет другой. Она будет эпохой людей или трёх народов, эпохой новых богов или эпохой возвращения старых. Кто знает, что будет дальше? Но она будет ВАШЕЙ, вы увидите, как она развивается, вы будете задавать тон и направление. И ты, моё драгоценное дитя, будешь где-то в гуще событий. Жена и правая рука правителя пика Гроз, вольного народа наг. Ты всегда будешь рядом с тем, кто этого заслужил. И ты будешь одной из тех, кто будет строить новую эпоху. Мне же пора отдохнуть».

«Мам...»

«Всё хорошо, ребёнок. Ты же счастлива?»

«Да...»

«Ты нашла своё место?»

«Нет», — я села, взглянула на Тайпана, спокойно дремлющего у воды в ожидании меня. — «Он создал его для меня».

«Ты будешь рядом с ним?»

«Да».

Счастливый смех скользнул вокруг меня, окружил золотистым песчаным покровом и пропал. Ко мне, улыбающейся сквозь слёзы, уже спешил Тайпан.

А в моих ушах ещё звучал голос той, самой первой змеи, проводившей меня в мир, подарившей мне возможность выбора, подарившей мне возможность дойти до того счастливого места, где я сейчас была:

«Ты вскормлена змеиным молоком и змеиным ядом. Когда ты первый раз поменяешь шкуру, ты поймёшь смысл этих слов».

Я была достаточно сильна, чтобы защищать своё место от любых посягательств. Я была достаточно слаба, чтобы позволить защищать себя выбранному мужчине.

Я танцевала для него, убивала за него. Я была рядом, но была под его защитой.

И нежданно-негаданно, то, что началось с пением песчаной бури за стенкой шатра, то, что пришло из прошлого деда, привело меня к настоящему...

Закинув голову к мужу, я обняла его покрепче. Не отпущу. Ни за что. Никогда. Потому что теперь ничто на свете не может разлучить нас.

А что будет впереди... Какая нам разница? Я больше не одна, нас много, и каждый на своём месте. Используем то, что имеем, то, чего не имеем — найдём или создадим. И будем жить так, как того нам и только нам хочется.

Ведь с тихим шорохом чешуи наступает новая эпоха. Эпоха змеиных богов!

Больше книг на сайте - Knigolub.net